

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук
Кафедра философии и методологии науки
Кафедра философии культуры

Академик В. С. Стёпин и исследовательские традиции Минской
философско-методологической школы

Сборник научных статей и материалов Международной научной
конференции памяти академика В. С. Стёпина
и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара
«Инновационные стратегии в современной социальной философии»,
24 ноября 2022 года, г. Минск, Республика Беларусь

Минск
2022

УДК 167/168(06)+101.1:316(06)+130.2(06)
А 381

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 3 от 21.10.2022

Редакционная коллегия:
В. С. Сайганова (отв. ред.), А. И. Зеленков,
И. Н. Колядко, О. В. Новикова

Рецензенты:
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент, директор Института философии Национальной академии наук Беларуси;
А. Н. Данилов, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Академик В. С. Стёпин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы : сборник научных статей и материалов Международной научной конференции памяти академика В. С. Стёпина и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 24 ноября 2022 года, г. Минск, Республика Беларусь / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. философии и методологии науки, Каф. философии культуры ; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 461 с. – Библиогр. в тексте.

Представлены научные статьи и материалы докладов участников Международной научной конференции памяти академика В. С. Стёпина и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», которые состоялись 24 ноября 2022 г. на факультете философии и социальных наук БГУ. Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ СИНТЕЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ

Анохина Виктория Валентиновна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Современная культура столкнулась с многогранными вызовами технологий, радикально изменяющих формы и способы производства знаний. Электронные средства социальной коммуникации, новейшие Интернет-технологии и сетевые медиа сформировали новую коммуникативную среду, в которой информация организуется и функционирует иначе, чем в классической культуре. Наиболее значимым для коммуникативных процессов культуры оказался вызов цифровизации, связанный с коренными преобразованиями в способах производства и аккумуляции не только научных, но и вненаучных знаний, а также их восприятия, оценки и понимания современным человеком. В контексте перехода науки в новую, трансдисциплинарную фазу, с характерными для нее требованиями проблемной ориентации междисциплинарных исследовательских проектов и интеграции с другими формами современного знания, в статье анализируется статус и роль философии как универсальной рефлексии над вызовами и рисками современного культурного развития. Феномен трансдисциплинарности рассматривается в различных интерпретациях, выходящих за рамки его понимания как внутринаучного состояния знания. Описываются основные модусы производства и освоения знаний («Режим 1», «Режим 2», «Режим 3»), обсуждаются новые задачи философии как критической рефлексии над состоянием современной культуры и важного методологического инструмента трансдисциплинарного синтеза ее различных форм.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, междисциплинарность, мультидисциплинарность, модусы трансдисциплинарности, функции философии, синтез знания.

THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE TRANSDISCIPLINARY SYNTHESIS OF MODERN KNOWLEDGE

Anohina Victoria V.,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. Modern culture is faced with the multidimensional challenges of technology, radically changing the forms and methods of knowledge production. Electronic communication

technology and social networking sites have formed a new communicative environment in which information is organized and functions differently than in the classical culture. The most significant for the communicative processes of culture was the challenge of digitalization, associated with fundamental changes in the methods of production and accumulation of not only scientific, but also non-scientific knowledge, as well as their perception, evaluation and understanding by a modern person. The article analyzes how philosophy conducts a universal reflection on the challenges and risks of modern cultural development. Its status is considered in the context of science transition to a new, transdisciplinary phase, which requires the problem orientation of interdisciplinary research projects and the integration of science with other forms of modern knowledge. The phenomenon of transdisciplinarity is being studied in various interpretations that go beyond its understanding as an intrascientific state of knowledge. The main modes of production and assimilation of knowledge (“Mode 1”, “Mode 2”, “Mode 3”) are described. The new tasks of philosophy as a critical reflection on modern culture and an important methodological tool for transdisciplinary synthesis of its various forms are discussed.

Keywords: transdisciplinarity, interdisciplinarity, multidisciplinary, modes of transdisciplinarity, the functions of philosophy, knowledge synthesis.

1. Введение. Для понимания статуса философии в современной культуре, ее роли в трансдисциплинарном синтезе знания следует, прежде всего, обратиться к прояснению фундаментальных особенностей философии как исторически первой формы теоретического мышления, особого типа мировоззрения и способа познания мира, посредством которого вырабатывается система знаний о фундаментальных основаниях и принципах, законах бытия природы, общества, человека. Проясняя сущность философии, прежде всего обращают внимание на ее рациональность. Она стремится объяснить смысл происходящего, постичь внутреннюю, скрытую от чувственного созерцания суть событий. За многообразием предметов и явлений действительности философия пытается обнаружить невидимую, постигаемую лишь разумом сущность, которая выражает общий порядок вещей, устойчивую и закономерную связь явлений, подлинные причины происходящего и основания единства универсума.

Философское познание следует логической необходимости. Она подвергает рационализации складывающиеся в культуре образы мира и человека, ее базовые ценности, мировоззренческие универсалии. Согласно Х. Ортеге-и-Гассету, философии присущи универсализм, поиск целого как такового, парадоксальность и интеллектуальный героизм, стремление утвердить радикальную автономию философского мышления [1, с. 95–108].

Испанский мыслитель отмечал: «Философия – это могучее стремление к прозрачности и упорная тяга к дневному свету. Ее главная цель – вынести на поверхность, обнажить, открыть тайное или сокрытое; в Греции философия сначала называлась *alétheia*, что означает разоблачение, обнажение, раскрытие – короче, проявление. А проявить – значит произнести слово: *logos*. Если мистицизм – молчание, то философия – слово, открытие бытия вещей в полной обнаженности и прозрачности речи, слово о бытии: онтология. В отличие от мистицизма философия стремится быть произнесенной тайной» [1, с. 107].

Называя философию эпохой, схваченной в мысли, Г. В. Ф. Гегель подчеркивал категориально-понятийную структуру философского познания. Язык философии имеет категориальную природу, благодаря системе философских категорий наше мышление способно не только понимать и объяснять происходящее, но и определенным образом группировать и классифицировать объекты действительности. Философские категории выполняют как функцию расчленения образов реальности в соответствии с обоснованной системой признаков, так и осуществляют их синтез в идеальную модель знания, благодаря которой универсум может мыслиться как единое, упорядоченное целое. Роль философии в современной культуре весьма многогранна и определяется выполнением ряда взаимосвязанных функций. Философия является ответом культуры на потребность общества в целостном и рационально обоснованном взгляде на мир, поэтому в качестве основных ее функций принято выделять мировоззренческую, методологическую и социально-критическую.

В XXI веке мировоззренческая функция философии приобретает особое значение, поскольку экологические, демографические, геополитические вызовы и риски, которые стоят перед техногенной цивилизацией, ставят под вопрос дальнейшее существование человечества. Это определяет интерес современной философии к проблеме нравственных регулятивов человеческой жизни, к теме свободы и ответственности человека, поиску аутентичных форм личностного бытия, способов гармонизации отношений с природой, путей решения экологических проблем, мирного сосуществования государств, народов, цивилизаций. Содержание методологической функции философии определяется конкретным историческим контекстом взаимодействия философии и науки, она конкретизируется в ряде взаимосвязанных подфункций: кумулятивной, регулятивно-эвристической, логической. Разработка и обоснование

моделей потенциально возможных стратегий развития научного познания и будущих состояний науки, ее места и роли в системе современной культуры – все это является предметом философско-методологической рефлексии. Социально-критическая функция философии становится особенно актуальной на переломных этапах развития цивилизации, когда становится очевидной несостоятельность модернистских ориентаций на «естественный» ход событий и неуклонно самоосуществляющийся прогресс. Благодаря этой функции философия становится мощным фактором социального развития, способным вдохновлять и направлять людей на сознательное переустройство действительности в соответствии с гуманистическими идеалами, моральными и экологическими ценностями. Благодаря философской рефлексии историчность, динамизм, необратимость общественного развития, конструирование новых форм социальной организации стали фундаментальной характеристикой исторического процесса, начиная с «осевого времени» и по настоящий день.

Эти три группы функций философии перекликаются с ее основными ипостасями, интегрирующими различные образы философии, сложившиеся в разные исторические эпохи: философия как любознательность и образ жизни, как академический проект и вид языковой игры, как рационально-теоретический тип мировоззрения, моральный и политический дискурс, теория и метод революционного преобразования общества. Определяя статус философии как уникального социокультурного и цивилизационного феномена, профессор А. И. Зеленков выделяет три ее ипостаси: 1) «философия в публичном пространстве социума»; 2) философия как форма профессионального академического дискурса; 3) философия как фундаментальный компонент гуманитарного образования, воспитания и социализации личности [2, с. 9]. Подчеркивая их внутреннюю взаимосвязь, он обращает внимание на необходимость сбалансированного развития каждой составляющей философии как сложного, многогранного феномена духовной жизни современных обществ, смыслообразующего основания «интеллектуального капитала любой нации, стремящейся достойно и адекватно отвечать на вызовы XXI столетия» [2, с. 18]. Именно в контексте системного понимания философии в единстве ее основных функций, образов и ипостасей следует обсуждать проблему трансдисциплинарного синтеза знания, в структуре которого философии отводится ключевая роль.

2. *Что такое трансдисциплинарность?* В современной эпистемологии проблема взаимосвязи различных отраслей и дисциплин научного познания, начиная с 70-х годов XX века, рассматривалась сквозь

призму трех модальностей знания: мультидисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность. Различия между ними далеко не всегда четко артикулировались в философско-методологических и эпистемологических исследованиях. Введение термина «трансдисциплинарность» в научный оборот относится к 1970 г., когда в университете Ниццы (Франция) при поддержке Центра развития ОЭСР состоялся Международный семинар по проблемам междисциплинарности в науке и образовании. Данное понятие появилось в развернувшейся между Ж. Пиаже, А. Лихнеровичем и Э. Янчем дискуссии о перспективах междисциплинарных исследований. Оно было призвано отразить появление нового типа научной деятельности, пересекающей дисциплинарные границы.

В своих методологических изысканиях Ж. Пиаже обратил внимание на наличие нескольких уровней концептуализации и структурирования предметной области отдельных наук, усложнение которой неизбежно порождает в каждой дисциплине собственную эпистемологию. Создавая модели объяснения происходящих изменений в исследуемых объектах и определяя их закономерности, наука выделяет особые структуры – преобразования, определяющие системный характер этих объектов. Поиск и определение таких структур приводит ее к необходимости междисциплинарных связей, вне которых невозможно описать системный характер изучаемых процессов. В свою очередь развитие конкретно-научной эпистемологии, потенцируемое усложнением природы исследуемых объектов, с неизбежностью приводит к синтезу эпистемологий соседних наук, поскольку субъект-объектные отношения в междисциплинарном научном познании могут быть идентифицированы только при помощи сравнительного анализа и генетических методов [3, 131–140].

Как видим, в философии науки трансдисциплинарность часто рассматривают как продукт междисциплинарных исследований, выходящий за границы предметных областей взаимодействующих научных дисциплин. Это позволяет выделить три характеристики данного модуса научного знания:

во-первых, в процессе междисциплинарных исследований «осуществляется конструктивный диалог между специалистами разных дисциплин, рождается новое знание, происходят прорывы в понимании мира» [4, 127], что приводит к расширению границ и горизонтов познанного; во-вторых, достижения естественных, либо математических наук находят важное

применение в иных областях знания, как правило способствуя появлению новых технологий; в-третьих, обогащаются когнитивные ресурсы дисциплин за счет переноса различных компонентов знания (метафор, концептов, теорий, методов и т.д.) из одной дисциплины в другую.

3. Как интерпретируется понятие «трансдисциплинарность» в современных философско-методологических исследованиях? В попытках эксплицировать и разграничить значения терминов «мульти-», «меж-» и «трансдисциплинарность» можно зафиксировать два основных направления интерпретации понятия «трансдисциплинарность»: 1) когнитивно-эпистемологическое; 2) социокультурное.

В рамках *первого направления* трансдисциплинарность анализируется исходя из особенностей строения современной науки и перспективных методологических стратегий научного познания, т. е. трансдисциплинарность анализируется как внутринаучный феномен, хотя и более сложный, чем его предшествующие модальности. В предисловии к итоговому документу Международного симпозиума по трансдисциплинарности «Трансдисциплинарность: стимулирование синергизма, интеграция знаний» (1998 г., Валь-д'Уаз, Франция) профессор Йерсу Ким, директор отдела философии и этики ЮНЕСКО, отмечал: «В академическом мире, характеризующемся множеством сегментированных дисциплин, “интеграция” является основным ключевым словом для улучшения понимания. Ни мультидисциплинарность, ни междисциплинарность не соответствуют этому критерию. Мультидисциплинарность, часто полагающаяся на простое сопоставление монодисциплинарных подходов, обычно не достигает единства взглядов. Междисциплинарность, преимущественно основанная на объединении различных точек зрения, уходит своими корнями в фрагментированные дисциплины и, следовательно, упускает из виду согласованность знания, к которой она стремится. Решение глобальных и сложных проблем требует качественного, а не только количественного сдвига. Этот сдвиг, характеризуемый как “интеграция знаний”, является прямым следствием переопределения объекта изучения. Такое переопределение должно осуществляться в рамках фундаментального единства, лежащего в основе всех форм знания. Эта структура составляет теоретическую основу “трансдисциплинарного измерения”. Трансдисциплинарность – это “интеллектуальное пространство”, где может быть исследована и раскрыта природа многообразных связей между отдельными проблемами,

пространство, где проблемы переосмысливаются, пересматриваются альтернативы и выявляются взаимосвязи» [5, с. III–IV].

Исходя из когнитивно-эпистемологического видения, феномен трансдисциплинарности объединяет несколько взаимосвязанных аспектов, характеризующих современное состояние науки как единства знания, познания и форм институциональной организации научно-познавательной деятельности.

Прежде всего, трансдисциплинарность отражает наличие интеграционных процессов внутри науки, связанных со становлением новых направлений и форм организации научных исследований, а также производством интегрированного знания. Как отмечали участники симпозиума, «с концептуальной точки зрения трансдисциплинарность можно рассматривать как теоретическую попытку “превзойти дисциплины” и тем самым противодействовать гиперспециализации – процессу, ведущему к резко растущей фрагментации знаний, – сохраняя при этом преимущества творчества и инициативы, свойственные каждой конкретной области знаний» [5, с. 13].

Суть этой попытки заключается в поиске согласованных методологических подходов к интегративным процессам в современной науке как способу достижения твердых и содержательных интегрированных знаний. Например, цифровизация и связанные с ней технологии поиска информации создают предпосылки для формирования новых методов научного познания, которые основаны на синтезе представленных в онлайн-среде результатов текущих и предыдущих исследований в различных областях науки. Как отмечает канадский эпистемолог Рональд Б. Браун, «этот веб-метод синтеза знаний особенно актуален в современной среде информационных технологий, где исследовательское сообщество имеет легкий доступ к интерактивным онлайн-инструментам и обширному выбору оцифрованной рецензируемой литературы» [6]. Суть данного метода он усматривает в особом подходе к формированию интегративных прорывных теорий, который предполагает инновационный способ «организации, анализа и объединения концепций из смешанного набора количественных и качественных исследований» [6].

Далее, трансдисциплинарность предполагает синтез научных теорий на основе идеализированных конструктов и фундаментальных теоретических схем, выражающих специфику системных объектов нового уровня сложности. Она также требует формирования особых методологических и концептуально-логических средств, метаязыка,

способного интегрировать различные научные дисциплины, новых стандартов рациональности, критериев научности, идеалов и норм научного познания. Природа самой реальности с присущей ей сложностью и глубокой взаимосвязью природных процессов требует преодоления предметно дифференцированных подходов. Трансдисциплинарность призвана углубить понимание существующих научных проблем и способствовать преодолению границ между дисциплинами, как в области научного поиска, так и в социальных формах организации научной работы, включая систему образования, профессиональной социализации и коммуникации ученых.

Наконец, трансдисциплинарность должна рассматриваться как самостоятельный модус современной науки, не редуцируемый к мульти- и междисциплинарности, но и не отменяющий эти модальности научного познания.

Второе направление интерпретации понятия «трансдисциплинарность» предполагает обращение к культуре как многообразию различных форм духовной жизни и познавательной деятельности человека, не сводимых к рациональным и дисциплинарно организованным познавательным практикам. Определяя трансдисциплинарность в более широкой социокультурной перспективе, Басараб Николеску – один из ключевых авторов знаменитой «Хартии трансдисциплинарности» – подчеркивает значение приставки «транс», которая указывает на то, что находится одновременно между различными дисциплинами и за пределами любой из них. Целью трансдисциплинарного подхода является достижение подлинного понимания мира на основе единства знания, которое на онтологическом уровне обусловлено глубинной общностью экзистенциальных проблем человеческого бытия. В структуре этого единства, трансцендирующего за пространственно-временную локальность знания, наука предстает как одна из возможных, но не доминирующих форм культуры. Он полагает, что трансдисциплинарные подходы не антагонистичны, а дополняют мульти- и междисциплинарные исследования. По образному выражению Б. Николеску, «дисциплинарность, мультидисциплинарность, междисциплинарность и трансдисциплинарность подобны четырем стрелам, выпущенным из одного лука знания» [7, с. 7]. Постулируя наличие разных уровней реальности, он отмечает, что в отличие от отдельных дисциплин, изучающих в лучшем случае один и тот же уровень, а чаще – только его фрагмент, трансдисциплинарное знание касается динамики, порожденной действием сразу нескольких измерений реальности. Три столпа

трансдисциплинарности определяют методологию нового типа исследований: 1) уровни реальности, 2) логика включенного среднего и 3) сложность [7, с. 15].

Специфика социокультурной интерпретации феномена «трансдисциплинарность» раскрывается в исследованиях таких ученых, как Б. Николеску, М. Гиббонс, Э. Караяннис, Д. Кэмпбелл, Д. Уотсон, Х. Ицковиц, Р. В. Шольц и др. Сущность трансдисциплинарности символично выразил М. Гиббонс в классической работе «The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies» (1994), предложив для обозначения новой парадигмы развития науки термин «Режим 2».

Согласно его концепции, старая парадигма научных открытий («Режим 1») характеризуется двумя взаимосвязанными характеристиками. Во-первых, это гегемония дисциплинарной науки с присущим ей сильным чувством внутреннего превосходства по отношению к ненаучным формам знания. Во-вторых, специфика «Режима 1» характеризуется иерархией дисциплин, обусловленной следующими формами институционализации науки и образования: 1) автономией ученых различных специальностей, 2) дисциплинарной автономией научных учреждений и 3) факультетской специализацией науки и образования в структуре университетов. Трансдисциплинарность предполагает новую парадигму производства знаний («Режим 2»), которое становится социально распределенным, в большей степени междисциплинарным, практико-ориентированным и подлежащим множественной ответственности.

В условиях коэволюции науки и общества происходит не только контекстуализация знания, но также радикально изменяется роль университетов, национальных научно-исследовательских центров и экспертных сообществ, становящихся частью транснациональных инновационных кластеров и сетей, формирующих новую инновационную экосистему «общества знания», основанную на конвергентных технологиях.

В совместной работе М. Гиббонса с Х. Новотной и П. Скоттом отмечается, что понимание трансдисциплинарности зиждется на четырех концептуальных основаниях: 1) природе общества «Режима 2»; 2) контекстуализации знаний в публичном пространстве морального и политического дискурса (агоре); 3) формировании условий для развития социально устойчивых знаний; 4) появлении социально распределенной экспертизы [8, с. 9–10]. Под влиянием трансдисциплинарного перехода формируется многоуровневая архитектура знания, являющегося

результатом коэволюции науки, других форм культуры и общества. Этот процесс стал основанием для выделения третьего модуля трансдисциплинарности – «Режима 3», означающего переход к новому качеству системы создания, распространения и использования знаний [9, с. 12–27, 32–41].

4. *Какова роль философии в становлении трансдисциплинарного синтеза знаний?* При ответе на этот вопрос внимание прежде всего фокусируется на группе методологических функций философии, благодаря которым философия выступает важным фактором динамики научного знания. На уровне дисциплинарной организации науки (Модус 1) философия принимает непосредственное участие в формировании оснований науки, которые, согласно эпистемологической концепции В. С. Стёпина, «выступают системообразующим фактором научной дисциплины» [10, с. 504], включая в себя дисциплинарную онтологию в лице специальной научной картины мира, дисциплинарные методологические стратегии в совокупности идеалов и норм научного исследования, философские основания науки.

Применительно ко второму модулю функционирования научного познания, роль философии связана с формированием междисциплинарной компоненты оснований науки. В их структуре выделяются: «общенаучная картина мира как особая форма систематизации научных знаний, формирующая целостный образ Вселенной, жизни, общества и человека (дисциплинарные онтологии предстают по отношению к общенаучной картине мира в качестве ее аспекта или фрагмента), а также особый слой содержания идеалов, норм познания и философских оснований науки, в котором выделяются инвариантные характеристики научности, принятые в ту или иную историческую эпоху...» [10, с. 504]. Переход к третьему модулю организации научных исследований, или трансдисциплинарный переход, связан с новым этапом теоретического синтеза знаний, позволяющего науке освоить объекты нового уровня сложности, недоступные в своей системной целостности для дисциплинарных теорий. Благодаря регулятивно-эвристической, логической и кумулятивной функциям философии, в процессе такого синтеза «создается фундаментальная теоретическая схема и формулируются базисные законы теории, проверка их конструктивного смысла осуществляется как построение на основе полученной фундаментальной теоретической схемы всех ассимилированных ею частных теоретических схем» [10, с. 505]. Становление научной парадигмы, осуществляемое при непосредственном участии философии, способствует

изменению стратегий теоретического поиска, поскольку наука совершает экспансию в новые предметные области, а благодаря так называемым «парадигмальным прививкам» осуществляются научные революции. Философия, как показывает В. С. Стёпин, вписывает новые направления развития науки в культуру эпохи, согласовывая ее исследовательские программы с теми интерпретациями мировоззренческих универсалий, которые возникают благодаря философской рефлексии над категориями культуры конкретной эпохи. Трансдисциплинарность соответствует третьему этапу исторической динамики науки, когда вследствие глобальной научной революции «перестраиваются все компоненты оснований науки, происходит изменение типа научной рациональности» [10, с. 508]. Модусу трансдисциплинарности соответствуют новые требования постнеклассического типа научной рациональности, среди которых академик В. С. Стёпин выделяет: 1) расширение поля рефлексии над деятельностью, связанное с необходимостью учитывать «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами» [10, с. 508]; 2) экспликация связей внутринаучных и социальных ценностей посредством гуманитарной и социальной экспертизы научных проектов; 3) доминирующими объектами комплексных меж- и трансдисциплинарных исследований становятся сложные саморазвивающиеся системы; 4) формируются идеалы «открытой» рациональности, связанные с изменением мировоззренческих аппликаций науки. Подобные изменения характеризуются стремлением постнеклассической науки определять стратегии развития техногенной цивилизации, позволяющие достичь решения глобальных проблем, опирающиеся на полилог культур и кросс-культурное взаимодействие Запада и Востока [10, с. 508–509].

Однако трансдисциплинарный синтез знания относится не только к науке, но и к другим формам познания и духовного опыта человечества, что определяет комплексный сдвиг той роли, которую играет философия в культуре поздней современности. Ее мировоззренческие, методологические и социально-критические функции тесно переплетаются друг с другом в осмыслении динамично меняющегося мира, для которого характерна глобализация рисков и возрастающая неопределенность будущего. Философия больше не может рассматривать себя в качестве элитарной формы духовной культуры (наука наук), надстраивающейся над пирамидой научного знания и с высоты «вертолетного мышления» рефлексирующей над мировоззренческими универсалиями культуры в поисках единых

ценностно-символических оснований универсального синтеза знания. Этот синтез не означает возможность создания универсальной картины мира, универсальной идеологии, универсальной ценностной шкалы, что в целом было характерно для философии европейского модерна. Контуры нового синтеза означают формирование сетевой структуры многообразных форм знания, где все они равноценны, а субъект несет персональную ответственность за свое понимание истины. «Открытой» рациональности постнеклассической науки соответствует коммуникативный тип рациональности современной культуры, фундирующий новые формы взаимодействия людей в рамках сетевых экономических, политических, культурных связей, наиболее соответствующих глобальной рискогенности современного мира. Трансдисциплинарный переход требует новой философии, ориентированной на прояснение и обоснование различий как необходимой предпосылки конструктивного диалога и понимания, не только между людьми, представляющими разные социальные общности, страны, цивилизации, но и между человеком и природой, человеком и сложными техническими системами, человечеством как глобальным целым и его космическим окружением. Трансдисциплинарный синтез затрагивает все формы знания и опыта, сложившиеся в культуре.

Так, на основе философского переосмысления постулатов «Хартии трансдисциплинарности» представители российской школы трансдисциплинарности, Л. Киященко и В. Моисеев, предлагают свое видение социокультурной интерпретации данного феномена. Подчеркивая, что «трансдисциплинарность выражает себя как трансцендирующий сдвиг дисциплинарного научного знания в область объемлющего его знания жизненного мира» [11, с. 203], они понимают под трансдисциплинарностью многомерную характеристику интегративного познавательного, ценностного и практически-деятельного опыта «*пере-живания*» мира современным человеком (человечеством).

Трансдисциплинарный синтез знаний, понимаемый как интеграция знаний разного типа в мировоззрении современной личности, предполагает восстановление в своих правах символических оснований культуры, открывающих смысловую глубину бытия, отказ от доминирования академических стандартов философствования, построенных на принципах рациональной категоризации сущего и абстрагирования трансцендентного измерения универсума от целостности духовных переживаний человека. «Разволшебствление» мира посредством его последовательной рационализации и секуляризации, в веберовском смысле слова, привело к

становлению дисциплинарной структуры научного знания, в том числе к разделению и автономизации различных форм познания действительности – философии, религии, искусства. Однако сегодня человечество нуждается в возврате к интегративному опыту переживания трансцендентного на основе нового синтеза знаний. Историк религии Уилфред К. Смит из Гарварда и профессор философии Трентского университета Джон У. Бербидж, обращаясь к анализу современной культуры, обнаруживают, что ее прошлое определяется не столько религиозными традициями, сколько дисциплинированным поиском истины. В монографии «Современная культура в сравнительной перспективе» они исследуют, как античные идеалы объективности и рациональности знания, ставшие стандартом классического философского и научного мышления в новоевропейской культуре «первого» модерна, привели к печальным результатам, разрушили целостность мировосприятия и создали предпосылки отделения опыта переживания трансцендентного от других аспектов человеческой жизни. Религия была вытеснена на периферию современной культуры, подобно тому, как религиозный опыт – на периферию сознания личности, что привело к приватизации и инструментализации религии, ее приспособлению для решения практических социальных задач – морального и политического регулирования поведения людей. В результате сформировался дегуманизированный взгляд на истину как независимое от религиозной веры объективно-предметное знание, а технологии, основанные на таком знании, также оказались дегуманизированными. Согласно выводам У. К. Смита, мы нуждаемся сегодня в том, чтобы заново открыть измерение трансцендентности. Объективность означает больше, чем сведение человека и мира к исчисляемым алгоритмам науки. Трансдисциплинарный синтез знания предполагает личную ответственность за то, что мы принимаем за истину, а также такое понимание человека, для которого ценны все аспекты его существования. Все способы и формы познания мира достойны уважения, изучения и понимания, поскольку только в целокупности они позволяют нам ощутить свою «захваченность» реальностью, которая выходит за рамки ограниченного мира, высвеченного узким лучом дисциплинарно организованных, рационально-дискурсивных практик мышления [12, с. 99–120, 123–125, 135–137].

Такое понимание трансдисциплинарного перехода требует от философии заново определить свой статус и роль в культуре. Парадигма трансдисциплинарности преобразует науку, образование и практику,

объединяя разнообразие академических перспектив с неакадемическим взглядом на реальность людей, заинтересованных в решении социально значимых и неотложных вопросов их повседневного существования. Так, острота современных экологических проблем, связанных с безопасностью и здоровьем людей, степень риска, обусловленная высокой вероятностью неблагоприятного развития событий в случае отсутствия адекватных решений, заставляет различных участников его поиска – ученых, инженеров, менеджеров, бизнесменов, политиков, социальных активистов, местных жителей и волонтеров – тесно взаимодействовать друг с другом, вырабатывая общий взгляд на сложившуюся проблемную (в т.ч. кризисную) ситуацию. При этом не только возникают новые направления науки, но также продуцируется ряд практически эффективных результатов, преобразующих технологии, социальные институты, доминирующие в их рамках ценности и практики. Обращаясь к теме коэволюции науки и общества, Б. Николеску отмечал, что трансдисциплинарное образование, основанное на трансдисциплинарной методологии, призвано устанавливать связи между людьми, фактами, образами, представлениями, областями знаний и практической деятельностью, вовлекать нас в обучение в течение всей жизни и трансформировать в постоянно вопрошающих существ, стремящихся к интеграции. Трансдисциплинарность предполагает как новое видение, так и прожитый опыт. Это способ самотрансформации, ориентированный на познание себя, единство знаний и создание нового искусства жизни в обществе [7, с. 15].

Трансдисциплинарный переход стал ответом на экологические, технологические, социокультурные вызовы времени, в том числе ответом на меняющийся ландшафт знаний в современном обществе. Происходящая трансформация призвана привести современную культуру в соответствие с новыми глобальными угрозами и рисками развития техногенной цивилизации. Согласно исследованиям А. В. Рассел, Ф. Уиксона и А. Л. Кэрю, формирование трансдисциплинарной парадигмы в обществе «Режима 3» обусловлено синергией трех ключевых движущих сил: 1) «экономикой знаний», 2) новым «экологическим императивом», 3) делиберативными формами демократии, или «вовлеченным населением» [13, с. 466–470]. В процессе изменения институты науки сталкиваются с рядом противоречий, в числе которых конфликты между коммодификацией знания и взаимным обучением, привычным инвестированием в линейное производство знаний «Режима 1» и вызовами времени, требующими от науки покинуть свою «башню из слоновой кости» и принять участие в

социально распределенном способе производства знаний, ориентированном не только на практические задачи («Режим 2»), но социальные и гуманитарные ценности.

Список литературы

1. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1991. – 411 с.
2. Зеленков, А. И. Философия как цивилизационный феномен, ее мировоззренческие и образовательные ресурсы / А. И. Зеленков // Socio Time. Социальное время. – 2018. – № 1 (13). – С. 9–19.
3. L'interdisciplinarité: problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités. – Paris: OCDE, 1972. – 334 p.
4. Князева, Е. Н. Эволюционная эпистемология перед лицом междисциплинарных вызовов современной науки / Е. Н. Князева // Философия науки: ежегодник. Выпуск 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 125–144.
5. Transdisciplinarity: stimulating synergies, integrating knowledge / International Symposium on Transdisciplinarity, Val-d'Oise, France, 1998. – VII, 82 p. – Access mode: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114694>. – Access date: 12.11.2022.
6. Brown, R. B. Breakthrough Knowledge Synthesis in the Age of Google / by Ronald B. Brown // Philosophies. 2020; 5(1): 4. – Access mode: <https://doi.org/10.3390/philosophies5010004>. – Access date: 04.03.2020.
7. Nicolescu, B. Towards transdisciplinary education / Basarab Nicolescu // The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. – Vol. 1, nr. 1. – December 2000. – Pp. 5–16.
8. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty / Helga Nowotny, Peter B. Scott, Michael T. Gibbons. – Cambridge, UK: Polity Press, 2001. – 288 p.
9. Carayannis, E. G. Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems: 21st-Century Democracy, Innovation, and Entrepreneurship for Development / E. G. Carayannis, D. F. J. Campbell. – New York; London: Springer, 2012. – 69 p.
10. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – Минск: Беларуская навука, 2021. – 539 с.
11. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев. – М.: ИФ РАН, 2009. – 203 с.
12. Smith, W. C. Modern Culture from a Comparative Perspective / Wilfred Cantwell Smith; edited by John W. Burbidge. – N.Y.: SUNY Press, 1997. – 174 p.

13. Russell, A. W. Transdisciplinarity: Context, contradictions and capacity / A. Wendy Russell, Fern Wickson, Anna L. Carew // *Futures*. Vol. 40, Issue 5. – June 2008. – Pp. 460–472. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2007.10.005>

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УТОПИЗМА НА СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Асабина Татьяна Юрьевна,

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. В данном тексте проводится анализ влияния технологического утопизма и цифровой утопии на сценарии развития современных обществ в условиях геополитической нестабильности. В поле современных прогностических программ цифровая утопия как главный сценарий ожидаемой перспективы развития современного информационного общества представляет собой предполагаемую форму идеального “цифрового будущего” глобальной техногенной цивилизации. Подчеркивается противоречивость такого идеалистического прогноза, что выражается в появлении не только утопических, но и антиутопических ожиданий, как негативной альтернативы современной западноевропейской цивилизации. Отмечен наблюдающийся в современности кризис экспертной аналитики.

Ключевые слова: технологический утопизм, цифровая утопия, диджитопия, социальная инженерия, футурология, социальный прогноз, социальный сценарий будущего.

IMPACT OF TECHNOLOGICAL UTOPISM ON THE DEVELOPMENT SCENARIO OF MODERN SOCIETIES

Asabina Tatyana Yurievna,

Senior Lecturer, Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. This text analyzes the impact of technological utopianism and digital utopia on the scenarios of the development of modern societies in conditions of geopolitical instability. In the field of modern prognostic programs, digital utopia as the main scenario of the expected prospects for the development of the modern information society is an assumed form of an ideal “digital future” of a global technogenic civilization. The inconsistency of such an idealistic forecast is emphasized, which is expressed in the emergence of not only utopian, but also dystopian expectations as a negative alternative to modern Western European civilization. The crisis of expert analytics observed in modern times is noted.

Keywords: technological utopianism, digital utopia, digitopia, social engineering, futurology, social forecast, social scenario of the future.

Современная геополитическая ситуация определяет такое состояние восприятия и умонастроения социума, которое можно описать не просто как нестабильное, но, скорее, как критическое, как драматическое, как пугающее. Разные общественные группы отзываются на эту ситуацию различными, часто альтернативными реакциями: от пассивного «принятия» до панической истерии. Выработавшаяся за последние годы привычка публичного выражения своей личной реакции в виртуальном, цифровом пространстве позволяет ознакомиться со всем спектром циркулирующих в современном обществе форм отражения наличествующей нестабильной ситуации.

Эта нестабильность, спровоцированная фундаментальными геополитическими процессами, изменениями в конфигурации главных мировых геополитических игроков, порождает впечатление «глобальности» у каждого рядового жителя нашей планеты. Чувство тревожности, опасения за дальнейшие пути развития социума показывают осознание тотальности, сопричастности происходящим процессам: уютных комфортных уголков в этом глобализирующемся мире больше нет, и их возникновение в ближайшее время не ожидается. А ежедневная привычка потреблять определенное количество информации, доступность этой информации, отсутствие информационной гигиены провоцирует дальнейшее развитие этой потребности неконтролируемого «информационного потребления», несмотря или благодаря отсутствию критичности и к содержанию информационного поля, и к источникам, из которых эта информация черпается, и к оценкам, которые услужливо предлагаются для более легкого усвоения контекстов.

Понимание тектонических сдвигов в самом глобальном процессе развития человеческой цивилизации провоцирует анализ происходящего, ведет к попытке осмысления этих изменений, даже если субъект и не приходит к четкой формулировке этого запроса. Вопросы тревожат его на неосознаваемом уровне: что происходит в глобальном разрезе нашего существования? К чему мы движемся? Что нас ожидает в дальнейшем? К чему следует стремиться? На что можно опереться в этом движении в будущее?

Все это порождает перманентные всплески футурологической аналитики. В числе перспективных прогностических альтернатив достаточной популярностью пользуются и те, которые содержат рассуждения о будущем утопической или антиутопической направленности. Особо популярности утопическому дискурсу добавляет

некритическое принятие нашими современниками любых, даже самых парадоксальных умозаключений, если они соответствуют нашим ожиданиям, нашим чаяниям, нашим убеждениям.

Самой популярной формой утопии, которую многие современные ученые и философы не брезгают использовать для описания желаемых характеристик будущего социума, можно признать утопию информационного общества, цифрового общества знания и экспертов, технологическую утопию. Технологическая утопия выступает как альтернативный сценарий идеального будущего, построенного на логике развития технологичной западноевропейской цивилизации (самым ярким примером может служить знаменитая разработка американского инженера и футуролога Жака Фреско – «Проект Венера») [1].

Вместе с тем достаточно активно в современном обществе, особенно в массовой культуре, распространяются антиутопические идеи, что находит отражение и в кинематографе, и в изобразительном искусстве, и особенно в сфере цифрового гейминга. Обилие киберпанк-сценариев тотального краха современного общества, связанного с угрозами уничтожения современной планетарной цивилизации заигравшимися геополитическими игроками, часто выплескивается из сценариев виртуальных игр в панические или конформистские настроения, прежде всего, в сфере медиа. СМИ, социальные сети и мессенджеры часто используются для продвижения и поддержания высокого уровня тревожности и некритичности у современного обывателя, используя это для протестных леворадикальных выплесков, наподобие экстравагантных эоактивистов, движения BLM («black lives matter» – с англ. «жизни черных важны») или «культуры отмены», повсеместно наблюдаемых в западноевропейской культуре.

Столкновение этих двух дискурсов утопических прогнозов позволяет диджитопии заиграть особенно привлекательными красками [2]. Критике больше не подвергаются достаточно завышенные ожидания общества относительно обрисованных цифровой утопией перспектив общественного развития – его культурных, бытовых, социальных форм существования – как результата технологического прогресса и тотальной информатизации. Виртуальная реальность, воплощенная не только в идеях, словах, но и в зрительных образах, призвана показать один из самых привлекательных образов будущего, в котором перспективное развитие современной цифровой, информационной цивилизации тесным образом увязана с западноевропейской неолиберальной экономической моделью, с

достижениями европейской техногенной цивилизации, с ее научными и технологическими перспективами.

Вместе с тем, современность постоянно вносит свои коррективы в реальный процесс общественного развития, в котором формы взаимодействия организации и самоорганизации скорее приобретают эффект синергии, нежели подвластны строгой инженерной схеме. Снова и снова можно наблюдать не оправдавшие себя прогнозы, непрогнозируемые результаты, неожиданные следствия предположительно просчитанных решений, что может быть свидетельством или необъективного освещения и подачи информации, или ошибками (если не провалом) современного механизма аналитики и оценок планируемых результатов. Современная футурология колеблется в диапазоне от откровенного утопизма до попыток разработки научнообразных программ действия, выражающих потребность в контроле над социальными процессами и в гарантированных результатах.

От социальной инженерии до откровенного самообмана постправды – современная цифровая утопия отражает, прежде всего, нашу – человеческую – потребность в надежде на лучшее будущее, в гарантии безопасности и комфортности жизни наших детей, в такой перспективе нашего общежития, которая даст возможность нам всем безбоязненно смотреть вперед и быть уверенными, что все лучшее с нами еще случится.

Список литературы

1. The Venus Project // [Electronic resource] Mode of Access: <https://www.thevenusproject.com/>. – Date of Access: 13.11.2022.
2. Медведева, Т. Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskaya-utopiya-i-formy-ee-reprezentatsii-v-sovremennoy-kulture-tehno-progressivizm-transgumanizm--i-tsifrovaya-utopiya> (дата обращения 10.05.2020).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ О ЗАКОНЕ В ФИЛОСОФИИ ЛЕГИЗМА И ТОМАСА ГОББСА

Атливанчик Андрей Петрович,

студент факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Легчилин Анатолий Александрович, канд. филос. наук,

доцент, профессор кафедры философии и культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. Предметом исследования выступает сравнительный анализ учений о законе в социально-политической философии школы легизма и Томаса Гоббса. Рассмотрение данной проблемы ярко прослеживается в таких философских трактатах, как «Правитель области Шан» Шан Яна, «Хань Фэй-цзы» Хань Фэя, «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббса. Сравнительный анализ закона в учении легизма и Т. Гоббса осуществляется с целью выявить различия и схожести по следующим критериям: природа закона, его структура, методы и способы его распространения в государстве, отношения между правителем и законом, роль закона в государстве.

Ключевые слова: легизм, Томас Гоббс, закон, государство, право, наказание, общество.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TEACHINGS OF THE LAW IN THE PHILOSOPHY OF LEGALISM AND THOMAS HOBBS

Atlivanchik Andrey Petrovich,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Research advisor – Legchilin Anatoly Alexandrovich, Cand. of Science, PhD in Philosophy,

Professor of the Department of Philosophy and Culture

Belarusian State University

Abstract. The subject of this article is a comparative analysis of the teachings of the law in the socio-political philosophy of the school of Legalism and Thomas Hobbes. The consideration of this problem can be clearly traced in such philosophical treatises as «The Ruler of the Shang Region» by Shang Yang, «Han Fei-tzu» by Han Fei, «Leviathan, or Matter, Form and Power of the church and Civil state» by Thomas Hobbes. Comparative analysis of the law in the doctrine of legalism and T. Hobbes is carried out in order to identify differences and similarities according to the following criteria: the nature of the law, its structure, methods and

means of its dissemination in the state, the relationship between the ruler and the law, the role of the law in the state.

Keywords: legalism, Thomas Hobbes, law, state, entitlement, punishment, society.

Осуществляя компаративный анализ политических учений легизма и Т. Гоббса, сравним положения закона в их философско-политических учениях. Сразу же можно отметить их кардинальную схожесть в толковании и определении закона. Представители легизма и Т. Гоббс определяют закон как осуществление воли правителя, направленное на упорядочивание социально-политической и экономической жизни общества во благо государства и народа посредством определенных социально-политических механизмов, призванных претворить волю государя к жизни. Кроме того, сравнивая положения закона в их учениях, мы также можем заметить их схожесть по отношению к конечной цели самого закона. И адепты легизма, и Т. Гоббс говорят о том, что главной целью закона является осуществление гармонии и благополучия в государстве и обществе, причем речь идет об истинном благе и счастье, а не об удовлетворении эгоистических своевольных потребностей человека.

Говоря о положении этих учений относительно природы самого закона, можно также проследить некоторые схожие моменты. В обеих философско-политических концепциях закон исходит только от правителя, «в личности короля олицетворяется государство» [1, с. 189], и только он имеет право и возможности претворять закон в жизнь внутри государства. Однако одновременно с этим мы также можем заметить и различия двух концепций относительно закона, поскольку китайские философы полагали, что в основе своего онтологического происхождения стоит само небо, которое и осуществляет закон в поднебесном мире, и высшую форму которого дарует правителю. Поэтому происхождение закона в легизме имеет ярко выраженный метафизический характер. Т. Гоббс же полагал, что в основе закона стоит формальное признание необходимости его исполнения, которое в свою очередь напрямую зависит от рациональных возможностей человека. Следовательно, можно утверждать: закон в учении английского философа имеет природу своего происхождения именно в человеке, но никак не в природе и не в метафизической реальности.

Что касается методов осуществления закона в государстве, стоит отметить сходство в этом аспекте между представителями легизма и Т. Гоббсом, т. к. эти мыслители полагали следующее: закон в их понимании осуществляется в сердце правителя, а затем посредством своей воли он

претворяет закон в сердцах чиновников, на которых ложится обязанность привить этот закон гражданам. Как отмечают представители обоих учений, в большинстве своем это происходит с помощью внедрения страха перед наказанием в сознание народа. «От легистов легисты отличаются тем, что они придают особый акцент именно наказаниям. Легистские законы – это не просто фа (образцы), это син (система телесных наказаний / уголовная система). Человек исправляется и достигает реализации своих желаний через то, что ненавидит. Это наказания. Наказания должны быть по возможности максимальными, а награды минимальными. Поскольку если иначе, люди быстро развратятся, особенно если наказания будут легкими» [2, с. 277].

Именно чиновники, как говорят легисты и Т. Гоббс, несут личную ответственность за осуществление воли государя, представленной в виде закона. При этом они также утверждают, что государь и чиновники должны создать такое социально-политическое пространство, в котором граждане должны будут следить за исполнением закона относительно других граждан. «Но одновременно суверен представляет и всех своих подданных, причем это довольно необычное представительство, поскольку его власть над подданными абсолютна и неограниченна, он способен делать с ними все что угодно. Чтобы уметь наказывать, государство должно быть жестоким и злым: оно с безразличием относится к нуждам и запросам каждого конкретного человека – и потому полезно для всех» [5, с. 373].

Продолжая осуществлять компаративный анализ учения о законе в философии легизма и Т. Гоббса, мы переходим к их сравнению относительно характерных черт и особенностей закона. Так, осуществив данное сравнение, можно выявить схожесть в их учениях в следующих аспектах. Закон в философских учениях легизма и Т. Гоббса не статичен, поскольку, как утверждают представители этих учений, закон – это зеркальное отражение действительности, направленное на разрешение проблем действительности и принесение этим блага народу и государству. По этой причине, и легисты, и Т. Гоббс отмечали изменчивость закона, возможность которой обеспечивается правителем.

Следующей характерной чертой закона как для легистов, так и Т. Гоббса, является претворение закона в сердцах народа с помощью страха перед наказанием, который последует в случае его не исполнения, поскольку представители обоих учений говорят о том, что обуздать эгоистическую волю человека и направить ее во благо государства можно лишь посредством страха перед наказанием.

Также, необходимо отметить, что еще одной характерной чертой закона, свойственной учениям и легистов, и Т. Гоббса, является его всеобщность. «Закон равняет в преступлении всех, не делая различия по богатству и славе; лишь тогда он будет чтим» [4, с. 185]. Таким образом, в рамках этих философско-политических концепций закон распространяется абсолютно на всех граждан государства в равной мере, и каждый гражданин независимо от своего социального статуса несет равную ответственность относительно других граждан перед государством и правителем за исполнение закона.

Следующая характерная черта закона, присущая для обоих учений, представлена в виде его неоспоримости. Ведь и представители легизма, и Т. Гоббс считали, что ни один гражданин не может оспорить решения правителя, хотя и исходили из разных аргументаций. Так, легисты утверждали, что народ не может оспорить решения правителя по той причине, что эту компетенцию ему даровало само небо. Т. Гоббс же утверждал следующее: люди не имеют права оспорить решения суверена, т. к. они в процессе общественного договора передали ему часть естественных прав, которые и предоставляют суверену возможность устанавливать неоспоримые законы, которые по своей сути граждане не имеют права нарушить «Если же какой-либо подданный выступит против самой власти или против государства, то тем самым он нарушает все гражданские законы и должен рассматриваться как нарушивший именно не гражданский, а естественный закон, и наказываться, соответственно, как враг государства, то есть не по праву власти, а по праву войны» [1, с. 341].

Последняя черта закона, присущая политической философии легистов и Т. Гоббса, есть своего рода правильно выстроенная структура закона, которая неподвластна неоднородной интерпретации граждан, т. к. и представители школы законников (в частности Шан Ян и Хань Фэй), и Томас Гоббс утверждали, что закон должен быть максимально понятным для граждан, поскольку в случае несоответствия закона этой характерной черте, люди будут своевольно интерпретировать закон, используя его выгодную трактовку в своих эгоистических целях, что приведет к смуте. «Закон – это то, что записано в книгах и объявляется народу. Искусство управления скрыто глубоко в сердце и используется для того, чтобы сеять недоверие между сановниками, имеющими противоположные мнения, и скрытно управлять всеми ими. Закон должен быть ясен и понятен для всех, а искусство управления вовсе не следует показывать» [3, с. 160]

Завершив компаративный анализ основных черт и атрибутов закона в философии легизма и Т. Гоббса, мы также выявляем их существенные различия, которые выражаются следующим образом. Таким образом, правитель в легизме ограничен сам своим же законом и не может нарушать его ни коем образом, поскольку в философской доктрине легизма закон стоит выше правителя. Для Т. Гоббса же суверен стоит выше закона, потому что суверен является источником всей политической власти, одним из аспектов которого есть закон, т. к. в отличие от легистов закон для Т. Гоббса является не метафизическим принципом, а скорее социальным конструктом, созданным обществом и как правило переданным в руки суверену. Также можно обнаружить еще одно различие относительно закона в учении легистов и Т. Гоббса, которое представлено тем, что для легистов хоть правитель и ограничен законом, но в его власти изменить закон, придав ему абсолютно любую форму и содержание, которой он сам будет подчиняться, а для Т. Гоббса суверен хоть и находится за пределами юрисдикции закона, но он ни коем образом не может сотворить закон, посягающий на право жизни граждан, поскольку в ходе общественного договора люди не передали суверену право на жизнь. Естественному закону противостоит «естественное право» – все те исходные свободы, от которых обществу придется отказаться ради сильного государства. «Единственное исключение составляет право на жизнь, которое человек должен защищать и от посягательств государства тоже» [5, с. 131].

Подводя итог, мы выявляем сущностные схожести положения закона в философско-политическом учении легистов и в социальной философии Томаса Гоббса, при этом обозначая и их существенные различия.

Список литературы

1. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: РИПОЛ классик, 2019. – 624 с.
2. Рыков, С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций / С. Ю. Рыков. – Москва: ИФРАН, 2012. – 312 с.
3. Хань Фэй-цзы. Книга закона и порядка. Советы разумному правителю / Пер. А. И. Иванова. – Москва: Центрполиграф, 2019. – 287 с.
4. Шан Ян. Книга правителя области Шан / Пер. Л. С. Переломова. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 426 с.
5. Ямпольский, М. Б. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М. Б. Ямпольский. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2004. – 800 с.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА В КОНЦЕПЦИИ В.С. СТЁПИНА

Баранкевич Николай Михайлович,

магистрант кафедры «Материаловедение в машиностроении»
Белорусского национального технического университета

Мышкевич Павел Сергеевич,

магистрант кафедры «Материаловедение в машиностроении»
Белорусского национального технического университета

Научный руководитель – Булыго Елена Казимировна, канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры «Философские учения»
Белорусского национального технического университета

Аннотация. В статье рассмотрены важные понятия и проблемы концепции философии мира, человека и взаимодействия человека с миром. Человек выделяет собственное «неорганическое тело» и «неорганическое тело цивилизации», основные виды взаимодействия человека и мира, а именно: созидание. Этот вопрос рассмотрен с точки зрения концепции В.С.Стёпина.

Ключевые слова: философия, человек, мир, цивилизация, разум, становление, созидание, творчество.

PHILOSOPHY OF THE HUMAN LIFE WORLD IN THE CONCEPT OF V.S. STEPIN

Barankevich Nikolai Mikhailovich,

Master student, Department of Materials science in mechanical engineering
Belarusian National Technical University

Myshkevich Pavel Sergeevich,

Master student, Department of Materials science in mechanical engineering
Belarusian National Technical University

Supervisor - Bulygo Elena Kazimirovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophical teachings, Belarusian National Technical University

Abstract. This article discusses the concepts of the philosophy of the world, man and the interaction of man with the world, as its element. A person of his own «inorganic body» and «inorganic body of civilization» singles out, the main types of interaction between a person and the world namely: the creation. This issue is considered in the concept of V.S. Stepin, which illuminate the philosophy of the human world and civilization created by society.

Keywords: philosophy, human, world, civilization, mind, formation, creation, creativity.

В человеческой истории философия является относительно поздним феноменом культуры. Существовало немало культур, в которых не сложились более или менее развитые формы философского знания (Древний Египет, Вавилон и т. п.) [3, с. 88-89]. В этих культурах мировоззренческие универсалии были, а философские категории еще не возникли. Это вполне закономерно, поскольку философия – не единственный способ постижения мира, а существует определенное число форм и способов познавательной активности (мифологический, мистико-медитативный, художественной-образный, научный), заданных особенностями эпохи и ее базовыми ценностями, которые в концепции выдающегося философа – В. С. Стёпина названы универсалиями культуры или мировоззренческими универсалиями [3]. Это фундаментальные жизненные смыслы, позволяющие переводить хаос внешнего воздействия в порядок миропонимания, разрозненные факты и события происходящего с человеком и вокруг него собирать в целостный образ мира, наполняя его для нас смыслом и ценностью и которые «в своем сцеплении и взаимодействии задают обобщенный образ человеческого жизненного мира» [1, с. 61].

«Можно выделить два больших и связанных между собой блока универсалий культуры. К первому блоку относятся категории, которые схватывают наиболее общие, атрибутивные характеристики тех объектов, что включены в нашу деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях: «пространство», «время», «движение», «вещь», «свойство», «отношение», «количество», «качество», «мера», «форма», «содержание», «причинность», «случайность», «необходимость» и т. д. [1, с. 62]. Но кроме них в историческом развитии культуры формируются и функционируют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. Они образуют второй блок универсалий культуры, к которому относятся категории: «человек», «общество», «личность», «сознание», «добро», «зло»,

«красота», «вера», «надежда», «труд», «совесть», «справедливость», «свобода», «страх», «забота» и т. п [3, с. 89].

Для того, чтобы пребывать в мире, описывать его и даже менять, необходимо понимание всех этих важнейших атрибутов объектов действительности в их противоречивом разнообразии, важно понимать самого себя, свои особенности и свойства, отношения к другим и вписывать себя в мозаичную и не всегда рациональную картину реальности. Мир – совокупность всего, что существует. Понятие «мир», которое вплоть до XVIII в. (до Канта) обозначало весь комплекс творения, противостоящий Богу, сегодня обладает двумя основными значениями:

1) совокупность объектов, образующих физический универсум; это материальный мир, объект науки;

2) комплекс человеческих отношений, образующих человечество; это мир в «экзистенциальном» смысле, в его противопоставлении физическому универсуму [4].

Это мир человеческих отношений, который Кант, исходя из гипотезы, что все эти отношения выражают моральную и чисто рациональную интенцию, назвал «интеллигибельным миром» [4]. В философии Хайдеггера понятие «мир» приняло особенный смысл: оно означает «открытость» субъекта свету вообще (который представляет собой как физический свет, так и духовный свет) в его противостоянии темноте «земли» (обозначающей укорененность живого существа в его физической и исторической среде) [4]. Не углубляясь в анализ различных способов описания и интерпретации мира необходимо признать, что человек «двумирен»: есть мир сущего и мир должного, есть Я и есть Другой и т.п. Разрыв между ними может сниматься через обращенность вовне, изменение естественной среды обитания, создание «неорганического тела цивилизации» (Маркс), защищающего и усиливающего нас и нашу телесность, либо через обращенность вовнутрь – через самосовершенствование, концентрацию и различные духовные практики, которые в многообразии представлены в культуре буддистского Востока и др. Направленность нашей активности и задает пределы нашего мира и одновременно способы его описания и изменения.

Можно ли считать достаточным лишь феноменологический подход как описание человеческого мира или же необходимо дать ему более глубокий анализ, выявляя его истоки, а значит и истоки самого человека и человечности в целом? Человек является продуктом эволюции, которую сегодня мы понимаем в космическом масштабе (глобальный

эволюционизм) [3]. Но при этом человек – часть природы, порожден ее и не может быть помыслен вне нее. Это особая часть природы, поскольку в человеке основополагающим выступает активно-деятельностная природа, позволяющая ему менять среду вокруг себя. Все это означает, что человек нуждается в природе, в постоянном взаимодействии с ней, но в отличие от других живых существ, которые приспосабливаются к ее изменениям и вызовам, человек целенаправленно ее изменяет, порождая определенные и необходимые для него объекты, процессы, в последствие будущую основу техногенной цивилизации. «Основой взаимодействия человека с природой является практическая деятельность, в процессе которой он присваивает вещество и энергию природы, преобразуя их в формы, пригодные для своего потребления» [4, с. 19–20].

Итак, первым важнейшим аспектом бытия человека и его отношения к миру, по мнению академика В. С. Стёпина, является формирование и развитие «неорганического тела цивилизации», благодаря которому человек осуществляет свою производственную деятельность и формирует определенные условия своего природного существования. «Две взаимосвязанные компоненты материального существования человека (биологическое тело и «неорганическое тело цивилизации») образуют сложное и противоречивое целое. Они выступают результатом различных линий космической эволюции. Биологическая компонента является продуктом естественной эволюции биосферы, тогда как «неорганическое тело цивилизации» возникает и развивается как искусственно сконструированная деятельностью человека линия эволюции природных объектов. По мере развития возникает дивергенция этих двух линий, что проявляется в современном глобальном экологическом кризисе. Выход из него требует новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить коэволюцию естественно возникающей природной среды и «второй природы», формируемой в процессе производственной деятельности людей» [2, с. 27].

В философской концепции академика В. С. Стёпина жизненный мир человека задан сложной системой универсалий культуры, что отчетливо обнаруживается во всех основных работах философа (как посвященных культуре и цивилизации, так и науке в ее сложном развитии) [2; 3], которые обобщают опыт предшествующих поколений и организуют опыт последующих. Они выражают глубинные жизненные смыслы, благодаря которым мы можем ориентироваться в мире, разделять прекрасное и безобразное, истинное и ложное, темное и светлое. Эти своеобразные

реперные точки играют важнейшую роль как в масштабе социального целого как общего, так и в масштабе отдельной личности как особенного. Хочется лишь надеяться, что те универсалии, которые задают нашу современность, позволят выстроить образ реального будущего, такой образ, который сможет дать нам Дом, безопасный, гармоничный, наполненный смыслом и радостью.

Список литературы

1. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200с. – (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»)
2. Стёпин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Стёпин, – СПб.: СПбГУП, 2011. – (Классика гуманитарной мысли; Вып. 3) – 408 с.
3. Стёпин, В.С. Человеческое познание и культура / В.С. Стёпин, – СПб.: СПбГУП, 2013. – (Избранные лекции Университета; Вып. 147) – 140 с.
4. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://terme.ru/termin/mir.html> – Дата доступа: 18.10.2022.

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ АКАДЕМИКА В.С. СТЕПИНА В ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Барковская Алла Викторовна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Систематический и целенаправленный философско-методологический анализ природы, структуры и функций научной теории относится ко второй половине XX в. С этого времени наблюдается разработка оснований научного поиска, ключевыми элементами которых являются научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования и философские принципы, существенный вклад в разработку которых внес академик В.С. Стёпин. Его идеи стали стартовой площадкой для экспликации механизмов функционирования и развития научной теории. Исследование, проведенное на материале теорий классической и современной физики, показало, что адекватный анализ функционирования и развития теории возможен лишь в контексте целостной системы теоретического знания и социокультурных факторов. В качестве такой системы выступает интертеоретическая среда, структурными элементами которой являются основания научного поиска, методологические принципы физики, стиль мышления и т.д. Функционирование фундаментальной теории в системе ее инфраструктуры и интертеоретической среды характеризуется стабильностью или изменением ее концептуального ядра, что эксплицитно представлено на экстенсивном (расширение поля приложения) и интенсивном (модификация концептуального ядра) этапах ее развития. В методологическом плане обнаруживается сосуществование дисциплинарных и меж-трандисциплинарных методик исследования объектов разной природы – от простых до саморазвивающихся.

Ключевые слова: научная картина мира, фундаментальная теория, интертеоретическая среда, идеалы и нормы научного исследования, философские принципы, трандисциплинарная методология.

RECEPTION OF THE IDEAS OF ACADEMICIAN V.S. STEPIN IN FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Barkovskaja Alla Viktorovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. Systematic and purposeful philosophical and methodological analysis of the nature, structure and functions of scientific theory dates back to the second half of the twentieth century. Since that time, there has been a development of the foundations of scientific search, the key elements of which are the scientific picture of the world, the ideals and norms of scientific research and philosophical principles, a significant contribution to the development of which was made by Academician V.S. Stepin. His ideas became a launching pad for explication of the mechanisms of functioning and development of scientific theory. The research conducted on the material of the theories of classical and modern physics has shown that an adequate analysis of the functioning and development of the theory is possible only in the context of an integral system of theoretical knowledge and socio-cultural factors. Such a system is an intertheoretical environment, the structural elements of which are the foundations of scientific research, methodological principles of physics, style of thinking, etc. The functioning of fundamental theory in the system of its infrastructure and intertheoretical environment is characterized by stability or change of its conceptual core, which is explicitly represented at extensive (expansion of the field of application) and intensive (modification of the conceptual core) stages its development. Methodologically, the coexistence of disciplinary and inter-transdisciplinary methods for studying objects of different nature is revealed - from simple to self-developing.

Keywords: Scientific picture of the world, fundamental theory, intertheoretical environment, ideals and norms of scientific research, philosophical principles, transdisciplinary methodology.

XX в., примерно с рубежа 60-70-х годов, ознаменовался акцентуацией внимания на проблемах логики и методологии науки, вызвав к жизни целый ряд проектов и дискуссионных альтернатив Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Полани, И. Лакатоса, Дж. Холтона и др. Активность в этом пространстве проявили и отечественные исследователи – Б. С. Грязнов, А.А. Печенкин, В.А. Смирнов, В.С. Стёпин и многие, многие другие. Всех их, независимо от мировоззренческих установок и идейных платформ, объединял интерес к философии науки во всех аспектах ее репрезентации. Они исследовали природу и динамику научного знания и представляли собой его апологию.

Панорама философии науки чрезвычайно широка, вследствие этого ограничимся конкретным анализом процессов природы, структуры и генезиса научной теории, поскольку здесь сосредотачивается большинство методологических запросов современного научного знания. «В сущности, как сказал М. Полани, всякую теорию можно представить, как своеобразную карту, протяженную в пространстве и времени», она «вбирает

в себя набор определенных правил, позволяющих найти путь на местности, по которой иначе пришлось бы идти вслепую» [1, с. 21].

У истоков этой многогранной и сложной проблематики по праву стоял академик В.С. Стёпин, под влиянием идей которого, она активно развивается. В одном из своих интервью Вячеслав Семенович сказал, что все имеющее отношение к философии науки ему было особенно интересно, но он понял, что кроме истории философии надо изучить еще и естествознание [2; с. 379]. Резон в данной позиции очевиден, поскольку историческая реконструкция научного знания и последующая рефлексия обнаруживают явную или неявную корреляцию философских принципов и сложившихся норм естественнонаучного исследования, что впоследствии В.С. Стёпиным было успешно продемонстрировано и обосновано в ряде знаковых работ.

На основе детальной разработки В.С. Стёпиным концептуальной структуры физической теории, экспликации ее содержательных особенностей в массиве теоретического знания научной дисциплины [см. 4], возникла идея выяснить механизмы ее развития и функционирования. Данная работа, осуществляемая под руководством академика В.С. Стёпина, проводилась на физическом материале (способ ускользнуть от прямой идеологии), но не ограничивалась только им, поскольку теория рассматривалась в качестве элемента целостной системы теоретических знаний, взаимодействующей в своем развитии с эмпирическим материалом и испытывающей влияние разнообразных социокультурных факторов. В этом ключе важно было показать и обосновать ее функционирование и развитие с учетом внутродисциплинарных и полидисциплинарных связей между различными компонентами системы научного знания, исторически развивающегося в контексте культуры. Рефлексия над самой проблемной научной теорией показала, что за методологическими дискуссиями естествоиспытателей об идеале фундаментальной научной теории возникали как реальные вопросы перестройки нормативно-ценностных структур науки, инициированные освоением ею новых типов объектов и динамикой социокультурной среды, так и расхождением в мировоззренческих установках философов, естествоиспытателей и методологов, осуществляющих подобную рефлексивную практику.

Следующим важным шагом было найти релевантное понятие, обозначающее всю полноту связей теории с ее окружением, и в качестве такого первичного «строительного леса» был заимствован термин «интертеория» математика и основоположника кибернетики А. Ляпунова,

но с некоторой корректировкой. Дело в том, что в полной расшифровке искомого понятия речь шла об интертеоретическом фоне, что существенно не изменяло замысел, но от самого слова «фон» веяло некоей отстраненностью и удаленностью непосредственного окружения теории. В результате понятие «фон» было заменено на концепт «среда», который для данных целей оказался контекстно более удачным.

Развитие каждой теории предполагает ее взаимодействие с другими теориями в рамках определенной научной дисциплины на том основании, что понятийный каркас любой из этих теоретических систем включается в интертеоретическую среду. В этом плане понятие интертеоретической среды относительно: оно имеет смысл лишь при фиксации некоторой единицы в системе теорий, по отношению к которой остальные теории выступают как внешнее окружение. В качестве наиболее важных структурных компонентов интертеоретической среды были избраны научная картина мира, идеалы и нормы познавательной деятельности и философские основания науки [5; с. 11]. В частности, физическая картина мира, как идеальная модель репрезентации изучаемого фрагмента реальности, обладает большей степенью общности, чем фундаментальные, и тем более частные теоретические схемы, во-первых, как показали исследования В.С. Стёпина, с одной и той же картиной мира могут быть связаны несколько теоретических схем, составляющих основание разных научных теорий. Во-вторых, идеальные объекты теоретической схемы и объекты картины мира существенно различаются, поскольку это разные типы идеальных объектов с разной семантикой, статусом и природой происхождения. В целом физическая картина мира онтологически репрезентирует реальные структуры фрагментов изучаемой реальности, хотя ее понятия более «размыты» и менее строги по сравнению с аналогичными понятиями научных теорий.

Что касается идеалов и норм научного познания, то в первую очередь именно идеалы объяснения и описания находятся в непосредственной корреляции с функционированием и развитием фундаментальной теории. К тому же идеалы объяснения и описания, связанные с этим видом теорий, обладают большей эвристикой по сравнению с нормами, корреспондирующими с теориями меньшей степени общности, т. к. фундаментальные теории демонстрируют всю функциональную программу теоретической системы. В силу этих особенностей они становятся эталонными образцами, как по отношению к теориям, лишенных статуса фундаментальности, так и по отношению к смежным научным

дисциплинам. Особого внимания заслуживает и философия, т.к. посредством ее принципов осуществляется селекция естественнонаучных принципов, а ее содержательная роль значима в создании и интерпретации естественнонаучных теорий.

В свою очередь, интертеоретическая среда не менее динамичная, развивающаяся система: наиболее подвижными ее элементами являются понятия, идеи и законы тех теорий, которые непосредственно обрамляют фундаментальную и с которыми она взаимодействует в пределах соответствующего раздела науки. Естественно, более устойчивыми элементами системы интертеоретических знаний выступают компоненты оснований научного поиска, однако и они исторически не стабильны, поскольку преобразуются в эпоху научной революции. Именно интертеоретическая среда научной теории во многом детерминирует ее функционирование и развитие на каждой конкретно-исторической стадии эволюции научного знания.

Функционирование фундаментальной естественнонаучной теории характеризуется такими ее состояниями, как: а) ядро теории стабильно и б) вследствие объяснения и предсказания новых фактов ядро теории начинает перестраиваться. Наибольший интерес представляет, конечно, второй вариант, поскольку здесь отчетливо и более рельефно обнаруживается природа теории как развивающейся системы, инкорпорированной в систему знаний некоторой дисциплины и постоянно взаимодействующей с другими теориями. Под процессом функционирования следует понимать приложение теории к объяснению и предсказанию изучаемых объектов. Существенным фактором функционирования и развития фундаментальной теории становится специальная (физическая) картина мира и концептуальное ядро такой теоретической системы не может не испытывать ее влияния в процессе взаимодействий с ней. В свою очередь при модификации ядра теории создаются предпосылки и для трансформации картины мира.

Перестройка концептуального ядра теории обнаруживается на двух стадиях развития теоретических знаний – экстенсивной и интенсивной. Если на первой стадии осуществляется экстраполяция уже сложившихся теорий на новые предметные области, то на второй происходит обнаружение новых типов объектов, требующих и адекватных фундаментальных теорий, и ломки доминирующей картины мира. Например, теории электромагнитного поля и термодинамики, используя статистические и вероятностные методы изучения природных процессов,

внесли коррективы в еще стабильную механическую картину мира, что повлияло и на изменение представлений о задачах физической теории.

Модификация концептуального ядра теории в процессе экстенсивного роста знаний может иметь место, как под давлением нового эмпирического материала, так и под влиянием новых математических средств и методов, применяемых в теоретических исследованиях. Хорошей иллюстрацией здесь является, например, процесс усовершенствования теории классической механики И. Ньютона средствами аналитического метода Л. Эйлера, интегрального подхода Лагранжа и Гамильтона. Понятно, что трансформация концептуального ядра прежней теории в новую наиболее очевидна на интенсивной стадии развития знаний (научной революции). В этих процессах совершенствование фундаментальной теории происходит под влиянием внутренних (расширение поля приложения теории в результате ее функционирования) и внешних (адаптации теории к меняющейся интертеоретической среде) факторов. Все представленные характеристики задают онтологическое и эпистемологическое своеобразие фундаментальной научной теории как таковой, а также провоцирует поиск новых метатеоретических и методологических предпосылок формирования будущих теоретических систем знания.

Суть перемен, происходящих в фундаментальном знании, состоит в том, что эволюция постнеклассической науки и постметафизической философии привели к установлению пределов дисциплинарной и даже междисциплинарной методологии, придав должную легитимацию постдисциплинарной или иначе трансдисциплинарной методологии. В признании современных реалий конвергируют научные и вненаучные формы знания, прежде достаточно четко различавшиеся и даже противостоящие. Сегодня они не представляют собой замкнутые и изолированное друг от друга компоненты культуры, а, наоборот, они корреспондируют между собой на равных правах в многообразном и сложном социокультурном пространстве. Их методологические ресурсы изменялись по мере собственной динамики.

И вот уже трансдисциплинарный подход приобретает не только лидирующие позиции в методологии естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, но и, по сути, становится их брендом. Трансдисциплинарность, осуществляющая «преодоление непреодолимого предела» (М. Бланшо), привлекает своим потенциалом методологических средств и кросскультурных практик по причине недостаточности других средств решения назревших проблем. Понятно, что преодоление не

отменяет прежние методологии, они по-прежнему актуальны в границах своей компетентности, однако дальнейшее развитие методологических новаций обеспечит «обмен методами и концептуальными средствами между естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками, причем не односторонне, механически, а с учетом их прямых и обратных связей» [3, с. 462.], что позволит успешнее и продуктивнее решать актуальные задачи современности.

Список литературы

1. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии/М. Полани/ пер. с англ.; общ. ред. В.А. Лекторского. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
2. Стёпин, В.С. Важно, чтобы работа не прекращалась (интервью ИТ. Касавину)/ В.С. Стёпин//Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина/ редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.] – Минск, БГУ, 2014. – 379–447.
3. Стёпин, В.С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма/ В.С. Стёпин//Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина/ редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.] – Минск, БГУ, 2014. – С. 448–462.
4. Стёпин, В.С. Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики)/ В.С. Стёпин. – Мн.: БГУ, 1976. – 320 с.
5. Стёпин, В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска/ В.С. Стёпин// Идеалы и нормы научного исследования/Ред. кол. М.А. Ельяшевич и др. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 431 с.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЕДИНСТВА

Барсук Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье анализируются духовные ценности восточнославянских народов, сохранение и культивирование которых позволит сохранить собственную историю и уникальность восточнославянского сообщества в глобализирующемся мире. Подчеркивается, что в настоящее время восточнославянские народы должны взаимодействовать друг с другом и, используя свой богатый духовный потенциал и исторический опыт, реализовать проект восточнославянской цивилизации.

Ключевые слова: восточные славяне, восточнославянская цивилизация, духовные ценности, мировоззренческие ориентации, национально-культурная идентичность.

IN SEARCH OF THE LOST UNITY

Barsuk Irina A.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract. The article analyzes the spiritual values of the East Slavic peoples, the preservation and cultivation of which will preserve their own history and the uniqueness of the East Slavic community in a globalizing world. It is emphasized that at present, the East Slavic peoples should interact with each other and, using their rich spiritual potential and historical experience, implement the project of the East Slavic civilization.

Keywords: Eastern Slavs, Eastern Slavic civilization, spiritual values, ideological orientations, national and cultural identity.

Современная концепция цивилизационного развития основана на принципе этнокультурного полицентризма. Однако при более тщательном рассмотрении оказывается, что за кажущейся ясностью формулы «единство в многообразии» или «многообразие в единстве» лежит ряд проблем, непростых в концептуальном отношении и нелегких в смысле практического решения. Проблемы, связанные с единством человеческого мира и разнообразием культур, сегодня приобрели особую остроту.

Несмотря на то, что для современного мультикультурного состояния мира атрибутивным является признание равноправия всех цивилизационных образований, чьи взаимоотношения должны строиться с позиций толерантности и диалога, социокультурный статус восточнославянского мира подвергается явному сомнению со стороны политической и культурной элиты его идеологических оппонентов. Противоречивые оценки роли и статуса восточных славян варьируются в пределах от эмоционально нагруженных выражений, таких как «полуварварская цивилизация поневоле», «межцивилизационное пространство», «недоцивилизация» и т.п., вплоть до попыток реставрации архаических стереотипов их жизнедеятельности («шапка-ушанка», «деревянная изба», «медведи», «щи» и многое другое), проектируемых в системе маркетинговых коммуникаций средствами мифодизайна. Такой подход предполагает, в свою очередь, и «новое прочтение» исторического прошлого, попытку его «национализировать» в составе коллективных практик с помощью ряда методик (квзисамоидентификация, крипторевизионизм), которые помогают закрепить в массовом сознании «нужные» представления об историческом процессе.

В действительности, феномен восточнославянской цивилизационной общности представляется весьма многомерным, поскольку может быть рассмотрен в различных ракурсах и приоритетах социодинамики данного регионального объединения. Выдвижение на первый план национальных идентичностей сформировало в России, Украине и Беларуси далеко не одинаковое отношение к идее восточнославянского единства в различных его интерпретациях. Многие из них ориентированы на дивергентные тенденции в исторической динамике восточнославянских народов, предполагая такую транскрипцию идеи национально-культурной идентичности, которая чревата практикой национальной замкнутости и тенденциозного неприятия иных форм социокультурного опыта.

Каков вектор развития восточнославянского мира сегодня, с кем объединяться и с кем разъединяться России, Беларуси и Украине с учетом вот этого современного мирового контекста, связанного как с новыми интеграционными процессами, так и новыми разделительными линиями? Это нам необходимо для того, чтобы в очередной раз не совершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего развития. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр

развития и силы, или они превращаются в «этнографический материал», почву и удобрение для развития других цивилизационных центров развития.

В условиях глобализации, когда «возник кризис многих коллективных идентичностей» [4, с. 161], изменению подвержены все составляющие многомерного феномена идентичности, особенно те компоненты, которые «оторваны» или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и истоков, имеющих исключительную оригинальность и самобытность. Для поиска оснований позитивной совместимости восточнославянских народов и формирования интегративного ядра их идентичности мы акцентируем те ценности, сохранение и культивирование которых позволит сохранить собственную историю и уникальность восточнославянского сообщества в глобализирующемся мире. Идентичность по-прежнему строится на определенном ценностном ряде, включающем понятия «патриотизма», «долга», «уважения к истории и культурным традициям», а уровень национально-культурной идентичности понимается в широком обобщенном смысле и рассматривается как интегративный, рационально конструируемый феномен, образующий «культурную скрепу» для проживающей на одной территории коллективной общности [1].

В целом получается, что результаты духовного творчества одного поколения становятся объективными предпосылками деятельности другого поколения, и это последнее поколение изменяет современный мир, опираясь на те возможности, которые уже имеются в наличии. Зададимся вопросом: может ли каждое новое поколение произвольно, по своему разумению, придать исторической колее, «наезженной» предшествующими поколениями новое измерение? В свете обсуждаемых проблем особый интерес вызывают архетипичные для восточного славянства события: во-первых, начало его истории в первые века новой эры и «завершение» ее в XV в.; во-вторых, фаза интерференции восточнославянской и русской культур в XIII – XV вв., наиболее аутентичных для восточного славянства; в-третьих, историческая трансформация «русскости», сложившейся в XIII – XIV вв., в «российскость» начиная с XVIII в. В пределах единой Российской империи вплоть до СССР и затем в относительно автономных странах «восточнославянскость» означает номинально-символическое единство Великой, Белой и Малой Руси. Духовная культура восточных славян складывается в условиях их государственной консолидации (IX – XI вв.). Время это связало восточных славян на северо-западе и литовцев

общностью политической, культурной, религиозной жизни, способствовало «появлению и укреплению понятий единства Руси» [5, с. 133]. Решающим фактором в процессе цивилизационной идентификации восточного славянства стало принятие православно-христианской веры по греческому обряду. Единство это выражалось в выработке общего литературного языка, покрывавшего собой местные племенные диалекты, в складывании общей культуры, в национальном самоощущении единства всего народа. [8, с. 11]. Киевская Русь за время своего государственного единства сумела создать единую народность, условно называемую древнерусской, материнской по отношению к украинцам, русским и белорусам.

В «Слове о Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона наряду с понятиями «Русская земля» как единое государство восточных славян и «русские люди» как единое население этого государства впервые четко формулируется представление о «русских» как об особой социокультурной общности. [3]. В «Списке русских городов дальних и ближних», историческом документе 80-90-х гг. XIV в., также отражается представление о единстве «русского народа» [7].

Христианство в его византийском варианте трансформировало ментальность восточнославянских народов, в соответствии с целостностью идей, лежавших в его основании, однако лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Крещением освящаются не только братья-славяне, но и вся «земля русская». В древнерусском эпосе единство и общность восточных славян выражается не только в кровнородственных связях: богатыри киевского эпоса – не киевляне, их связывают узы побратимства (Илья – из Карачарова, Добрыня – из Рязани, Алеша – из Ростова). Б.А. Рыбаков отмечал, что «рождение плуга, кузницы и воинов-богатырей происходит в единое время; культурный герой – кузнец и воин, защищающий свой народ, хронологически слиты» [9, с. 538]. Ранний эпос представлял не мифологию как таковую, а коренное ее переосмысление, причем само мифологическое прошлое олицетворяется в образах различных чудовищ. Образ чудовища мог означать и неразумное прошлое, и зло, с которым вступает в борьбу герой, и символ самого геройства. [2, с. 61-62]. Поэтому восточнославянская традиция возвеличивает пахаря и его труд, противопоставляя земледельца воину, созидательный труд – завоеваниям. Богатырь Микула Селянинович – «оратай-оратаюшко» одерживает верх над Святогором, который не может

поднять, овладеть «сумкой переметной», а в ней заключена тяга «Матери – сырой земли», и над князем-чародеем Вольгой Святославовичем, который со своей дружиной не может догнать Микулу и вытащить сошник из земли. Предпочтение мирного сосуществования перед завоеванием, как проявление восточнославянской духовности, отличает древнерусские былины от западноевропейского героического эпоса, а если речь идет о битвах, то это сражения за Русскую землю, за восстановление мира и правды. Исследователь древнерусской литературы и культуры А.М. Панченко обратил внимание на то, что на Руси в качестве национальных символов «избирались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы». Поэтому священными символами у нас стали «вынужденные сражения», в которых «Русь защищалась, следовательно, была, безусловно, права», такие битвы и оказались «нравственной заслугой» народа, без чего «символ невозможен» в принципе [6, с. 201]. Отсюда принцип братолюбия и уважения провозглашается одним из основных добродетелей государственного деятеля.

Вместе с тем, приверженность к сохранению своей концепции бытия, своих традиционных ценностей, вопреки всем историческим перипетиям, создает устойчивость восточнославянской духовности, способствует общественной сплоченности, нейтрализующей существующие противоречия. Условия хозяйственной деятельности и отсутствие излишков продуктов земледельческой деятельности препятствовали имущественно-социальной дифференциации и формированию личностного «Я». «Повесть временных лет» говорит о существовании большой семьи у восточных славян уже в VIII – IX вв. Длительное сохранение коллективного труда, традиции «артельности», крестьянских «помочей», «толоки» утвердили общину восточных славян в качестве важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейки, в рамках которой сохранялись и воспроизводились принципы равенства, идеалы справедливости, нравственные константы традиционного типа. Самое главное – община гарантировала своему члену минимальный достаток, помощь в тяжелую минуту. Неизбежность существования общины, обусловленная ее производительно-социальными функциями, в конечном счете, вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной системы. В свою очередь режим крепостничества стал возможным при

наличии российского самодержавия, характерной особенностью которого является сильное развитие хозяйственно-экономической функции.

Однако белорусам и украинцам, в отличие от свойственного русским коллективизма общинного типа, авторитета общинного жизнеустройства, был характерен коллективизм, выступающий как совокупность общих норм поведения, а совместные работы были связаны с определенными периодами сельскохозяйственного сезона и ликвидацией стихийных бедствий. На основании документа «Устава на волоки», принятого 1 апреля 1557 г., были определены правила индивидуального землепользования. На востоке Беларуси фольварочно-барщинная система не получила распространения из-за особых природных условий. На территории Московии – вплоть до Столыпинской реформы – прочная община оставалась важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейкой.

Отсюда становится понятным, почему в восточнославянской ойкумене складываются предпосылки формирования государствообразующего начала как важного фактора в историческом самоопределении восточнославянских народов и, как следствие, – отсутствие правового государства. Вместо «государства права» строилось «государство правды», в идеале предполагающее подчинение «государства началу вечности» [10, с. 291–305]. Под «правдой» на Руси еще со времен Илариона понимали и истину, и добродетель, и справедливость, и закон. Соединение идеала справедливости и идеала сильного государства было выражением традиционно-общинного менталитета. В контексте восточнославянской истории ценность коллективного образа жизни получила отражение в понимании государства как важнейшей организующе-регулятивной силы, гаранта стабильности общества. В громадном политическом теле-государстве, как в теле человека, только тогда могут быть порядок и согласие, когда все силы и органы действуют по манию единой души. И в этом согласованном действовании по закону единого нерушима истина и свобода каждого.

Этот небольшой экскурс в историю показывает, что, отнюдь не случайно, в период общественно-экономической перестройки конца 1980 – начала 1990 гг., когда ценность коллективизма в общественно-политическом сознании стала разрушаться и приоритет стал отдаваться индивидуализму, подчеркивавшему значимость личностных целей и интересов, свободу индивида от общества, индивидуалистические ценности так и не смогли стать господствующими для восточнославянских народов. Возможно, это связано с тем, что они еще не успели завоевать лидерство;

но, возможно и то, что в рамках нашей традиции индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит основополагающим традиционным принципам восточных славян.

Из вышесказанного следует, что в настоящее время, восточнославянские народы должны взаимодействовать друг с другом и, используя свой богатый духовный потенциал и исторический опыт, реализовать проект восточнославянской цивилизации, а не превратиться в «иллюзию», которая нуждается в инструментах поддержки медиапространства. Отсюда также следует и то, что перед политическим руководством восточнославянских стран стоит задача фундаментальной важности: разумно сочетать практику сознательного регулирования социальными процессами с традициями, ментальностью и историческим опытом народа.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории: научный альманах [Электронный ресурс]. – 2010. – Т. 4 : Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. И. Резника и М. В. Тлостановой. – С. 255–281. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/page11097421.htm>. – Дата доступа : 19.04.2015.
2. Вагнер, Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве / Г. К. Вагнер. – М. : Искусство, 1974. – 268 с.
3. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Иларион ; сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. – М. : Столица; Скрипторий, 1994. – 146 с.
4. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.
5. Мавродин, В. В. Происхождение русского народа / В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 184 с.
6. Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л. : Наука, 1984. – 205 с.
7. Подосинов, А. В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» / А. В. Подосинов // Восточная Европа в древности и средневековье / Библиотека «РусАрх» [Электронный ресурс]. – М., 1978. – С. 40–48. – Режим доступа : <http://rusarch.ru/podosinov1.htm>. – Дата доступа : 19.04.2015.
8. Рыбаков, Б. А. Из истории культуры Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1984. – 240 с.

9. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
10. Шахматов, М. Государство правды (опыт по истории государственных идеалов в России) / М. Шахматов // Евразийский временник. – Кн. 4. – Берлин, 1925. – С. 291–305.

ВЛАСТЬ КАК РЕСУРС ДИСПОЗИЦИИ СУБЪЕКТОВ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Беляцкая Елизавета Владимировна,
аспирантка кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Действующий в современности скептицизм в отношении даже возможности универсальных ценностей является оправданным опытом множественности культурных традиций и этических систем, но фрагментация и плюрализация, как одна из сторон современной социальной жизни, приводит к универсально разделяемым ценностям, которые выходят из ситуации глобальной взаимозависимости. А это предполагает под собой космополитическое принятие различий мира, в котором мы сегодня существуем. С точки зрения Э. Гидденса, предполагается существование множества иных, чем мы сами, но, в то же самое время, нет абсолютно чужих, то есть мир без чужих людей имеет общие интересы в силу того, что сталкиваются с глобальными рисками, которые общие для всех. У. Бек для того, чтобы объяснить, каким образом происходит возникновение глобальных рисков, предлагает типологию логик этих глобальных рисков, т.е. пытается определить новые феномены транснационального терроризма и сравнить его с экологическими и экономическими рисками. Типологию глобальных рисков он рассматривает через экологический кризис, экономический кризис и опасность терроризма. Эффективность неизвестности и повседневность как космополитический момент, с точки зрения У. Бека, указывают на глобальное изменение общества в XXI веке и раскрывают внутреннюю логику мирового общества риска в границах его нормативности, которая не может быть отделена от произвольной иронии. Ирония риска заключается в том, что рациональность, а именно - отложенный опыт приводит к необходимости оценки риска по тем масштабам, который ему не подходит и, соответственно, необходимость вынуждает считать риски контролируемыми.

Ключевые слова: власть, диспозиция, субъект, социум, феномен, символическое поле.

**POWER AS A RESOURCE OF SUBJECTS DISPOSITION IN THE STRUCTURE OF
SOCIAL INTERACTIONS**

Belyatskaya Elizaveta V.,
Postgraduate student of the Philosophy and Methodology of Science Department
Belarusian State University

Abstract. The present skepticism about even the possibility of universal values is a justified experience of multiplicity of cultural traditions and ethical systems, but the fragmentation and pluralization as one of the sides of contemporary social life leads to the universally shared values which come out from the situation of global interdependence. And this implies a cosmopolitan acceptance of the differences of the world in which we exist today. In the view of E. Giddens, it is assumed that there are many others than ourselves, but at the same time, there are no complete strangers, that is, a world without strangers has common interests by virtue of the fact that it faces global risks that are common to all. U. Beck offers a typology of logics of these global risks in order to explain how global risks emerge. That is, he tries to identify new phenomena of transnational terrorism and compare it with environmental and economic risks. Thus, he looks at the typology of global risks through three logics, namely the environmental crisis, the economic crisis and the risk of terrorism. The effectiveness of the unknown and the everyday as a cosmopolitan moment, from U. Beck's point of view, points to the global change of society in the XXI century and reveals the internal logic of the global risk society within the boundaries of its normativity, which cannot be separated from the involuntary irony. The irony of risk is that rationality, namely, deferred experience leads to the need to assess risk on a scale that does not fit it and, accordingly, necessity forces one to consider risks as controllable.

Key words: power, disposition, subject, society, phenomenon, symbolic field.

Власть как социально-культурный феномен предполагает плюрализм дефиниций, которые обусловлены существованием разных интерпретаций данного феномена. Можно дифференцировать интерпретации власти в зависимости от исторической формы философии (классической или постклассической).

Феномен властных отношений попал в фокус внимания философского и социально-гуманитарного познания в середине XX века. Интерес к специфике автократии и авторитаризму как новой разновидности политического правления и политического режима в современных обществах во многом был обусловлен трагическими событиями XX века – становлением фашистских диктатур накануне Второй мировой войны, преступлениями нацизма во время военных действий и срывами модернизационных реформ в молодых нациях-государствах, освободившихся от колониальной зависимости после Второй мировой войны.

Во-первых, анализ развития поздних индустриальных обществ и формирования корпоративного капитализма с развитой техноструктурой привел к актуализации проблемы связи между авторитаризмом,

технократией и меритократией. Исследования Г. Кана, Р. Арона, З. Бжезинского, Д. Гэлбрейта и др. выявили целый спектр неизученных аспектов автократии, связанных с формированием систем принятия решений, глобализации экономической власти, становления новых форм олигархии, экспертократии и др., как в обществах «старой демократии», так и в новых индустриальных странах.

Во-вторых, в этот период происходит становление новых технократических движений, специфика которых была обусловлена стремительным развитием научно-технической революции, что привело к становлению теории конвергенции, в центре внимания которой оказались процессы смещения власти от сугубо политических структур и институтов к экономическим. Технократия, независимо от типа политэкономической системы – капиталистической, либо социалистической – рассматривалась в контексте данной теории как «новый класс», перетягивающий власть в свои руки в связи с нарастающей сложностью производственно-технических систем обществ зрелого индустриализма. В результате существенно расширился смысловой горизонт понимания автократии, которая перестала восприниматься как исключительно политический феномен.

Политические режимы, возникающие вследствие срыва модернизационных реформ в таких странах и регионах, как Португалия, Испания, Греция, Восточная Европа, Юго-Восточная Азия, Россия, Бразилия, Турция, Аргентина, Венесуэла и многие др., обнаружили необходимость формирования новых подходов к анализу условий и предпосылок, благоприятствующих, либо препятствующих процессам демократизации, модернизации, глобализации, особенно в странах незападного типа. В исследованиях А. Пшеворского, Ф. Шмиттера, Х. Линца, С. Хантингтона и др. феномен власти стал рассматриваться в контексте процессов политической модернизации, обусловленных культурно-цивилизационной спецификой реформирующихся социумов.

Особую актуальность данная проблематика обрела в начале третьего тысячелетия благодаря ускоряющимся глобализационным процессам, изменившим облик позднего модерна. В концепциях общества риска и рефлексивной модернизации (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман и др.) проблема властных отношений обретают новое звучание в связи с анализом тех трансформаций, которые претерпевают отношения власти в условиях формирования транснациональных структур и сообществ. Метаморфозы социальной идентичности, диффузия суверенитета национальных государств, плюрализация социальных пространств, цифровизация всех

систем деятельности и глобализация рисков вызвали новую волну интереса к феномену автократии, поскольку появились признаки новых форм авторитаризма, обусловленных становлением информационной цивилизации. В этих условиях власть перестала рассматриваться сквозь призму дисциплинарных стратегий.

П. Бурдьё интересовал механизм воспроизводства социальных иерархий. Он считал, что необходимо учитывать значимость культурных и символических факторов воспроизводства. «...именно посредством свойств и их распределения социальный мир приходит, в самой своей объективности, к статусу символической системы, которая организуется по типу системы феноменов в соответствии с логикой различения отдельных расхождений, а также заключающейся и в значимых различениях. Социальное пространство и различия, которые проявляются в нем «спонтанно», стремятся функционировать символически как пространство стилей жизни или как множество *Stände*, групп, характеризующихся различным стилем жизни» [3, с. 26].

Ключевая роль воспроизводства социальных отношений как господства играет способность тех, кто занимает властные позиции, а именно: агентов, навязывать свои культурные символические практики, и, таким образом, П. Бурдьё ввел понятие символического насилия как принуждение к признанию разных форм господства и при этом незнании его механизмов, то есть символическое насилие. Легитимирование социальных форм господства, социальный мир современного общества делится на социальные области, на социальные поля, и дифференциация социальной деятельности приводит к формированию поля искусства и поля политики [3].

Как определенные виды деятельности эти поля обладают сравнительной автономией по отношению к обществу, и имеют свою иерархию и динамику за счет конкурентной борьбы социальных агентов за господствующее положение. Конфликты у П. Бурдьё разворачиваются в символическом измерении в разных социальных полях, и природа социального определяет различия, которые порождает социальные иерархии, то есть человек движим в первую очередь жадой признания человеческого достоинства и это имеет исключительно социальный характер. Таким образом, он разработал теорию действия и термин *габитус*. Он представляет собой небольшое число установок, которые получены в результате социализации и позволяют социальным агентам реализовать свои стратегии действия. Данные стратегии адаптированы к потребностям

социального мира, но при этом не осознаются их агентами. Габитус является принципом действия агентов, то есть в поле как пространстве фундаментальной социальной борьбы капитала, является ресурсом в этом социальном поле, а символическое насилие же выступает главным механизмом утверждения данного господства. «социальное пространство можно сравнить с географическим пространством, разделенным на регионы. Но в социальном пространстве обнаруживается следующая закономерность: чем ближе позиции субъектов, групп или институтов, тем больше у них общего, и наоборот. Теоретически степень удаленности в пространстве совпадает с социальными дистанциями. В действительности это не совсем так. Верно, что практически повсеместно наблюдается тенденция к обособлению: субъекты, занимающие близкие позиции в социальном пространстве, стремятся сблизиться – по собственному желанию или по необходимости – и в физическом пространстве. Вместе с тем, субъекты, занимающие в социальном пространстве удаленные друг от друга позиции, также могут взаимодействовать в физическом пространстве, хотя бы кратковременно и непостоянно. Поддающиеся наблюдению и регистрации «ощутимые» взаимодействия, которые субъекты считают значимыми в эмпирическом плане, маскируют реализующиеся в них структуры. Это как раз один из тех случаев, когда видимое, непосредственно данное, заслоняет детерминирующее его невидимое. Нельзя забывать, что наблюдения никогда полностью не раскрывают сущность взаимодействий» [2, с. 140].

Представления агентов меняются в зависимости от их положения, которое связано с их интересами, и от габитуса, который представляет собой систему схем восприятия и оценивания, то есть габитус – это система, где происходит производство практик и система схем восприятия и оценивания практик одновременно. Это когнитивно развивающаяся структура, которую агент получает в ходе продолжительного опыта в зависимости от позиции в социальном мире. Габитус производит практики представления, которые поддаются классификации и дифференцируются, но воспринимаются они только теми агентами, которые владеют определенным кодом, схемами или классификациями, которые необходимы для понимания социального смысла.

Символическая борьба как индивидуальная за ежедневное существование является коллективной, которая организована в политической жизни и имеет свою специфическую логику, которая придает ей автономию по отношению к структурам, из которых она берет начало.

Символический капитал представляет собой экономический или культурный капитал, когда он становится признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия. Отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения тех сил, которые конституируют в структуру социального пространства. Объективные властные отношения стремятся воспроизводить себя в отношениях символической власти, и в этой символической борьбе за производство здравого смысла и из-за монополии легитимной номинации агенты включают символический капитал, который получает в ходе предшествующей борьбы, и которые иногда даже гарантировано юридическим государством, которое производит официальную классификацию. Оно является в данном смысле высшим судом, на который можно сослаться, и типичный результат действия государственного интереса выражается в эффектах кодификации, которые применяются при простых операциях, например, вручение каких-либо удостоверений или документов, которые подтверждают, что кто-то уполномочен высказывать свою точку зрения, и она признается выше, чем частные точки зрения [1].

Символическая власть представляет собой некую способность формировать или даже изменять категории восприятия и оценки социального мира, они могут оказывать непосредственное влияние на организацию мира. «Всякая власть символического насилия – т.е. всякая власть, которой удастся навязать значения и заставить признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в ее основании, – добавляет свою собственную, т.е. чисто символическую, силу к этим силовым отношениям» [1, с. 39].

Основным источником символической власти является символический капитал. Для того, чтобы символическая власть была эффективной, необходимо адекватное описание действительности. Поля, где действует символическая власть, то есть символическое поле представляет собой подпространство социального пространства, которое определяется специфической силой, разнообразием активных свойств, которые обуславливают его специфику, и, таким образом, отделяют от любого другого подпространства. То есть поле представляет собой специфическую систему отношений между разными позициями, которые структурно обусловлены и не зависят от физического существования индивидов, которые данные позиции и занимают. Оно характеризуется свойствами, которые составляют позиции в ее контексте, которые можно

исследовать, независимо от характеристик самих индивидов, что занимают эти поля [1].

Понятия поля носит комплексный характер, то есть является единственным отдельных принципов, то есть она как бы представляет собой в какой-то степени последнюю реальность и носит, с точки зрения П. Бурдьё, представление не собственности и владения, а практику. Практики могут существовать вне определенных социальных условий, но в концепции они осуществляют себя в рамках действий. Социальные процессы происходят под действием определенных сил. Социальное пространство для П. Бурдьё выступает изначально как абстракция и конкретным оно становится тогда, когда конституируется на множестве подпространств или полей. Оно включает в себя поля, которые выступают как система объективных связей между разными позициями. Поля же представляет собой структурированные пространства, позиции, которые определяют свойства самих полей. И наиболее значимую функцию в структуре социального пространства П. Бурдьё отдает полю экономического пространства [3].

Социальное пространство в своей структуре включает в себя три группы капитала: экономический, культурный, социальный. «Социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях. Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ, которая сама в свою очередь зависит от их капитала). Такое двойное распределение в пространстве агентов как биологических индивидов и благ определяет дифференцированную ценность различных областей реализованного социального пространства» [3, с. 54].

Они представляют собой, в первую очередь, ресурсы, которые имеют экономическую природу и культурный капитал. Это ресурсы, которые имеют культурную природу, то есть являются образованиями культурного

уровня индивидов, а социальный капитал является ресурсом, связанным с принадлежностью к какой-либо социальной общности. Распределение этих видов капитала в обществе характеризует его социальное пространство. И здесь возникает проблема власти над капиталом, что обозначает собой тоже самое, что власть над социальным пространством

Важно также подчеркнуть, что действия агентов определяются объективными структурами социального мира. Как было сказано выше, отсюда возникает диспозиция габитуса. То есть это способности агента к действию, осознанной оценке ситуаций и поведению, которое проистекает из предшествующей социализации. Диспозиции габитуса также характеризуется несколькими свойствами, а именно: устойчивость, переносимость и системность, так как данная диспозиция обладает устойчивостью и долговечностью, то есть она глубоко укорененная в агентах и сопротивляется изменениям, а не сохраняет определенную преемственность в жизни индивида [3].

При помощи социологической рефлексии над самим собой и данной диспозицией, они образуют собой систему, потому что имеют тенденцию к объединению. Социальные же действия рассматриваются как события, которые связаны со смыслом с предыдущими действиями, и они вписаны в предшествующую практику игры на определенном социальном поле. Такой габитус – это отражение социального мира, и он к нему адаптирован, что позволяет агентам без осознания в рефлексии реагировать на происходящие события. Здесь вырастает практический смысл в виде схемы восприятия и действия, то есть данные, которые имеют свою логику, но овладевали данной логикой возможно только через практику.

Символический капитал связан напрямую с символическим насилием. А так как насилие в символической форме является совокупностью не определяемых неявных способов навязывания смыслов и значений, они, в свою очередь, служат легитимации и воспроизводству в разных формах социального господства. Здесь главным фактором является незнание, за счет чего господство является легитимным и самоочевидным, то есть агенты принимают отношения социального господства, которое определяет их положение в конкретном поле и их социальную позицию. Таким образом, социальное символическое насилие становится источником субъективно воспринимаемого чувства неполноценности.

Таким образом, М. Фуко говорит, что субъекты и социальные практики являются следствием власти, от которой невозможно убежать, которая плотно переплетена со всеми социальными практиками и находится

в них. М. Фуко считает, что все политические, экономические, правовые и даже религиозные практики заложены в социальном контексте и управляется различными правилами и дискусами, которые вырабатываются отношениями власти. Таким образом, власть не только находится повсюду, но также она не может быть присвоена как товар или богатство. То есть власть – это не способность обладать, а термин, который утверждает, что осуществление власти не описывает практику социальную, скорее мы являемся носителями власти и это является описанием наших социальных практик, потому что постоянно происходит действие, когда человек участвует в дискурсе и в определенных нормах, существует и не существует независимо от этих практик.

Список литературы

1. Бурдье П., Пассрон Ж., 2006. "Основы Теории Символического Насилия (Фрагменты Из Книги. Пер. С Фр. Н. Шматко)," Вопросы образования // Educational Studies, НИУ ВШЭ, issue 2, pages 39-60.

2. Бурдье П. О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 87—96.

3. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. В 2-х т. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.

5. Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A.Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991, p.109–143.

ВЯЧЕСЛАВ СТЁПИН И КАРЛ МАРКС

Берков Владимир Федотович,

доктор философских наук, профессор

независимый исследователь

Аннотация. Отмечается, что при исследовании оснований физического знания В. С. Стёпин опирался на философию К. Маркса. Онтологической основой этой философии составляет учение о мире не как об объекте познания, а как о результате «субъективной» практической деятельности людей. Главные достижения В. С. Стёпина (анализ структуры научного знания и системных связей его отдельных элементов, открытие процедуры конструктивного обоснования, анализ структуры и функций оснований наук) были вряд ли возможны без данной предпосылки. Подчеркивается значение полученных результатов в плане защиты от воздействия малопродуктивных методологических концепций.

Ключевые слова: В. С. Стёпин, философия К. Маркса, онтология, созерцание, практика.

VYACHESLAV STEPIN AND KARL MARX

Berkov Vladimir Fedotovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

independent researcher

Abstract. It is noted that in the study of the foundations of physical knowledge, V. S. Stepin relied on the philosophy of K. Marx. The ontological basis of this philosophy is the doctrine of the world not as an object of knowledge, but as a result of the “subjective” practical activity of people. The main achievements of V. S. Stepin (analysis of the structure of scientific knowledge and systemic connections of its individual elements, discovery of the procedure for constructive justification, analysis of the structure and functions of the foundations of sciences) were hardly possible without this prerequisite. The significance of the results obtained in terms of protection from the impact of unproductive methodological concepts is emphasized.

Keywords: V. S. Stepin, philosophy of K. Marx, ontology, contemplation, practice.

При разработке проблематики оснований научного познания, В. С. Стёпин пришел к выводу, что обязательным их компонентом является система философских идей и принципов. Задача данной статьи – показать, что в творчестве Вячеслава Семеновича в качестве такового компонента выступала философия К. Маркса.

В 1970 году в издательстве «Наука и техника» (г. Минск) вышла монография «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики». Это был продукт творческого сотрудничества двух выдающихся представителей современной науки, создателей оригинальной философско-методологической концепции – философа В. С. Стёпина и физика Л. М. Томильчика. Более глубокая разработка идей, лежащих в основе их исследования, продолжалась в других трудах этих авторов, в частности, в докторской диссертации В. С. Стёпина «Проблема структуры и генезиса физической теории. Содержательные аспекты строения и эволюции теоретических знаний», защищенной в 1976 году.

Есть серьезные основания считать, что существенным стимулом работы над своей концепцией для Вячеслава Семеновича послужили опубликованные во второй половине 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия на русском языке многие ранние рукописи К. Маркса. К их ряду следует отнести и знаменитые «Тезисы о Фейербахе» (благодаря Г. В. Плеханову на русском они появились раньше, но оставались малознакомыми советскому читателю). По словам Ф. Энгельса, «Тезисы...» представляли собой «первый документ, содержащий в себе зародыш нового мировоззрения» [1, с. 371]. Публикация этого произведения означало возникновение ранее неизвестного типа онтологии, в центре которой – учение о мире не как об объекте познания, а как о результате «субъективной» практической деятельности людей.

Не исключено, что Вячеслав Семенович расстался со своей, уже рекомендованной к защите, кандидатской диссертацией (кстати, основанной на господствующей в то время материалистической, но бессубъектной, созерцательной методологии) именно под воздействием ранних произведений К. Маркса.

У Вячеслава Семеновича оказалось немало сторонников. Деятельностно-практическая онтология К. Маркса (как система категорий «цель», «средство», «результат» и др.) была воспринята и принята к разработке Г. П. Щедровицким, И. С. Алексеевым, В. С. Швыревым, Э. Г. Юдиным и др. Их выделение в особую неформальную группу (в «незримый колледж») привело к расчленению казавшегося единым отечественного философского фронта по крайней мере на два идейно-противоборствующих лагеря.

К первому лагерю принадлежали большинство советских философов. Они придерживались упомянутого выше созерцательного

(«официального», по распространенной терминологии) методологического принципа. В соответствии с этим принципом обычно составлялись планы научно-исследовательских работ, утверждались темы диссертаций, разрабатывались программы преподавания философских дисциплин. Созерцательностью страдала издательская сфера. По сути, все это вместе взятое означало движение назад от философии К. Маркса.

Вячеслав Семенович был во втором лагере. Его несомненная заслуга – в обстоятельном обосновании (на материале истории физических наук) вывода о том, что принципы и способы построения научной теории могут быть правильно осмыслены только при анализе их в рамках фундаментальной идеи о практической природе познавательных процессов и что научные идеализации, модели теоретического объяснения имеют смысл лишь при представлении их в виде систем определенной практической деятельности. Инновации, ставшие достоянием мировой научной методологии (такие, как детальный анализ структуры научного знания и системных связей его отдельных элементов, открытие процедуры конструктивного обоснования и решение проблемы генезиса парадигмальных образцов в составе теории, анализ структуры и функций оснований науки и др.), вряд ли были возможны без уяснения только что названной установки. В конечном же счете мы имеем углубленное толкование базовой идеи К.Маркса, что «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [2, с. 1–2].

Таким образом, В. С. Стёпин, вслед за К. Марксом, констатировал, что человек познает мир не в форме созерцания, а в форме практики. Это признание крайне важно и актуально, поскольку в наше трудное время обострилась проблема метода научного познания. Кое-где дело дошло до полного отрицания последовательно научной, марксовой методологии. На смену призваны прежде всего тощие рекомендации давно изжившего себя позитивизма. Как результат – падение теоретического уровня отечественной, особенно обществоведческой, научной литературы, снижение профессиональной подготовки научных и научно-педагогических кадров. Труды Вячеслава Семеновича, созданные на основе философии К.Маркса, вооружают ученых надежным инструментарием для защиты от воздействия малопродуктивных методологических концепций.

Список литературы

1. Маркс К. Сочинения / К.Маркс, Ф. Энгельс. – Издание второе. – Москва, Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – 746 с.
2. Маркс К. Сочинения / К.Маркс, Ф. Энгельс. – Издание второе. – Москва, Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 630 с.

СТАТУС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Бобр Александр Михайлович,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Рассматривается культурологическая концепция В.С. Стёпина о типах цивилизационного развития. Выделяются особенности восточнославянской цивилизации как союза российского, белорусского и украинского этносов. Анализируется статус и перспективы восточнославянской цивилизации в условиях геополитической нестабильности.

Ключевые слова: традиционное общество, техногенное общество, восточнославянская цивилизация, многополярный мир, геополитический кризис.

STATUS OF THE EASTERN SLAVIC CIVILIZATION IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Bobr Alexander Mikhailovich,

PhD in Philosophy, Cand. Of Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The cultural concept of V.S. Stepin about the types of civilizational development. The features of the East Slavic civilization as a union of Russian, Belarusian and Ukrainian ethnic groups are highlighted. The status and prospects of the East Slavic civilization in the conditions of geopolitical instability are analyzed.

Keywords: traditional society, technogenic society, Eastern Slavic civilization, multipolar world, geopolitical crisis

Творческое наследие академика В. С. Стёпина велико и многообразно. Широкую международную известность приобрели его научные труды как в области философско-методологических исследований, так и в сфере теории и истории культуры. В данном аспекте особый интерес вызывает концепция В. С. Стёпина о типах цивилизационного развития, в которой детально характеризуются черты традиционных типов общества, условия перехода к техногенной цивилизации, закономерности и варианты развития последней.

Академик справедливо отмечает, что существуют особенности перехода к техногенной цивилизации стран Востока и Запада, что в первую очередь связано с особенностями культуры того или иного региона, с

господствующими традициями и системой ценностей. Хотя напрямую в трудах В. С. Стёпина не анализируются особенности восточнославянской цивилизации, но в них дается подробный анализ специфики современного цивилизационного развития России. Показательно в этом отношении выделение академиком в своей фундаментальной работе «Человек. Деятельность. Культура» особого раздела, который имеет символическое название «Эпоха цивилизационных перемен и российские культурные традиции» [1]. Поэтому представляется возможным рассмотреть статус современной восточнославянской цивилизации сквозь призму культурологической концепции В. С. Стёпина.

Изучение феномена восточнославянских цивилизаций имеет свои давние традиции. Изначально они формируются в историографии и представлены в трудах таких исследователей как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, М. С. Грушевский, М. В. Довнар-Запольский, Б. Д. Греков и других. Данные авторы исследовали этногенез восточных славян, специфику их быта и культуры, закономерности становления их государственности. Со времени возникновения в социально-философских работах цивилизационного подхода к истории общества (О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби) с новой силой начались исследования специфики восточнославянской цивилизации, включающей в себя российский, белорусский и украинский этносы. Особенно данная проблематика актуализировалась после распада СССР и образования на его территории ряда независимых государств.

В конце XX – начале XXI веков вышло большое количество научных работ таких авторов как Ч. С. Кирвель, О. А. Романов, О. В. Курбачева, А. С. Панарин, И. А. Василенко, Ю. В. Яковец, А. И. Зеленков, в которых анализировались духовно-религиозные и социально-культурные особенности формирования и генезиса восточнославянской цивилизации, специфика влияния процессов глобализации и становления нового миропорядка на перспективы ее развития.

Активно обсуждалась данная проблематика и на различных региональных и международных научных форумах. Можно привести для примера названия некоторых из них: «Восточнославянская цивилизация: история и перспективы» Луганск 2019, «Межславянские культурные связи. Москва 2019, «Славянский мир в третьем тысячелетии. Проблемы интеграции и дезинтеграции славянского мира: политика и культура» Москва 2019., «Политика и культура в белорусско-русско-украинских отношениях XVII-XXI веках». Москва 2011, «Менталитет славян и

интеграционные процессы: история, современность и перспективы». Гомель 2019.

Особенно активно различные аспекты генезиса и функционирования восточнославянской цивилизации рассматривались в современной белорусской общественно-политической мысли. Вопросы о специфике и перспективах развития восточнославянской цивилизации были введены даже в типовую программу образовательного курса «Философия» для студентов первой ступени высшего образования и программу экзамена кандидатского минимума по дисциплине «Философия и методология науки».

Показателен и тот факт, что ряд исследователей в Беларуси защитили кандидатские и докторские диссертации по проблематике восточнославянской цивилизации (О. А. Романов, И. П. Захаревич, О. В. Курбачева, И. А. Барсук и др.). В научных работах вышеуказанных авторов, в выступлениях на конференциях обосновывались идеи, что для восточнославянской цивилизаций свойственна не только общность природно-географической среды, но и наличие своеобразного архетипа, включающего православную веру, базовые ценности, национально-культурную самобытность. Подчеркивалась мысль, что данные обстоятельства формируют духовное ядро восточнославянских цивилизаций и позволяют ей выступать субъектом современных глобальных социальных трансформаций (О. А. Романов).

Необходимо отметить, что большинство авторов отмечали и ряд объективных и субъективных трудностей на пути консолидации восточнославянской цивилизации и превращения ее в реального активно действующего субъекта геополитики. В этой связи вновь необходимо вспомнить концепцию В. С. Стёпина о типах цивилизационного развития, в которой он отмечал, что техногенная цивилизация порождает ряд кризисов. Им выделяются и подробно анализируются экологический и антропологический кризисы. Одновременно он отмечает и роль геополитических кризисов, которые грозят разрушением цивилизации и даже могут вести к самоуничтожению человечества. Показательна в этом отношении высказанная академиком мысль, что сценарий однополярного мира предполагает доминирование современных западных ценностей, тогда как сценарий многополярного мира допускает симбиоз техногенных ценностей с адаптированными к ним фрагментами традиционалистских ментальностей [1].

По мнению В. С. Стёпина второй вариант создает большие возможности для перехода к новому типу цивилизационного развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров. Восточнославянская цивилизация по своему потенциалу, географическому положению, запасу стратегических ресурсов в XXI веке имеет реальные возможности превратиться в один из центров многополярного мира. Конечно, реализация данного сценария сопряжена с огромным количеством трудностями. В первую очередь это связано с открытым противостоянием со стороны США как гегемона однополярного мира возникновению новых центров силы (Китай, Россия и др.).

На наш взгляд, именно геополитические факторы оказывают в настоящее время решающее значение на перспективы развития восточнославянской цивилизации. Те или иные противоречия в экономической, социальной и даже политической сферах довольно часто возникали между Россией, Беларусью и Украиной, но, как правило, они не носили ярко выраженный антагонистический характер. Совсем другую форму они приобрели с конца 2013 года, когда резко обострились отношения между Россией и Украиной, и, по мнению большинства специалистов, огромную роль в этом сыграли внешнеполитические факторы. Февраль 2022 года ознаменовал новую фазу конфликта между Россией и Украиной. В настоящее время в условиях продолжающегося конфликта между Россией и Украиной говорить о восточнославянской цивилизации как едином субъекте современной цивилизационной динамики скорее всего будет преждевременно. Перспективы развития данной цивилизации кроются не столько в возможном реформировании процесса интеграции вышеуказанных этносов, сколько в преодолении причин, приведших к прямому конфликту между Россией и Украиной.

Список литературы

1. Стёпин В.С. Человек. Деятельность. Культура. - Санкт-Петербург: СПбГУП. 2019. С. 369–517.

В. С. СТЕПИН О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СИНТЕЗА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Бордак Станислава Николаевна,

канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Гомельского государственного медицинского университета

Аннотация. В статье идет речь о стратегии научного исследования в эпоху постнеклассической науки в рамках концепции В. С. Стёпина. Анализируются принципиально новые тенденции развития научного знания, которые привели к созданию общенаучной картины мира как целостной системы представлений о природе, человеке и обществе. Система представлений, сформировавшаяся на базе принципов глобального эволюционизма, становится фундаментальной исследовательской программой науки на этапе междисциплинарного синтеза знаний.

Ключевые слова: принцип универсального (глобального) эволюционизма, современная научная картина мира, теория самоорганизации, синергетика.

V. S. STEPIN ON MODERN TRENDS IN THE SYNTHESIS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Bordak Stanislava Nikolayevna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, the Head of the
Department of Social and Humanitarian Disciplines of Gomel State Medical University

Abstract. The article deals with the strategy of scientific research in the era of post-non-classical science within the framework of V. S. Stepin's concept. There are being analyzed fundamentally new trends in the development of scientific knowledge, which led to the creation of a general scientific picture of the world as an integral system of ideas about nature, man and society. The system of ideas, formed on the basis of the principles of global evolutionism, becomes the fundamental research program of science at the stage of interdisciplinary knowledge synthesis.

Keywords: principle of universal (global) evolutionism, modern scientific picture of the world, theory of self-organization, synergetics.

Постнеклассическая стадия развития науки создала предпосылки для формирования единой научной картины мира, объединяющей представления об основных сферах бытия – неживой природе, живой природе и социальной жизни – в целостную научную картину на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус.

Современные тенденции синтеза научных знаний выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов [1, с. 331].

Концепция универсального (глобального) эволюционизма в современной науке дает представление об универсальности процессов эволюции во Вселенной. Универсальный эволюционизм характеризуется как принцип, обеспечивающий экстраполяцию эволюционных идей, получивших обоснование в биологии, астрономии и геологии, на все сферы действительности и рассмотрение неживой, живой и социальной материи как единого универсального эволюционного процесса.

Общая теория систем (40–50-е гг. XX в.) и становление системного подхода внесли принципиально новое содержание в концепции эволюционизма. Системный подход, развиваемый в биологии, рассматривает объекты как самоорганизующиеся системы, носящие открытый характер [1, с. 332–333].

С точки зрения Н. Н. Моисеева, все, что происходит в мире, действие всех природных и социальных законов, можно представить как постоянный отбор некоторых состояний из поля возможностей [2, с. 53].

Определяющее значение в утверждении принципа универсального эволюционизма принадлежит трем важнейшим направлениям в науке XX в.: теории нестационарной Вселенной, синергетике, теории биологической эволюции и развитой на ее основе концепции биосферы и ноосферы [1, с. 334].

Революция в космологии сыграла важную роль в утверждении идеи эволюции в неорганической природе и вызвала радикальную перестройку представлений о Вселенной. Благодаря теории расширяющейся Вселенной в научную картину мира была включена идея космической эволюции. А теория раздувающейся Вселенной позволила рассматривать наблюдаемую Вселенную в качестве малой части Вселенной как целого, следовательно, правомерно предположить существование достаточно большого числа эволюционирующих вселенных [1, с. 335–337].

Важная роль в утверждении этих идей принадлежит теории самоорганизации (синергетике). Термин «синергетика» (греч. содействие, сотрудничество) использовал Г. Хакен [3, с. 9]. Основное внимание синергетика уделяет согласованному состоянию процессов самоорганизации в сложных системах различной природы. Она изучает любые самоорганизующиеся системы, состоящие из многих подсистем.

Самоорганизующаяся система должна удовлетворять следующим условиям: 1) должна быть термодинамически открытой; 2) динамические уравнения должны быть нелинейными; 3) отклонение от равновесия должно превышать критические значения; 4) процессы должны происходить кооперативно. Самоорганизация начинает рассматриваться как одно из основных свойств движущейся материи, включает все процессы самоструктурирования, саморегуляции, самовоспроизведения. Она выступает как процесс, который приводит к образованию новых структур.

Долгое время самоорганизация соотносилась только с живыми системами. Для ответа на вопрос о взаимоотношении неживой и живой природы требовалось устранить разрывы между эволюционной парадигмой биологии и традиционным абстрагированием от эволюционных идей при построении физической картины мира [1, с. 338–339].

Фундаментальные науки о неживой природе (физика, химия, космология) столкнулись с необходимостью учитывать, что большинство природных объектов являются открытыми системами, обменивающимися энергией, веществом и информацией с окружающей средой, а определяющую роль в изменившемся мире приобретают неустойчивые, неравновесные состояния.

Исследование новых объектов и процессов привело к выработке нового подхода [1, с. 340]. Важный вклад в разработку такого подхода был внесен школой И. Пригожина [4]. Особую эвристическую ценность имеют идеи о том, что «стрела времени» проявляется в сочетании со случайностью, когда случайные процессы способны породить переход от одного уровня самоорганизации к другому, кардинально преобразуя систему. Пригожин подчеркивал, что определяющее значение в данном процессе развития будут иметь внутренние состояния системы, перегруппировка ее компонентов и т. д. Для диссипативных структур характерной является ситуация, обозначаемая как возникновение порядка через флуктуации, которые являются случайным отклонением величин от их среднего значения. Иногда эти флуктуации могут усиливаться, тогда существующая организация системы может разрушаться. В такие переломные моменты (точки бифуркации) принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие. Чем сложнее система, тем она более чувствительна по отношению к флуктуациям, даже незначительные флуктуации могут изменить структуру, и в этом смысле наш мир лишен гарантий стабильности [4, с. 54–55, 17–18, 28–29, 386].

Теория самоорганизации выявляет важные закономерности развития мира. Впервые возникает научно обоснованная возможность преодолеть разрыв между представлениями о живой и неживой природе и говорить о новом диалоге человека и природы [1, с. 343].

Синергетика позволяет перейти к «нелинейному» мышлению, соответствующему новому этапу функционирования науки. Изучаемые ею объекты являются открытыми, неравновесными системами, управляемыми нелинейными законами. Все они обнаруживают способность к самоорганизации, а их поведение определяется предшествующей историей их эволюции.

Данные представления находят подтверждение в различных областях знания, стимулируя в них разработку эволюционных идей.

Достижения в биологии XX в. представляют особый блок научных знаний, который наряду с космологией и учением о самоорганизации сыграл важную роль в разработке новых подходов к построению целостной общенаучной картины мира. Учение В. И. Вернадского об эволюции биосферы и ноосферы можно рассматривать как один из существенных факторов естественнонаучного обоснования универсального эволюционизма.

Жизнь предстает как целостный эволюционный процесс, включенный в качестве особой составляющей в космическую эволюцию. Учение В. И. Вернадского продемонстрировало неразрывную связь планетарных и космических процессов.

Эволюционная теория, концепция биосферы и ноосферы вносят существенный вклад в обоснование идеи универсальной взаимосвязи всех процессов и показывают необратимый характер эволюционных процессов, четко обозначая в них фактор времени [1, с. 344–346].

Таким образом, современная наука обладает всеми необходимыми естественнонаучными данными, позволяющими обосновать универсальный характер эволюции. Глобальный эволюционизм, включающий в свой состав принципы эволюции и системности, характеризует взаимосвязь самоорганизующихся систем разной степени сложности и раскрывает механизмы возникновения новых структур в процессе развития. Такие структуры возникают в открытых системах, находящихся в неравновесном состоянии, и формируются за счет флуктуаций и кооперативных эффектов, благодаря чему осуществляется переход от одного типа самоорганизующейся системы к другой, а эволюция приобретает направленный характер [1, с. 346–347].

Универсальный эволюционизм позволяет рассмотреть во взаимосвязи неорганическую, живую и социальную материю. Он создает основу для рассмотрения человека как объекта космической эволюции, закономерного и естественного этапа в развитии нашей Вселенной, ответственного за состояние мира.

В современной науке принципы универсального эволюционизма становятся доминантой синтеза знаний. Эта идея пронизывает все существующие специальные научные картины мира и является основой построения целостной общенаучной картины мира, центральное место в которой занимает человек. Общенаучная картина мира, базирующаяся на принципах универсального эволюционизма, выступает глобальной исследовательской программой, которая определяет стратегию исследования саморазвивающихся систем. Эта стратегия реализуется как на дисциплинарном, так и на междисциплинарном уровне.

Общенаучная картина мира как глобальная исследовательская программа в состоянии «подсказать», какие методы и принципы можно транслировать из одной науки в другую, как состыковать знания, полученные в различных отраслях науки, как включить это знание в культуру на соответствующем этапе функционирования научного знания. Общенаучная картина мира берет на себя многие функции, которые ранее выполняли специальные научные картины мира [1, с. 347].

Во второй половине XX в. специальные научные картины мира становятся аспектами и фрагментами целостной общенаучной картины мира, характеризующими неживую природу, органический мир и социальную жизнь и реализуют в своей области идеи универсального эволюционизма [1, с. 348–349].

Современная научная картина мира основана на единстве в многообразии различных дисциплинарных онтологий, каждая из них является частью более сложного целого и конкретизирует принципы глобального эволюционизма.

По мнению В. С. Стёпина, наука ближайшего будущего должна сочетать дисциплинарные и междисциплинарные исследования, их прямые и обратные связи могут стать значительно более интенсивными, а границы между ними менее жесткими. Общая научная картина мира все более отчетливо будет осознаваться в качестве глобальной исследовательской программы и необходимого горизонта систематизации знаний.

Все большую роль в научном познании играют крупные комплексные программы и проблемно ориентированные междисциплинарные

исследования. Освоение наукой сложных, развивающихся, человекообразных систем стирает границы между методологией естественнонаучного и гуманитарного познания [1, с. 350].

Таким образом, общенаучная картина мира как целостная система научных представлений о природе, человеке и обществе формируется на базе принципов универсального эволюционизма, становится фундаментальной исследовательской программой науки на этапе интенсивного междисциплинарного синтеза знаний. Она активно взаимодействует с мировоззренческими универсалиями культуры, в контексте которых происходит ее развитие.

Список литературы

1. Стёпин, В. С. Универсальный эволюционизм – основа современной научной картины мира / В. С. Стёпин. Философия науки. Общие проблемы. – М. : Гардарики, 2008. – С. 331-354.
2. Моисеев, Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 52-66.
3. Хакен, Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М. : Мир, 1985. – 419 с.
4. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

ЭКСТЕНСИОНАЛ И ИНТЕНСИОНАЛ: ПРОЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР СМЫСЛА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Булгаков Ян Алексеевич,

студент факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна, канд. филос. наук, доцент,

доцент кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. В докладе раскрывается взаимосвязь экстенционала и интенционала как условие проективного характера смысла в постнеклассической рациональности. Для этого обоснованы два положения. Первое – экстенционал связан с предметными значениями, референцией и логическим синтаксисом, направленным на преодоление метафизики. Второе – интенционал связан с совокупностью мыслимых признаков и условий уточнения экстенционала. Показано, что экстенционал как значение в постнеклассической рациональности дополняется интенционалом. Проективный характер смысла проявляется в процедурах соотнесения с культурными ценностями.

Ключевые слова: экстенционал; интенционал; преодоление метафизики; значение; проективный характер смысла; В.С. Стёпин; Р. Карнап.

EXTENSIONAL AND INTENSIONAL: THE PROJECTIVE CHARACTER OF SENSE IN POST-NONCLASSICAL RATIONALITY

Bulgakov Jan Akekseevich,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Supervisor – Vorobjova Svetlana Viktorovna, PhD in Philosophy, Associate Professor,

Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Abstract. The report reveals the relationship between the extension and the intension as a condition for the projective character of sense in post-nonclassical rationality. There are two grounds for this. First, the extensional is associated with subject meanings, reference, and logical syntax aimed at overcoming metaphysics. Second, the intensional is associated with a set of conceivable features and conditions for refining the extension. It has shown that the extensional as a value in post-nonclassical rationality complemented by the intensional. The

projective character of sense manifests itself in the procedures of correlation with cultural values.

Keywords: extensional; intensional; overcoming metaphysics; meaning; the projective character of sense; V.S. Stepin; R. Carnap.

В постнеклассической рациональности актуальными являются вопросы логической семантики, связанные с анализом смысла, предполагающим различение экстенциональных и интенциональных контекстов, а также с установлением пределов допустимости метафизики в научных рассуждениях [4; 5]. В.С. Стёпин подчеркивал значение семантики для науки. Ее постоянные прорывы «к новым предметным мирам связаны с открытием и освоением новых типов системных объектов. От простых механических систем наука переходит к освоению сложных, саморегулирующихся систем, а затем и сложных саморазвивающихся систем». В этом процессе важен этап появления «категориальных сеток», обеспечивающих понимание и познание, необходима философия, генерирующая новые категориальные смыслы [7, с. 413]. Поэтому цель доклада – раскрыть взаимосвязь экстенционала и интенционала как условие проективного характера смысла в постнеклассической рациональности.

Идея различения экстенционалов и интенционалов и рассмотрения интенционалов как функций, определяющих экстенционалы, восходит к Р. Карнапу, свою концепцию он разработал после основательной критики метафизики. Г. Фреге разграничил в логической семантике денотат имени и его концепт [9]. Р. Карнап в работе «Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике» выдвинул идею нового подхода к решению проблем логической семантики, обусловленный уточнением семантической структуры, предложенной Г. Фреге. Это стало возможным благодаря критическому анализу и оценке смысла в языке метафизики.

Критическому анализу Р. Карнап подверг слова и предложения, формулируемые в метафизике, сделав два важных обобщения. Согласно первому – «многие слова метафизики не имеют значения», согласно второму, – метафизические предложения бессмысленны. В качестве примера первого обобщения он приводит слово «Бог». То, что оно имеет значение, по мнению Р. Карнапа, лишь иллюзия, так как «все выдвигаемые дефиниции оказываются псевдодефинициями». Их неправильность вытекает из того, что они «ведут к недопустимым сочетаниям» либо «к другим метафизическим словам» – первопричина, абсолют, независимое,

условное и др. [5, с. 61].

В метафизических предложениях, которые Р. Карнап называет «псевдопредложениями», нарушен логический синтаксис, хотя «историко-грамматический синтаксис сохраняется». Для критики он выбирает фрагмент доклада М. Хайдеггера «Что такое метафизика?», приводя следующую цитату: «Исследованию должно подлежать только сущее и еще – ничто; сущее одно и дальше ничто; сущее единственно и сверх этого – ничто. Как обстоит дело с этим ничто? – Имеется ничто только потому, что имеется нет, т. е. отрицание? Или наоборот? Имеется отрицание и нет, только потому, что есть ничто? – Мы утверждаем: ничто первоначальнее, чем нет и отрицание. Где ищем мы ничто? Как находим мы ничто? – Мы знаем ничто. – Страх обнаруживает ничто. – Чего и почему мы боялись было “собственно” – ничто. В действительности: ничто само – как таковое – было тут. – Как обстоит дело с этим ничто? – Ничто само себя ничтит» [5, с. 77].

Р. Карнап указывает на некорректность употребления слова *ничто*, являющегося квантором общности. Согласно логическому синтаксису, оно применяется в общеотрицательных экзистенциальных высказываниях, имеющих форму «Ни один S не есть P». Ничто (и никто, как, впрочем, и нечто, и некто) как квантор определяет лишь объем субъекта как логического подлежащего [2, с. 159, 160]. Поэтому следует согласиться с Р. Карнапом, который выступает против понимания «ничто» как обозначающего что-то, т.е. имеющего значение. Оно не может быть использовано в качестве имени объекта. Значит, вопрос М. Хайдеггера «*Что первично – ничто или нет (отрицание)?*» является бессмысленным. Нет, выступая операцией отрицания, относится к предикату. С Р. Карнапом солидарен А. Айер. Он также указывает на то, что М. Хайдеггер «основывает свою метафизику на допущении, что “Ничто” – это имя, используемое для обозначения чего-то особенно загадочного» [1, с. 61].

Логические ошибки, встречающиеся в метафизических предложениях, основаны, согласно Р. Карнапу, «на дефектах, имеющихся в употреблении глагола “быть” в нашем языке. Посредством вербальной формы предикат симулируется там, где его нет». Такую симуляцию он связывает с тем, что «предложение существования имеет форму не “a существует”, а “существует нечто того или иного вида”» [5, с. 82–83], подчеркивая тем самым, что существование не является свойством предмета, т.е. предикатом.

Утвердительные высказывания о существовании (например, «Преступление есть») не говорят о предмете, что он существующий, а

говорят о том, что имеется предмет такого-то вида. Отрицательные высказывания о существовании (например, «Доказательств нет») также не говорят о предмете, что он несуществующий, но о том, что ни один предмет не является предметом определенного вида. Поэтому возникновение метафизических слов «сущее» и «не-сущее», как считает Р. Карнап, связано именно с тем, что «существование ошибочно понимается как свойство, которым мы наделяем одни предметы и в котором отказываем другим предметам» [5, с. 83].

Аналогичную Р. Карнапу аргументацию по поводу метафизики М. Хайдеггера выстраивал Г. Фреге, адресуя их Э. Шредеру, который рассуждал: «Класс *A* не содержит ничего, кроме Луны, или класс *A* содержит Луну, а вдобавок еще “ничего”. Первое выражение позволяет думать, что этот класс – сингулярный и содержит только Луну; второе выражение внушает мысль, что он содержит, кроме Луны, еще и тождественный нуль» [8, с. 271]. Г. Фреге, анализируя данное рассуждение, поясняет: «Когда мы говорим, что класс *A* не содержит ничего, кроме Луны, то мы отрицаем предложение, что этот класс содержит еще нечто, кроме Луны; но этим мы не утверждаем, что данный класс содержит, кроме Луны, некий предмет по имени “ничего”. Так язык морочит нас, подсовывая предмет там, где его нет» [8, с. 271]. В этом случае имеет место «склеивание» отрицания, относящегося к предикату в первом выражении, и мнимого собственного имени во втором.

Предложение может означать лишь то, что в нем можно верифицировать [5, с. 77]. Значит, метафизические предложения не могут выступать даже в качестве «рабочих гипотез», не имея связи с эмпирическими предложениями. При этом бессмысленность метафизических предложений Р. Карнап обособляет от «игры воображения» и от сказок, так как, например, последние противоречат не логике, а только опыту.

Конструктивным развитием критики метафизики Р. Карнапом стала его концепция логической семантики, в которой он углубляет представления о смысле и которые стали основой для дальнейших разработок в этой сфере (Д. Льюиз, С. Крипке, Д. Дэвидсон и др.). В частности, Д. Льюиз, экстенционалом называет, значение истинности предложения, предмет, называемый именем, и «множество предметов, к которым прилагается общее имя» [6, с. 277]. Экстенционал выражения, относящийся к одной из трех указанных категорий, зависит не только от его значения, но и от ряда других факторов, например, «от фактов о

действительности, от времени высказывания, от места высказывания, от говорящего, от окружающих высказываний данного дискурса» [6, с. 277]. Интенционалом Д. Льюиз называет «функцию, соотносящую индексы и соответствующие экстенционалы для предложения, имени или общего имени». Индекс – это «входной набор факторов», от которых зависит экстенционал на выходе [6, с. 277].

Интенциональным контекстом называется множество утверждений, допускающее замену содержательно эквивалентных выражений, в которой важны как интенционалы, так и экстенционалы. Данная идея развивается в теории аргументации, в которой актуальным является вопрос построения стратегий, подразумевающих их дифференциацию с позиции экстенционала и интенционала. Это означает, что в соответствующих стратегиях под экстенционалом необходимо понимать «область логической валентности для предметной применимости языковых выражений», под интенционалом – «функциональную зависимость контекста, создаваемого субъективными пропозициональными установками, от смысла языковых выражений» [2, с. 111].

В отличие от экстенциональных языков, интенциональные языки содержат предикатные знаки и модальности, например, «знает», «верит», «необходимо», «запрещено». Поэтому в них невозможна замена выражений, согласно принципам предметности и однозначности. В интенциональных контекстах отсутствуют свойства экстенциональности. Важнейшим из этих свойств является свойство композициональности, при котором значение выражения определяется значениями его составных частей. Дальнейшее развитие семантическая пара «экстенционал – интенционал» было продолжено в работах Р. Монтегю и Д. Скотта, которые в большей степени относятся к контексту прагматики. В частности, в прагматике аргументации «инфраструктура справедливости исключает этический универсализм, трансформируя совесть в соглашение или договор, этические аналогии в гомологию медиации» [3, с. 120].

Таким образом, взаимосвязь экстенционала и интенционала составляют условие проективного характера смысла в постнеклассической рациональности. Экстенционал связан с предметными значениями, референцией и логическим синтаксисом, направленным на преодоление метафизики. Интенционал – с совокупностью мыслимых признаков и условий уточнения экстенционала. Экстенционал как значение в постнеклассической рациональности дополняется интенционалом как процедурами соотнесения с культурными ценностями.

Список литературы

1. Айер, А. Дж. Язык, истина и логика / А. Айер. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010. – 240 с.
2. Воробьева, С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие / С.В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.
3. Воробьева, С.В. Метаэтика справедливости в контексте металогике / С.В. Воробьева // Социальная справедливость: утопии и реалии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Ленина (Нижний Новгород, 25–26 апреля 2020 г.) / Под общей редакцией А.В. Грехова и А.Н. Фатенкова. – М.: Аквилон, 2020. – С. 119–126.
4. Гусев, М. А. Все, ничто и нечто: логический анализ языка и метафизика / М. А. Гусев / М.А. Гусев // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. – Екатеринбург: Деловая книга, 2019. – С. 33-35.
5. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – Москва: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 69–90.
6. Льюиз, Д. Общая семантика / Д. Льюиз // Семиотика. Антология. Сост. Ю.С.Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 271–303.
7. Стёпин, В.С. Важно, чтобы работа не прекращалась (интервью И.Т. Касавина) / В.С. Стёпин // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред-кол. : А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. - Минск: БГУ, 2014. - С. 379–438.
8. Фреге, Г. Критическое освещение некоторых пунктов в «Лекциях по алгебре логики» Шредера / Г. Фреге // Логика и логическая семантика: Сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С.263–277.
9. Фреге Г. Размышления о смысле и значении / Г. Фреге // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект ПРЕСС, 2000. – С. 286–374.

ГОРОД КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Булыго Елена Казимировна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета

Аннотация. Статья посвящена синергетической парадигме и ее роли в решении актуальных проблем современной городской среды. Город рассматривается в сложном и динамичном единстве социокультурного, антропологического, символического, визуального и других аспектов, что задает понимание города как сложного, открытого и динамического единства знаков, символов, ценностей, образов, существующего на Границе порядка и хаоса, зримого и незримого.

Ключевые слова: город, урбанистика, синергетическая парадигма, нелинейность, сложность, фрактал, бифуркация, флуктуации.

THE CITY AS A SYNERGETIC CHALLENGE

Bulyha Alena Kazimirovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Department the Department of
Philosophical Teachings
Belarusian National Technical University

Abstract. The article is devoted to the synergetic paradigm and its role in solving actual problems of the modern urban environment. The city is considered in complicated and dynamic unity of socio-cultural, anthropological, symbolic, visual and other aspects, which sets the understanding of the city as a complicated, open and dynamic unity of signs, symbols, values, images existing on the Border of order and chaos, visible and invisible.

Keywords: city, urbanism, synergetic paradigm, nonlinearity, complexity, fractal, bifurcation, fluctuations.

Теория сложных самоорганизующихся открытых систем сегодня начинает преобладать как в естественных, так и социально-гуманитарных исследованиях и это имеет реальное основание. Мы видим ее применимость в когнитивистике, антропологии, социологии, натурфилософии и т.д. В последнее время она начинает актуализироваться в решении проблем организации предметного мира, прежде всего в урбанистике, градостроительстве, дизайне, архитектурном проектировании в целом [5; 10; 11].

Проблемы города, городской культуры, их специфики и перспектив развития задает сегодня проблемное поле различных исследований, как узкоспециальных, так и междисциплинарных [4]. При этом город рассматривается не только как важнейшее условие и результат цивилизационного развития, но и как Перекресток, особый топос, где встречается приватное и общественное, светское и сакральное, ставшее и становящееся, реальное и виртуальное. Все это выступает в качестве условия и основания смыслопорождения, культуротворчества как такового. В таком ракурсе и город, и культура в целом мыслятся в качестве результата преодоления человеком своей онтологической неполноты, незавершенности и несовершенства. По всем критериям и архитектура (как процесс и как результат, как форма, организующая время) и город как таковой соответствуют признакам диссипативных систем, а подход к изучению и проектированию города постепенно меняется с системного на холистский.

Холизм в архитектурном мышлении – понимание сложного единства и общности, использование идеи фрактальности и даже мультифрактальности в интерпретации и проектировании городского пространства как полисемантического и визуально-эстетического лабиринта-текста выводит нас на актуальность синергетической парадигмы в осмыслении и созидании городской культуры [4]. Понятия, в которых артикулируется такой подход («аттрактор», «бифуркация», «флуктуация», «фрактал», «паттерны», «темпоральность», «нелинейность» и пр. [6; 10], позволяют иначе увидеть и осмыслить город – как особую сложноорганизованную структуру, необратимую, нелинейную и открытую в диахронии и синхронии.

Город как сложная и самоорганизующаяся система в своей истории демонстрирует нам различные синергетические эффекты, «поле бифуркаций», которое есть единство устойчивости и неустойчивости, порядка и хаоса. В этом сложном и подчас противоречивом единстве всякий раз творится Город как целое. Непосредственными участниками этого акта творения выступают не только профессионалы – градостроители, архитекторы, ландшафтники, а сегодня еще и урбанисты; важную роль играем и мы – горожане. И наше вхождение – воздействие на городскую среду реализуется таким образом, «что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя всякий раз поле ее возможных состояний» [12, с. 113.]. Незаметно для себя мы превращаемся из потребителей или созерцателей в созидателей

городских текстов, конституируя их смыслы в своих повседневных городских практиках: прокладывая новые маршруты, открывая новые ракурсы архитектурных объемов, цветовой и световой перспективы привычных улиц и районов. Порождаемые при этом малые непредсказуемым колебания и, как следствие, эмерджентные изменения необратимо и непредсказуемо меняют и нас и город.

Что такое город сегодня? В зависимости от масштаба – это либо оазис кажущихся спокойствия, устойчивости и предсказуемости либо интенсивная постоянно перестраивающаяся сеть сложного социального взаимодействия, фрактальность которой отнюдь не всегда делает ее комфортной. Тем не менее, идея фрактальности города не означает «контейнерное» мышление (Турбина), согласно которому любые социальные процессы осуществляются в локальных и замкнутых городских или даже государственных пространствах, развиваются по своим собственным законам и не выходят за свои пределы.

Фрактальность города и его элементов многозначна [4]. Это не только геометрическое пространственное самоподобие таких городов как Нью-Йорк или Москва. Мы можем говорить о том, что город (особенно сакральные центры) являют собой модель Вселенной; столицу можно рассматривать как концептуальный фрактал культуры. При этом основой фрактала всегда выступает миф (как древний, так и современный), как правило выраженный в некоем «гиперсимволе» определенной культуры и даже эпохи, являющимся ее символической репрезентацией. И хотя математическая концепция фрактальных структур, а затем и нематематическая появились достаточно поздно, в истории градостроительства и архитектуры можно назвать огромное количество архитектурных памятников прошлого и настоящего, как образцов артикулированной в форме и материале идеи фрактальности (японские пагоды, Храм Боробудур в Индонезии, основанный на буддийской онтологии, выраженной в мандале, колодец масонов в Синтре и т.п.). Фрактальность города есть своего рода игра означающих и означаемых (Эко), бесконечная цепь метафор (Барт), палимпсест, в котором темпоральность является необходимым условием.

Как только город перестает быть Телом незавершенным и несовершенным (Бахтин), превращается в систему закрытую, он утрачивает свою бытийственность. Именно поэтому любой (особенно большой) город есть мультифрактальный хронотоп, как сфера бесконечных аллюзий и цитат (например, Римский Пантеон, как одна из самых распространенных цитат в

западной классической и неклассической архитектуре больших и малых европейских городов).

Помимо сложности и самоорганизации, онтологизации хаоса и случайности, предельно важным понятием в синергетической парадигме является нелинейность [11]. Идея свободной формы в градостроительной или архитектурной практике (биоморфизм) и есть один из вариантов воплощения принципа нелинейности (Гауди, Райт, модерн, ар-нуво и т.д.). Кроме того, нелинейность как в естественной среде, так и в искусственной связана с темпоральностью, без которой невозможны динамические процессы в сложных системах. Городское пространство есть убедительная демонстрация этих сущностных характеристик сложных систем: вся градостроительно-архитектурная практика предполагает историзм – создание зданий и даже городов-копий; традиционализм, основанный на местных культурных особенностях; цитирование – отдельные стилевые заимствования; контекстуализм и метафоризм (Ч. Дженкс) [3]. К примеру, архитектурные проекты-«миражи» Сантьяго Калатравы или т.н. «высокотехнологичная» органика знаменитой Захи Хадид («королевы кривой» по словам журналистов), в которой мы видим сложную синергию объема, формы, функции, ландшафта, истории и моды. Архитектура и дизайн Захи Хадид (Центр Г.Алиева в Баку, жилой дом в Нью-Йорке, стадион в Катаре и пр.) являют собой смелое сочетание новаторских решений, породивших новые строительные технологии, и свободной, словно антигравитационной формы, динамичной структуры и инопланетной тектоники («Арабская сказка, рассказанная на Марсе») [8].

Город как синергетический вызов одновременно превращает нашу городскую повседневность в игру, предполагающую темпоральность как событийность, поиск ключей-кодов, но и в бесконечный процесс творчества: созидание нового пространства, сотворение новых образов человека и мира, создание новых видов деятельности и новых технологий. Так возникает органическая архитектура – не просто новый художественный стиль, но новый подход к пониманию человека и мира, следовательно, новый способ проектирования (Райт), который сегодня реализуется и в биоклиматической архитектуре, и в био-теке, и в архитектурном метаболизме (Кикутаке), и в хюгге и др. [13].

Новый ракурс в развитии философии города, задаваемый синергетической парадигмой, вызывает ощущение новых возможностей: этических, гносеологических, художественно-эстетических, формотворческих, экологических, эргономических и пр. Понимание

изначальной заданности открытости, сложности и нелинейности самого города, мы по-новому оцениваем его вызовы и риски, обретаем возможность увидеть в его пространстве не борьбу прошлого с настоящим, но их сложную взаимосвязь и взаимопроникновение, не конкурентную борьбу образов жизни, традиций, но их поликультурное единство. А мультифрактальность современного города есть не что иное, как ответ на вызовы глобализирующегося и одновременно глокализирующегося мира, позволяющая каждому из нас обрести свой Дом, не погружаясь в ностальгию по прошлому, творить будущее.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы / О.Н. Астафьева. - М.: Изд-во МГИДА, 2002.
2. Афанасьева В. В. Город как синергетический феномен // Философия города. Саратов: Изд-во СГУ, 2012.
3. Дженкс, Ч. Способы архитектурной коммуникации // Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. С. 42-77.
4. Николаева, Е.В. Фракталы городской культуры/ Е. В. Николаева. - М.: Страта, 2014 - 264 с.
5. Мартынович, К. А. Нелинейно-динамическая картина мира: онтологические смыслы и методологические возможности. Автореферат дисс. кандидата философских наук. Саратов, 2011. – 40 с.
6. Постнеклассические практики. Опыт концептуализации / В. И. Аршинов, О. Н. Астафьева (ред.). М.: Мирь, 2012.
7. Райт, Ф. Л. Будущее архитектуры/ Ф.Л. Райт. – М: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. – 247 с.
8. Ревзин, Г.И. Деконструкция органического / Г.И. Ревзин // Проект классика, 2006. XVIII–MMVI. С. 32–33.
9. Ремизов, А.Н. Логика экоустойчивой архитектуры // А.Н. Ремизов. Онтология проектирования. – 2016. – Т.6, №4 (22). – С. 541-554.
10. Синергетическая парадигма. Вып. 2. Нелинейное мышление в науке и искусстве / Отв. ред. В. А. Копцик. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 495 с.
11. Синергетическая парадигма. Вып. 7: Синергетика инновационной сложности / Отв. ред. В. И. Аршинов. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 495 с.
12. Стёпин, В.С. Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Вып.1. Методологические вопросы. – М., 1999. – с 113

13. Harris J. *Fractal Architecture: Organic Design Philosophy in Theory and Practice*. University of New Mexico Press, 2012. P. 22.

ЭКСПЕРТИЗА В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Ветров Владимир Андреевич,

науч. сотр. автономной некоммерческой организации
«Институт логики, когнитологии и развития личности»,

аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Причастность человека к постижению таких сложных объектов, как атомная энергия, объектов экологии, генной инженерии, микробиологии, в которые включен человек, широкое внедрение роботов и компьютеров в производство и в самые различные сферы жизни человека и общества, внедрение новых биомедицинских технологий приводят к уникальной ситуации в науке. В.С. Степин говорил, что постнеклассический тип научной рациональности характеризуется расширением поля рефлексии над научной деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вне научными, социальными ценностями и целями.

Ключевые слова: экспертиза, философия науки, постнеклассическая наука

EXPERTISE IN THE FUNCTIONING OF POST-NON-CLASSICAL SCIENCE²

Vetrov Vladimir Andreevich,

Researcher at the Autonomous Non-Commercial Organization "Institute of Logic, Cognitive
Science and Personality Development",
Moscow, Russian Federation

Abstract. Human involvement in the understanding of such complex objects as atomic energy, objects of ecology, genetic engineering, and microbiology, which includes a person, the widespread introduction of robots and computers in production and various spheres of human life and society, the introduction of new biomedical technologies lead to a unique situation in science. V.S. Stepin said that the post-nonclassical type of scientific rationality is

¹ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке»

² The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science»

characterized by expanding the field of reflection over scientific activity. It takes into account the correlation of the acquired knowledge about the object not only with the peculiarity of the means and operations of the activity but also with the value-target structures. Moreover, the connection of intra-scientific goals with extra-scientific social values and goals is explicated.

Keywords: expertise, philosophy of science, post-non-classical science

Аргументы, используемые при постижении уникальных эволюционных систем знания, не могут быть этически нейтральными. Позиция, нацеленная лишь на получение нового истинного знания, является слишком узкой, а порою и опасной. Именно в отношении к таким рискам, современная наука парадоксальным образом начинает занимать тройное положение – она является одним из главных производителей рисков, практически единственным разработчиком достоверных методов их оценки, а также вырабатывает механизмы предупреждения нежелательных последствий или борьбы с ними – тогда, когда они уже имеют место [4]. Именно такое тройное положение порождает феномен экспертизы, которая сегодня выполняет не только оценочную, аксиологическую и превентивные функции в науке, но и сама становится одним из факторов производства нового знания, обнаруживает социально-эпистемологические контекстуальные аспекты исследований [1].

Естественнонаучные дисциплины сближаются в стратегиях исследования к гуманитарным наукам, вводя категории долга, морали, ответственности и т.д. [2] В данной работе данная тенденция рассматривается на примере медицинских технологий.

Специфика биомедицинской экспертизы обусловлена конфликтом между интересами науки и отдельного пациента/испытуемого. Хельсинская декларация Всемирной медицинской ассамблеи 1964 г. постулирует необходимость независимой этической экспертизы и научных проектов и приоритет интересов отдельной личности над исследовательским.

Прогресс социогуманитарного сопровождения технонаучных проектов выражается в последовательном формировании программ ELSI (этические, правовые и социальные последствия), ELSA (А – аспекты) и RRI (ответственные исследования и инновации), расширяющие с каждой ступенью область проблем и принципы, а также количество разрабатываемых подходов. Специфика RRI-подхода выражается в следующих чертах: антиципация, инклюзия, рефлексивность и реагирование.

Разработка и постепенное внедрение новых биомедицинских технологий (ВРТ, включая разные методы искусственного оплодотворения, пренатальная диагностика, суррогатное материнство и т.д., возросшая актуальность проблем эвтаназии, трансплантации, экспериментов над животными и людьми и общая потребность в этическом и правовом регулировании, возникающих в биомедицинских исследованиях коллизий стали заказом к формированию такой дисциплины как биоэтика [6]. Начало XX–XXI столетия характеризуется формированием единой цивилизации с новой шкалой общечеловеческих духовных ценностей, которую можно назвать экосоциумом, или эколого-информационным обществом.

Биоэтическая экспертиза связана с социогуманитарным сопровождением биомедицины в целом, развитием каналов коммуникации между наукой и обществом. При этом анализ классических дискуссий вскрывает интересную проблему: отсутствие ярко выраженных общих тенденций и культурная контекстность решений по вопросам биоэтики. Оценка биотехнологий обнаруживает социально-эпистемологические аспекты исследований в идее дискурса «культуры» как актора формирования технологического пространства. Из этого следует, что экспертиза имеет неоднозначный и плюралистичный характер [1].

Еще одной характерной особенностью биомедицинской этической экспертизы является междисциплинарность. Для обеспечения этой необходимой методологической нормы в современной экспертизе принимают участие и представители непосредственно связанных с исследованием специальностей (врачи, биологи и т.д.), и специалисты-гуманитарии (юристы, философы, социальные работники, теологи и др.), а для обеспечения независимости этических комитетов от интересов исследователей привлекаются даже непрофессионалы (так называемые *lay persons*) [3], которые могут быть как специалистом из другой области, так и «профаном», что приводит к переосмыслению экспертизы, как сферы деятельности исключительно специалистов, а так же делает ее местом пересечения обыденного и научного знаний, трансляции целей, задач и различных эффектов исследований на доступный для публичности уровень.

Таким образом, по мере расширения практики биомедицинских исследований происходит модификация и улучшение деятельности субъектов экспертизы – этических комитетов. Сегодня структура, функции, статус, полномочия, состав и т.п. биомедицинских экспертиз разрабатывается до мельчайших деталей [5].

Список литературы

1. Мишаткина Т.В. Универсальные принципы, моральные нормы и ценности биомедицинской этики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза №1, 2007. [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 24.04.2022) <http://www.intelros.ru/readroom/bioyetika-i-gumanitarnaya-yekspertiza/vyp-1-2007/7354-universalnye-principy-moralnye-normy-i-cennosti-biomedicinskoj-yetiki.html> (дата обращения: 24.04.2022).
2. Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiogumanitarnoe-soprovozhdenie-innovatsionnyh-proektov-v-biomeditsine> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Юдин Б.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
5. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214-237.
6. Яскевич Я.С. Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий и механизмов создания этических комитетов // Биоэтика и гуманитарная экспертиза №1, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/bioyetika-i-gumanitarnaya-yekspertiza/vyp-1-2007/7355-bioyetika-v-kontekste-mezhdisciplinarnyx-strategij-i-mexanizmov-sozdaniya-yeticheskix-komitetov.html> (дата обращения: 24.04.2022).

ВАЖНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Вольнец Дарья Михайловна,

магистрант кафедры экономики и управления инновационными проектами в
промышленности

Белорусского национального технического университета

Старжинский Валерий Павлович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета

Аннотация. В статье раскрываются некоторые аспекты социально-исторического и культурного развития, способствующие сохранению национальной самобытности нашей страны, которая является основой национального самосознания белорусского народа. Актуальность темы заключается в том, что приоритетом социально-исторического и культурного развития Республики Беларусь является сохранение национальной самобытности и белорусской культуры. Осуществление этой задачи невозможно без полноценного осознания, осмысления и принятия исторического прошлого своей страны, знания и представления о котором закладываются с детства.

Ключевые слова: историческая память, морально-ценностные ориентиры, противостояние фальсификациям, историческая справедливость, историческое прошлое.

THE IMPORTANCE OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY

Volynets Darya Mikhailovna,

Master's Student of the Department of Economics and Management of Innovative Projects in
Industry

Belarusian National Technical University

Starzhinsky Valery Pavlovich

Doctor of Philosophy, Professor

Belarusian National Technical University

Abstract. The article reveals some aspects of socio-historical and cultural development that contribute to the preservation of the national identity of our country, which is the basis of the national identity of the Belarusian people. The relevance of the topic lies in the fact that the priority of the socio-historical and cultural development of the Republic of Belarus is the preservation of national identity and Belarusian culture. The realization of this task is impossible without full awareness, comprehension and acceptance of the historical past of their country, knowledge and ideas about which are laid in every resident of Belarus from early childhood.

Keywords: historical memory, moral and value orientations, opposition to falsifications, historical justice, historical past.

Сложившийся социально-политический дискурс вынуждает менее сильные государства укреплять свою национальную безопасность, чтобы не быть поглощенными государствами-агрессорами. При столкновении жизненно важных интересов между коалициями государств возникали «горячие» войны, которые основаны на непосредственном применении силы и вторжении на территорию противника. Первая и Вторая мировые войны – трагические примеры применения насилия в международных отношениях. Однако человечество недолго пребывало в состоянии относительно мирного сосуществования. На смену «горячей» войне пришла «холодная», характеризующаяся конфронтацией стран-лидеров, гонкой вооружений, возрастанием вероятности перехода войны в «горячую фазу». И только возможность самоуничтожения человечества в результате использования ядерного оружия останавливала государства от нового столкновения. Современный этап холодной войны приобрел новое качество и получил название «ледяной» (по степени охлаждения и даже «замораживанию» отношений), или гибридной (по методам, средствам и ресурсам) [1, с. 43].

В контексте рассматриваемого вопроса наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для белорусского народа имеет историческая память о Великой Отечественной войне как память о Победе над фашизмом. Несмотря на все жертвы, трудности, потери, советский народ победил, выстоял, выстрадал свою свободу и независимость.

К сожалению, в силу естественных причин все меньше и меньше остается в живых свидетелей тех страшных кровавых событий. Все больше предпринимается сегодня попыток извне для того, чтобы принизить значение борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Однако, несмотря на то что очевидцев Великой Отечественной войны осталось не так уж много, становятся общедоступными архивные документы и исторические факты, что жизненно важно для успешного противостояния фальсификациям, целью которых является сознательное искажение прошлых событий. Стремление фальсификаторов поставить под сомнение события тех жутких лет – недопустимое кощунство по отношению к матерям, не дождавшимся сыновей с полей сражений, к

женщинам-вдовам, потерявшим на войне своих мужей, к детям-сиротам, не познавшим родительской заботы и любви.

По нашему убеждению, не подлежит забвению человеческая память, хранящаяся в семейных архивах, как молчаливый свидетель подвига отцов и дедов. Фотографии, дневники, письма с фронта, вещи, награды фронтовиков позволяют и сегодня прикоснуться к истории Великой Отечественной войны, которая коснулась каждой белорусской семьи.

Семья одного из авторов этого текста не стала исключением. От полученных 16 октября 1944 г. в бою ран, в хирургическом пересыльном полевом госпитале 22 октября 1944 г. умер прадедушка автора – красноармеец Абломейко Иван Трофимович, 1917 г.р., у которого дома остались жена и трое малолетних детей. Похоронен в г. Пильтина Литовской ССР, на военном кладбище, отведенном для госпиталя. К сожалению, выяснить, сохранилось ли воинское захоронение или оно уничтожено, стерто с лица земли, по линии гуманитарного Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца Литовской Республики на сегодняшний день не удалось.

Как бы не пытались нынешние власти ряда стран разрушить, осквернить, сломать и сравнять с землей монументы и знаки памяти героям Великой Отечественной войны, официально стереть историческую правду о войне невозможно, она жила, живет и будет жить в умах и сердцах многих поляков, украинцев, литовцев, латышей, белорусов, русских и многих других народов. И это дает большую надежду на то, что память народа окажется сильнее происков, направленных на ее разрушение или искажение.

Таким образом, на наш взгляд, чтобы люди помнили и гордились своим прошлым, прошлым своих предков, это прошлое надо искать, находить, поддерживать, восстанавливать, о нем надо заботиться.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2022 г. № 1 в целях формирования объективного отношения общества к историческому прошлому, сохранения и укрепления единства белорусского народа 2022 год в Республике Беларусь объявлен Годом исторической памяти [2].

Этот год открыл и продолжает открывать очень актуальные возможности для нашего общества, через обращение к опыту истории – возможно решение задач, стоящих перед сегодняшним и будущим поколениями.

Отрадно, что в Беларуси находятся все новые воинские захоронения, устанавливаются и восстанавливаются памятники, монументы, мемориальные комплексы, такие как «Брестская крепость-герой», «Дальва», «Курган Славы», «Буйничское поле», «Хатынь» и многие другие, причем в их реконструкции и восстановлении участвуют все неравнодушные граждане нашего государства кто материально, кто своим посильным трудом.

В Год исторической памяти Беларусью всему миру было заявлено о геноциде ее населения во время Великой Отечественной войны и о начавшемся его расследовании. В связи с этим, а также в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами геноцида в годы этой войны Президентом Республики Беларусь был подписан Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» [3]. Благодаря этим решительным действиям восстановлена историческая справедливость и сделан еще один шаг к защите суверенитета нашего государства.

Нацию, государство духовно сплачивает именно культурный код, который следует оберегать и контролировать, не допуская подмены [4, с. 20]. Среди белорусов много разных национальностей, которые исторически живут на территории Беларуси. Сохранение культурного кода каждой народности, по нашему мнению, также необходимо для сохранения исторической памяти.

На наш взгляд, эталоном понимания сохранения исторической памяти можно назвать Китай, потому что история, культура и философия этого государства имеют богатейшие традиции, которые уходят корнями в глубокое прошлое и насчитывают около трех тысячелетий. И здесь огромное значение имеет культ почитания прошлого, истории, предков, национальных традиций, культурное наследие, к примеру, одно из всемирно известных и почитаемых мест – Великая Китайская Стена, которая основана в III в. до н.э., и множество археологических памятников, священных мест, религиозных достопримечательностей. В связи с этим опыт Китая в оценке сохранения исторического прошлого может быть очень значим для Беларуси.

Исходя из изложенного, сохранение исторической памяти для белорусского народа – это возможность обратить внимание и открыть новый потенциал для более глубоких знаний об истории и культуре свойственных белорусской ментальности, и возможность понять, как

повлияла на самосознание его сложная, тяжелая, но такая богатая история, и какой ему путь в будущее стоит выбрать.

Однако полагаем, что уже недостаточно тех эффективных механизмов, которые применялись ранее для того, чтобы поддержать историческую память: обучение в школе, организация и проведение тематических праздников, мероприятий, демонстрация фильмов, литература, создание и деятельность общественно-патриотических организаций и другие. Надо не останавливаться на достигнутом, а искать новые способы сохранения исторической памяти, чтобы они были более интересны и креативны для любой аудитории.

Очевидна необходимость выработки единой стратегии со стороны государства, образования и социальных институтов.

Полагаем возможным предложить новый способ для поддержания исторической памяти. Так, в настоящее время очень популярно мобильное приложение TikTok, в котором можно создать и развивать множество интересных каналов, посвященных истории Беларуси. Также можно рассматривать разработку креативных уместных мемов на историческую тематику.

Таким образом, сохранение исторической памяти предполагает последовательные действия, направленные на поиски, сбережение и передачу будущим поколениям опыта прошлого и настоящего, накопленных ценностей, моделей поведения, элементов национально-культурного наследия, обрядов и традиций.

Подводя итоги, зафиксировав следующее: чтобы люди помнили и гордились своим прошлым, о нем надо говорить, сохранять, преумножать и поддерживать; следует остановить процесс разрушения историко-культурных ценностей, в том числе памятников архитектуры и искусства; необходимо произвести поиски новых механизмов и идей для поддержания исторической памяти; активное освоение истории, способствует гармоничному развитию внутреннего мира человека, его самоидентификации на основе культурного и исторического наследия; единое историческое прошлое – консолидирующий фактор для белорусского народа.

В целом, историческая память как глобальный социокультурный феномен подвергается тотальному воздействию как в форме интерпретационного насилия, так и разрушения артефактов материальной культуры исторического дискурса. Использование исторической памяти в качестве концентриального оружия создает политическую конфронтацию

между противоборствующими сторонами, не способствует укреплению мира и добрососедства, дегуманизирует общественные отношения.

Список литературы

1. Старжинский, В.П. Историческая память как объект и инструмент концентриального воздействия / В.П. Старжинский // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : междунар. науч.-практ. конф, Витебск, 29 окт. 2021 г. : статья / Витебск. гос. ун-т им. П.М. Машерова ; ред.: А.А. Лазаревич [и др.]. – Витебск, 2021. – С. 43-46.
2. Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 января 2022 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 02.01.2022. – 1/20091.
3. О геноциде белорусского народа : Закон Респ. Беларусь, 5 января 2022 г., № 146-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 10.01.2022. – 2/2866.
4. Стратегическая культура: учебник для вузов / А. А. Бартош. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 302 с.

СИТУАЦИОННО-СЕТЕВАЯ ЛОГИКА КАК ОСНОВА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Воробьева Светлана Викторовна

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье раскрываются сущностные аспекты ситуационно-сетевой логики как основы постнеклассической рациональности. Показано, что они обусловлены, во-первых, психологическими и антипсихологическими трактовками мышления, во-вторых, зависимостью логических форм и законов от ситуаций. Обоснована двойственность ситуационного анализа и сетевой методологии. Логические особенности ситуационного анализа были выявлены в контексте темпоральных различий и переходов во временных интервалах. Исходными элементами ситуации выступают состояния и процессы. Логические особенности сетевой методологии раскрыты в контексте, с одной стороны, преодоления антиномического характера истины посредством изменения правил рассуждений, с другой, – формирования ее сетевой сущности в соответствии с устанавливаемыми правилами.

Ключевые слова: ситуационно-сетевая логика; ситуация; состояния; процессы; события; антиномический характер истины; сетевая сущность истины.

SITUATIONAL-NETWORK LOGIC AS THE BASIS OF POST-NONCLASSICAL RATIONALITY

Vorobjova Svetlana Viktorovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract. The article reveals the essential aspects of situational-network logic as the basis of post-nonclassical rationality. It is shown that they are caused, firstly, by psychological and ant psychological interpretations of thinking, and secondly, by the dependence of logical forms and laws on situations. The duality of situational analysis and network methodology had substantiated. The logical features of situational analysis had revealed in the context of temporal differences and transitions in time intervals. The initial elements of the situation are states and processes. The logical features of the network methodology was revealed in the context, on the one hand, of overcoming the antinomic nature of truth by changing the rules of reasoning, on the other, of forming its network essence in accordance with the established rules.

Keywords: situational-network logic; situation; states; processes; events; antinomic nature of truth; network essence of truth.

Актуальность ситуационно-сетевой логики обусловлена постнеклассическим контекстом ее развития. Постнеклассическая наука, совершая поворот от междисциплинарных моделей познания к моделям трансдисциплинарным, трансформирует представления о рациональности, легитимируя предикаты, связанные, с когнитивной сложностью и самоорганизацией мышления рационального агента. Эти две тенденции сопряжены, соответственно, с саморазвивающимися системами и ценностно-целевыми структурами, исследованными академиком В. С. Стёпиным [7–9]. На этом основании представляется методологически полезным раскрыть сущностные аспекты ситуационно-сетевой логики как основы постнеклассической рациональности.

Постнеклассическая рациональность, в отличие от рациональности неклассической, основана не на установке нейтральности (объективности), реализуемой на основе общепринятых эталонов и правил, а на новом типе рефлексии, связанном со сложными саморазвивающимися системами [7, с. 294–295]. Такая рефлексия требует обмена «методами и концептуальными средствами между естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками, причем не односторонне, механически, а с учетом их прямых и обратных связей» [8, с. 462]. Отсюда выводимы нетривиальные следствия: любой взгляд на мир позиционен, так как ограничен взглядом наблюдателя; любая теория имеет свой диапазон применимости, вследствие чего мир можно истолковывать по-разному. Исследователь решает, каким набором конструкторов воспользоваться, чтобы, например, «свести воедино точки зрения клинициста, историка, естествоиспытателя и философа» [4, с. 14].

Подобные трансформации мышления исследуются в ситуационно-сетевой логике. Ее в отличие от других логик нельзя рассматривать одностороннее, т.е. как продолжение классической логики или как ее альтернативу. Ситуационно-сетевая логика в своей семантике объединяет, с одной стороны, определенные онтологические и гносеологические предпосылки, с другой, – особенности протекания ментальных процессов, комбинируя обоснования посредством структур языка и прагматических соображений. Классическая логическая семантика строится на основе сильных идеализаций, например, ее можно редуцировать к набору *истина/ложь, денотат/смысл*, имеющих свои границы применимости и

правомерности. Вопрос границ в постнеклассической рациональности – это вопрос системы семантических отношений, в пределах которой устанавливаются истинностные, предметные и смысловые значения в их прагматических связях с действительностью и деятельностью. Это касается систем, в которых человек выступает мерой значения, например, в медиации [2] или городском пространстве [5].

С актуализацией прагматики возобновились дискуссии по вопросу трактовки природы логического знания, восходящему к психологическим и антипсихологическим трактовкам мышления. В частности, проблема нормативности логических законов и правил решается или в психологическом контексте свойств ума, как у И. Канта, или в антипсихологическом контексте объективных отношений между высказываниями, как у его оппонента Г. Фреге. Ошибки в эмпирическом истолковании логических форм и законов проистекают из смешения или неразличимости двух ракурсов – гносеологического и онтологического. В ракурсе гносеологии указанные формы и законы свойственны естественному процессу ментальной активности, т.е. выступают ее атрибутами. В ракурсе онтологии они связаны с объектами, оказывающимися в фокусе внимания со стороны ментальности. Следовательно, в онтологическом ракурсе обнаруживается дилемма – зависят или не зависят логические формы и законы от ситуаций как воспринимаемых конкретных положений дел, т.е. от содержания познания. Признание подобной зависимости ведет к конструктивизму в логике и, как результат, к постановке вопросов: Что такое ситуация? Какова ее роль в постнеклассической рациональности? Каким образом ситуация связана с сетью?

Ситуация выступает исходным элементом в многогранной действительности, так как именно многообразие ситуаций составляет основы существования и деятельности. В противном случае, если к ним не применить ситуационный анализ, они предстают как недифференцированный поток, в котором события, возможно очень важные, остаются неразличимыми. Это ответ на первый вопрос. Ответ на второй связан с поиском критериев конструктивности существования и деятельности. Поиск осуществляется в темпоральной логике, логике изменений, динамических логиках. В них формализация естественного языка идет в направлении выявления динамических характеристик ситуаций. В зависимости от предикатов различают два типа ситуаций – состояния, которые имеют место, и процессы, которые протекают,

например, *благоприятная* или *улучшающаяся обстановка*, *здоровый* или *выздоровливающий пациент*, *спорищик* или *спорящий*. Методологически оправданно приписывание к ним третьей, но производной ситуации – события, которое случается. Производность события означает его происхождение от состояний или процессов. На этом основании событие можно определить как упорядоченные во времени две ситуации, одна из которых исчезает, другая возникает. Поэтому событие всегда фиксируется во временном интервале, в котором осуществляется переход от прежних ранних состояний или процессов к состояниям или процессам новым.

Но сама ситуация не является аддитивной, так как не может быть сведена к логической сумме ее элементов. С этой позиции ситуация – это сеть, в которой следует различать диахронию и синхронию. Диахрония обнаруживается в событии, в котором фиксируется переход от ситуации прежней к ситуации новой. В качестве антитезы можно рассмотреть ментальные практики *номадизма* [3, с. 121], в которых отношение ко времени ограничивается актуальным настоящим (синхронией), а «выпадение» в прошлое или будущее рассматривается как ошибки и слабости мышления. Странствующий сетевой мыслитель не может ничего начать. Но может все продолжить, так как находит себя в движении, которое не имеет начала. Следовательно, он не способен зафиксировать ситуацию, тем более событие как бытийную конструкцию.

Ответ на третий вопрос, каким образом ситуация связана с сетью, обусловлен расстановкой акцентов в постнеклассической рациональности. Это ситуации, в которых фиксируются, во-первых, исходная точка видения, во-вторых, ее коммуникативная сущность и сетевая организация, что обуславливает антиномический характер истины и когнитивную сложность. Учитывая эту неизбежность, постнеклассическая рациональность легализовала аналоговое (метафорическое) мышление и его неустранимые факторы ценностей и пристрастности исследователя [9, с. 6–7].

Антиномические и сетевые аспекты истины восходят к интеллектуальной практике *софистов*, раскрывших возможность доказать противоположные позиции, объединив их в коммуникативную целостность. Необходимым условием этого объединения выступает мышление, способное к изменению правил по ходу построения рассуждений на основе корреляций между ситуацией как сетью и сетью как ситуацией. Такое движение не требует основ, но вследствие этой безосновательности оно должно быть разнонаправленным, что представляется методологически

важным в условиях когнитивной сложности ситуаций, выходящих за пределы применимости классических моделей познания. При этом идея сети в качестве коммуникативного принципа используется для преодоления антиномического характера истины.

Сетевая методология как аналитический подход служит основой для ситуативного синтеза знания под конкретную исследовательскую задачу. Ситуация предопределяет разнонаправленность интеллектуального движения, обеспечивая целостность в пределах, исчисляемых полярностями, например, монизма и плюрализма, реализма и номинализма, консерватизма и либерализма. Интерес к этой методологии обусловлен ее подвижностью, асимметричностью и ситуативностью, что обосновал, в частности, в своей сетевой эпистемологии М. де Серто [6]. «Сети стали своеобразным кодом современного понимания», – пишет В.В. Василькова, – что «требует новых способов ее описания» – «взаимосвязанных сетей понятий и моделей, в которых отсутствуют основы» [1, с. 12, 16].

Сущность ситуационно-сетевой логики раскрывается в способах преодоления антиномий, возникающих в конкретных познавательных ситуациях. Антиномическое мышление, блокируя закон исключенного третьего, доказывает, что полярности сосуществуют, выстраивая логику рассуждения в соответствии с событийным развитием ситуации. В результате осмысленным становится то, что считалось абсурдным. Иначе, игнорируя, допустим в историческом познании, тот факт, что любое развитие является антиномическим, состояние абсурдности не сменится состоянием осмысленности, если ситуационно не согласовываются, с одной стороны, то, что говорит нам прошлое и какие интерпретации порождает, с другой, – то, какими способами оно актуализируется в настоящем. Поэтому ситуационный анализ посредством антиномий подразумевает совмещение эвристики интерпретаций и картографических реконструкций реальности.

Таким образом, постнеклассическая рациональность основана на особом типе рефлексии, способном к ситуативному синтезу знаний и построению диалоговых конфигураций между идеями, направлениями, школами и пр. Формальной моделью такой рефлексии выступает ситуационно-сетевая логика. Ее сущностные аспекты обусловлены, во-первых, психологическими и антипсихологическими трактовками мышления, во-вторых, зависимостью логических форм и законов от ситуаций как воспринимаемых конкретных положений дел. Данные аспекты подтверждают двойственность ситуационного анализа и сетевой методологии.

Ситуация, задавая исходную точку видения, предопределяет условия ее истинности, которые в сетевой методологии интерпретируются как антиномические вследствие ее коммуникативной сущности. Поэтому в ситуационно-сетевой логике правила рассуждений изменяются по ходу разнонаправленных движений. Изменения обусловлены тенденциями преодоления антиномического характера истины и формирования ее сетевой сущности как истинностного коррелята принимаемых правил.

Список литературы

1. Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15. – № 5. – С. 11–24.
2. Воробьева, С.В. Медиация как дискурсивная практика: аргументационные аспекты / С.В. Воробьева // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах: тез. междунар. круглого стола, Минск, 22-23 марта 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Луцинская (отв. ред.) [и др.]. - Минск : БГУ, 2018. - С. 29-32.
3. Воробьева, С.В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния / С.В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире : сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 174 с. С.121–124.
4. Келли, Дж. Теория личности: Психология личных конструктов / Дж. Келли. – М.: Речь, 2000. – 249 с.
5. Новикова, О.В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства / О.В. Новикова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 2. – С. 12–20.
6. Серто, М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. Серто. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. – 330 с.
7. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – С.249 – 295.
8. Стёпин, В.С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма / В.С. Стёпин // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред-кол. : А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. - Минск: БГУ, 2014. - С. 448–462.
9. Стёпин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ

Врублевская-Токер Татьяна Ивановна,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. Рассматривается феномен альтернативной службы и право на отказ от военной службы вследствие убеждений с социокультурной точки зрения. Целью исследования является выявление оснований, исходя из которых, альтернативная служба может существовать как один из институтов гражданского общества. Изучаются способы возникновения права на отказ от военной службы, и, в соответствии с этим, предлагаются модели обоснования альтернативной службы – правовая и религиозная. Рассматриваются социальные и культурные факторы, ускоряющие или замедляющие общественно-политические процессы, связанные с формированием института альтернативной службы.

Ключевые слова: альтернативная служба, право на отказ от военной службы вследствие убеждений, права человека, религиозные убеждения, пацифизм, этика гражданственности, воинский этиос.

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF FORMATION OF THE INSTITUTE OF ALTERNATIVE SERVICE

Vroublevskaya-Toker Tatiana Ivanovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The phenomenon of alternative civilian service and the right to refuse military service due to beliefs are considered from the social and cultural point of view. The purpose of the study is to identify the grounds on the basis of which an alternative civilian service can exist as one of the institutions of civil society. The ways of the emergence of the right to refuse military service are being studied, and, in accordance with this, models of justification for alternative civilian service – legal and religious – are proposed. The social and cultural factors accelerating or slowing down the social and political processes associated with the formation of the institution of alternative civilian service are considered.

Keywords: alternative civilian service, right to refuse military service due to beliefs, human rights, religious beliefs, pacifism, ethics of citizenship, military ethos.

Социокультурные основания возникновения и развития альтернативной службы как идеи, как феномена и как института тесно связаны с воинским этосом. Благодаря его влиянию, масштабы которого трудно переоценить, европейская культура оказалась глубоко пронизана идеями мужественной защиты своей страны, земли, правителя, веры, идеями активной борьбы с врагами, личной отваги, силы как критерия правоты и презрения к слабости и смерти. Во многих европейских странах эти идеи и по сей день являются культурными предпосылками исполнения воинской повинности. Наряду с принятием этих идей, сложилась и значительная традиция критики такой культурной модели. В качестве известной альтернативы воинским идеалам был выдвинут идеал гражданственности, согласно которому служба своему народу может быть не только военной, а образцами доблести могут быть и вполне мирные поступки. Патриотизм, преданность своей стране, защита ее интересов, бескорыстное служение своему народу составляют ценностную основу и для идеала гражданственности. С точки зрения духовного содержания альтернативная, гражданская, служба ничем не отличается от воинской службы. Тем не менее, в культурах многих стран воинский этос представляет собой столь весомый элемент, что всем прочим способам служения приходится искать значительные основания.

Идейные основания формирования и функционирования института альтернативной службы можно разделить на две группы, что позволит в дальнейшем выделить два типа моделей альтернативной службы. В европейской культуре идейные основания института альтернативной службы развиваются в рамках дискурса прав человека и этики гражданственности. Правом, обосновывающим возможность выбирать альтернативные способы прохождения государственной службы, признается право на отказ от воинской службы вследствие убеждений. Данное право не относится к категории неотчуждаемых, имеющих естественный характер, или абсолютных прав человека, подобно праву на жизнь. В законодательстве европейских стран закреплены нормы, которые предусматривают процедуры обращения граждан для признания за ними статуса имеющих право на отказ от военной службы вследствие убеждений [1].

В европейских странах идейные основания института альтернативной службы, складываются в рамках пацифистского дискурса и этики гражданственности. Право на отказ от воинской службы вследствие убеждений закрепляется или конституционно или в соответствующих

законах о гражданской службе. Право на отказ от военной службы вследствие убеждений относится к числу прав человека, поэтому правовое и политическое непризнание института альтернативной службы или возникающие при ее осуществлении барьеры активизируют дискуссии, затрагивающие вопросы очень широкого спектра: пацифизм, развитие гражданского общества, содержание понятия патриотизм, дополняющее идеи защиты отечества и военного служения своему государству.

Наиболее последовательное теоретическое обоснование альтернативная служба получает в рамках этики гражданственности, которая регулирует поведение и отношение личности к обществу [2]. Альтернативная служба выступает в данном случае как реализация свободы морального выбора, самостоятельного определения добра и зла, форм реализации своего долга и способов взаимодействия с совестью. Стремление к введению и развитию института альтернативной службы воплощает принцип социальной справедливости, предусматривающий возможность и гарантии достижения каждым человеком своих целей.

В европейской культуре предполагается, что введение института альтернативной службы свидетельствует о готовности государства дать гражданам гарантию защиты от произвола властей и других сограждан, обеспечить их право на жизнь, свободу и собственность, право определять место жительства, право на свободу объединений.

В американской культуре, культуре США, преобладают иные идейные основания института альтернативной службы. Они связаны с религиозным дискурсом. Отказ от военной службы вследствие убеждений обосновывается духовно-нравственными идеями из числа предусмотренных религиозными учениями и общественной моралью. Отказ от военной службы может принимать разные формы: отказ от участия в боевых действиях, уклонение от регистрации в качестве призывника, отказ платить налоги, связанные с военными ассигнованиями, отказ вносить какой-либо материальный вклад в военные действия.

В американской культуре основным источником идей для развития института альтернативной службы являются идеи т.н. «церквей мира», меннонитов, квакеров, евангелистов, где частью религиозных учений является пацифизм. Другие религиозные группы, такие как Свидетели Иеговы, хотя и не являются строго пацифистскими, также прибегают к отказу от военной службы вследствие убеждений.

Современным руководящим принципом альтернативной службы в США является такой: «Убеждения, которые дают право на отказ от военной

службы, могут быть религиозными по своей природе, но не обязательно. Убеждения могут быть моральными или этическими. Однако причины нежелания человека исполнять военную службу не должны основываться на политических идеях, соображениях целесообразности или личных интересах».

Создание и развитие института альтернативной службы остается проблемой в тех странах, где всеобщая воинская повинность или обязательный призыв граждан на военную службу предусмотрены законодательно, а также развита соответствующая правоприменительная практика. В список таких стран входят: Австрия, Азербайджан, Кипр, Дания, Эстония, Финляндия, Грузия, Греция, Литва, Молдова, Норвегия, Россия, Швеция, Швейцария, Турция, Украина.

Из стран данного списка ни законодательства, ни практик, предусматривающих развитие института альтернативной службы нет только в Турции, стране, чья культура сохраняет наиболее сильное идейное влияние ценностей воинского этоса. Более того, с точки зрения турецкого законодательства, даже стремление осуществить право на отказ от военной службы вследствие убеждений является уголовным деянием.

В тех европейских странах, где обязательный призыв на воинскую службу отменен или приостановлен, законодательно признано право граждан на отказ от военной службы вследствие убеждений. При этом гражданская служба не является обязательной, установленных сроков ее прохождения нет. Во Франции альтернативная служба получила широкое распространение. Она предоставляла разные варианты занятий: волонтерские организации, социальные службы, работа в составе международных миссий в развивающихся странах. Во Франции и Испании призыв на военную службу был отменен в 2001 г., вместе с ним и практика альтернативной службы.

В Германии престиж альтернативной службы был практически равен престижу военной – с конца 2000-х гг. почти две трети призывников выбирали альтернативную службу. Исполнявшие ее занимали большинство вакансий в сфере социальной работы и реабилитологии.

В Греции у призывников есть формальное право отказа от воинской службы вследствие убеждений. Но процедура его реализации не позволяет воспользоваться данным правом многим гражданам – в стране действует только одна комиссия, принимающая решения о предоставлении права на альтернативную службу. В случае отказа комиссии призывник направляется на военную службу, апелляции по его делу прохождения военной службы

не приостанавливают. Те, кто все равно отказывается от прохождения военной службы, подлежат законному преследованию. В Норвегии, несмотря на сохранение призыва на военную службу, с 2012 года альтернативной гражданской службы фактически нет. Лица, освобожденные от военной службы, могут быть переведены на службу в секторе гражданской защиты до достижения ими 55 лет. Они проходят трехнедельный обучающий курс, а затем каждый год – двухдневное обучение. В случае кризисов и экстренных ситуаций их призывают на военную службу. В 2020 г. количество лиц, заявивших об отказе от военной службы вследствие убеждений, составило 220 человек. В 2019 году было 267 заявителей, в 2018 г. – 198, в 2017 г. – 166. Такое небольшое число желающих проходить альтернативную службу связывают с тем, что она больше не является обязательной для тех, кто освобожден от военной службы.

В США призыв на альтернативную службу в мирное время не проводится.

На основании идей, составляющих основу института альтернативной службы в западных странах, можно выделить два типа моделей альтернативной службы: правовая и религиозная. Суть первой, правовой, модели состоит в том, что гражданин, независимо от своих убеждений, обладая правом, признанным за ним по закону, может выполнять иные, помимо военной, виды службы на благо своего государства и отечества. Это рассматривается как воплощение патриотических взглядов человека, поддерживающего свою страну в тех сферах, где помощь необходима.

Вторая модель, религиозная, подразумевает, что человек из пацифистских соображений отказывается принимать участие в военных действиях, платить налоги, идущие на развитие армии и вооружений, а также выполнять разные виды работ, связанные с военно-промышленным комплексом. Данная модель предусматривает два способа несения службы после заявления об отказе от военной службы вследствие убеждений: 1) перевод на нестроевую службу для желающих продолжать служить, но без ношения оружия; 2) поручение служащему со стороны командования таких обязанностей, которые как можно меньше противоречили бы его убеждениям.

Список литературы

1. Greece. No satisfaction: the failures of alternative civilian service. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/fr/wp->

content/uploads/2021/06/eur250031999en.pdf – Дата доступа: 25.04. 2022.

2. Мишаткина, Т. В. Этика гражданственности в негражданском обществе. [Электронный ресурс] / Т. В. Мишаткина. – Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/mish.html> – Дата доступа: 26. 04. 2022.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИСТИНЫ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Гнучих Виктория Борисовна,

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. В докладе выявлены три фактора антропологического образа истины в постнеклассической рациональности. Первый фактор связан с аксиологией, поэтому изменение деятельности должно сопровождаться в постнеклассической рациональности трансформациями в ценностной сфере. Второй – фактор многомерности антропологического образа истины в постнеклассической рациональности, указывающий на широту его диапазона, который включает как обоснованную истину, так и ее имитацию. Показано, что в аспекте многомерности важно учитывать его тональность, которая порождается компетенциями и мотивациями коммуникаторов. Третий – фактор языка и дискурсивных практик – связан с коммуникативной приемлемостью антропологического образа истины. Обосновано, что он подразумевает выявление лингвистических и нормативных эффектов, обуславливающих прагматическую размерность антропологического образа истины.

Ключевые слова: антропологический образ истины; аксиологический фактор образа; многомерность образа; прагматическая размерность образа; В.С. Стёпин.

ANTHROPOLOGICAL IMAGE OF TRUTH IN POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY

Gnuchikh Viktoria Borisovna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Vorobjova Svetlana Viktorovna, PhD in Philosophy,

Cand. of Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Abstract. The report reveals three factors of the anthropological image of truth in post-nonclassical rationality. The first factor has related to axiology, so the change in activity should have accompanied by transformations in the value sphere in post-nonclassical rationality. The second is the factor of the multidimensionality of the anthropological image of truth in post-nonclassical rationality, indicating the breadth of its range, which includes both justified truth

and its imitation. It has shown that in the aspect of multidimensionality it is important to take into account its tone, which has generated by the competencies and motivations of communicators. The third one, the factor of language and discursive practices, has connected with the communicative acceptability of the anthropological image of truth. It has substantiated that it implies the identification of linguistic and normative effects that determine the pragmatic dimension of the anthropological image of truth.

Keywords: anthropological image of truth; axiological factor of the image; multidimensionality of the image; pragmatic dimension of the image; V.S. Stepin.

Актуальность проблемы постнеклассической рациональности особенно очевидна в антропологическом контексте. Такой контекст предоставляет возможность уточнения факторов истины, связанных с человеческим существованием и деятельностью. Вне его невозможно понимание истины, выходящее за пределы классической и неклассической рациональности. Поэтому цель доклада заключается в выявлении основных факторов антропологического образа истины в постнеклассической рациональности.

Если классическая рациональность и наука осваивала простые системы, а неклассическая рациональность – сложные саморегулирующиеся системы, то постнеклассическая, как это обосновал В.С. Стёпин, – сложные саморазвивающиеся системы [5, с. 438]. Такая эволюция связана именно с переходом к человекообразным системам, требующих понимания «базисных ценностей техногенной цивилизации, которые составляют ее культурно-генетический код» [5, с. 444]. Поиск истины при изучении человекообразных объектов «оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности» [5, с. 445]. В этом поиске ключевым звеном становится знание «запретов на некоторые стратегии взаимодействия», которые содержат в себе «катастрофические последствия для человека» [5, с. 445]. Это означает, что объективность, или нейтральность, характерная для исследователя в неклассической рациональности, трансформируется в его зависимость от аксиологических (ценностных) факторов в постнеклассической рациональности. Такая зависимость порождает феномен антропологической разочарованности.

В.С. Стёпин, подчеркивая разочарованность человека в технике, указывает ее причины. Начиная с Ренессанса и Просвещения, человек «понимался как активное существо, которое находится в деятельном

отношении к миру». При этом «деятельность человека должна быть направлена вовне на преобразование и переделку внешнего мира», который рассматривался в качестве арены этой деятельности. Предметом преобразования и переделки выступала в первую очередь природа, которую человек должен подчинить себе» [7, с. 51]. В это же время формировались ценностные установки современной техногенной цивилизации, например, «знание – сила». В соответствии с ними внешний мир рассматривался как среда, подлежащая преобразованиям посредством подчинения природы человеку. Но оказалось, что техника не гарант свободы и автономии личности. Но «любое изменение исторически сложившихся видов и форм деятельности обязательно должно сопровождаться изменениями в сфере культуры, появлением в ней семиотических систем, соответствующих новым программам социального общения, поведения и деятельности». Поэтому «за всеми случайностями, которые неизбежно сопровождают изменения культуры, стоят реальные запросы общества – потребности в трансформации сложившихся стереотипов и способов человеческой деятельности» [7, с. 26–27].

Начиная с последней трети XX века, происходят, согласно В. С. Стёпину, радикальные изменения в основаниях науки, которые он характеризует как четвертую глобальную научную революцию. Их результатом стало появление постнеклассической науки и нового типа рациональности. Постнеклассическую рациональность он определяет как концептуальный сдвиг в направлении истолкования ценностей, смыслов, целей, оценок [4]. В таком сдвиге особое значение обретают пространство и время, задающие масштабы указанного истолкования, например, в публичном пространстве городов [3, с. 12–13].

Диапазон антропологического образа истины в условиях постнеклассической рациональности достаточно широк, включая, с одной стороны, истину обоснованную, с другой, – ее симуляцию или имитацию [2, с. 71]. При этом сам образ истины рассматривается как социально-культурная конфигурация ментальной активности человека. В ней отражаются всевозможные логико-когнитивные феномены: разница во мнениях, противоречивая информация и умение с ней работать, смысловой конформизм, критичность и пр. В результате антропологический образ истины обретает тональность. Например, главными характеристиками эристической тональности являются трансгрессия и провокационность. Трансгрессия выражается в нарушениях норм, отрицании правил, непринятии предлагаемых обстоятельств, пренебрежении истиной в

последней инстанции. Провокационность выражается в многочисленных вызовах, например, интеллектуальных, этических, эстетических, направленных адресату сообщения [8, с. 30].

Постнеклассическая рациональность, допуская множественность позиций, направляет исследователя на решение двух взаимосвязанных проблем – соизмеримости образов истины и преодоление разногласий. Первая проблема решается в контексте языка как средства генерирования эпистемических ситуаций, вторая проблема – в контексте дискурсивных практик, определяющих правила высказываний и организации речи. Например, агент аргументации для обоснования приемлемости собственного видения истины, с одной стороны, использует языковые ресурсы, с другой, – стремится придерживаться норм разумности. Семиотика такого опыта характеризуется изменчивостью истины и ее зависимостью от концептуальных схем.

В.С. Стёпин предостерегал от опасностей новой эпохи, связанные с семиотическими изменениями человеческого опыта. В частности, он подчеркнул, что современный компьютер «уплотняет информацию», что ведет в целом к возрастанию информационной емкости знаково-символических форм трансляции человеческого опыта». А это, в свою очередь, затрудняет усвоение нового таким способом, что «человеку часто некогда длинно рассуждать». Поэтому «ему нужны схема, образ и некоторые пояснения к схеме» [6, с. 477]. В частности, «постмодернистская прагматическая размерность» определяется такими лингвистическими переменными, как *«схватить ситуацию, ограничиваясь поверхностными свойствами, симулировать истину, не проникая в сущность явлений или событий»*. Это «нашло отражение в повороте от модернистской эпохи истины/правды к постмодернистской эпохе *постправды*» [1, с. 99].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Антропологический образ истины в постнеклассической рациональности раскрывается посредством следующих выявленных факторов и терминологических уточнений. Во-первых, такой образ истины зависит от аксиологии (ценностей). Поэтому изменение деятельности должно сопровождаться трансформациями в ценностной сфере. Во-вторых, антропологический образ истины в постнеклассической рациональности является многомерным. Поэтому, исходя из этого фактора, диапазон такого образа истины достаточно широк, включая как обоснованную истину, так и ее имитацию. В аспекте многомерности важно учитывать ее тональность,

которая порождается компетенциями и мотивациями коммуникаторов. В-третьих, антропологический образ истины раскрывается посредством факторов языка и дискурсивных практик. Поэтому его коммуникативная приемлемость подразумевает выявление лингвистических и нормативных эффектов, обуславливающих прагматическую размерность.

Список литературы

1. Воробьева, С.В. Концептуальные основания медиатекста в синергизме диалектики и прагматики / С.В. Воробьева // Антропологический поворот: теории и практики : сборник трудов международной научной конференции. В 2 ч. Ч.2 / отв. ред. А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов, Т.В. Струкова. – Орел : Орловский гос. ин-т культуры, – 2021 – С. 93–106.

2. Воробьева, С.В. Образ истины в дискурсивной аналитике и ее имитация в повседневности / С.В. Воробьева // Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация [Электронный ресурс]. Сборник статей по материалам XIV Международной научной конференции. /Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т; редкол. М.М. Прохоров, А.Ф. Кудряшев, А.Н. Фатенков, В.С. Лапшина. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2019. – С 71–74.

3. Новикова, О.В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства / О.В. Новикова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 2. – С. 12–20.

4. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – С.249 – 295.

5. Стёпин, В.С. Новые измерения философии науки / В.С. Стёпин // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред-кол. : А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. - Минск: БГУ, 2014. - С. 438–447.

6. Стёпин, В.С. Пушкин и современность / В.С. Стёпин // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред-кол. : А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. - Минск: БГУ, 2014. - С. 476–478.

7. Стёпин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Стёпин. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

8. Тамразова, И.Г. Эристика как трансгрессия и категория когнитивной риторики / И.Г. Тамразова // Антропологический поворот: теории и практики : сборник трудов международной научной конференции. В 2 ч. Ч.2 / отв. ред. А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов, Т.В. Струкова. – Орел : Орловский гос. ин-т культуры, – 2021 – С. 26–39.

ФОРМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР

Го Цзимао,

Аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного
сотрудничества, Институт философии НАН Беларуси

Смоляков Дмитрий Анатольевич

канд. филос. наук, научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского
центра философии и культуры Института философии НАН Беларуси и Линнаньского
педагогического университета

Аннотация. Интернационализация высшего спортивного образования в Китае на разных этапах его развития оказывала на него совершенно разное социокультурное влияние в силу смены источника заимствования. В годы потрясений физическая культура развивалась как элемент повышения боевого потенциала войск, затем, период социально-экономических преобразований, как элемент политического влияния. В настоящее время обе формы сохраняются в рамках современной парадигмы интернационализации китайского высшего спортивного образования. Вместе с тем, набирает популярность новое направление, основанное на развитии традиционной физической культуры, и развивающиеся в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и в контексте дальнейшей реализации Китаем концепции «Единой судьбы человечества».

Ключевые слова: интернационализация образования, глобализация физической культуры, философия образования, КНР.

FORMS OF INTERNATIONALISATION OF HIGHER SPORTS EDUCATION IN THE PRC

GO Jimaо,

Postgraduate student, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Dzmitry A. Smaliakou,

PhD in Philosophy, Researcher at Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture
of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus and Lingnan
Normal University

Abstract. The internationalization of higher sports education in China at different stages of its development had a completely different sociocultural impact on it due to a change in the source of borrowing. During the years of upheavals, physical culture developed as an element of increasing the combat potential of the troops, then, during the period of socio-economic transformations, as an element of political influence. Currently, both forms are maintained

within the framework of the modern internationalization paradigm of Chinese higher sports education. At the same time, a new direction is gaining popularity, based on the development of traditional physical culture, and developing within the framework of the One Belt, One Road initiative and in the context of China's further implementation of the concept of the "Common Destiny of Humanity".

Keywords: internationalisation of education, globalisation of physical culture, philosophy of Education, PRC.

В настоящее время интернационализации высшего спортивного образования уделяется все больше внимания в социально-философских исследованиях, где это явление рассматривается в контексте актуальных социокультурных трансформаций на глобальном уровне [1]. Интернационализация высшего спортивного образования в Китае на разных этапах своего развития представляла собой совершенно разные социально-культурные явления в рамках перенимания опыта у Японии, Европы, США и СССР.

Милитаризм. В 1950-е годы КНР создавалось в условиях дихотомии между социализмом и капитализмом, на основе интенсивной помощи со стороны СССР. Начавшаяся в то время Корейская война усугубила это противостояние, в связи с чем физическая культура в западном ее понимании была отвергнута КНР как производное капитализма. В этом контексте развитие физической культуры в Китае было ориентировано на советский комплекс «ГТО» (Готов к труду и обороне), целью которого была подготовка армейского резерва в рамках общих задач коммунистического воспитания [2, с. 398]. Связь между военной подготовкой и физической культурой не редкость и в других странах: внедрение спорта часто связывалось с военными потребностями, а первые учителя физической культуры зачастую являлись военнослужащими [3].

Политизация. В 1980-х годах КНР обратилось к Западу в поисках экономического сотрудничества. В это время рождается китайская «мечта о сильной спортивной нации», построенная на активном вовлечении КНР в глобальную олимпийскую систему. Эта модель развития была направлена, с одной стороны, на укрепление международного престижа в рамках развития экономического сотрудничества с западными партнерами, а с другой стороны, на высокие достижения на Олимпийских играх, демонстрирующие силу Китайского государства [4].

В этом контексте спорт высоких достижений стал основной целью работы спортивных организаций в Китае. Вместе с тем, китайское высшее

образование в сфере физической культуры направлено на подготовку школьных педагогов и спортсменов только для олимпийских видов спорта. В этой связи китайские спортивные исследователи и студенты, обучающиеся за рубежом, ориентируются на страны-лидеры медальных зачетов Олимпиад. В этих условиях сокращается пространство для развития массового спорта, а интернационализация высшего спортивного образования ориентирована на высокие достижения, а не на массовое оздоровление.

Таким образом, физическая культура в прошлом имела значение и как элемент усиления боевого потенциала во время военных потрясений, и как элемент политического влияния в мирное время. Оба эти фактора сохраняются в современных тенденциях интернационализации высшего физкультурного образования в КНР. В тоже время, в настоящее время все большую актуальность приобретает новый приоритет образования – традиционные виды спорта, направленные на массовое оздоровление. Данное направление будет усиливаться в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь», а также в условиях дальнейшего внедрения концепции «Единой судьбы человечества» в КНР.

Список литературы

1. Го Цзимао. Интернационализация высшего спортивного образования как объект социально-философского исследования / Цзимао Го // Философские исследования. – 2022. – № 9. – С. 371–379.
2. 谭华. 体育史 / 高等教育出版社 [Тан Хуа. История физической культуры / Хуа Тан. – М. : Изд-во высшего образования, 2005. – 479 с].
3. Dario Škegro, Zrinko Čustonja. History of physical education in Croatia / Škegro Dario // History of Physical Education in Europe. Volume I. – Leposavić, 2015. – С. 39–57.
4. 郝勤. 论中国体育“举国体制”的概念,特点与功能 / 成都体育学院学报 [Хао Цинь. Концепция, характеристики и функции «национальной системы» китайского спорта / Цинь Хао // Журнал Института физической культуры Чэнду. – 2004. – № 1. – С. 7–11].

«ЗАСОРЕНИЕ» ЯЗЫКА КАК НЕГАТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Голубев Вячеслав Андреевич,

аспирант кафедры философии и социальных наук
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова

Аннотация. Под языком на сегодняшний день понимается прежде всего способ передачи информации и выражения мыслей, который может быть воспринят другими людьми. Однако язык является еще и своеобразным показателем состояния культуры, общества в целом. Поэтому намеренное его искажение отражается не только возможности неверного восприятия передаваемой информации, но и в искажении существующих национальных и культурных ценностей. Привносимые намеренно заимствования, перерастающие в т.н. «слэнг» негативно отражаются на духовной культуре общества и при этом могут носить деструктивный характер.

Ключевые слова: глобализация, язык, неологизмы, культурная идентичность, ценности.

LANGUAGE CONTAMINATION AS A NEGATIVE SIDE OF GLOBALIZATION PROCESSES

Golubev Vyacheslav Andreevich,

Postgraduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences,
Vitebsk State University by P. M. Masherov

Abstract. Today, language is understood primarily as a way of transmitting information and expressing thoughts that can be perceived by other people. However, language is also a kind of indicator of the state of culture, society as a whole. Therefore, its deliberate distortion is reflected not only in the possibility of misperception of the transmitted information, but also in the distortion of existing national and cultural values. Deliberately introduced borrowings, developing into the so-called "slang" has a negative impact on the spiritual culture of society and at the same time can be destructive.

Keywords: Globalization, language, neologisms, cultural identity, values.

Под «засорением» языка понимается, в первую очередь, употребление различного рода слов и выражений, являющихся чуждым данному языку при существовании аналогичных по значению слов в самом языке. Иными словами, это чрезмерное употребление заимствований. Однако это не означает, что любое заимствование есть нечто негативное. Напротив,

посредством диффузии язык обогащается новыми вариантами различных терминов и значений, что делает его богаче. Однако существуют моменты, когда заимствования негативно сказываются на языке и, как следствие, на культуре в целом.

Глобализация – процесс, начавшийся еще в середине XX в. и продолжающийся до наших дней. В широком смысле глобализация означает собой политическое, экономическое и культурное сближение народов и государств. Глобализация – процесс, не происходящий спонтанно. У него есть свои цели и условия протекания, и по своей сути он является контролируемым.

Если рассматривать данный процесс с точки зрения культурного взаимодействия, то здесь очевидно то, что глобализация не просто сближает культуры, но приближает их к единому шаблону, который выступает ориентиром развития. Данным шаблоном является культура западного и, прежде всего, североамериканского образца. Основная характерная черта данной культуры – трансформация культурных артефактов в объекты купли-продажи. И действительно, по мере развития процесса глобализации и формирования массового общества (или общества потребления), культура стала, прежде всего, объектом рыночных отношений, и только во вторую очередь транслятором определенных ценностей.

Немаловажная роль в процессе глобализации принадлежит т.н. транснациональным корпорациям (ТНК), которые являются, по сути, одними из ее двигателей. Не стоит скрывать, что основная цель данных корпораций – получение максимальной прибыли от реализуемой продукции и обеспечение собственного производства дешевыми ресурсами. И в этой связи культура и, прежде всего, язык, выступают как средство воздействия на массовое сознание людей с целью сформировать у них потребности потребления определенных товаров и услуг. Не секрет, что языком глобализации и распространяемой ей массовой культуры является американизированный вариант английского языка. Далее следует подробнее рассмотреть влияние на языки культур.

В первую очередь, это достигается за счет формирования в национальных языках неологизмов, напрямую связанных с языком транслируемой культуры (например, «сэндвич» вместо «бутерброд», «донат» вместо «пончик» и т.д.). Иными словами, неологизмы и их обилие в речи является показателем близости человека к культуре-идеалу, делает его «продвинутым» в отношении с другими людьми, указывает на следование моде. Однако, многие исследователи задаются вопросом:

«Обогащает это русский язык? Скорее, засоряет и даже затрудняет общение между людьми и, если хотите, делит их на тех, кто знает английский, широко образован, и тех, кто его не знает и не получил должного образования» [1, с. 104].

Второй момент, который следует отметить, это социальная и политическая ситуация конца XX в, которая была характерна для советского, а затем и постсоветского пространства. Политика перестройки в СССР, направленная на сближение с США и западным миром, а затем и вовсе отказ от социалистического пути развития одновременно ставили перед собой достижение благ капиталистического мира и ориентации общества на западный путь развития. Этим можно объяснить де-факто сознательное внедрение в русский язык англоязычных слов-заимствований, которые приближали бы советского и постсоветского человека к культурным и социальным реалиям западного мира. Как пример, можно привести слово «шопинг».

Новый этап заимствований связан с цифровой революцией и развитием социальных сетей как средств коммуникации и элемента массовой культуры. В обиход прочно вошли слова «юзер» (вместо «пользователь»), «хейтить» (вместо «ненавидеть» и т.д. С одной стороны, это очевидно засоряет русский язык, а с другой, лингвисты отмечают «снижение уровня знания значений иностранных слов, увеличение числа слов, которые говорящие считают известными, но значения которых они в действительности знают ошибочно» [2, с. 10].

Однако главной проблемой является отнюдь не это. В первую очередь, вместе с языком как элементом культуры зачастую передаются определенные ценности и образы, которые воспринимаются сознанием человека и формируют у него отношение к окружающей действительности. Если человек будет видеть, что использование родного языка и культуры в целом воспринимается обществом как нечто абсурдное или несуразное, или устаревшее, вышедшее из моды, то он, вероятней всего, будет стремиться быть наравне с остальными членами общества, в котором он существует. В свою очередь, использование целыми социальными группами лишних заимствований, следуя моде, распространяемой в рамках процесса глобализации массовой культурой, является ничем иным, как сознательной утратой своей культурной и национальной идентичности, превращению в «массу», которая служит лишь объектом потребления определенных благ, производимых ТНК.

Таким образом, язык является важным элементом культуры, несущим в себе идентичность народа и нации. Глобализация, стремящаяся стереть национальные и культурные идентичности в пользу насаждаемого стандарта в виде западной культуры, ориентирована на формирование единого мирового общества массового потребления. В этих условиях язык становится одним из трансляторов навязываемых культурных ценностей. Происходит отказ от использования существующих слов русского языка в пользу неологизмов, взятых из, в первую очередь, английского языка. В этой связи крайне важным является стремление сохранить родной язык как элемент культуры, которая, в свою очередь, является основным условием существования народа.

Список литературы:

1. Аветисян Н. Г. Английский язык в российской действительности: нашествие или результат глобализации? / Н. Г. Аветисян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. – С. 98-106

2. Лапынина Н. Н. О некоторых тенденциях развития словарного состава современного русского языка под влиянием процесса глобализации / Н. Н. лапынина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. - №2. – С. 8-14

**ГЛАВНАЯ КНИГА В.С. СТЁПИНА «ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ:
СТРУКТУРА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ» В
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ МИНСКОЙ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Данилов Александр Николаевич

член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье рассмотрено содержание, основные идеи главной книги выдающегося современного философа, академика РАН, почетного профессора Белорусского государственного университета Вячеслава Семеновича Стёпина (1934-2018) «Теоретическое знание» (2000 г.). Выход монографии стал заметным событием в мире науки. Она была издана, а затем переиздана в России, переведена на испанский и английский языки [5; 6]. В 2021 году книга впервые была издана в Беларуси [3]. Автор выдвигает новые мировоззренческие ориентиры цивилизационного развития в контексте идей универсального эволюционизма как основы современной научной картины мира. Новаторские идеи ученого во многом определили облик и направления развития современной отечественной философии науки и культуры и сегодня востребованы. Они находят свое применение в различных областях научного знания.

Ключевые слова: В.С. Стёпин, Минская методологическая школа, теоретическое знание, природа научного познания, структура научной теории, научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские основания науки, научные революции, концепция научной рациональности, типы цивилизационного развития, историческая реконструкция.

**THE MAIN BOOK OF V.S. STEPIN “THEORETICFL KNOWLEDGE:
STRUCTURE, HISTORICAL EVOIUTION” IN THE RESEARCH
TRADITION OF THE MINSK METHODOLOGICAL SCHOOL**

Alexander N. Danilov

Corresponding Member of the National Academy of Sciences of
Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department,
Belarusian State University

Abstract. The article discusses the content, the main ideas of the main book of the outstanding modern scientist-philosopher, academician of the Russian Academy of Sciences, honorary professor of the Belarusian State University Vyacheslav Semenovich Styopin (1934-

2018) "Theoretical knowledge" (2000). The publication of the monograph became a notable event in the world of science. It was published and then republished in Russia, translated into Spanish and English [5; 6]. In 2021, the book was first published in Belarus [3]. The author puts forward new worldview guidelines for civilizational development in the context of the ideas of universal evolutionism as the basis of the modern scientific picture of the world. The innovative ideas of the scientist largely determined the appearance and directions of development of modern domestic philosophy of science and culture, and today they remain in demand. They find their application in various fields of knowledge.

Keywords: V.S. Styopin, theoretical knowledge, nature of scientific knowledge, structure of scientific theory, scientific picture of the world, ideals and norms of scientific research, philosophical foundations of science, scientific revolutions, concept of scientific rationality, types of civilizational development, historical reconstruction

Сегодня предлагается много теорий, которые пытаются осмыслить новые вызовы времени, объяснить происходящие перемены, найти выход из кризиса. Однако приходится констатировать, что пока реального ответа на новые вызовы не найдено. Очень жаль, что в этой ситуации мы редко обращаемся к творческому наследию наших выдающихся предшественников. И в первую очередь к богатому научному наследию выдающегося философа и методолога науки Вячеслава Семеновича Стёпина (1934 – 2018). Его идеи относятся не просто к осмыслению научных проблем, они помогают разобраться в той ситуации, в которой сегодня оказалось человечество, и ориентируют на поиск выхода из современного цивилизационного тупика.

В предисловии своей главной книги, которой по праву считается «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция», В.С. Стёпин писал, что данная монография подводит итоги его более чем 20-летних исследований структуры и динамики теоретических знаний науки. Он пишет: «Я начал эту работу еще в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века. В этот период в нашей философии науки осуществлялся переход от доминирования онтологической проблематики философии естествознания (обсуждение проблем развития, причинности, пространства и времени под углом зрения достижений естествознания XX в.) к интенсивному логико-методологическому анализу строения и динамики научного знания» [3, с. 23]. Это был передний край и западной философии науки. Само время ставило проблему исторической изменчивости всех компонентов научного знания. «Концепция теоретического знания, его структуры и генезиса, разработанная Вячеславом Семеновичем в минский период его

деятельности, остается одной из самых содержательных и перспективных в области современной философии и методологии науки в целом. Итоговый труд «Теоретическое знание», созданный уже в его бытность директором Института философии РАН (2000), содержащий в том числе его оригинальную концепцию типов научной рациональности, признан в мировом сообществе, по словам Тома Рокмора, наиболее убедительной версией эпистемологического конструктивизма» [1, с. 10-11]. В монографии В.С. Стёпина представлена авторская концепция структуры и генезиса научной теории, мировоззренческих универсалий как базисных оснований культуры, типов научной рациональности и типов цивилизационного развития.

Монография начинается с рассмотрения природы научного познания в его социокультурном измерении. Здесь В.С. Стёпин представляет свое видение типов цивилизационного развития – традиционное общество и техногенная цивилизация, их базисные ценности. Идея типов цивилизационного развития с его точки зрения предполагает выявление в культурно-генетическом коде цивилизации некоторого системообразующего ядра, которое, с одной стороны, объединяет цивилизации одного типа, а с другой – разграничивает их с цивилизациями другого типа. В качестве такого ценностно-смыслового ядра выступают мировоззренческие универсалии культуры. Речь в данном случае идет о таких фундаментальных универсалиях, как «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «рациональность», «власть» и др. Эти категории функционируют в качестве базовых ценностей и жизненных смыслов каждого из типов цивилизационного развития, но их понимание оказывается различным в техногенной цивилизации и традиционных обществах.

В монографии обосновывается идея о том, что научная рациональность и креативная научная деятельность обретают приоритетный статус в системе ценностей техногенной цивилизации. Наука, возникнув в культуре техногенной цивилизации, имеет свои отличительные признаки. В.С. Стёпин выделяет специфические особенности научного познания, отличающие его от других форм познавательного отношения человека к миру, в том числе и от обыденного познания. Прослеживается, как возникают предпосылки теоретического знания в традиционных культурах. С укоренением в культуре социально-гуманитарных наук завершилось формирование науки как системы дисциплин. В своих развитых формах наука, как исторически

эволюционирующий феномен, предстала как дисциплинарно-организованное знание, в рамках которого каждая отрасль знания обладает относительной автономностью и взаимодействует с другими.

В.С. Стёпин в своей работе показывает, что со становлением дисциплинарной организации науки в ней сложились внутридисциплинарные и междисциплинарные механизмы порождения знаний, и сам анализ этих механизмов предполагает предварительное исследование структуры теоретических знаний. В одном из последних своих выступлений В.С. Стёпин говорит: «Моя позиция состоит не в том, что «науки едины в своих методах». Наука дифференцирована. В каждой из научных дисциплин есть своя специфика и свои методы. Методологическое единство науки заключается в наличии в ней общих методологических идей и принципов, которые развиваются в контексте исторической эволюции науки. Эти идеи и принципы регулируют взаимоотношения конкретных методов различных дисциплин. Сегодня их разработка обретает особую актуальность в связи с резким возрастанием в современной науке роли междисциплинарных исследований» [2, с. 263].

В книге В.С. Стёпина представлена авторская концепция структуры научной теории. В структуре оснований науки В.С. Стёпин выделил три основных компонента, которые рассматривались как органично связанные между собой. Это – научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования и философские основания науки. В концепции В.С. Стёпина все три компонента оснований науки представлены как сложноорганизованные, исторически развивающиеся, взаимосвязанные между собой. Они являются тем звеном, которое принадлежит и к внутренней структуре науки, и к ее инфраструктуре, обеспечивающей включение эмпирических и теоретических знаний в культуру, их состыковку с мировоззренческими установками соответствующей эпохи, с ее ценностными приоритетами.

Рассматривая науку в ее динамике, В.С. Стёпин в своей монографии показывает, что в этом процессе меняется стратегия теоретического поиска. Эти изменения предполагают трансформацию и перестройку оснований науки. Сама же перестройка оснований науки предстает как научная революция. При этом В.С. Стёпин рассматривает научные революции как своего рода «точки бифуркации» в развитии знания, когда обнаруживается веер возможностей последующего развития. Реализуются из них те направления, которые не только обеспечивают определенный «сдвиг проблем» (И. Лакатос), но и вписываются в культуру соответствующей

исторической эпохи, согласуясь с ее мировоззренческими принципами и ценностными приоритетами. В периоды научных революций из нескольких потенциально возможных линий будущей истории науки культура выбирает те, которые лучше соответствуют ее фундаментальным ценностям и мировоззренческим структурам, доминирующим в данной культуре. Выделение типов научных революций позволило автору выделить в развитии науки такие периоды, когда меняются все компоненты оснований науки. Эти периоды В. С. Стёпин называет глобальными научными революциями.

Разработка концепции научной рациональности была начата В. С. Стёпиным еще во время работы в Белорусском государственном университете. В восьмидесятых годах XX в. он выделил три этапа в развитии науки – классический, неклассический и так называемый этап науки НТР-овского типа. Затем для обозначения последнего он ввел понятие «постнеклассическая наука», «постнеклассический тип научной рациональности», а также отчетливо сформулировал критерии различения выделенных типов научной рациональности.

Идеи В.С. Стёпина выступают методологической основой анализа обширного материала различных областей знания. «В ближайшем будущем, – писал В.С. Стёпин, – человечество, осваивая конвергентные технологии, столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует нового уровня социально-гуманитарных научных исследований. Роботизация и применение информационных технологий ставят задачу изменения стратегий обучения и подготовки специалистов» [4, с. 10]. Проблемы, поднятые в монографии, актуальны и в настоящее время ждут своего нового прочтения.

Список литературы

1. Буданов В.Г. История типов научной рациональности по Вячеславу Стёпину // *Философия во множественном числе*. – М.: Академический проект, 2020.
2. Стёпин В.С., Смирнова Н.М. Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // *Реплики: философские беседы*. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2021.
3. Стёпин В.С. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. – Минск : Беларуская навука, 2021.
4. Стёпин В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018, № 3. – С. 4–10.

5. Stiopin V. S. El Saber Teorico. Estructura, Evolucion Historica. Madrid, Universidad Nacional de Educacion a Distancia. 2004.

6. Stepin V. Theoretical Knowledge. Synthese Library. Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Volume 326. Springer, 2005.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Дедолко Юлия Владимировна,

магистр философии,

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье исследуется специфика постнеклассического этапа развития науки. Цель статьи – выявить перспективы синтеза естественных и социально-гуманитарных наук в исследованиях социальной реальности как сложной саморегулирующейся и саморазвивающейся системы. Актуальность исследования продиктована увеличением количества научных достижений, стирающих грань между естественным и искусственным. На основе анализа работ К. Лоренца, В. Т. Новикова, И. Пригожина, В. С. Стёпина, Э. Уилсона обоснована продуктивность междисциплинарной методологии в исследованиях природы человека и социальной реальности. Современные естественно-научные дисциплины (этология, социобиология) предоставляют данные, которые могут быть использованы социально-гуманитарными науками, что обосновывает необходимость дальнейшего синтеза естественных и социально-гуманитарных наук в контексте трансдисциплинарных исследований человека и общества. Обоснован значительный экспертный потенциал философского познания в современных трансдисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: наука, постнеклассическая наука, естествознание, социально-гуманитарное познание, междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, сложные саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF TRANSDISCIPLINARITY RESEARCH IN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Dedolko Julia Vladimirovna,

Master of Philosophy,

Senior Lecturer of Department of Philosophy and Methodology of Science,

Belarusian State University

Abstract. The specifics of the post-non-classical stage in the science development was researched in the article. The purpose of this article was to reveal prospects of natural and social sciences synthesis and humanities in the study of social reality as a complex self-regulating and self-developing system. The relevance of the study was dictated by the increasing number of

scientific advances, blurring the line between the natural and artificial. The productivity of interdisciplinarity methodology in the study of human nature and social reality was justified basing on analysis of works written by K. Lorenz, V. T. Novikov, I. Prigogine, V. S. Styopin, E. Wilson. Contemporary natural-science disciplines (ethology, sociobiology) provide data which can be used by social-humanitarian sciences, that ground of further natural and social-humanitarian sciences synthesis necessity in the context of transdisciplinarity studies of human and society. The work was substantiated significant expert potential of philosophical cognition in contemporary transdisciplinarity researches.

Keywords: science, post-non-classical science, natural science, social and humanitarian cognition, interdisciplinarity and transdisciplinarity researches, complex self-regulating and self-developing system.

Критериями для различения этапов развития науки на классику, неклассику и постнеклассику, согласно В. С. Стёпину, служат: 1) особенности системной организации изучаемых объектов; 2) специфика средств и операций научной деятельности; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций ученого [7]. Во 2-ой половине XX в. с накоплением научных знаний и развитием принципиально новых направлений в науке (системный подход, синергетика, появление IT-сферы, философия и социология науки), а также в результате рефлексии над мировоззренческими основаниями науки и последствиями научных открытий, происходит формирование нового типа научной рациональности, названного В. С. Стёпиным постнеклассическим. Изменяются представления об исследуемом объекте – в центре внимания ученых теперь находятся открытые сложные саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы: «Сегодня уже можно констатировать, что представления о саморазвивающихся системах постепенно становятся доминирующими образами предметов как социально-гуманитарных, так и естественных наук» [7]. Формулируются концепция глобального эволюционизма, антропный принцип, происходит развитие междисциплинарной ориентации, системного подхода, проблемно ориентированного научного поиска, расширение сферы философско-методологической рефлексии [2; 3]. Как отмечал И. Р. Пригожин: «Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по-преимуществу нарративные науки – с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» [6].

В постнеклассической науке в связи с исследованием сложных саморегулирующихся и саморазвивающихся систем становится востребована междисциплинарная методология, некорректное использование которой чревато редуционизмом [2; 3; 5]. Однако, как отмечал К. Лоренц, критиковавший «моду» на применение методологического инструментария физики в биологии при исследовании сложных развивающихся систем: «Методическая ошибка состоит здесь не в общем всем естествоиспытателям стремлении свести все явления жизни, даже принадлежащие наивысшим уровням интеграции, к основным законам природы и объяснить их, исходя из этих законов, – в этом смысле мы все «редуционисты», методическая ошибка, которую мы называем редуционизмом, состоит в том, что при таких попытках объяснения упускается из виду безмерно сложная структура, в которую складываются подсистемы и из которой только и могут быть поняты системные свойства целого» [4].

Основатель социобиологии Э. Уилсон подчеркивает несколько преувеличенную «опасность» редукиции (с точки зрения обществоведов и гуманитариев) в рамках междисциплинарного взаимодействия двух сфер науки и объясняет это следующим образом: «Редукиция – традиционный инструмент научного анализа, но метод этот вызывает страх и обиду. Если человеческое поведение может быть в большей или меньшей степени сведено к законам биологии, то человечество становится неуникальным и в определенной степени дегуманизируется» [8].

Избежать подобной дегуманизации возможно и необходимо, подчеркивает Э. Уилсон, к тому же имеющийся опыт синтеза естественных наук и социально-гуманитарного познания демонстрируют продуктивность и позитивные результаты междисциплинарной методологии в исследованиях сверхсложных систем, к которым относится человеческое общество [2; 3]. Значимая роль в преодолении разобщенности между естественными и социально-гуманитарными науками принадлежит идее нестабильности, позволившей включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, тем самым включив человека в природу (И. Р. Пригожин). Мы все еще отдаем дань традиции и продолжаем противопоставлять природную и социальную реальность, но признаем необходимость междисциплинарных исследований не только внутри каждой из этих исторически сложившихся двух сфер науки, но также и на стыке естественных и социально-гуманитарных дисциплин, исследующих

сложные природно-социальные комплексы, в структуру которых входит человек [2; 3].

В. С. Стёпин отмечал: «Категориальная матрица понимания и осмысления саморазвивающихся систем очерчивает пути синтеза достижений естественных, технических и социально-гуманитарных наук в рамках общенаучной картины мира» [7]. Э. Уилсон, обосновывает эвристическую перспективность и продуктивность подобного синтеза, исходя из анализа развития междисциплинарных исследований на примере биологии, использующей методологический арсенал таких дисциплин как физика, химия, математика. Подобное взаимодействие происходит в рамках социально-гуманитарного познания в экономике, социологии, психологии. В частности, эволюционный подход использован в экономической теории инновационного развития американским экономистом А. Алчианом в работе «Uncertainty, Evolution and Economic Theory» (1950). А. Алчиан в анализе экономических явлений исходил из гипотезы неполной информации и неполного предвидения, а также опирался на принципы естественного отбора и биологической эволюции. Он рассматривал экономическую систему как адаптивный механизм, совершающий выбор, направленный на достижение успеха.

Смыслообразующим центром социально-гуманитарных дисциплин является, прежде всего, человек, исследуемый в различных его проявлениях и сферах жизнедеятельности: «...в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [6]. В философии человек, представляя собой сложноорганизованное, противоречивое существо, рассматривается как биосоциальный феномен. Как биологический вид человек принадлежит миру природы, он есть одновременно результат и процесс эволюции, вследствие чего биологическая конституция человека не является жестко запрограммированной и позволяет ему приспосабливаться к изменяющимся условиям существования. Особенность человека состоит в том, что он испытывает на себе влияние как природной среды, так и социальных факторов. В тоже время современные исследования в рамках этологии, социобиологии, эволюционной психологии демонстрируют, что и сама социальная структура имеет биологические предпосылки. Современные мирмекология, этология и социобиология накопили обширные данные об общественном поведении насекомых, животных и людей. На сегодняшний день наукой выявлено двадцать случаев эусоциальности в живой природе, в число которых входит и человек.

Социальность человека, согласно данным социобиологии, формируется в процессе группового отбора, задающего генетические предпосылки к способности взаимодействия с другими людьми предпочтительным, с точки зрения эволюционного отбора, образом, к освоению созданной многими поколениями предметной среды, языка, системы моральных ценностей, но не в рамках жесткой инстинктивной детерминированности, а в процессе социализации и инкультурации, дающей возможность вариативного поведения. Данный вывод подтверждается тезисом Э. Уилсона о том, что процессы природной и культурной эволюции являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Культура есть результат эволюции природной, но и сама она оказывает обратное влияние на ее процессы. Поэтому жесткая демаркация этих двух сфер человеческого бытия и его познания в современных реалиях, на наш взгляд, является исчерпавшей себя и некорректной [2; 3].

Социобиология, как научная дисциплина и системное изучение биологической основы всех форм социального поведения организмов, в том числе и людей, может стать мостом над пропастью, долгое время разделявшей естественные и социально-гуманитарные науки, связующим их путем распространения методов и данных популяционной биологии и эволюционной теории на социальную организацию. Как одна из новейших наук, социобиология исходит из принципов системности, рассматривая природу, человека и общество как сложные взаимосвязанные многоуровневые саморазвивающиеся системы, и глобального эволюционизма, анализируя феномены человеческого бытия как результат диалектического взаимодействия природной и культурной эволюций. Предложенное Э. Уилсоном соединение биологии с различными социальными науками – психологией, антропологией, социологией и экономикой – выводит исследование проблемы человека и общества на новый, мультидисциплинарный, уровень анализа. Междисциплинарные исследования сферы социокультурного бытия в рамках социально-гуманитарного познания, говоря словами Э. Уилсона, ограничиваются исследованием «второй природы», не учитывающими глубинных эволюционных аспектов человеческого и социального бытия. В рамках даже такой перспективной методологии мы исследуем следствие, но не причину, а подобный подход негативным образом влияет на возможности научного и социального прогнозирования.

Выходя за пределы своей биологической генетической программы, человек создает «вторую природу», «искусственную» среду обитания.

Поскольку и природная и социальная реальности являются сложными открытыми и саморазвивающимися системами, в которые человек включен одновременно, то взаимодействие с ними не является чем-то внешним. Развивая представления о целевой причинности, В. С. Стёпин отмечал, что человек как бы включается в эти системы, видоизменяя каждый раз поле их возможных состояний. Своей деятельностью человек создает определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, втягивающие систему в то или иное русло развития. В то же время можно рассматривать эти процессы как естественные, выражающие сущностные особенности природной и социальной систем, развивающихся в рамках единой эволюции. Поэтому, когда человечество своей деятельностью направляет развитие какой-либо системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное: «Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного» [7].

Подобная точка зрения становится особенно актуальной сегодня, в начале XXI в., когда научные достижения в прямом смысле стирают грань между естественным и искусственным [2; 3]. Человек, использующий высокотехнологичные бионические протезы, вживляющий электронные чипы в свой организм, использующий технологии клонирования и генного модифицирования живых организмов, печатающий органы на 3D принтере, создавший искусственный интеллект, успешно преодолевший тест Тьюринга и превосходящий по мощи человеческий, уже способный считывать не только мимику и жесты людей, но и мысли, – человек сам своей деятельностью не только ускоряет, но и направляет процессы эволюции, стирая грань между естественным и искусственным. В такой ситуации синтез естественных и социально-гуманитарных дисциплин в рамках мультидисциплинарных исследований необходим, в первую очередь, потому что человечество подошло к такому рубежу своего развития, которое ставит нас на грань выживания и как биологического вида, и как особого бытия в мире. Но не по причине войн, голода, болезней и/или экологических катастроф, а потому что новый, порожденный и стимулируемый современными технологиями виток эволюции может стать настолько стремительным и непредсказуемым, что надобность в человеческом бытии в совокупности его биологических, социальных и духовных практик и проявлений станет избыточной и неустраиваемой грядущей эрой технологической сингулярности.

Без понимания истинной природы и целей человечества, в рамках современной ситуации «смерти культуры», экспоненциального роста научных знаний и развития высоких технологий во всех областях человеческой жизнедеятельности мы в очередной раз оказываемся в ситуации аномии, характеризующейся аморфностью системы социальных норм, дезорганизацией традиционных социальных институтов, неопределенностью и нестабильностью социальной среды, дивергенцией между декларируемыми обществом ценностями и возможностью их реализации отдельными индивидами, разрушением единства культуры, вследствие чего реальный жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам.

Современная социокультурная и научно-технологическая ситуация особенно остро ставит перед человечеством вопрос целей и ценностей, что подчеркивал И. Р. Пригожин: «...многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора – выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность» [6]. Анализируя специфику постнеклассического этапа развития науки, В. С. Стёпин обратился к переосмыслению традиционалистских ценностей восточных культур и выделил три момента, в которых они коррелируют с современной наукой: 1) представления об окружающей среде как особом живом организме в рамках концепции глобальной экосистемы или биосферы; 2) формирование новых стратегий научной и технологической деятельности, подразумевающих ответственность и перекликающихся с принципом «недеяния» в процессе освоения сложных развивающихся систем, обладающих синергетическими характеристиками; 3) поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска, особенно при изучении сложных человекоразмерных систем [7].

Выводы В. С. Стёпина согласуются с позицией Л. Ванн ден Майзенберга, соавтора Далай-ламы XIV, утверждающего, что основные представления и ценности буддизма, базирующиеся на представлении об изменчивости всего сущего, взаимозависимости и зависимого возникновения, обуславливающие формирование правильного воззрения и правильного действия, аналогичны методу системной динамики, разработанному Дж. Форрестером и М. Мински [1]. Поэтому, на наш взгляд, мультидисциплинарный синтез естественно-научного и социально-гуманитарного познания, реализуемый на современном постнеклассическом этапе развития науки имеет потенциал расширения в

направлении трансдисциплинарного, реализация которого возможна при посредстве и в рамках философского осмысления на базе принципов синергетики, глобального эволюционизма, системного и ценностного подходов, что позволит обрести новые смыслы и перспективы человеческого существования в условиях кардинальной трансформации социокультурной реальности.

Список литературы

1. Далай-лама. Путь истинного лидера / Его Святейшество Далай-лама, Л. Ван ден Майзенберг ; пер. с англ. Н. Яцюк ; под общ. ред. В. Дорофеева. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. – 297 с.

2. Дедолко, Ю. В. Проблемы и перспективы синтеза естественных и социально-гуманитарных дисциплин в современных междисциплинарных исследованиях / Ю. В. Дедолко // Науч. тр. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2017. – Вып. 16. – С. 232–238.

3. Дедолко, Ю. В. Естественнонаучный и социогуманитарный подход к проблеме человека и общества: возможен ли синтез? / Ю. В. Дедолко // // Сб. науч. трудов / Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2018. – Вып. 13 : Актуальные вопросы антропологии. – С. 37–48.

4. Лоренц, К. Восемь смертных грехов [Электронный ресурс] / К. Лоренц // Обратная сторона зеркала : сборник / пер. с нем. А. И. Фет. – Philosophical arkiv, Sweden, 2016. – 633 с. – Режим доступа: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Lorents_2016_Oborotnaya%20storona%20zerkala.pdf. – Дата доступа: 20.10.2022.

5. Новиков, В. Т. Социально-гуманитарное познание как предмет философской рефлексии / В. Т. Новиков, О. В. Новикова // Проблемы упр. – 2007. – № 4. – С. 118–129.

6. Пригожин, И. Философия нестабильности [Электронный ресурс] / И. Пригожин // Вопр. философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000270/index.shtml>. – Дата доступа: 20.10.2022.

7. Стёпин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения [Электронный ресурс] / В. С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Нац. акад. наук Украины, Центр гуманитар. образования ; отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Стёпин. – СПб., 2009. – С. 249–295. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf. – Дата доступа: 20.10.2022.

8. Уилсон, Э. О природе человека [Электронный ресурс] / Э. Уилсон ; пер. с англ. Т. О. Новиковой ; вступ. ст. и науч. ред. А. В. Быкова. – М. : Кучково поле, 2015. – 349 с. – Режим доступа:

https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Uilson_2015_O%20prirode%20chelo%20veka.pdf. – Дата доступа: 20.10.2022.

ЭКСПЕРТИЗА В ЭПОХУ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ¹

Державина Наталья Федоровна,

аспирант кафедры эпистемологии и логики

Государственного академического университета гуманитарных наук,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Кризис доверия экспертизе и девальвация экспертного знания усугубляется по мере усложнения систем, в отношении которых требуется выносить объективную экспертную оценку. Многокомпонентный человеческий фактор, включающий внутреннее и/или внешнее давление на решение эксперта, и вместе с тем возможность ошибки, позволяет поставить под сомнение заключение любого эксперта или экспертного сообщества, поскольку эксперты являются в первую очередь людьми, а не только носителями знания в своей области. При этом системы, требующие оценки, содержат в себе скрытые динамические переменные: включенных в исследуемые системы субъектов-людей. Проблема, связанная с включением людей в систему, подлежащую экспертной оценке, в первую очередь состоит в том, чтобы различить человека как вещь среди вещей, и человека как активного деятельного субъекта. Целью исследования становится анализ условий возможности трансформации экспертизы в области сложных систем, а также направлений этой трансформации. Это порождает, по меньшей мере, два вопроса, требующих разработки: во-первых, оправданно ли в этом случае прибегнуть к использованию технологий обработки данных, лишенных тех недостатков, которым подвержен эксперт-человек. Во-вторых, каким образом возможна объективная экспертиза в отношении систем, включающих человека.

Ключевые слова: экспертиза, сложные системы, ИИ, человеческий фактор.

EXPERTISE IN THE ERA OF POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY²

¹ Текст подготовлен при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме "Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты" (FZNF-2020-0014).

² The theses was prepared with financial support within the framework of implementing the SA (state assignment) of the State Academic University for Humanities (GAUGN): "Contemporary information society and digital science: cognitive, economic, political and legal aspects" (FZNF-2020-0014).

Derzhavina Natalya Fedorovna

PhD Student, Department of Epistemology and Logic
State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The crisis of confidence in expertise and the devaluation of expert knowledge is exacerbated as the complexity of the systems in respect of which it is required to make an objective expert assessment. A multicomponent human factor, including internal and/or external pressure on the expert's decision, and at the same time the possibility of error, makes it possible to question the conclusion of any expert or expert community, since experts are primarily people, and not just carriers of knowledge in their field. At the same time, the systems that require evaluation contain hidden dynamic variables: human subjects included in the systems under study. The problem associated with the inclusion of people in a system subject to peer review is, first of all, to distinguish between a person as a thing among things, and a person as an active active subject. The purpose of the study is to analyze the conditions for the possibility of transforming expertise in the field of complex systems, as well as the directions of this transformation. This raises at least two questions that need to be worked out: firstly, is it justified in this case to resort to the use of data processing technologies that are devoid of the shortcomings that a human expert is subject to. Secondly, how is an objective examination possible in relation to systems that include a person.

Keywords: expertise, complex systems, AI, human factor.

Доверие экспертному сообществу и экспертизе как таковой нельзя на сегодняшний день назвать достаточно высоким. Понятие «экспертизы» в исследованиях нередко идет рука об руку с понятием «кризис», в 2019 году за авторством профессора Т. Николса вышла в свет работа «The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters» [2]. Не в последнюю очередь кризис экспертного знания сегодня порожден сомнением контр-экспертов в объективности экспертов, «[...] местные жители полагают, что могут лучше репрезентировать загрязненный воздух, пестициды или раковые клетки, чем официальные эксперты» [5, с. 54].

Эксперт с необходимостью должен обладать экспертным знанием, но одного этого знания недостаточно, чтобы всегда выносить объективное и строгое заключение. Будучи людьми, эксперты не лишены ряда свойственных людям уязвимостей. Это могут быть внешние источники давления, поскольку экспертиза чаще всего проводится по заказу, и заказчик может иметь собственные интересы в получении того или иного вердикта. Существуют также внутренние источники давления, вроде предубеждений

самого эксперта, независимо от того, осознает он их или нет. Наконец, всегда существует риск ошибки, нарастающий с переходом от локальной экспертизы к экспертизе глобальной (включающей человека в систему, подлежащую экспертной оценке) [4, с. 49], и, следовательно, усложнением оцениваемых систем. В такой ситуации требования, предъявляемые к экспертизе как «междисциплинарной исследовательской деятельности» [1, с. 34], возрастают пропорционально предполагаемому влиянию ее результатов на жизнь как общества в целом, так и отдельных его членов. Академик В. С. Степин замечает, что «С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать» [4, с. 50], и необходимо отметить, что заключать о таких системах также требуется с величайшей осторожностью. В этом случае, с одной стороны, объективное экспертное заключение требует минимизации влияния человеческого фактора, вплоть до полного его исключения, в принятии решения. Сегодня уже существуют системы, позволяющие работать с большими массивами данных и выносить решения, эффективность и точность которых значительно превышает человеческую, и такие системы, кажется, могут быть полезными в случае вынесения экспертного решения. С другой стороны, с включением в рассматриваемую систему человека не только как организма, набора функций и, в конечном счете, объекта, но также и как необезличенного субъекта предполагает включение в оцениваемую систему фактора, либо плохо поддающегося измерению, либо не поддающегося вовсе.

Поэтому мнение, согласно которому существующие на сегодняшний день технологии, такие как ИИ и Big data, минимально подверженные обозначенным рискам, подходят для того, чтобы заменить и вытеснить из процедуры экспертизы эксперта-человека, кажется чрезмерно оптимистичным. «Технологический ответ» представляется недостаточным в силу неформализуемого характера субъективного фактора в системах, подлежащих экспертизе. Требование объективности подразумевает наличие ясности условий, точности формулировок и измеримости данных. Включение в экспертизу человека, как части сложной системы, неизбежное в экспертизе глобальных саморазвивающихся систем, делает по крайней мере одно из оснований экспертизы зыбким, если феноменология каждого конкретного человека не может быть приведена к единой мерке. Имманентно присущая человеку субъективность лишает экспертизу строгости не только со стороны эксперта, но и изнутри самой оцениваемой системы, отходя тем самым от императива «констатации наличного положения дел вопреки общественным контекстуальным запросам» [3, с.

397]. Это, в свою очередь, ставит вопрос о том, насколько обоснованным остается требование к объективности экспертизы в условиях вынесения заключения о системах, содержащих человеческий фактор в себе самих.

Список литературы

1. Брызгалина Е.В., Киселёв В.Н. Эксперт и профан: коммуникативные парадоксы экспертизы и контр-экспертизы // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 33–41.
2. Николс Т. Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
3. Пружинин Б.И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 393–402.
4. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45-59.
5. Филатова А.А. Контр-экспертиза: распаковывая и упаковывая черные ящики // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 48–57.

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Дисько-Шуман Мария Робертовна,

канд. филос. наук, доцент, докторант кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье акцентирована актуальность проблемы определения оснований рациональности и поиска ее критериев в философии XX века. Выделены ключевые направления решения вопроса о природе рациональности в философии второй половины XX века: методологическое направление, в рамках которого рациональность тесно связывается с понятием науки, и концепция «коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса, в которой рациональность понимается как принципиально intersubjective и первичная по отношению к любому другому типу рациональности, а эффективным регулятором деятельности субъектов выступает достигнутый консенсус. В статье обоснован тезис о том, что в современной философии плюралистический характер феномена рациональности нашел отражение в процессе формирования стратегии коммуникативной рациональности, в рамках которой становится возможным реализация различных форм, практик и технологий социального и коммуникативного взаимодействия на основании общности интересов, норм и ценностей.

Ключевые слова: рациональность, типы рациональности, коммуникативная рациональность, ценности, консенсус.

COMMUNICATIVE RATIONALITY AS AN AXIOLOGICAL BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Dzisko-Schumann Marya Robertovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy of Culture (postdoctoral student)
Belarusian State University

Abstract. The article emphasizes the relevance of the problem of determining the foundations of rationality and the search for its criteria in the philosophy of the twentieth century. The key directions of solving the issue of the nature of rationality in the philosophy of the second half of the 20th century are singled out - the methodological direction, within which rationality is closely associated with the concept of science, and the concept of "communicative rationality" by J. Habermas, in which rationality is understood as fundamentally intersubjective and primary in relation to any other type of rationality, and the achieved consensus acts as an

effective regulator of the activity of subjects. The article substantiates the thesis that in modern philosophy the pluralistic nature of the phenomenon of rationality is reflected in the process of forming a strategy of communicative rationality, within which it becomes possible to implement various forms, practices and technologies of social and communicative interaction based on common interests, norms and values.

Keywords: rationality, types of rationality, communicative rationality, values, consensus.

Неклассическая и постнеклассическая философия отличаются многообразием тем, направлений и школ, методов и подходов, полиморфизмом и вариативностью результатов философской рефлексии. Несмотря на все эти различия, базовой ценностью и исходной аксиомой для большинства современных философов остается понимание философского знания как результата рационально-критического осмысления фундаментальных вопросов бытия человека и мира. Начиная с середины XIX века феномен рационального философского познания подвергся достаточно серьезной и обоснованной критике в таких направлениях, как философия жизни, экзистенциализм, психоанализ и др. В результате произошло переосмысление сущности рационального познания; был признан факт несостоятельности традиционной аксиомы о его абсолютном характере и независимости от каких-либо условий и факторов. В философии XX века складываются представления об исторической и социокультурной обусловленности норм и идеалов рациональности, разрабатываются классификации и типологии рациональности, определяются критерии демаркации рационального и нерационального, изучаются внерациональные формы познания. Различные течения современной философской мысли по-разному решают данные вопросы, но в целом сложно не согласится с мнением Дж. Серля о том, что «можно спорить о теориях рациональности, но нельзя подвергать сомнению ее существование» [5, с.12]. В философии второй половины XX века происходит формирование нескольких автономных направлений, в которых природа рациональности определяется с различных точек зрения.

Первое направление одной из своих задач постулирует определение рациональности в рамках исследования специфики научного познания и его критериев. В определенной степени данное направление является идейным наследником философии позитивизма. Рациональность тесно связывается здесь с понятием научности, а сама проблема демаркации науки и поиск критериев научной рациональности становятся ключевыми задачами.

Научная рациональность выступает своего рода эталонной формой, а поиск ее критериев переносится из области логики (в версии неопозитивизма) в сферу социокультурных оснований (в версии постпозитивизма). Представители данного направления выступают не за отказ от идеи рационализма, а за расширение содержания концепта рациональность. Основными концепциями в рамках данного направления являются, безусловно, критический рационализм и концепция исторических типов рациональности. Решение вопроса о формулировке критериев рациональности в научном познании, дополняется обоснованием идеи о связи науки и других форм культуры, взаимодействии научного познания с ценностями и нормами рациональности вненаучной деятельности. Такой подход В.П. Порус характеризует как «методологический подход к проблеме рациональности» [3, с.7-9]. Следует отметить, что в отечественной философской традиции данное направление представлено множеством научных статей и монографий, в том числе в рамках деятельности минской философско-методологической школы [2].

Второе направление, которое по своему содержанию и идеям во многом отличается от первого, связано с формированием модели коммуникативной рациональности в «теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса и работах последующих представителей Франкфуртской школы. Одной из ключевых задач данного направления становится преодоление «ограничений» когнитивно-инструментального, в том числе и научно-методологического понимания разума. В фокусе внимания оказывается не эталонная научная рациональность, а рациональность повседневности, рациональность «жизненного мира». «Хабермас в соответствии с этим формулирует главную теоретическую задачу: в противовес господствующим ныне технократическим теориям развития общества и концепциям научно-технической рациональности необходимо сосредоточить усилия на выявлении и адекватной интерпретации человеческих интересов и потребностей, разработке «проектов» и «моделей» новых человеческих отношений, иначе – «коммуникативной рациональности»» [4, с.271]. С позиции рассматриваемого подхода, коммуникативная рациональность является принципиально intersubjectивной и первичной по отношению к любому другому типу рациональности. Аппликация такого понимания рациональности на социально-критическую теорию приводит Хабермаса к выводу о том, что эффективным регулятором деятельности субъектов выступает достигнутый консенсус. На социальном уровне рациональный дискурс выступает

способом достижения консенсуса и обеспечивает установление социального порядка вне репрессивных форм, на основании общности интересов, норм и ценностей в различных формах их легитимизации, как социальных, формально закрепленных, так и неформальных, закрепленных на уровне принятых моделей поведения.

В современной философии плюралистический характер феномена рациональности нашел отражение в процессе формирования стратегии коммуникативной рациональности, в рамках которой становится возможным реализация различных форм, практик и технологий социального и коммуникативного взаимодействия, что особенно важно в условиях трансформации познающего субъекта из агента познавательной деятельности, носителя чистой рациональности в агента коммуникативного действия, включенного в сложные сетевые инфокоммуникационные структуры современного общества. Значимым достижением выступает переосмысление природы рациональности, вследствие которого фокус исследования смещается от когнитивно-инструментального объяснения субъект-объектного взаимодействия, что было характерно для методологического подхода на ранних этапах, на изучение коммуникативной природы рациональности, лежащей в плоскости субъект-субъектного взаимодействия. Наряду с познанием, коммуникативное взаимодействие становится определяющей сущностью (природой) субъекта. Возможность коммуникации и создания универсального дискурса задают условия познания. С этой точки зрения становится возможным объяснение исторически изменяющихся форм дискурсов, включая научный дискурс, в рамках которого формируются, транслируются и трансформируются различные исторические типы рациональности. «В рассмотренном аспекте он [*метод коммуникативной рациональности – примечание М.Д.-Ш.*] может пониматься как определяемый подвижным комплексом норм и установлений, трансформирующихся при изменении текущей культурно исторической ситуации, базирующихся на рациональных основаниях и направленных на эффективные выработку, обоснование и использование средств взаимодействия, применяемых в различных сферах человеческой деятельности» [1, с.11].

Таким образом, в рамках современной стратегии коммуникативной рациональности происходит консолидация различных подходов к осмыслению природы рациональности, сформировавшихся в философии второй половины XX века; проблема демаркации различных типов рациональности утрачивает свою актуальность, поскольку разные типы

дискурсов, определяющие условия коммуникации в разных сферах деятельности человека, предполагают наличие нормативно-аксиологических оснований для конституирования общего пространства социально-коммуникативного взаимодействия, и которые определяют условия достижения консенсуса как результата успешной реализации коммуникации.

Список литературы

1. Белозеров, А.Б. Коммуникативная рациональность как метод обеспечения динамического равновесия в обществе / А.Б. Белозеров // Управление территориями и хозяйствующими субъектами в условиях экономической нестабильности: глобальные вызовы и механизмы развития. Материалы научно-практической конференции; Ассоциация выпускников Президентской программы подготовки управленческих кадров – Вологда: «Аванград». – 2016 – С.5-12
2. Зеленков, А.И. Минская методологическая школа и современные приоритеты философии науки / А.И. Зеленков // Философские науки. – 2016(7). – С.39-54.
3. Порус, В.П. Многомерность рациональности / В.П. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2010. – №1 (Т. 23). – С.5-16
4. Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. / Отв. ред. В.А. Лекторский (кн.1), П.П. Гайденок (кн.2). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 2 кн.
5. Серль, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серль. – Москва: Прогресс-Традиция. – 2004. – 336 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Дождикова Раиса Нуриевна,

Канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета

Аннотация. Целью исследования является анализ трансформаций обыденного познания в современной культуре на основе гносеологической парадигмы В.С. Стёпина. Данная парадигма является продуктивной научно-исследовательской программой, которая позволила нам структурировать обыденное познание и систематизировать его функции. В настоящем исследовании эксплицированы трансформации объекта, субъекта и средств обыденного познания в современном цифровом обществе. Рассмотрены особенности влияния цифрового технокода на субъект обыденного познания. Сделан вывод, что гносеологическая парадигма В.С. Стёпина является плодотворной методологической основой исследования обыденного познания.

Ключевые слова: трансформации, культура, цифровой технокод, объект, субъект, средства обыденного познания, научно-исследовательская программа.

TRANSFORMATIONS OF EVERYDAY COGNITION IN MODERN CULTURE

Dozhdikova Raisa Nurievna,

Cand. of Science, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophical
Studies

Belarusian National Technical University

Abstract. The focus of the study is on analyzing the transformations of everyday cognition in modern culture on the basis of the epistemological paradigm by V.S. Stepin. This paradigm is a productive research program that has enabled us to structure everyday cognition and systematize its functions. In the present study the transformations of the object, subject and means of everyday cognition in the modern digital society have been identified. The specific character of the influence of digital technocode on the subject of everyday cognition has been considered. It is concluded that the epistemological paradigm by V.S. Stepin is a fruitful methodological basis for the study of everyday cognition.

Keywords: transformations, culture, digital technocode, object, subject, means of everyday cognition, research program.

Трансформации в современном цифровом обществе коснулись не только быта обычного человека, характера и типа его коммуникаций, его

поведения и деятельности, сознания и мышления, но и науки, политики, всех форм общественного сознания. В этом смысле данные трансформации носят всеобщий (тотальный) характер.

В обыденном познании можно говорить о трансформациях не только объекта и субъекта, но и средств познания. Происходит своеобразное расширение объекта обыденного познания за счет виртуальной реальности и возможностей интернета, оцифровки информации, книг, документов и т.д. Трансформации субъекта обыденного познания связаны с появлением так называемого цифрового человека, программы поведения и общения которого задаются социальными сетями, смарт-реальностью, интернетом. Можно сказать, что трансформации обусловлены «сращиванием», своеобразной интеграцией современного субъекта обыденного познания с гаджетами, техническими нейросетями. Когда подобная интеграция нарушается, вследствие утраты умных гаджетов, возникает так называемый «синдром ампутации», о котором заявляют современные психологи и врачи. Субъект обыденного познания испытывает «синдром отмены», который можно даже сравнить с ломкой наркомана. Среднестатистический, наиболее распространенный тип субъекта обыденного познания – это «человек с опущенной головой», физически слабым, неразвитым телом и невербальным (визуальным) мышлением, которое характеризуют как клиповое мышление.

Помимо генетического кода и культурного социокода возникает своеобразный цифровой технокод, который во многом начинает определять существование человека и его функционирование в качестве субъекта обыденного познания. На самом деле цивилизационные технокоды существовали всегда, но именно в современную эпоху цифровые технокоды начинают программировать поведение, деятельность и общение субъекта обыденного познания, порой, в большей степени, чем морально-духовные социокоды.

Расширяются, дополняются и трансформируются средства обыденного познания. Так, в качестве средства обыденного познания может выступать смартфон, компьютер, ноутбук, планшет, электронная книга, активно используются возможности искусственного интеллекта. В то же время возможности собственного интеллекта и даже собственных органов чувств используются недостаточно. Более того, человек перестает доверять себе, своей голове и чувствам, как бы «не верит собственным глазам». На деле происходит своего рода техническое ослепление. Решая какую-либо

жизненную задачу, субъект обыденного познания обращается не к собственной голове, а к интернету.

Понять феномен обыденного познания, его структуру, функции и современные трансформации позволяет гносеологическая парадигма В.С. Стёпина.

В.С. Стёпин открыл так называемый эффект Мидаса, согласно которому все, чего касается наука, становится объектом ее исследования. Но этот эффект может отнесен и к научной теории самого В.С. Стёпина: к чему бы она не прикоснулась (культура, наука, философия, обыденное познание), все начинает структурироваться в соответствии с ее основными идеями и теоретическими схемами. Культура как сложная система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения программирует субъекта обыденного познания, формирует картину его жизненного мира, идеалы и нормы познавательной деятельности, его жизненную философию.

По утверждению В.А. Лекторского, идеи В. С. Стёпина «сильнейшим образом повлияли на то, что делается сегодня. Ибо речь идет не просто об отдельных мыслях, но о своеобразных исследовательских программах, которые задают проблемное поле и определяют способы познавательной деятельности. <...> Таким образом, труды Вячеслава Семеновича – это своего рода «Энциклопедия философских наук» [1, с. 12–14].

В соответствии с данной позицией мы рассматриваем философию В.С. Стёпина как продуктивную исследовательскую программу, которая позволяет понять структуру обыденного познания и систематизировать его функции. Гносеологическая парадигма В.С. Стёпина включает в себя: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы исследования (идеалы и нормы описания и объяснения, доказательности и обоснования, а также идеалы строения и организации знания); 3) философские основания науки, «которые обосновывают принятую картину мира, а также идеалы и нормы науки, благодаря чему вырабатываемые наукой представления о действительности и методах ее познания включаются в поток культурной трансляции» [2, с. 706–707]. Рассматривая данную гносеологическую парадигму как универсальную, равно применимую к научному и обыденному познанию, мы экстраполировали ее на обыденное познание и, используя метод конструктивного переопределения В.С. Стёпина, структурировали обыденное познание в соответствии с данной парадигмой. С этой точки зрения, обыденное познание включает в себя: 1) картину жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философию

здорового смысла [3, с. 75]. Такое структурирование обыденного познания стало для нас плодотворной основой систематизации функций обыденного познания.

Исходя из данного методологического подхода, обыденное познание на уровне картины жизненного мира выполняет *онтологическую, мировоззренческую и эвристическую функции*, способствует получению субъектом обыденного познания предметного знания о своем жизненном мире, синтезу, интерпретации и трансляции различных форм знания (*функции синтеза и интерпретации*), *программирует поведение, деятельность и общение* субъекта обыденного познания. Картина жизненного мира может выполнять *эвристическую функцию*, вдохновлять на различного рода открытия и творческие свершения субъекта обыденного и научного познания [4, с. 21].

С идеалами и нормами обыденного познания связана *нормативно-регулятивная функция* обыденного познания и получение нормативного знания о мире человеческой деятельности. На уровне философии здравого смысла появляются элементы рефлексивного знания о преобразованном мире и самом себе. В этом смысле философия здравого смысла осуществляет *рефлексивную функцию*, а также *функцию сохранения и трансляции жизненного опыта*. Кроме того, обыденное познание выполняет важную *прогностическую и экзистенциальную функции*, т.к. здравый смысл (философия здравого смысла) позволяет достаточно эффективно оценивать и прогнозировать динамику и исход той или иной жизненной ситуации. Обыденное познание на уровне здравого смысла выполняет *селективную функцию*, помогает нам отличать существенное от случайного и неважного и выбирать то решение, которое принесет реальную пользу.

Такое понимание обыденного познания позволяет выделить его когнитивные элементы, т.е. предметное, нормативное и рефлексивное знание, что соответствует концепции креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске В.К. Лукашевича [5, с. 10]. Именно в контексте обыденного познания происходит воспроизводство мировоззрения эпохи, формирование и дальнейшая модернизация собственной обобщенной картины человеческого жизненного мира, которая помогает человеку ориентироваться и действовать в современном мире [6, с. 197]. В повседневной жизни происходит прагматический отбор и селекция

ценностей, соответствующих мировоззрению эпохи, типу цивилизационного развития.

Говоря о методологических подходах к анализу социального познания, В.С. Стёпин подчеркивал значение обыденного познания, которое «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [7, с. 3]. Обыденное познание выполняет *функцию субъектного программирования* не только соответствующих ценностных ориентиров, идеалов и норм (*аксиологическая функция*), но и образа жизни, определенных форм и способов познания (*социально-когнитивная функция*), определяет человеческое поведение и общение (*праксеологическая и коммуникативная функции*), координирует его действия (*координирующая функция*). Когнитивный анализ функций обыденного познания позволил нам выделить его *методологическую функцию*, а также *функции производства, потребления и нарративной интерпретации знания* [4, с. 23–25]. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет *функцию цифровой социализации* индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения.

Стёпинские принципы классификации научного и обыденного познания по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности [3, с. 45–53] позволили нам рассмотреть изменение предмета, средств, методов, продукта и субъекта обыденного познания в современном цифровом обществе [8, с. 31–32]. Таким образом, гносеологическая парадигма В.С. Стёпина является плодотворной методологической основой исследования обыденного познания.

Список литературы

1. Коэволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Стёпина. Материалы «круглого стола» / В.А. Лекторский [и др.] // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 7–45.
2. Стёпин, В.С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
3. Дождикова, Р.Н. Обыденное познание в контексте цивилизационного развития / Р.Н. Дождикова. – Минск: БНТУ, 2020. – 210 с.
4. Дождикова, Р.Н. Когнитивный анализ функций обыденного познания / Р.Н. Дождикова // Журнал Бел.гос.ун-та. Социология. – 2022. – №2. – С. 18–26.
5. Лукашевич В.К. Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске. – Мн.: Беларуская навука, 2019. – 299 с.

6. Дождикова, Р.Н. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании / Р.Н. Дождикова // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 196–206.

7. Стёпин, В.С. О методологических подходах к анализу социального познания / В. С. Стёпин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2014. – № 3. – С. 3–10.

8. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации / Р. Н. Дождикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 30–40.

КРИТИКА МОДЕРНИЗМА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКРЕТНО-ЛИНЕЙНОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Екадумов Андрей Иванович,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Критика модернизма как идеологии эмансипации человека посредством инструментального разума основана на дискретно-линейной интерпретации истории. Сама подобная интерпретация является радикальной версией модернистского понимания культурно-исторической динамики, представляющей историю как прогрессивный, ступенчатый процесс преумножения человеческого могущества при помощи научно-технической рационализации. Модернизм предстает как идеология прогресса, ответственная за триумф тотализирующего дискурса и экспансию стратегий господства на основе рациио в мировом масштабе. Эпоха модерна, в соответствии с акцентировано модернистской же идеологией, трактуется как эра торжества технической рациональности, радикально порвавшая с архаическими представлениями и практиками. В такой историко-философской перспективе интенции господства на основе рационального знания приписываются культуре модерна как ее сущностная характеристика. Тогда как воля к власти вовсе не является исключительным признаком модернисти. Интенции господства унаследованы модерном от предыдущей эпохи. Они реализуются внутри современного проекта, однако не являются его уникальным порождением. Наиболее тяжелые последствия обслуживания воли к власти рациональными техниками модерна определяются не самими этими техниками, но их подчинением домодерным, архаическим стратегиям господства, не соответствующим масштабу обретенной технической мощи.

Ключевые слова: модернизм, модерн, господство, инструментальный разум, архаика.

A CRITIQUE OF MODERNISM AS A RESULT OF A DISCRETE-LINEAR UNDERSTANDING OF HISTORY

Ekadumov Andrew Ivanovich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State
University

Abstract. The critique of modernism as an ideology of human emancipation through instrumental reason is based on a discrete-line interpretation of history. This very same

interpretation is a radical version of the modernist understanding of cultural-historical dynamics, presenting history as a progressive, stepped process of increasing human power through scientific and technological rationalization. Modernism appears as an ideology of progress, responsible for the triumph of totalizing discourse and the expansion of strategies of rationality-based domination on a global scale. The era of modernity, in accordance with an accented modernist ideology, is interpreted as an era of triumph of technical rationality, radically breaking with archaic beliefs and practices. In such a historical and philosophical perspective, the intentions of domination on the basis of rational knowledge are attributed to the culture of modernity as its substantial characteristic. Whereas the will to power is not at all an exclusive feature of modernity. Intentions of domination are inherited by modernity from the previous age. They are implemented within the modern project, but are not its unique creation. The most severe consequences of the maintenance of the will to power by the rational techniques of modernity are determined not by these techniques themselves, but by their being subordinated to pre-modern, archaic strategies of domination that do not correspond to the scale of the technical might they have acquired.

Keywords: modernism, modernity, domination, instrumental reason, archaic.

Общим местом философской критики модернизма является употребление в адрес модерна таких, снабженных негативными коннотациями, концептов, как европоцентризм, инструментальный разум, метанарратив, идея прогресса, консонансная европоцентризму. Просветительские идеологемы, претендующие на самоочевидную универсальность, истинность и справедливость, разоблачаются как маскировка и оправдание воли к власти посредством инструментального разума.

Под модернизмом в данном случае имеется в виду совокупность как просветительских идеологий, так и, шире, массив дискурсивных практик с фундирующими их философско-теоретическими нарративами и научно-методологическими стратегиями, производящими самоподдерживающийся просвещенческий миф о природе и обществе как объективно данной реальности, выступающей пространством экспансии рационального, осознающего и контролирующего себя субъекта.

Задолго до провозглашения заката метанарратий критику современного проекта осуществили М. Хоркхаймер и Т. Адорно [5], сосредотачиваясь не столько на беспочвенности просветительских претензий на всеобщность нарратива, сколько на беспочвенности надежд освободить человечество путем совершенствования техник власти, основанных на рациональном познании и покорении природы через подчинение ей. При этом критика

модернизма отталкивалась от его специфического прочтения, редуцировавшего просвещенный разум до инструмента господства, и отождествлявшего рациональность с целенаправленной, калькулирующей максимизацией осуществления воли к власти. Если Древняя Греция дала духовное начало саморазрушающемуся Просвещению, то буржуазная Европа Нового времени успешно реализовала проект освобождения посредством хитроумия Одиссея и довела его до закономерного финала – технократического тупика, где зависимость человека от природы сменилась тотальной зависимостью от технобюрократической машинерии.

Тема итоговой ущербности Просвещения перед запросом на аутентичность и достоинство человеческого бытия, однако, может быть развита в специфической интеллектуальной ситуации, сконфигурированной имплицитными мировоззренческими интенциями, определяющими возможности и границы критического дискурса, претендующего на дезавуирование европоцентрических очевидностей прогресса мысли и технологии как условия человеческого освобождения.

Критика модернизма осуществляется из модернистской же исторической перспективы, где история человечества предстает как единая, линейная и ступенчатая, осуществленная в качестве таковой экспансией современной Европы. В конечном итоге именно новоевропейская социокультурная парадигма утвердила себя в глобальном масштабе. С определенного исторического момента нововременная Европа, реализующая жажду мирового господства посредством инструментального разума, пресекает дление «наивной» архаики, и навязывает неевропейским культурам предрассудки прогресса, гуманизма и историзма. Идея радикального разрыва с прошлым, как элемент программы критического переосмысления накопленного культурного наследия, как и сама эта программа, отождествляется в такой критической перспективе с фактической историей мировой экспансии современной Европы. При этом утрачивается понимание сущностной черты современной культуры, на которую указывает Г. Люббе: одновременность неодновременного [2]. Характерной чертой культуры модерна является ее внутренняя асинхрония, историко-культурная гетерогенность. В несинхронной, комплиментарной темпоральности модерна совмещаются исторически разнородные компоненты культуры, и прошлое приобретает сложную палитру актуализаций в настоящем. Модерность, посредством теоретической критики и публицистической полемики, транслируемая сначала с помощью печатного станка, а затем более сложными техническими медиасредствами,

не устраняет традиционную культуру с ее очевидностями и поведенческими паттернами полностью, как это представляется из дискретно-линейной исторической ретроспективы, отсекающей эпоху модерна от времени домодерного общества. Модерная культура прорастает из традиционной, поскольку иного основания у нее нет. Она не только вытесняет и маргинализует, но также поглощает, ассимилирует и реактуализует наличные домодерные практики, перекодируя ценностные представления в соответствие с новым научным знанием и модифицируя обычаи под новые технологии. Именно в реактуализации модерном домодерного пласта культуры, с его, соответствующими иному уровню технологической мощи и контроля предрасположенностями индивида переживать, поступать и мыслить, содержатся самые опасные риски техногенной цивилизации. Оппонируя критической трактовке массового общества Х. Ортегой-и-Гассетом, Р. Дарендорф отмечает, что тоталитарные режимы 20 века формировались в условиях, когда развитие индустриального типа культуры дополнялось мощным традиционалистским запросом на ретрафикацию, что вело к тоталитарному синтезу политической архаики с индустриальной модернизацией [1]. А. П. Назаретян, развивая идею техно-гуманитарного баланса как условия минимизации внутрицивилизационных рисков, указывает на угрозы саморазрушения, характерные для обществ, опережающими темпами преумножающих техническую мощь, но сохраняющих прежние, запаздывающие относительно новых возможностей, моральные обычаи и каналы обратной связи властвующих с подвластными [4].

Критика модерна за тотализирующий триумф инструментального разума осуществляется не по адресу, поскольку инструментальный разум, овеществленный в некотором комплексе технологий – сущностная черта любой цивилизации со времен возникновения государства. Эта точка зрения убедительно представлена в историко-философском исследовании древнего мира, осуществленного Л. Мамфордом [3]. При этом критика европоцентризма, дополняющая критику инструментальной рациональности как корня человеческих бед, сама европоцентрична. Она сосредоточена на новоевропейских стратегиях господства, основанных на знании, и практиках насилия, осуществлявшихся европейцами, но игнорирует опыт насилия и подавления в наследии неевропейских культур.

Угрозы, представленные критикой идеологии модерна, содержатся не в модернистских идеологемах прогресса и универсальных оснований человеческого бытия как таковых, не в самом по себе проекте модерна, но в

архаических компонентах культуры, неизбежно предшествующих экспансии современной социокультурной парадигмы и воспроизводящихся в динамике современного общества наряду с его интенциями эмансипации посредством радио. Архаическое прошлое внутри современного настоящего трактуется критиками модернизма как культура настоящего, порвавшая с прошлым. Чтобы такая историческая оптика восторжествовала, историческая преемственность современного и домодерного обществ должна быть проигнорирована, а момент разрыва преемственности, манифестируемый модернистской идеологией, должен быть акцентирован. Но в таком случае представление о негативности Просвещения само оказывается продуктом идеологии модернистского разрыва с прошлым, принятого в качестве теоретического постулата для осмысления взаимоотношений модерна с архаикой.

Тем не менее модерн, как совокупность практик и представлений, сам по себе еще не изживает архаику в степени, исключающей воспроизводство унаследованных от нее интенций на господство и подавление. Напротив, модернист рискует стать ее инструментом в реализации интенций господства, гораздо более древних, чем идеалы европейского Просвещения. Однако усматривать корни этих интенций в современном проекте освобождения от деспотизма и питающих его предрассудков посредством критического разума некорректно.

Список литературы

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
2. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Г. Люббе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 456 с.
3. Мамфорд Л. Миф машины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> – Дата доступа: 09.10.2022.
4. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
5. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. – 310 с.

МИНСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАК ФЕНОМЕН НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Зеленков Анатолий Изотович,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. На основе структурно-функциональной дифференциации научных и научно-образовательных школ реконструирована история становления и развития Минской философско-методологической школы как самобытного творческого коллектива, сформированного под руководством профессора Стёпина В.С. на кафедре философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета. В истории становления и функционирования Минской философско-методологической школы выделяется три этапа, каждый из которых специфицирован, исходя из реальных обстоятельств развития страны, динамики образования и культуры на протяжении более 50 лет существования Минской школы в области философии науки, а также тех проблем и задач, которые она решала на протяжении этого исторического периода. Отмечаются наиболее значительные результаты, полученные представителями Минской философско-методологической школы как в исследовании актуальных проблем современной философии, так и в образовательной деятельности. Среди них разработка новой концептуальной модели курса философии, ориентированного на традиции мировой философской мысли и системную парадигму понимания природы и функций философии в современной культуре. Исследование механизмов взаимодействия философии и науки на различных этапах цивилизационного процесса; функций культурных традиций в становлении и развитии экологических ценностей в цивилизациях Запада и Востока; междисциплинарных и трансдисциплинарных трендов в развитии современной науки и ее технологических приложений.

Ключевые слова: Минская философско-методологическая школа, философия науки, научная традиция, преемственность в науке.

**MINSK'S PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL SCHOOL
AS A PHENOMENON OF SCIENTIFIC TRADITION**

Zelenkov Anatoly Izotovich,
D.Sc. (Philosophy), Professor,
Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. Based on the structural and functional differentiation of scientific and scientific-educational schools, the history of the formation and development of the Minsk's Philosophical and Methodological School as an original creative team, formed under the guidance of Professor V.S. Stepin at the Department of Philosophy of Humanitarian Faculties of the Belarusian State University is reconstructed. There are three stages in the history of the formation and functioning of the Minsk's Philosophical and Methodological School, each of which is specified based on the real circumstances of the country's development, the dynamics of education and culture over more than 50 years of the existence of the Minsk's School in the field of philosophy of science, as well as those problems and tasks that it solved during this historical period. The most significant results obtained by representatives of the Minsk's Philosophical and Methodological School both in the scientific research of topical problems of modern philosophy and in educational activities are noted. Among them is the development of a new conceptual model of the course of philosophy, focused on the traditions of world philosophical thought and the systemic paradigm of understanding the nature and functions of philosophy in modern culture. Investigation of the mechanisms of interaction between philosophy and science at various stages of the civilizational process; the functions of cultural traditions in the formation and development of environmental values in the civilizations of the West and East; interdisciplinary and transdisciplinary trends in the development of modern science and its technological applications.

Keywords: Minsk's philosophical and methodological school, philosophy of science, scientific tradition, continuity in science.

В современных исследованиях науки и образования проблематика научных школ является весьма востребованной и актуальной. Во многом это объясняется имманентными для науковедения и философии науки причинами, среди которых социокультурные параметры научной деятельности и ее результатов приобретают сегодня акцентированно приоритетный характер. Поэтому без уяснения сущности и функциональной заданности таких феноменов, как научное сообщество, научная коммуникация, научная школа и др. весьма проблематично составить целостное представление о современной науке и обосновать системную ее картину.

Эта интенция уже отчетливо просматривается в первых постпозитивистских работах. Согласно Т. Куну, научное сообщество – это «особая структура в науке» [1, с. 230], которая «представляет собой необычайно эффективный инструмент» [1, с. 221] для постановки и решения самых актуальных научных проблем.

Важность акцентации социокультурного измерения науки, которое практически не рассматривалось в неопозитивистски ориентированной стандартной модели науки, подчеркивается и в отечественном науковедении. Так, академик Стёпин В. С. отмечает, что в современной науке важнейшей задачей становится воспроизводство ее кадрового потенциала и формирование соответствующей «академической составляющей науки» [2, с. 54]. В полной мере это относится и к проблематике научных школ. Хотя следует признать, что по многим аспектам этой проблематики нет единого мнения как среди ученых, так и представителей науковедческих дисциплин. Дискуссии ведутся даже по вопросу о том, как определять научную школу, по каким критериям и параметрам квалифицировать реально функционирующие исследовательские коллективы как действительные научные школы.

Согласно одному из авторитетных исследователей этой проблематики профессору Ярошевскому М.Г., важно различать несколько типов научных школ. В первую очередь это чисто научные исследовательские коллективы, которые формируются, как правило, в академических институтах и лабораториях, а также в научных центрах современных промышленных предприятий и корпораций. Что же касается университетов, то в них чаще всего возникает и оформляется особый тип научных сообществ, который следует квалифицировать как научно-образовательные школы, призванные формировать и воспитывать будущую научную и преподавательскую смену. Именно для этого типа научных школ принципиально важны такие характеристики, как формирование особого «исследовательского стиля мышления» [3, с. 2] и атмосферы непрерывной преемственности поколений, воплощающейся в традиции как профессиональной, так и личной коммуникации. Образцы такой коммуникации призван демонстрировать лидер научно-образовательной школы, способный не только выполнять функции генератора новых идей и концепций, но и быть успешным организатором, обладать неформальным авторитетом, высокими человеческими и нравственными качествами.

Исходя из изложенного, определенный интерес представляет история становления и развития Минской философско-методологической школы, творческие достижения которой сегодня широко известны не только в Беларуси, но и во многих странах мира.

Создание этой школы, ее позиционирование в качестве самобытного творческого коллектива связано с именем академика РАН В.С. Стёпина, поэтому даже самая общая информация об истоках и основных достижениях

формирования этого исследовательского коллектива предполагает реконструкцию важнейших результатов, полученных им в развитии философско-методологического знания. Достаточно полно и убедительно об этих результатах рассказывает сам В.С. Стёпин в своем обширном интервью, которое предваряет книгу «Человек. Наука. Цивилизация» [4, с. 11–88].

Условно, в истории становления и функционирования Минской философско-методологической школы можно выделить три этапа. Первый из них был связан с формированием ее исходных теоретических оснований и той атмосферы творческих дискуссий, в которых идеи обретали своих сторонников и последователей. Это был период конца 60-х – начала 70-х годов XX века, когда разработанная В.С. Стёпиным модель структуры и динамики научного знания активно обсуждалась в среде физиков-теоретиков Белорусской Академии наук, и обосновывались возможные ее приложения к ситуациям продуцирования нового физического знания и генезиса физических теорий. Особенно продуктивным в этот период было сотрудничество В.С. Стёпина с Л.М. Томильчиком. Одним из важных результатов этого сотрудничества стал выход в свет их совместной книги, в которой был дан анализ квантовой теории с точки зрения эвристических возможностей деятельностного подхода в современной методологии науки [5].

В 1974 г. В. С. Стёпин перешел на работу в Белорусский государственный университет, где он работал доцентом, затем профессором, а с 1981 по 1987 год – заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов. На эти годы приходится второй этап деятельности Минской философско-методологической школы. Именно в этот период данная школа сложилась как творческий коллектив, продуктивно работающее сообщество преподавателей, исследователей, аспирантов, которое начало активно разрабатывать актуальные проблемы философии и методологии науки.

В этот период проблематика философско-методологических исследований обрела особый статус, позволивший философскому сообществу в рамках специализированного языка и весьма отвлеченных от непосредственной социальной реальности теоретических дискуссий разрабатывать новые концептуальные модели динамики науки, философии, культуры. При этом было важно обосновать специфику методологической рефлексии как уникальной эпистемологической процедуры и особого типа анализа научно-познавательной деятельности. Данный перспективный

вектор философско-методологических исследований в рамках программы социокультурной ангажированности науки стал в этот период одним из доминирующих среди многих сотрудников кафедры философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета. Следует отметить, что в это время организационно функционирование и деятельность Минской философско-методологической школы осуществлялась в первую очередь в рамках именно этой кафедры.

Восьмидесятые годы стали годами подлинной консолидации ее коллектива и успешной плодотворной работы. Результаты научных исследований оформлялись в ряде докторских диссертаций, в которых уже вполне рельефно очерчивалось концептуально-парадигмальное пространство Минской философско-методологической школы, и были обнаружены эвристические возможности ее идей и принципов. Среди этих исследований, в первую очередь, следует назвать работы В. Ф. Беркова, А.Н. Елсукова, А.И. Зеленкова, Е.В. Петушковой. Несколько позднее докторские диссертации защитили Я. С. Яскевич, Л. Ф. Кузнецова, П.С.Карако.

Значительным событием, серьезно способствовавшим уже союзной популярности кафедры как научно-исследовательского коллектива, было издание философско-методологической трилогии в рамках серии «Философия и наука в системе культуры»: «Природа научного познания» (1979 г.); «Идеалы и нормы научного исследования» (1981 г.); «Научные революции в динамике культуры» (1987 г.). В этих книгах содержались новые существенно важные аспекты развиваемой В.С. Стёпиным концепции динамики научного знания – анализ структуры и функций оснований науки. Этот анализ раскрывал ряд важных механизмов социокультурной детерминации развивающегося научного познания и его обратного воздействия на культуру соответствующей исторической эпохи.

В создании серии книг «Наука и философия в системе культуры», изданных в Белгосуниверситете в 1979–1987 гг., принимали участие вместе с представителями Минской философско-методологической школы выдающиеся философы, знаковые фигуры истории советской философии второй половины XX века – И.Т. Фролов, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Н.В. Мотрошилова, В.А. Смирнов, В.Н. Садовский, Э.М. Чудинов, А.П. Огурцов, И.С. Алексеев, П.С. Дышлевый, М.В. Попович, Б.Г. Юдин и др.

В публикациях этих книг участвовали также выдающиеся ученые-естествоиспытатели – академик АН СССР В. А. Амбарцумян, белорусские академики Ф. И. Федоров и Л.И. Киселевский.

Издание данной серии книг в определенном смысле означало факт легитимизации Минской философско-методологической школы, которая наряду с Ростовской, Новосибирской, Свердловской, Киевской школами способствовала заметному расширению союзного философского ландшафта.

Следует отметить, что эти годы становления Минской философско-методологической школы были отмечены не только заметными профессиональными успехами. В коллективе кафедры сложилась особая, по-своему уникальная, творческая и вместе с тем дружеская атмосфера. Представители различных поколений, уже титулованные профессора и доценты, а также молодые сотрудники и аспиранты совместно и солидарно решали как рабочие вопросы, так и организовывали свой досуг, привнося в него искренний энтузиазм, креативность и неизменное чувство юмора. Что бы ни происходило на кафедре, будь то субботники, выходы на «тропу здоровья», создание фильма о кафедральной жизни – все это было окрашено чувством конструктивности и оптимистического мироощущения.

Во многом это объяснялось не только внутренней атмосферой кафедры, но и общим духом времени, которое, несмотря на все проблемы и невзгоды, удивительным образом вдохновляло людей и вселяло в них светлые надежды. Но впереди уже маячили иные времена и новые вызовы надвигающихся будущих трансформаций.

В 1987 году В.С. Стёпин получает приглашение на работу в Москве. После его отъезда кафедра философии гуманитарных факультетов, а также ученики и коллеги В.С. Стёпина продолжили традицию научных исследований в области философии и методологии науки уже под руководством нового заведующего кафедрой профессора Зеленкова А.И. С этого момента начинается третий этап в развитии Минской философско-методологической школы, который продолжается и до настоящего времени.

В этот период коллективу кафедры пришлось решать задачу фундаментальной значимости, связанную с разработкой и обоснованием новой концептуальной модели курса философии, ориентированного на традиции мировой философской мысли и не сводимого только к марксистской философии. Эта задача была успешно решена, и в 1992 г. впервые в республике на кафедре была издана учебная программа курса философии, ориентированного на принципиально новую парадигму понимания природы и функций философии в культуре и современном образовании.

Девяностые годы явились сложным периодом для коллектива кафедры, поскольку в обществе произошли кардинальные изменения, и это с необходимостью потребовало от обществоведов (в том числе и философов) радикальной переориентации на новые формы и методы работы. В этих условиях научный коллектив кафедры философии и методологии науки, сохраняя и развивая наработанные традиции, акцентировал свое внимание на исследовании методологических проблем социально-гуманитарного познания, механизмов его аксиологической и мировоззренческой детерминации. При этом особое внимание уделялось анализу роли и эпистемологического статуса культурных традиций в динамике науки, выявлению их бифункциональности в развитии когнитивных систем различной степени общности и теоретической зрелости. В работах А. И. Зеленкова, Н.А. Кандричина, В.В. Анохиной, Е. В. Хомич, Л.Е. Лойко, Е.К.Булыго и других исследовалась специфика культурной традиции как системного механизма стабилизации и роста научного знания, его освоения в различных типах деятельности.

В работах В. Ф. Беркова, Я. С. Яскевич, Л.Ф. Кузнецовой, А.В. Барковской, А.И. Лойко, В.А. Костенича и др. были продолжены исследования метатеоретических оснований науки в развитии современного научного знания и его интеграции в культуру. При этом были зафиксированы существенные различия в механизмах приращения знаний на дисциплинарном и междисциплинарном уровне.

В 90-е годы XX века кафедра успешно подтверждала свою международную известность и ее деятельность по-прежнему имела широкий профессиональный резонанс. В 1993 и 1998 гг. в БГУ на базе кафедры, получившей уже новое название философии и методологии науки, были проведены две международные научные конференции, посвященные проблемам социального познания и его философско-методологических оснований. В их работе приняли участие философы и ученые из многих отечественных и зарубежных центров по философии и методологии науки.

В 1993 г. в Минске в серии «Наука и гуманистические ценности» вышла в свет книга «Мировоззренческие структуры в научном познании» [6], в которой белорусскими философами, совместно с исследователями из России, США, Германии, Болгарии и других стран, был продолжен анализ социокультурных оснований научного познания, исследованы аксиологические компоненты в структуре современного образа науки, выявлены мировоззренческие приоритеты в развитии естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин.

Однако время вносило свои коррективы. Формировалась новая парадигма философских исследований, в рамках которой проблематика социокультурной детерминации познания дополнялась анализом вопросов гуманизации науки, расширения ее предметного пространства, фиксации антропологических и экзистенциальных измерений научного знания. Начиналась активная разработка проблем социальной философии, философии образования, социальной экологии и экологической культуры.

Вопросы социальной философии и динамики типов рациональности в социально-гуманитарном и философском познании исследованы в работах М.А. Можейко, В.Н. Фурса, В. Т. Новикова, А.П. Ждановского, А.М. Бобра, М. Р. Жбанкова, И.И. Лещинской и других.

В работах Н.К. Кисель, Е.И. Янчук, И.А. Медведевой, А. В. Яскевича рассматриваются проблемы реформирования системы социально-гуманитарного и, в частности, философского образования, и предлагаются возможные пути совершенствования системы преподавания философских дисциплин и их методологического обеспечения в современных условиях.

В последние годы традиции кафедры достаточно рельефно обнаруживают себя в разработке социально-экологической проблематики применительно к относительно стабильным социумам, и тем социальным системам, которые находятся в состоянии цивилизационных трансформаций. Эти проблемы активно исследуются на междисциплинарном уровне с привлечением концептуальных подходов и методологических стандартов, разработанных в философии, культурологии, методологии науки. Именно такой междисциплинарный подход характерен для масштабного исследовательского проекта «Экологическая мысль народов мира», который реализуется на кафедре философии и методологии науки в последние годы. В рамках этого проекта уже издано три тома экологической антологии, посвященной реконструкции основных идей и ценностей экокультуры восточных славян, западноевропейской цивилизации и традиционных обществ Востока [7–9].

В настоящее время кафедра является широко признанным научным центром, который известен не только в нашей республике, но и во многих зарубежных странах. В научных трудах сотрудников кафедры раскрыты системные механизмы взаимодействия философии и науки на различных этапах цивилизационного процесса; проанализированы особенности структуры и динамики естественнонаучных и социальных теорий; исследованы функции культурных традиций в становлении и развитии цивилизаций Запада и Востока; раскрыта природа экологических ценностей

в современной культуре и зафиксированы возможные тенденции их изменений под воздействием социотехносферы.

Социокультурные реалии XXI века существенно трансформируют традиционные приоритеты философско-методологического исследования. Все более востребованными становятся комплексные междисциплинарные исследования науки в контексте диалога и взаимодействия естественнонаучных, социогуманитарных и технологических ее проекций. Наряду с различными историко-научными и концептуально-теоретическими реконструкциями развивающегося научного знания очевидную популярность получает тенденция разработки таких философско-методологических проектов, в которых акцентируются социально-практические и гуманитарно-образовательные цели и задачи. Представители Минской философско-методологической школы также достаточно оперативно среагировали на эту тенденцию.

В 2005 г. на базе кафедры философии и методологии науки БГУ был организован междисциплинарный научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии».

Посвященный анализу роли философии в развитии социально-гуманитарного познания и сугубо академическим проблемам методологического характера, этот форум, тем не менее, собрал значительную аудиторию, ориентированную на заинтересованное обсуждение современных парадигм социального познания и их эвристических возможностей. В современных условиях, когда философия как подлинно классическая форма осмысления реальности, казалось бы, утрачивает свои позиции, вызывая порой скептическую реакцию не только в массовом, но и в профессиональном сознании, очень важным для авторов проекта было реально продемонстрировать, что философия (в особенности социальная), являясь уникальным культурным феноменом, может и должна быть весьма эффективным и конструктивным инструментом анализа противоречий и проблем в развитии современного общества.

К настоящему моменту проведено уже 15 ежегодных семинаров, тематика которых неизменно увязывалась с традициями философско-методологического осмысления актуальных проблем и вызовов современной социодинамики. Контуры тематического пространства данного семинара определяли актуальные проблемы социальной философии и методологии гуманитарного познания, такие как: «Коммуникативная парадигма в современной социальной философии»,

«Человек – культура – социум в XXI веке: конфликт или гармония?», «Современная цивилизация в динамике от глобальной нестабильности к устойчивому развитию», «Философская футурология и современный цивилизационный процесс», «Горизонты информационной цивилизации: проблемы и перспективы», «Философия и ценности национальной культуры», «Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях социальной турбулентности» и др.

Данный научно-коммуникативный проект – это не только интеллектуальная площадка для научного поиска и философских дискуссий. Это еще и эффективная форма приобщения молодых исследователей, аспирантов и студентов к традициям Минской философско-методологической школы. Во многом благодаря этому проекту реализуется принцип преемственности в деятельности научного сообщества и новое поколение исследователей органично и естественно усваивает те традиции и нормативы, которые закладывались их предшественниками. Немало наших молодых коллег, которые прошли в свое время школу семинара (Д.Г. Доброродный, А.С. Комаровская, В. С. Сайганова, О.Г. Шаврова, О.В. Новикова, О.В. Курбачева, И.А. Барсук, Е.В. Радевич, И.Я. Мацевич и др.) достаточно преуспели в своих профессиональных и академических достижениях, стали кандидатами наук, доцентами, лауреатами различных республиканских и международных научных конкурсов и грантов, стипендиатами фонда Президента Республики Беларусь.

Следует отметить, что значительная часть научных исследований, выполненных на кафедре в самое последнее время, осуществлена в жанре междисциплинарных разработок, в которых эпистемологический статус науки рассматривается через призму социальных трансформаций, инновационных технологий материального и духовного производства, современных форм взаимодействия научного и религиозного опыта.

Особое внимание уделяется анализу аксиологических и социокультурных проекций науки как реальных факторов модернизационных сценариев социодинамики транзитивных обществ, роли культурных традиций в этих процессах, выявлению их антропологических и экологических измерений [10–15].

Одна из последних инициатив кафедры связана с изданием альманаха «Философско-методологические исследования», в котором публикуются научные статьи ее преподавателей, аспирантов и магистрантов. Сама идея

создания такого проекта, предполагающего ежегодную публикацию результатов научных исследований сотрудников кафедры, уже вполне убедительно подтвердила свою актуальность и очевидную плодотворность. Издание альманаха позволяет не только познакомить научную общественность с некоторыми результатами исследований, полученных членами кафедры, но и целенаправленно продвигать и популяризировать научно-исследовательский поиск именно в парадигме философско-методологического анализа наиболее актуальных проблем современной социодинамики.

Однако какие бы проблемы ни исследовались в рамках Минской философско-методологической школы, всегда ощущается влияние тех ценностных приоритетов и мировоззренческих ориентаций, на основе которых эта школа была сформирована и консолидирована как особое научное сообщество и творческий коллектив. Важнейшими из этих ориентаций были и остаются верность профессиональному долгу, трезвая рациональность мысли и методологическая аналитика.

В последние годы кафедра философии и методологии науки, как, собственно, и весь коллектив университета, столкнулась с новыми вызовами и испытаниями. Эпоха нестабильности, политических и экологических турбулентностей, несомненно, наложила определенный отпечаток на деятельность кафедры. Осязаемые изменения произошли в ее кадровом составе, ощутимо трансформировались традиционные формы учебного процесса, коммуникации преподавателей со студентами. Нахлынувшая на нас пандемия Covid-19 потребовала кардинальной перестройки привычных форм занятий, погрузив преподавателей и студентов в новую реальность фронтальной цифровизации и дистанционных технологий обучения.

К этому добавился и естественный процесс смены поколений в кадровом составе кафедры. В августе 2021 года после 35-летнего срока руководства кафедрой профессор А. И. Зеленков передал свои полномочия в прошлом выпускнику философского отделения БГУ, а ныне доктору философских наук, А.С. Лаптенку. Заметные трансформации произошли в структуре и руководстве университета в целом, а также его факультетов и ряда других структурных подразделений. В полной мере это коснулось и факультета философии и социальных наук, органичной частью которого остается кафедра философии и методологии науки. В течение буквально нескольких дней турбулентного 2021 года практически полностью обновился руководящий состав факультета и, что весьма симптоматично,

основной его костяк составили бывшие члены кафедры философии и методологии науки. Новым деканом факультета была назначена Сайганова В. С., долгие годы являвшаяся одним из ведущих доцентов кафедры. В состав руководства факультета вошли Колядко И. Н., Асабина Т.Ю., Барсук И.А., также в полной мере прошедшие школу профессиональной социализации в коллективе кафедры философии и методологии науки.

Кафедра вступила в новый этап своего развития и поиска конструктивных ответов на вызовы сегодняшнего дня. Но сегодня, как и ранее, успешно работать в области философии и методологии науки можно лишь при условии существования особой интеллектуальной атмосферы, в которой непреложными ценностями являются приверженность традициям научного разума, творческая продуктивность и самокритичность мысли, ясность и обоснованность выдвигаемых гипотез и концепций.

И хотя новая генерация философов далеко не всегда солидарна с этими нормативными установлениями, пытаюсь в соответствии с непреложными законами смены поколений подвергнуть сомнению сложившиеся взгляды и представления, хочется высказать надежду на то, что и в дальнейшем традиции и творческие достижения кафедры философии и методологии науки, как и всей Минской философско-методологической школы будут не только сохранены, но и существенно преумножены.

Список литературы

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1977.
2. Стёпин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С.Стёпин. – Минск: Беларуская навука, 2021.
3. Ярошевский, М.Г. Логика развития науки и научная школа / М.Г.Ярошевский // Школы в науке / отв. ред. Микулинский [и др.]. – М.: Наука, 1977.
4. Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Стёпина. – М.: Канон+, 2004.
5. Стёпин, В.С. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики / В.С. Стёпин, Л.М.Томильчик. – Минск: Наука и техника, 1970.
6. Мировоззренческие структуры в научном познании / ред.-состав. А. И. Зеленков. – Минск: Университетское, 1993.
7. Антология экологической мысли. Восточные славяне / Науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск: Харвест, 2003.
8. Антология экологической мысли: Западноевропейская цивилизация / Науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск: Харвест, 2003.

9. Антология экологической мысли: Цивилизации Востока / Науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск: Харвест, 2006.
10. Тегако, Л. И. Современная антропология / Л.И.Тегако, А.И.Зеленков. –Минск: Беларуская навука, 2012.
11. Анохина, В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии / В.В.Анохина. – Минск: БГУ, 2014.
12. Екадумов, А. И. Диалог культур и парадоксы мультикультурализма в многополярном мире / А.И.Екадумов. – Минск: БГУ, 2015.
13. Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: БГУ, 2015.
14. Философия устойчивого развития и социальная экология / А. И. Зеленков [и др.]. под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: БГУ, 2015.
15. Философия: учебное пособие /А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: РИВШ, 2020.

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ «ТЕКУЧЕЙ» СОВРЕМЕННОСТИ

Игнатович Никита Сергеевич,

магистрант кафедры механизации и автоматизации дорожно-строительного комплекса
Белорусского национального технического университета

Сечко Иван Андреевич,

магистрант кафедры вакуумной и компрессорной техники
Белорусского национального технического университета

Научный руководитель – Булыго Елена Казимировна,
доцент кафедры философских учений

Белорусского национального технического университета

Аннотация: Данная статья посвящена "текучей" современности (Бауман), ее особенностям и проблемам. Анализируется сущность и значение традиций, их роль в поддержании преемственности в развитии современной культуры и сохранении историко-культурного наследия.

Ключевые слова: традиции, «текучая» современность, общество, культура, история, наследие.

THE ROLE OF TRADITIONS IN THE CONDITIONS OF "FLUID" MODERNITY

Ignatovich Nikita Sergeevich,

Master student of the department "Mechanization and automation of the road-building
complex"

Belarusian National Technical University

Sechko Ivan Andreevich,

Master student of the department «Vacuum and compressor technology»

Belarusian National Technical University

Supervisor - Bulygo Elena Kazimirovna, Associate Professor of the Department of
Philosophical Teachings

Belarusian National Technical University

Abstract. This article describes the "fluid" modernity described in the work of Zygmund Bauman, its features and problems; consideration, their significance, the role and problem of their collection within the framework of "fluid" modernity; questions of the implementation of the continuity of traditions in culture at the present time are revealed.

Keywords: traditions, "fluid" modernity, society, culture, history, heritage.

Мы живем в эпоху, которую отличают динамизм, противоречивость, нестабильность и новые риски, порожденные техногенной цивилизацией в целом. Проблема сохранения культурного наследия, поддержания преемственности в развитии с определенной периодичностью выдвигалась в истории на первый план, но сегодня она обострена до предела: слишком быстрые и мощные изменения современной культуры, для описания которых Зигмунд Бауман вводит термин «текучая» современность [1].

По словам Зигмунда Баумана, «текучая» современность – это период в истории, который неизбежно должен был наступить. Этот период характеризуется «плавлением» устоев и паттернов поведения, перераспределением их в так называемое «жидкое» состояние. Зигмунд Бауман в своей работе проводит аналогию с агрегатными состояниями вещества. В твердом состоянии тела сохраняют свою форму долгое время и при их описании можно и вовсе исключить само понятие времени, так как такие тела очень активно ему сопротивляются и, в каком-то смысле, отменяют его. Жидкости в свою очередь описываются зачастую в моменте так как течение времени для них важнее, чем пространство, которое они занимают, ведь они заполняют это пространство лишь «на мгновение» [1, с. 8]. «При описании жидкостей было бы печальной ошибкой не учитывать время. Все описания жидкостей – это моментальные снимки, а внизу фотографии должна быть проставлена дата». [1, с. 10]

Говоря о «текучести» и «плавлении», Зигмунд Бауман так же упоминает некие паттерны и кодексы, которым людям необходимо следовать, даже если они стремятся выйти за рамки уже существующих. В современном мире данные паттерны стали обладать большей «текучестью». Большое количество паттернов, что стали появляться по мере развития общества, начали переплетаться друг с другом, становясь все податливее. Теперь стало куда легче придать им новую форму и намного сложнее стало ее сохранять [1, с. 13].

В связи с наступлением «текучей» современности, Зигмунд Бауман говорит о неструктурированности и невозможности вернуться в старое состояние нравов и паттернов поведения. Устарели сами понятия, которые являлись рамками в различных ситуациях и все они требуют пересмотра и переосмысления в условиях нашей современности.

И в таком образом закономерно встает вопрос о роли традиций в условиях «текучей» современности. Кто-то скажет, что они безусловно важны, но действительно ли это так в условиях постоянной изменчивости нравов и паттернов поведения? Будут ли важны традиции древних народов,

прошлых эпох или отдельных семей, когда эти народы и семьи постоянно смешиваются и меняются, формируя совершенно новые традиции?

Чтобы ответить на данные вопросы, для начала необходимо разобраться, что именно из себя представляют традиции.

Традиция – это сложившаяся в итоге накопления многолетнего опыта система норм, правил, которых придерживаются в своем поведении огромная и не очень группа людей. Традиции передаются из поколения в поколение и являются одним из регуляторов социальных взаимоотношений, любых практик, в том числе творческих. В любой области, будь то искусство, наука, экономика, политика, государственное строительство действительно важные вещи создаются усилиями многих людей. Традиция позволяет объединить усилия не только современников, но и людей различных поколений, установить спонтанное сотрудничество и взаимопонимание между людьми, которые никогда не встречались и никогда не встретятся друг другу. Порождаемая при этом синергия оказывается плодотворной, порождающей и новые смыслы, и новые символы.

Образование и изменение традиций на различных исторических этапах связано с становлением социальных надобностей и интересов. А это, в свою очередь, полагает, что каждая из функций традиции получает свое особое развитие в исторически-конкретных условиях. В связи с этим можно выявить следующие функции традиций, которые тесно переплетены между собой:

- социальная регуляция;
- ценностная ориентация;
- социализация;
- воспитание [2].

Традиции в прошлом играли большую роль в жизни людей, регулируя их взаимоотношения, нормы поведения и в целом являлись неотъемлемой частью жизни отдельных народов и человечества в целом. Но, возвращаясь к идеям Зигмунда Баумана, мы можем поставить еще один вопрос: остались ли традиции такими же важными в условиях «текучей» современности?

В современном мире, когда паттерны и нормы поведения изменяются, смешиваясь с другими или возникая из общего хаоса, традиции так же претерпевают данные видоизменения. Возьмем для примера самые распространенные из них, связанные с праздниками.

Хеллоуин — современный международный праздник, который отмечается каждый год 31 октября, в канун Дня Всех Святых. Хэллоуин

традиционно празднуется в Западной Европе и Америке, хотя официальным выходным днем не является. Изначально данный праздник не нес в себе ничего сверхъестественного, однако после долгих лет принял форму, которую мы видим сейчас. Хеллоуин относят к группе этнически-традиционных или конфессиональных праздников, которые приобрели глобальный статус, причем данный статус он получил отчасти из-за своей карнавальности [3]. Относительно недавно культурные традиции празднования Хеллоуина начали распространиться и в постсоветском пространстве, однако, по мнению М.В. Луниной, из-за коммерциализации оказалась подорвана духовная составляющая праздника [4, с. 218].

С развитием информационных технологий, появлением интернета, традиции разных стран, народов и даже семей становятся все более широко известны обществу в глобальном масштабе, из-за чего их смешение идет более активно, что еще сильнее подтверждает утверждения Зигмунда Баумана. Возвращаясь к вопросу роли традиций, ответ на него на первый взгляд прост, но тем не менее относителен: в условиях «текучей» современности роль отдельно взятых традиций в большинстве своем становится незначительнее. Традиции и культура не стоят на месте, постоянно перемешиваясь и прибывая в своего рода хаосе. Нет никакой гарантии, что какие-то традиции (что существовали тысячелетиями) и вовсе не исчезнут из современной, оставшись лишь на страницах исторических хроник и документов. Однако роль традиций в целом осталась неизменной. Все так же являясь частью человеческого общества, традиции играют важную роль в регулировании отношений между людьми, влияют на наше мнение, действия и мировоззрение, регулируют не только обыденную жизнь, но регламентируют науку, политику, сферу образования и т.д. Когда происходит резкий скачок и новые практики ломают прежние, традиция выступает основой этого процесса, ведь чтобы возникло новое, должно быть нечто старое, нуждающееся в преодолении. Традиции были важны и будут, даже если спустя много лет примут совершенно другую форму и с течением времени, какая бы современность ни наступила, это не изменится.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с. — ISBN 978-5-469-00034-1;
2. Сопов В. В. Традиция и творчество // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 3. С. 112–118.

3. Тузовский И.Д. — Глобальный праздник как культурный феномен Цифровой эпохи // Человек и культура. – 2020. – № 4. – С. 33 - 48;

4. Лунина, М. В. Личные и общественные праздники в условиях глобализации / М. В. Лунина // XLVII Огаревские чтения : Материалы научной конференции. В 3-х частях, Саранск, 06–13 декабря 2018 года / Составитель А.В. Столяров. Ответственный за выпуск П.В. Сенин. Том Часть 3. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2019. – С. 215-219.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ДИАЛОГ ЭТНОКУЛЬТУР В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ивлев Виталий Юрьевич,

доктор философских наук, профессор,

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,

г. Москва, Российская Федерация

Иноземцев Владимир Александрович,

доктор философских наук, профессор,

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,

г. Москва, Российская Федерация

Лепская Нелли Дмитриевна,

кандидат философских наук, доцент,

Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова

Белорусский государственный университет

Аннотация. В работе рассматривается диалог этнокультур в информационном обществе в качестве одного из важнейших условий межкультурных коммуникаций. В статье изучаются входящий и исходящий потоки информации в процессе информационного обмена в отношениях между этнокультурами и окружающей средой; проводится анализ трех уровней диалога этнокультур в информационном обществе: всеобщего, особенного и индивидуально-личностного уровней¹.

Ключевые слова: информационное общество, межкультурные коммуникации, диалог этнокультур, информационно-коммуникационные технологии.

INTERCULTURAL COMMUNICATIONS AND DIALOGUE OF ETHNIC CULTURES IN THE INFORMATION SOCIETY

Ivlev Vitaly Yurievich,

Doctor of Philosophy, Professor

Moscow State Technical University named N.E. Bauman,

Moscow, Russian Federation

Inozemtsev Vladimir Alexandrovich,

Doctor of Philosophy, Professor

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве»), проект № 21-511-07002

Moscow State Technical University named N.E. Bauman,
Moscow, Russian Federation

Lepskaya Nelli Dmitrievna,

Candidate of Science, PhD in Philosophy, Associate Professor
International State Ecological Institute named after A.D. Sakharova
Belarusian State University

Abstract. The paper considers the dialogue of ethnic cultures in the information society as one of the most important conditions for intercultural communications. The article studies the incoming and outgoing information flows in the process of information exchange in relations between ethnic cultures and the environment; the analysis of three levels of dialogue of ethnocultures in the information society is carried out: general, special and individual-personal levels.

Key words: information society, intercultural communications, dialogue of ethnic cultures, information and communication technologies.

В условиях информационного общества наряду с другими проблемами актуализируется проблематика межкультурных коммуникаций и диалога этнокультур. Причем с расширением информационного пространства изменяются условия и возможности повышения эффективности этого диалога. В пространстве межкультурных коммуникаций и диалога этнокультур выявляются противоречия в отношениях участников этого диалога как со стороны содержательных параметров, так и со стороны семиотически-знаковых параметров.

В отношениях между этнокультурами и окружающей средой в процессе информационного обмена оказываются задействованными два потока информации. Вектор поступающего (входящего) потока информации направлен извне, то есть внутрь этнокультуры из внешнего информационного поля. Вектор исходящего потока информации направлен из этнокультуры во внешнее информационное поле.

Поступающий поток информации можно охарактеризовать следующими признаками: размахом, временем, направленностью движения информации. Под размахом понимается численность субъектов этносов, которые получают входящую информацию. Время в данном случае характеризует период, в течение которого определенная этнокультура хранит и использует информацию. Направление движения информации определит передачу информации между структурами одного социального уровня (направление горизонтальное) или между структурами разного

социального уровня (вертикальное).

Чем меньшим запасом информации по данному вопросу располагает этнокультура, тем теоретически она должна принять больше внешней информации. Однако каждая этнокультура уникальна, и ее пропускная информационная способность определяется не только техническим уровнем культуры, но и ее традициями. Пропускная информационная способность у каждой этнокультуры своя и она связана с проблемой информационных барьеров. Выделим виды информационных барьеров:

- географические: полнота и достоверность получаемой информации зависит от расстояния между этносом, который получает информацию, и тем этносом, который информацию создает;

- исторические: достоверность и полнота информации за время разделяющее то или иное событие и сообщение о нем;

- политические: часть информации может быть уничтожена политической властью;

- экономические: отсутствие финансовых средств мешает распространению информации;

- лингвистические: различие в языках;

- традиционные: как соотносится поступающая информация с традициями того этноса, который ее принимает.

В случае различной пропускной информационной способности этнокультур, эти этнокультуры вариативно оценивают, усваивают и используют входящую информацию. В случае если традиции двух этнокультур различны, то при одинаковом для них количестве входящей информации их информационные потоки могут отличаться.

Процессы оценки, усвоения и использования поступающей внутрь этнокультур информации во многом детерминируются социальной структурой этносов, интересами местных политических элит и проблемами глокальной культуры. Эта тенденция начинает приобретать характер доминирующей в информационном обществе.

Традиции и ценностные ориентации этнокультур определяют потоки не только входящей (поступающей), но и выходящей (исходящей) информации. Направленный за пределы этноса, выходящий объем информации и ее содержание может контролироваться политической и экономической элитой, в соответствии с интересами которой либо отражает традиционность своей этнокультуры, или может быть «глокализированным», удобным для других этнокультур и глобальной культуры в целом. Модификации традиций, как правило, предстают как результат изменения

социальной структуры этноса в ответ на изменение социально-политических условий его существования.

Выделим три уровня диалога этнокультур в информационном обществе: всеобщий, особенный и индивидуально-личностный уровень. На первом – всеобщем – уровне диалога этнокультур в информационном обществе сохранение уникальности этнокультур не ведет к стиранию различий между ними, их подчинению некой искусственной мега-культуре (например, виртуально-компьютерной культуре с единым языком). В случае формирования такой мега-культуры некоторые менее развитые культуры могут раствориться в семиотическом пространстве виртуального мира. В коммуникационном поле такого типа доминируют стереотипные общие оценки, общие нормы поведения и общения, то есть наиболее доступные и простые компоненты.

На втором – особенном – уровне диалога этнокультур в информационном обществе возникают предпосылки возможного диалога этнокультур, взаимного обогащающего общения, иницирующего появление новых источников развития. Изменяются коммуникативно-семантические условия диалога между этнокультурами, возрастают возможности самосовершенствования личности, меняются социальные субъекты и национальные элиты.

На третьем индивидуально-личностном уровне диалога этнокультур в информационном обществе, индивид как представитель этноса, в результате расширения информационно-коммуникативных возможностей, получает основания для адаптации к условиям глобальной и глокальной культур, не замыкается в узких рамках локально-ограниченной традиционной этнокультуры. На этом уровне возникают и оформляются новые компетенции личности – когнитивная, коммуникативная и креативная, расширяются возможности для образовательного и профессионального совершенствования и самореализации личности. Индивид получает возможность проявить себя в полной мере, не покидая пространства этнокультуры, но принимая участие в развертывании глобальной культуры. В качестве примера следует отметить, что во всем мире растет число лиц, работающих в системе удаленного доступа, фрилансеров, совершенствуется система дистанционного обучения.

Воздействие информатизации на все стороны жизнедеятельности этноса приводит к изменениям форм и методов актуализации диалога культур, что влечет за собой последствия практически во всех сферах социальной жизни, в том числе и области международных отношений.

Современные цифровые технологии качественно изменяют не только процессы внутриполитической жизни, но и трансформируют межгосударственные отношения, видоизменяют роль международных организаций, общественных движений, финансовых групп, преступных элементов и отдельных лиц. Исследование и учет значимости таких новых факторов современных международных отношений как информационная война, политико-коммуникационные манипуляции в современном мире становятся частью процесса выработки внешнеполитических решений. Использование историко-культурной памяти и связанного с нею этнического плюрализма способствует становлению принципиально иных систем принятия решений, которые ориентируют на сохранение этнической уникальности, а также поощряют разнообразные варианты диалога культур и этносов. В основе такого диалога находится механизм коммуникаций, межэтнического взаимодействия, посредством которого реализуется связь между культурами и создается общее коммуникационное поле. Межкультурные коммуникации при этом могут осуществляться на всеобщем, особенном, и индивидуально-личностном уровнях. При этом даже если общение происходит между индивидами, оно не является полностью индивидуальным, так как сам человек является продуктом социокультурной среды и процесса социализации.

Коммуникативно-информационная функция локальных этнокультур реализуется посредством языка как знаковой формы хранения и передачи информации о культурных нормах, ценностях, традициях и истории культуры. Как знаковая система язык функционирует в соответствии с определенными правилами и нормами, является живой субстанцией этнокультуры. В информационную эру, подобно всем другим составляющим социальной системы, изменениям подвергается и язык. Именно поэтому в исследованиях культуры все чаще используются семиотический и знаково-символический подходы.

Согласно этим подходам (Ю.М. Лотман, У. Эко, Э. Кассирер) в пространстве культуры в качестве знаков выступают идеальные или материальные образования, обладающие определенными значениями и являющиеся средством передачи смысла. Это могут быть как материальные предметы, телодвижения, различного рода духовные образования, имеющие для социальных субъектов смысл и значение. Динамика культуры предстает как процесс обмена информацией, выраженной в виде определенных знаков-символов, передающих смыслы, образы и значения. В межкультурной коммуникации как диалоге предполагается понимание

другой культуры, что подразумевает не только восприятие результатов информированности и знание того, что дает знаковая система. Предполагается и глубокое проникновение на все культурные уровни, погружение в ее поле, вживание в культуру.

Диалог локальных культур этносов реализуется в особой коммуникационной среде – информационном поле. При отсутствии такого поля диалог невозможен, и культура оказывается относительно закрытой. Исторический опыт свидетельствует о наличии ряда культур (японской, китайской), диалог с которыми для европейцев стал возможен значительно позже, чем с другими этносами. На индивидуально-личностном уровне возникает герменевтическая проблема, связанная с интерпретацией смыслов знаковой системы другой культуры, а попытки интерпретации в отсутствие диалога вели лишь к привнесению «чужую» культурную среду смыслов и образов собственной культуры.

Диалог культур является одним из важнейших условий межкультурных коммуникаций, включает в себя различные уровни реализации, а успех этого диалога всегда связан с компетенциями, ценностями и устремлениями социальных субъектов. Познание чужой культуры происходит через свою, а своей культуры через чужую путем адаптации этих культур друг к другу, что приводит к новому диалогу.

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ АНОМАЛИИ В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

Каменко Дмитрий Александрович,

магистрант кафедры инженерной математики
Белорусского национального технического университета

Климович Татьяна Александровна,

магистрант кафедры инженерной математики
Белорусского национального технического университета

Булыго Елена Казимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета

Аннотация. В статье рассматривается философский аспект понятия аномалии в науке и технике. Рассмотрены три основных типа отношений ученых к аномалиям.

Ключевые слова: выявление аномалий, аномальность, философия.

PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE CONCEPT OF ANOMALY IN SCIENCE AND TECHNOLOGY

Kamenko Dmitry Alexandrovich

Master students, Department «Engineering Mathematics»,
Belarusian National Technical University

Klimovich Tatsiana Alexandrovna

Master students, Department «Engineering Mathematics»,
Belarusian National Technical University

Bulygo Elena Kazimirovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor at the Department of
Philosophical Studies,
Belarusian National Technical University

Abstract. This article discusses the philosophical aspect of the concept of anomaly in science and technology. Three main types of scientists' attitudes to anomalies are considered.

Keywords: identification of anomalies, abnormality, philosophy

Процессом поиска аномальных значений несколько десятилетий интересуются философы, физики, математики, астрономы, медики и другие ученые. Различные подходы широко представлены в отечественной и зарубежной литературе. Так, например, при обработке данных в

современных измерительных системах, как правило, возникают ситуации, которые связаны с искажениями сигналов помехами различной природы. Для решения задачи выделения составляющей процесса применяются различные алгоритмы фильтрации, позволяющей выделить аномальные значения и удалить их [1].

В рамках философского подхода к понятию аномалии следует отметить важность этого понятия в условиях синергетической парадигмы [2]. Поскольку синергия приводит к усилению конечного результата, необходимо изучение связей между элементами системы для дальнейшего выявления аномальных значений.

Сложная система представляет собой целостное множество элементов. Взаимодействие этих элементов образует синергетический эффект и новые свойства, отсутствующие у каждого элемента в отдельности. Поэтому минимизация роли аномалий на новые свойства системы является актуальной задачей современной техники [3]. Синергетика в этом случае соединяет целостную систему и ее составляющие элементы.

Так, например, открытые неравновесные системы, активно взаимодействующие с внешней средой, могут приобретать особое динамическое состояние, которое можно определить как качественно макроскопическое проявление процессов – диссипативность [3].

На данный момент существует множество подходов для определения аномалий и подходов к автоматизации процесса их выявления. Одни требуют привлечения сложного математического аппарата, другие достаточно непросты в реализации, третьи должны учитывать особенности природы исходного анализируемого процесса. Рассмотрим различные подходы к определению аномалии в контексте философии.

В технических науках под аномалией понимают познавательную ситуацию, при которой результаты наблюдений и экспериментов противоречат общепринятым теоретическим представлениям или не совпадают с предсказаниями, сделанными на основе таких представлений [4].

В гуманитарных науках под аномалией понимают понятие научного дискурса, обозначающее познавательную ситуацию, при которой результаты наблюдений и экспериментов противоречат принятым теоретическим представлениям или не совпадают с предсказаниями, которые сделаны на основе таких представлений [5].

В философии также применяется понятие аномалии, синонимом его является понятие аномальности. Здесь под аномалией понимается отклонение от нормы, правила, от общей закономерности, неправильность. Так, например, может рассматриваться аномалия развития философской теории. Также аномалия может возникать в культуре в целом. Это может наблюдаться в условиях кризиса общества, как следствие утраты этим обществом или человеком ясных и убедительных стандартов поведения и целей деятельности, крушения прежних надежд на успех и признание [6].

Кроме этого, аномалия – это своего рода познавательная ситуация, при которой результаты наблюдений и экспериментов противоречат общепринятым теоретическим представлениям или не совпадают с предсказаниями, сделанными на основе таких представлений. Следовательно, мы имеем дело с ситуацией, которая требует нестандартного решения и в целом может быть оценена, как условие или предпосылка изменения и развития

Различаются три основных типа отношений ученых к аномалиям. Первый подход заключается в том, что обнаруженная аномалия может практически игнорироваться, т.е. отодвигаться на «периферию» научного знания, в течение определенного периода, не оказывая существенного влияния на состояние и развитие науки. Успешно развиваясь, принятая теория постоянно сохраняет концептуальную и практически-прикладную перспективу, ценность которой в сознании ученых неизмеримо превышает значение.

Второй подход ученых рассматривает аномалию как «головоломку» (трудная, но принципиально разрешимая задача), требующую модификацию принятой теории: введения добавочных допущений, совершенствования математического аппарата и т.п. Такой подход часто используется в физике.

Согласно третьему подходу, аномалия может быть признана контрпримером, указывающим на ложность или ограниченность теории, невыполнимость исследовательской программы. Такое отношение, как правило, связано с «кризисным периодом» в развитии научной дисциплины: быстрым нарастанием количества обнаруженных аномалий. Такой подход часто используется философами. Он позволяет повысить роль альтернативных теоретических систем и гипотез, изменить методологические установки исследователей [7].

Чем глубже и полнее разработана теория, тем она чувствительнее к аномалиям.

Особый тип аномалий — обнаружение противоречий в фундаментальных математических теориях или не реализуемости универсальных программ, а также при поиске общих доказательств теорем. Такие аномалии обнаруживаются не при помощи экспериментов, а специальными методологическими процедурами (напр., доказательством формальной непротиворечивости), конструированием абстрактных объектов, выполняющих условия искомого доказательства, но противоречащих его заключению, и т.д. [7, 8].

Процесс выявления аномалий является очень важным вопросом в развитии науки и техники. Он позволяет предсказать поломки оборудования, выявить аномальный спрос на потребляемую продукцию, выявить нестандартное поведение информационно-измерительной системы и требует дальнейшего всестороннего изучения в рамках синергетической парадигмы.

Список литературы

1. Марчук, В.И. Способы обнаружения аномальных значений на основе метода размножения оценок исследуемой реализации нестационарного случайного процесса / В.И. Марчук, С.В. Токарева // Информатика, телекоммуникации и управление, 2009. — №1. — С. 64–68.
2. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / Отв. ред. В.В. Василькова. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 688 с.
3. Стёпин, В.С. Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Вып.1. Методологические вопросы. — М., 1999. — с 113
4. Федоров С. Л. Моделирование нестационарных временных рядов и построение оператора эволюции их выборочных распределений непараметрическими методами: диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук / С. Л. Федоров. — Москва, 2017. — 108 с.
5. Зуенок, А.В. Синергетическая парадигма / А.В. Зуенок // Инженерно-педагогическое образование в 21-м веке: материалы 7-й Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и студентов БНТУ, 21-22 апреля 2011 г. / Белорусский национальный технический университет. — Минск: БНТУ, 2011. — Ч. 1. — С. 36–42.
6. Гутов, Е.В. Энциклопедический словарь по истории и философии науки. Энциклопедический словарь / Е.В. Гутов — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. — 342 с.
7. Касавин, И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / И.Т. Касавин. — М: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. — 1248 с.

8. Новая философская энциклопедия: В 4 томах / Стёпин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1 – 744 с. / Т. 2 – 634 с. / Т. 3 – 692 с. / Т. 4 – 736 с.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ XXI ВЕКА

Кисель Наталья Константиновна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье исследуются отличительные особенности научной рациональности, входящей в культурное пространство современного постиндустриального общества. Динамика науки в условиях когнитивного капитализма рассматривается автором как важнейшая предпосылка возникновения постакадемической научной рациональности. Эксплицируются основные установки нового стиля мышления в науке -- синтагматика, междисциплинарность и трансдисциплинарность, холистическая интенция, сопряженная с нацеленностью на проблемно-ориентированный поиск. Возможность преодоления дескриптивного подхода к анализу нового типа научной рациональности, по мнению автора, может быть осуществлена при обращении к исследовательским практикам в технонауке позволяющим выявить конкретные ориентиры современного научного поиска.

Ключевые слова: типы научной рациональности, когнитивный капитализм постакадемическая наука, междисциплинарная методология, конвергирующие НБИК-технологии, технонаука,

FORMATION OF A NEW TYPE OF RATIONALITY IN POST-ACADEMIC SCIENCE OF THE XXI CENTURY

Kisel Natalya Konstantinovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. The article examines the distinctive features of scientific rationality, which is part of the cultural space of modern post-industrial society. The dynamics of science under the conditions of cognitive capitalism is considered by the author as the most important prerequisite for the emergence of post-academic scientific rationality. The main settings of the new style of thinking in science are explicated - syntagmatics, interdisciplinarity and transdisciplinarity, holistic intention, coupled with a focus on problem-oriented search. The possibility of overcoming the descriptive approach to the analysis of a new type of scientific rationality,

according to the author, can be realized by referring to research practices in technoscience, which make it possible to identify specific guidelines for modern scientific research.

Keywords: types of scientific rationality, cognitive capitalism, post-academic science, interdisciplinary methodology, convergent NBIC- technologies, technoscience

Развитие науки на всех этапах вхождения ее в жизнь техногенного общества сопряжено с изменениями стиля мышления ее создателей, что находит свое непосредственное выражение в метаморфозах научной рациональности. Кардинальные сдвиги в функционировании науки на этапе постиндустриального общества, появление постакадемической науки в условиях когнитивного капитализма влекут за собой интерес, главным образом, к содержательному изменению ее в качестве особого знания о мире и к обновлению структурно-функциональной организации научно-познавательной деятельности. Современные исследовательские практики, как правило, оставляют вне поля зрения эволюцию стиля мышления в науке, изменение научной рациональности как таковой. Между тем анализ этого феномена, по мнению автора, позволяет эксплицировать если не парадигматический, то, по крайней мере, синтагматический подход к исследованию современной постакадемической науки.

Смена типов научной рациональности детально проанализирована в исторической версии философии науки XX века. В этой связи нельзя обойти вниманием работы Минской методологической школы и ее основателя академика В.С. Стёпина. В цикле ее работ в свое время был детально проработан вопрос о различных типах рациональности в исторической развертке науки – от классической до постнеклассической ее стадии. При этом акцент был смещен на рассмотрение социокультурной детерминации научного поиска. Эвристика данного подхода к исследованию научного познания неоспорима, она, по-прежнему, играет значимую роль в развертке философско-методологического анализа современной науки. Вместе с тем неуклонная коммерциализация науки в последние десятилетия XX века закономерно поставила вопрос о социально-экономических факторах, властно вмешивающихся в динамику науки [1].

Существенный сдвиг в развитии научно-исследовательских практик в условиях когнитивного капитализма настоятельно побуждает к анализу очевидных трансформаций связи науки с запросами общества, исследование новых форм ее организации. Новая исследовательская транскрипция носит явно выраженный междисциплинарный характер. Традиционный философско-методологический анализ смыкается с

аксиологией, социологией, культурологией знания и ассоциируется с «постакадемической наукой», критическая рефлексия по отношению к которой дает о себе знать в синхронном становлении постакадемической философии науки.

На начальных стадиях развития постакадемической науки на первый план выдвинулись изменения контекстуального характера, обновление методологического инструментария науки, ее метаморфозы в качестве важнейшего социального института информационного общества. Но по мере разработки этих новых дискурсов в постакадемической философии науки (а точнее, в рамках STS – исследованиях науки и технологии) все в большей степени назревает необходимость обращения к меняющейся научной рациональности, анализу ее специфики в связи с действием ряда факторов, ранее в силу естественных причин выпадавших из поля зрения при осуществлении критической философской рефлексии

События, разворачивающиеся в рамках современных исследовательских практик, обнаруживают становление нового типа научной рациональности. Его экспликация в настоящее время проходит стадию проблематизации и носит дискриптивный характер. Вместе с тем обращение к реалиям постакадемической науки позволяет констатировать такие экзистенциальные проявления ее рациональности, как синтагматику, междисциплинарность и трансдисциплинарность, холистическую интенцию, сопряженную с нацеленностью на проблемно-ориентированный поиск, на практический результат.

Эволюция стиля мышления ярко предстает в современной технаучке, проблематика исследований которой определяется в диалоге различных заинтересованных сторон и актуализируется чаще всего в контексте приложений.

В силу большой сложности исследуемых объектов и многофакторности их детерминации на смену аналитически прозрачным фундаментальным и частным теоретическим схемам приходят своеобразные «черные ящики». Так, например, в ходе поиска новых лекарственных форм, исследования предполагают работу с Большими данными с помощью вычислительного эксперимента, базирующегося на методе численных приближений без необходимости экспликации каузальных связей, столь характерной для академической науки.

Существенный сдвиг претерпевают привычные нормативы научной деятельности. На протяжении столетий в качестве неперемennого условия получения значимого результата выступала безусловная

воспроизводимость эксперимента, близкое к 100% совпадение теоретических выводов с данными проверочных экспериментов. Выполнение первого из обозначенных условий обнаруживает ряд трудностей при исследовании сложных развивающихся объектов. Принцип самотождественности, на котором строился в прошлом весь массив научного знания, оказывается не применимым.

Современная постакадемическая наука, работающая с Большими данными в рамках вычислительного эксперимента или методологии «кейс-стадис», в ряде случаев довольствуется ограниченной подтверждаемостью и воспроизводимостью своих результатов. Если новый лекарственный препарат, разработанный благодаря современным методологическим новациям, гарантирует хотя бы для ограниченной части больных, страдающим тяжелым недугом, состояние устойчивой ремиссии, то его выпуск оказывается коммерчески оправданным.

Научное знание, как и прежде, являет собой четко структурированную систему, но внутренняя организация последней с появлением постакадемической науки претерпевает значимые изменения. Явно обнаруживает ментальный сдвиг от стремления к получению и обоснованию знания к заинтересованности в его практическом применении.

На обновлении стиля мышления постакадемической науки не могли не сказаться дигитализация исследовательских практик, использование информационных технологий, работа с Большими данными, ярчайшим примером чего служат работы исследовательского коллектива Массачусетского технологического института под руководством А. Пентленда [3].

Для постакадемической научной рациональности характерно обращение не только к междисциплинарной, но, в первую очередь, к трансдисциплинарной методологии, ярким примером реализации которой выступают конвергирующие НБИК-технологии. Трансдисциплинарный характер их реализации побуждает стиль мышления постакадемической науки к учету социокультурной ангажированности нового научного знания, его технологического измерения и практической эффективности. Новый тип научной рациональности предполагает соединение природного и социального, естественных событий и созданных человеком артефактов, прикладного теоретического исследования и технологических инноваций промышленного масштаба.

В свою очередь, специфика исследуемых объектов диктует необходимость обращения к вариативным практикам интеллектуального

трансферта, что отчетливо можно проследить на становлении и развитии социальной физики [2].

Эволюция научной рациональности с необходимостью влечет за собой изменения ментальной, когнитивной составляющей научного габитуса, без чего исследователь не в состоянии успешно работать в профессии и осуществлять релевантные знаниевые практики. Порой эти изменения принимают деструктивный характер, что в условиях когнитивного капитализма демонстрируют метаморфозы научного этоса.

На сегодняшний день пролонгация обновляемых знаниевых практик и их соотношение с академической наукой вызывает несомненный интерес и ряд дискуссионных вопросов. Ответы на самые важные из них, на взгляд автора, предполагают детальное исследование нового типа рациональности, привнесенного постакадемической наукой не только в профессиональное функционирование научного сообщества, но и в культуру современного общества знания.

Список литературы

1. Ziman, J. Are debatable scientific questions debatable? / J. Ziman // *Social epistemology*. 2000 - Vol. 14 - N.2/3 – P. 188.

2. Кисель, Н.К. Междисциплинарный тренд в развитии современной социальной физики / Н.К. Кисель // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* – 2020 - №1 – С. 44-48.

3. Пентленд, А. Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь / А. Петленд. - М.: АСТ, 2018. - 350 с.

КРИЗИС ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПАТТЕРНОВ

Колядко Илья Николаевич,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры факультета

философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Аннотация. Кризис выступает в качестве одного из ключевых факторов переходного периода, когда под воздействием трансформационных процессов происходит разрушение устойчивых, стереотипных стандартов мышления и деятельности. Кризисные явления оказывают деструктивное воздействие на структурную упорядоченность социальной системы и стабильность ее развития, являясь источником трансформации фундаментальных оснований социума. При этом роль кризиса в переходный период социодинамики не ограничивается только его негативным воздействием. Это обусловлено тем, что кризис способствует выявлению таких универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, соответственно, оказались недееспособными и неэффективными для функционирования и развития системы.

Социальная трансформация, связанная прежде всего с реинтерпретацией ценностно-нормативных параметров системы, будет иметь позитивный исход при условии осуществления комплексных мер рефлексивного управления, направленных на преодоление острых социальных разногласий, налаживание социальной коммуникации и достижение консенсуса различных социальных сил по поводу перспектив дальнейшего развития общества.

Новые вызовы постсовременности, инициированные кризисом техногенной цивилизации, наиболее репрезентативно выражаются в феномене кризиса идентичности. Вызванная глобализацией проблема целостности культурных традиций переходных и модернизирующихся социумов в условиях их возрастающей конфронтации выступает одним из факторов, способствующих поиску новых форм культурно-цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: кризис, универсалии культуры, трансформация идентичности, культурно-цивилизационная идентичность

TRANSFORMATIONS OF RELIGIOSITY IN POSTMODERN CULTURE

Kolyadko Ilya Nikolaevich,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy of Culture, Faculty of
Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Abstract. The crisis acts as one of the key factors of the transition period, when, under the influence of transformational processes, stable, stereotypical standards of thinking and activity are being destroyed. Crisis phenomena have a destructive effect on the structural orderliness of the social system and the stability of its development, being a source of transformation of the fundamental foundations of society. At the same time, the role of the crisis in the transitional period of sociodynamics is not limited to its negative impact. This is due to the fact that the crisis contributes to the identification of such universals of culture that have ceased to meet current social demands and needs, respectively, have turned out to be incapacitated and ineffective for the functioning and development of the system.

Social transformation, associated primarily with the reinterpretation of the value-normative parameters of the system, will have a positive outcome, provided that comprehensive measures of reflexive management are implemented aimed at overcoming acute social disagreements, establishing social communication and reaching a consensus of various social forces about the prospects for the further development of society.

The new challenges of postmodernity, initiated by the crisis of technogenic civilization, are most representatively expressed in the phenomenon of identity crisis. The problem of the integrity of the cultural traditions of transitional and modernizing societies, caused by globalization, in the context of their growing confrontation, is one of the factors contributing to the search for new forms of cultural and civilizational identity.

Keywords: crisis, universals of culture, transformation of identity, cultural and civilizational identity

Кризис во взаимосвязи деструктивных и конструктивных его компонентов выступает в качестве конститутивного фактора переосмысления ценностно-нормативных оснований культуры. Выступая в качестве источника нового *фазового перехода* в развитии, инициируя процессы структурных трансформаций, ориентированных на повышение степени сложности исторически развивающейся социальной системы, ее качественное структурное преобразование, кризис реализует присущую ему конструктивную функцию. В результате этого актуальная саморегуляция (гомеостаз) сменяется новым типом устойчивости и стабильности. В категориальных структурах синергетики процесс фазового перехода рассматривается как включающий в себя минимум три стадии. *Первая стадия* характеризуется возникновением, под влиянием рефлексии и критики сложившихся параметров порядка, «динамического хаоса», когда существенно видоизменяются программы саморегуляции системы. Так возникает состояние нестабильности, а в спонтанно образующихся точках

бифуркации формируются возможные сценарии дальнейшего развития системы. На *второй стадии* фазового перехода под воздействием множества случайных факторов осуществляется борьба за признание одного сценария развития социальной системы в качестве доминантного. *Третья стадия* переходного периода, когда реализация доминирующего сценария развития в «режиме с обострением» становится необратимой, характеризуется «выходом на аттрактор», т. е. к целенаправленному движению к новому уровню структурной организации системы и, соответственно, новым параметрам порядка.

В переходные периоды, характеризуемые распадом и дезинтеграцией многообразных социальных связей, «культивируется новая реальность, и прежде всего, рождаются или переоформляются символы, мифы, образы, ритуалы», конституирующие новый социокультурный порядок [1, с. 202]. «Перекодировка» значений и смыслов универсалий культуры является *конститутивным процессом в кризисном социуме*, по отношению к которому трансформация форм общественного бытия выступает в качестве *следствия* подобного рода «семиотического экстремизма» [1, с. 203]. Принципиальным является понимание того, что кризис в первую очередь «способствует устранению устаревших элементов общественной системы, более глубокому уяснению целей, во имя которых разворачивается противоборство различных общественных сил в социальном пространстве, интеграции людей вокруг новых перспектив развития» [2, с. 203]. Инновационное развитие, диссонирующее с общим социокультурным контекстом, неизбежно приводит к эскалации противоречий и усугублению критического разрыва в обществе. Таким образом, кризис «акцентирует неотложность многих решений и мер, суть которых – в глубоком системном обновлении и социальных структур, и институтов, и духовно-нравственных идеальных факторов поведения людей» [3, с. 468]. Деструктивный потенциал кризиса, представляющий одну из значимых его функций, воплощается в дискредитации основополагающих представлений и норм, которые до определенного момента обеспечивали устойчивую динамику развития и консолидацию единого пространства социальных взаимодействий. Вместе с тем кризис содержит в себе и потенции созидания, реализующиеся в процессах конструирования нового социального порядка посредством обновления содержания культурной традиции и ценностного упорядочения социума.

Таким образом, в результате фазового перехода, вызванного потребностью в преодолении деструктивных аспектов глобальных

кризисов, социальная система в процессах трансформации, прежде всего ключевых нарративов аксиосферы культуры, формирует новое интегративное качество. Последнее позволяет социальной системе развиваться в более сложных и непредсказуемых условиях, а также под воздействием усиливающихся стохастических факторов внешней среды. Так, одним из составляющих аксиосферы культуры выступает *процесс идентификации*, который в условиях формирования нового типа общества – информационного – существенно изменяет свои атрибуты и характеристики. В широком смысле можно говорить о том, что *кризис техногенной цивилизации* находит свое наиболее рельефное выражение в трансформации форм индивидуальной и коллективной идентификации, выступая конститутивным процессом фазового перехода социальной системы к новому уровню функционирования и упорядочения. При этом в условиях дивергентных трендов современного этапа глобализации наибольшую актуальность приобретает *проблема формирования и утверждения культурно-цивилизационной идентичности* локальных социокультурных систем модернизирующихся и переходных социумов, которые становятся полноправными субъектами культурного и цивилизационного процессов. Конфликтная природа современных трансформационных процессов имеет своим основанием устойчивую тенденцию к актуализации и репрезентации локальными социумами своих идентификационных нарративов в условиях возрастания сложности и интенсивности социокультурного развития.

Говоря о трансформации идентификационных матриц в условиях дивергенции транзитивных социумов, важно подчеркнуть, что стратегии формирования новых идентификационных паттернов, в том числе их культурно-цивилизационных импликаций, часто приобретает форму узкоэтнических, националистических, неоконсервативных и даже фундаменталистских движений, что выступает источником геополитической нестабильности. Однако следует четко зафиксировать и особенность процессов трансформации сущностных параметров идентичности как значимого модуса системного кризиса базисных оснований культуры модерна, связанную с внутренней необходимостью модернизирующихся и переходных социумов в выстраивании аутентичных проектов культурно-цивилизационного самоопределения. Как отмечает В.С. Степин, одновременно *обозначая одно из условий конструктивности переустройства общества*, в периоды его фазовых переходов «в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка

ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [4, с. 76]. Таким образом, при акцентировании конструктивных аспектов кризисных этапов социодинамики речь идет прежде всего о том, что преобразованию подвергаются те из базисных смыслов универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, а также «обеспечивать воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения» [4, с. 75].

Трансформация традиционных форм идентичности в условиях ренессанса социокультурных систем транзитивных социумов выступает в качестве ключевого фактора современного цивилизационного развития, направленного на формирование полицентричной геополитической конфигурации мирового сообщества. Репрезентация феномена идентичности, связанного с системой мировоззренческих представлений и установок, которые фундируют основания культуры, все в большей степени сводится к ее символическим измерениям. Они же, в свою очередь, находятся под воздействием информационно-коммуникационных технологий и конституирующих социальную реальность идеологием. Индивидуализация идентичности, ее дифференциация определяются процессами реорганизации институциональных и символических оснований социального порядка. Вместе с тем именно процессы трансформации идентичности выступают сегодня одним из факторов дивергенции локальных социокультурных систем модернизирующихся социумов, позволяя им формировать свою субъектность и становиться полноправными участниками цивилизационного процесса. Фрагментация идентичности в ее культурно-цивилизационном аспекте выступает одним из факторов транзитивности модернизирующихся обществ, инициируя тем самым фазовый переход социальной системы к новым формам упорядочения путем трансформации ценностно-нормативных компонентов культурной традиции.

Список литературы

1. Ионесов, В. И. Кризис как культурная реальность и трансформация идентичности / В. И. Ионесов, А. И. Белкин // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2014. – Т. 16, № 2. – С. 201–205.

2. Вильданов, И. Э. Кризис как показатель назревших социальных изменений / И. Э. Вильданов, В. К. Падерин // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 201–207.

3. Мотрошилова, Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. – 2-е расш. и испр. изд. кн. «Цивилизация и варварство в современную эпоху». – М. : Канон+, 2010. – 479 с.

4. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли ; вып. 3).

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ

Комаровская Анастасия Сергеевна,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Рассмотрена теоретическая модель «постнеклассической науки», предложенная академиком В.С. Стёпиным, с целью выявления эвристического потенциала современной науки. Важным параметром которого представляется степень соотнесенности оснований науки с философией, определившей возможность альтернативного существования и целевое направление научной деятельности.

Ключевые слова: наука, философия, научность философии, глобальная научная революция, социально-интегрированная наука, постнеклассическая наука.

POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE PROBLEM OF PHILOSOPHY'S SCIENTIFICITY

Komarouskaya Anastasiya,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences,

Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. In order to identify the heuristic potential of modern science the theoretical model of «post-non-classical science», proposed by Academician V.S. Stepin, is investigated. An important parameter of which is the degree of correlation of the foundations of science with philosophy, which determined the possibility of alternative existence and the direction of scientific activity.

Keywords: science, philosophy, scientific philosophy, global scientific revolution, socio-integrated science, post-non-classical science.

Проблема научности философии может сегодня смело рассматриваться не только как ключевая проблема мировой философии, но и всей человеческой цивилизации. Актуальная или, как ее иначе называют, подлинная история демонстрирует точку кризиса оснований, фиксирующегося множественными масштабными катастрофами: экологической, когнитивной, гуманитарной и иными. Поиск возможности и/или нового способа человеческого существования сопровождается детальным анализом формообразующих элементов цивилизации, среди

которых особое внимание уделяется науке, как наиболее очевидному и развитому варианту познавательной интенции и философии, как исторически первому и максимально полному эквиваленту эвристической потенции познавательной интенции.

Что же изменилось в основах науки? Что именно привело к кардинальной смене гносеологических приоритетов и почему сегодня, находясь в непосредственной временной близости к концу кризисной цивилизации, наука не может помочь человечеству?

Ответы на все выше сформулированные вопросы находятся в истории цивилизации, статистически фиксирующей изменения всех систем и элементов человеческого мира. Рассматривая науку в исторической перспективе, предполагается выявление качественной трансформации ее основ. Одним из наиболее востребованных в русскоязычном мире и авторитетных проектов исторического развития науки является проект академика В.С. Стёпина, последовательно описавшего четыре глобальные научные революции, результатом последней из которых стал новый тип постнеклассической рациональности и собственно постнеклассическая наука.

Первая глобальная научная революция «XVII века, ознаменовавшая собой становление классического естествознания» [1, с. 619], утвердила идеалы и нормы классической науки, акцентировано исключив из описания и объяснения все, что связано с субъектом познавательной деятельности, то есть оформив такие критерии научности как объективность и предметность. Первая революция является своего рода знаковой для субъекта научного познания, не смотря на его «отсутствие» в результате познания, поскольку именно в пределах классической науки репрезентативно представлен идеал науки – абсолютная истина, оправданность которого связана с целостностью и ценностью философских оснований науки. Вторая глобальная научная революция произошла в конце XVIII – первой половине XIX в., когда множественность картин мира различных научных дисциплин составила конкуренцию единой механистической картине мира. Дисциплинарно организованная наука реализовала проект дисциплинарных идеалов и норм научного исследования, «что же касается общих познавательных установок классической науки, то они еще сохраняются в данный исторический период» [1, с. 622]. Третья глобальная научная революция конца XIX – середины XX в., по мнению В.С. Стёпина, связана с оформлением нового стиля научного мышления, выразившегося в неклассическом естествознании, точнее – в неклассической физике.

«Изменяются идеалы и нормы доказательности и обоснования знания. ... Новая система познавательных идеалов и норм обеспечивала значительное расширение поля исследуемых объектов, открывая пути к освоению сложных саморегулирующихся систем» [1, с. 623]. Период третьей научной революции фиксирует зависимость науки от социальных обстоятельств, связывая установки научного познания и ценностно-целевую направленность развития общества. Усиление социального контроля научной деятельности привело к тому, что уже «в современную эпоху, в последнюю треть нашего столетия мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки. Эти изменения можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука» [1, с. 626], целеполагание которой имеет конкретный экономический и социально-политический интерес.

Теоретический конструкт постнеклассической науки, введенный в оборот академиком В.С. Стёпиным, позволяет выявить важнейшие черты современного этапа развития науки, представляющейся в виде исторически развивающейся системы. Через описанные Вячеславом Семеновичем четыре научные революции выстраивается линия развития «взаимоотношений» науки и общества и четко фиксируется место науки в обществе на каждой из исторических ступеней. Однако проблема развития собственно науки остается нерешенной. Отметим, что Вячеслав Семенович понимал науку как деятельность, которая «ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в конечном состоянии)» [1, с. 39]. Подобное определение науки характеризует не всю науку, но лишь ее практическую составляющую, что, собственно, и затрудняет выявить и зафиксировать изменения в основаниях науки. Фундаментальная наука остается вне поля зрения и очевидно не претерпевает трансформаций, характерных для прикладных отраслей. Современная социально-интегрированная (прикладная) наука наполняется проблемно-ориентированными исследованиями, цель которых связывается с непосредственным удовлетворением конкретного социального запроса, не описывает изменения направленности научного поиска, скорее – изменение места науки в обществе.

Возвращаясь к выше сформулированным вопросам, отметим, во-первых, противоречивость утверждения о развитии науки, основываясь на понимании науки через ее прикладной аспект. Основания науки,

закрепляющие целью научной деятельности – получение объективно-истинного знания о мире, и фиксирующие соответствующие цели нормы и идеалы науки, сохраняются и сегодня. Во-вторых, дистанцирование прикладных и фундаментальных наук (с явным приоритетом первых) на основании изменения места и роли науки в современном обществе обедняет науку, делает научный поиск узконаправленным и малоэффективным по отношению к решению глобальных проблем.

В этой связи сама проблема научности философии звучит очевидно нелепо. Корректнее было бы говорить не о научности философии, но о достаточности философских оснований в науке, являющихся маркером эвристики. Поскольку именно философия является той единственной формой духовно-практической деятельности, цель которой определяется соотношением бесконечности и абсолютной сложности мира с конечностью и относительной простотой познавательного опыта, представленного реальными и/или возможными системами знаний. История развития философии – это последовательная вариативность моделей мира, одной из которых является научная модель. Наука – особенная часть философского знания, в своих первичных фундаментальных формах стремящаяся к истине объективной, то есть той, правомерность которой может быть проверена не только путем накладывания кальки знания на слой исследуемой реальности, но и практическим использованием знания для улучшения ориентационной способности человека в мире.

Список литературы

1. Стёпин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СТЁПИНА

Коршунова Янина Александровна,

старший преподаватель кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье представлена проблема соотношения науки и религии в творчестве В.С. Стёпина. Изложены основные особенности и выявлены функции науки и религии в цивилизационной динамике в соответствии с идеями мыслителя. Представлены общие и различные характеристики науки и религии как феноменов социальной динамики. По В.С. Стёпину, возникают новые области исследования, которые ставят вопросы, требующие осмысления не только представителями науки, но и религиозными специалистами.

Ключевые слова: В.С. Стёпин, наука, религия, ценности, цивилизационная динамика, техногенная цивилизация.

THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF SCIENCE AND RELIGION IN THE WORK OF V.S. STEPIN

Korshunova Yanina Alexandrovna,

Senior Lecturer, Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The article presents the problem of correlation of science in religion in the work of V.S. Stepin. The main features are outlined and the functions of science and religion in civilizational dynamics are revealed in accordance with the ideas of the thinker. General and different characteristics of science and religion as phenomena of social dynamics are presented. According to V.S. Stepin, new areas of research arise that raise questions that require reflection not only by representatives of science, but also by religious specialists.

Keywords: V.S. Stepin, science, religion, values, civilizational dynamics, technogenic civilization.

Существенными факторами социальной динамики выступают наука и религия, формирующие всеобъемлющие программы миропонимания и действия и пронизывающие все сферы индивидуальной и социальной жизни. Религия и наука выступают, на первый взгляд, противоположными феноменами, которые не имеют общей направленности. В.С. Стёпин полагает, что при более глубоком изучении можно увидеть, что функции

данных феноменов взаимодополняют друг друга и обеспечивают баланс в развитии общества как целостной и органической системы. Наука направлена на получение нового знания и изучение объектов, которые могут быть использованы в деятельности человека, что делает ее важнейшим источником инноваций и изменений в обществе. Религия сфокусирована как на внутреннем мире человека, его эмоциональных состояниях и чувствах, так и на общечеловеческих ценностях. Она является хранителем традиции, аккумулирующим нравственные ценности, модели мышления и поведения людей, приобщая отдельного человека к общности. В.С. Стёпин отмечает незыблемость религиозных принципов, что в случае разных их интерпретаций в некоторых случаях может затруднять диалог между религиозными конфессиями. Основой науки выступает система методологических и онтологических принципов, которые, с одной стороны, обладают устойчивостью на том или ином этапе развития, с другой стороны – эти принципы изменчивы, поскольку «могут потребовать радикального пересмотра» в связи с получением знания о новых типах объектов [1, с. 41].

Деятельность человека многообразна и не сводится лишь к преобразованию мира, поэтому религия наряду с наукой выступает способом познания и освоения человеком мира. Для религии присущи субъект-субъектные отношения, выраженные в межличностной коммуникации и регулируемые «фундаментальными ценностями культуры», в то время как наука базируется на постижении «объект-предметных структур мира» [1, с. 43].

В.С. Стёпин обращает внимание на изменения соотношения науки и религии в процессе исторического развития цивилизации, которые приводят в итоге к существенным ценностным изменениям. Изначально эти отношения больше носили характер противостояния, поскольку доминирование мифологического мышления и традиции затрудняло получение нового знания. По мере приближения человечества к «техногенной цивилизации» это положение менялось, и возникла установка на приоритет экспериментального исследования природы, что осуществляется в рамках научного подхода [1, с. 44]. Изначально наука базировалась на идее противопоставления естественного и искусственного (античная традиция), однако под влиянием христианства происходит переосмысление этой установки. В Новое время отношения между наукой и религией были противоречивыми, поскольку формирование научной картины и стремление науки к автономии встречало сопротивление со стороны церкви, однако постепенно это противостояние нивелировалось, и

ему на смену пришла тенденция к сохранению религиозной традиции в согласии с достижениями науки [1, с. 46].

Появление техногенной цивилизации, по В.С. Стёпину, приводит к необходимости взаимодействия науки и религии. Современная наука конкретизирует свои приоритеты в соответствии со спецификой техногенной культуры, что выражено в преобразовании ее онтологических и методологических принципов [2, с. 201]. В религии также обнаруживается тенденция к формированию новых ценностей, основанных на новом отношении с природой, которое подразумевает «человеческой ответственности перед природой, перед собой и будущими поколениями» [1, с. 47]. Это обусловлено разными ориентациями этих феноменов: наука «нацелена на изучение объектов, включенных или заново включающихся в сферу человеческой активности», в то время как в «религиозных чувствах отражается сознание человека и его состояния» [2, с. 201]. Возникают новые области исследования, которые ставят вопросы, требующие осмысления не только представителями науки, но и религиозными специалистами. Таким образом, изменения ценностных ориентаций, по мнению В.С. Стёпина, отражаются на взаимоотношениях науки и религии, делая возможным их равноправный диалог.

Список литературы

1. Стёпин, В.С. Философия религии в социокультурном контексте: (памяти Л.Н. Митрохина) / В. С. Стёпин // Социология. 2008. – № 4. – С. 38–48.
2. Стёпин, В.С. Наука и религия: противостояние или диалог? / В. С. Стёпин // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2012. – Т. 1. – СПб. – С. 201–202.

О ПОЗНАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ПОЗНАНИИ ТЕХНИКИ

Косенков Александр Юрьевич,

Младший научный сотрудник

Института философии Национальной академии наук Беларуси

Аннотация. Анализ исследований цифровизации позволяет говорить о том, что познание данных процессов преимущественно направлено на решение актуальных вызовов, сопряженных с внедрением новых технологий. Несмотря на правомерность их рассмотрения, автором отмечается, что рефлексия над процессами цифровизации должна быть также ориентирована на расширение представлений о технике как ключевом элементе мировоззренческих систем. Данная стратегия исследований обосновывается тем, что цифровизация является лишь одним из векторов компьютеризации, а становление технической реальности определяется также развитием других видов техники (в частности, промышленной и сельскохозяйственной).

Ключевые слова: техника, цифровизация, компьютеризация, философия техники, техническая реальность.

ON KNOWLEDGE OF DIGITALIZATION AS KNOWLEDGE OF TECHNOLOGY

Kosenkov Alexander Yurievich,

Junior Research Fellow,

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract. An analysis of digitalization research suggests that the knowledge of these processes is mainly aimed at solving actual challenges associated with the introduction of new technologies. Despite the legitimacy of their consideration, the author notes that reflection on the processes of digitalization should also be focused on expanding ideas about technology as a key element of worldview systems. This research strategy is justified by the fact that digitalization is only one of the vectors of computerization, and the formation of technical reality is also determined by the development of other types of technology (in particular, industrial and agricultural).

Keywords: technology, digitalization, computerization, philosophy of technology, technical reality.

Процессы цифровизации меняют облик современного общества. Их масштабность, интенсивность и противоречивость способствует всесторонней рефлексии технологических процессов в лоне науки, философии и искусства, что стимулирует разработку соответствующих

теоретических систем, позволяющих описывать обновленную действительность, а также способствует трансформации универсалий (в определении В.С. Стёпина). Данные изменения выражены в появлении новых понятийно-категориальных единиц и обновлении концептуального содержания ключевых элементов сложившихся ранее смысловых ансамблей, что в совокупности приводит к мировоззренческим трансформациям [1].

Техника – один из важнейших элементов мировоззренческих систем, ставший предметом основательной философской рефлексии в конце девятнадцатого столетия (вкуче с понятием технологии, которое в данной работе используется синонимично технике). Несмотря на то, что многие мыслители-пионеры (Э. Капп, Х. Ортега-И-Гассет, О. Шпенглер и др.) стремились выявить сущностные свойства всего «многообразия технического», ее познание, по мнению автора, осуществлялось сквозь призму последствий индустриализации, а в центре внимания находилась промышленная техника (машина). Потому неудивительно, что компьютерная революция и последующее развертывание цифровизации зададо несколько иной вектор осмысления технологических процессов, что обусловлено специфическими свойствами включаемых в деятельность индивида компьютерных устройств. Философы погрузились в обсуждение перспектив создания искусственного интеллекта и автоматизации, проблем виртуализации и социального контроля, перипетий ориентации индивида в информационном пространстве. Следствием этого стало появление соответствующей группы работ, позволяющих ответить на важные вопросы современности в свете происходящих технологических трансформаций.

Безусловно, формируемый в пространстве философии корпус исследований позволяет расширить представления о цифровизации и найти ответы на сопряженные с ней вызовы. Однако на взгляд автора, рефлексия над цифровизацией, помимо прочего, должна быть ориентирована на расширение представлений о технике как одной из ключевых мировоззренческих единиц. И объясняется это не только тем, что философия должна быть в принципе направлена на постижение фундаментального и сущностного: предложенная стратегия рефлексии обусловлена двумя важными аспектами, связанными с характеристиками и тенденциями развития технической реальности на современном этапе.

Во-первых, цифровизацию не совсем корректно отождествлять с компьютеризацией и рассматривать как единственный вектор становления технической реальности после компьютерной революции. Следует

понимать, что развитие компьютерной техники сопровождается разработкой соответствующих способов приема, передачи, обработки и хранения информации: к таковым относят аналоговые, цифровые и квантовые технологии. Появление понятия цифровизации и его включение в язык философии и науки в 1970–1990-ых гг. (вместе с такими понятиями как «цифровая экономика», «цифровое неравенство» и пр.) объясняется превалированием цифровых технологий над альтернативными способами работы с информацией: аналоговые технологии в это время фактически вытеснялись на обочину прогресса, а квантовые – еще не стали активно разрабатываться. Ввиду этого процессы развития компьютерной техники зачастую отождествляются с внедрением именно цифровых компьютеров, а понятие цифровизации – употребляется синонимично понятию компьютеризации (хотя последнее, очевидно, шире).

Перспективные прорывы в области квантовых технологий, в свою очередь, также могут изменить облик социально-технологической действительности, за которой последует трансформация сложившихся понятийно-категориальных систем. Данные технологии станут предметом рефлексии, актуальной и даже модной темой обсуждения, как это и произошло с цифровизацией. Очередной технологический тренд, таким образом, задаст новый вектор исследовательским поискам и отдалит вопрошающих от решения фундаментальных философских проблем, сведет познание последствий компьютеризации лишь к одному из ее направлений.

Во-вторых, становление на современном этапе технической реальности хоть во многом и определяется цифровизацией, не сводится исключительно к данному процессу: весьма сложно спорить с тем, что развитие промышленной и сельскохозяйственной техники, осуществляемое на основе новых научных достижений, также меняет социально-технологическую действительность. Следует понимать, что формирование постиндустриального (информационного) общества не сопряжено с «отрицанием индустриального», как зачастую полагают некоторые современники. Скорее происходит усложнение действительности и ее формирование как многогранного пространства, включающего аграрное, индустриальное и постиндустриальное измерение. Об этом писал и Д. Белл, сравнивая развитие общества с древней фреской, на которую в последующих эпохах наносятся новые изображения [2, с. 32]. Такая метафора уместна для характеристики Индии и Китая, где традиционные сельскохозяйственные практики сочетаются с функционированием

промышленных комплексов и корпораций, разрабатывающих востребованные во всем мире программные продукты.

При этом, как было упомянуто, цифровизация приводит к трансформации технической реальности. Технология интернета вещей, к примеру, предусматривает создание сетей, которые включают программируемые промышленные и бытовые устройства. Внедрение технологии дает импульс развитию производственных систем, сельскому хозяйству, меняет городскую инфраструктуру (концепции Индустрии 4.0, точного земледелия, «умного» города и т.д.). Однако в данном случае происходит скорее расширение свойств объектов, нежели их качественное изменение: обретение возможностей приема и обработки информации холодильником или печатным станком вряд ли позволяет говорить о появлении принципиально новых технических сущностей. Из этого можно заключить, что созданная на предыдущих этапах развития общества техника (т.е. до компьютерной революции) по-прежнему может оставаться предметом рефлексии, а труды мыслителей, ставших свидетелями прошедших технологических революций – все еще быть востребованными.

Таким образом, при всей важности познания цифровизации, следует давать ответы не только на актуальные вопросы, «навязываемые» технологическими трендами. Следует рассматривать техническую реальность во всей ее целостности, направлять творческие силы на раскрытие сущности техники параллельно достраивая систему философско-технического знания и наводя «мосты преемственности» между классиками философской дисциплины и современными исследователями.

Список литературы

1. Косенков, А. Ю. Трансформация системы мировоззренческих универсалий в процессе цифровизации / А. Ю. Косенков // Человек. Культура. Общество : сб. науч. ст. 17-й ежегодной науч. конф. студентов и аспирантов ФФСН БГУ, 23 апреля 2020 г., г. Минск / БГУ, ФФСН ; редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 361–365.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – 2-е изд. – М. : Academia, 2004. – CLXX, 788 с.

ГОЛАЯ ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В КОНЦЕПЦИИ ДЖ.АГАМБЕНА

Курачинская Дарья Сергеевна,

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна, доктор филос. наук, доцент,

профессор кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. В данной статье рассматривается амбивалентная природа суверенного номоса, как отправной пункт в концепции биовласти Д.Агамбена. Эксплицируется связь понятий *Via* и *Dike* в качестве смыслообразующих понятий в теории суверенной власти. Прослеживается взаимосвязь неразличимости естественного состояния и права с чрезвычайным положением, представленным в интерпретации Шмитта. Результатом исследования является констатация амбивалентного характера суверенного номоса ввиду состояния тотального слияния справедливости и насилия.

Ключевые слова: Д. Агамбен; суверенный номос; *homo sacer*; голая жизнь; право; насилие; К. Шмитт; чрезвычайное положение.

HOMO SACER AS AN OBJECT OF VIOLENCE IN THE CONCEPT OF G. AGAMBEN

Kurachinskaya Daria Sergeevna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna,

Doctor of Science, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Abstract. This article examines the ambivalent nature of the sovereign nomos as a starting point in G. Agamben's concept of bio-power. The connection of the concepts of *Bia* and *Dike* as semantic concepts in the theory of sovereign power is explicated. The correlation of the indistinguishability of the natural state, law and the state of emergency presented in Schmitt's interpretation is traced. The result of the research is a statement of the ambivalent nature of the sovereign nomos in view of the state of total fusion of justice and violence.

Keywords: G. Agamben; sovereign nomos; *homo sacer*; bare life; law; violence; C. Schmitt; state of emergency.

Современное коммуникативное пространство оперирует терминами политического дискурса, устаревшими и неэффективными. Пересмотром политических клише занимались виднейшие философы данной сферы – Дж. Агамбен и К. Шмитт. Указывая на проблемные места, мыслители сделали шаг в усмотрении синтеза политического аспекта с биологическим. Таким образом, К. Шмитт актуализирует проблему номоса как высшего закона, акцентируя внимание на примате политического, способного черпать силу из различных областей общественной жизни (религиозной, экономической, культурной). Так как политическая сфера детерминирует другие сферы и вбирает основания для диспозиции, следует коренным образом пересмотреть методологию биополитики и эксплицировать ее функциональные аспекты. Дж. Агамбен же указывает на неразличимость экономики и политики, слияние которых приводит к тотальности естественного состояния и права. Проблема заключается в выявлении отличительных черт области политического, чтобы определить валидность используемых терминов. Стремительно развивающаяся сфера биополитики нуждается в сущностной терминологии, так как чистые понятия политического перестали нести смысловую нагрузку, став нарративами. Следовательно, стоит обратиться к истокам номоса, права и проследить, как жизнь может быть безнаказанно отобрана посредством насилия и власти суверена; жизнь, которую Дж. Агамбен зафиксировал как голую жизнь.

Nomos basileus – закон сильнейшего; закон действующий, живой. *Nomos basileus*, или царь всех вещей, является квинтэссенцией правового государства, а также сущностью понимания демократии. Непреложный закон выступает в качестве принципа в осмыслении и детерминации суверенной власти. Дж. Агамбен, эксплицирует чудовищно-двойственную природу закона-царя, ссылаясь на «загадку» описываемого феномена [3].

Парадоксальный характер принципа, исходя из которого суверенная власть принадлежит закону, проистекает из лирики Пиндара. «Закон – царь всего: и смертных, и бессмертных – одобряя насилие, правит всемогущей рукой» [1, с. 44]. Из этого следует, что поэт констатирует насильственный характер суверенного номоса. Всемогущая рука, фигурирующая во фрагменте Пиндара, демонстрирует иную позицию номоса: в качестве справедливости, то есть *Dike*. Сила номоса исходит из парадоксального объединения антитетических принципов – *Via* и *Dike* (насилие и справедливость).

Полюсные рассуждения на проблему определения номоса встречаются в произведении «Труды и дни» Гесиода. Поэт в обращении к

персу отражает разделение насилия и права, «мира дикой природы и мира человека» [1, с. 45].

Исходя из вышеупомянутых лирических примеров, следует постулировать амбивалентный характер суверенного номоса (синтез *Via* и *Dike*), деформирующегося в тотальное неразличение обеих сил. Квинтэссенцией неразличимости становится суверен. «Суверен является точкой неразличения насилия и права, границей, на которой насилие превращается в право, а право обращается в насилие» [1, с. 45].

Рассмотрение противопоставляемых сил, исходя из рассуждений Дж. Агамбена, необходимо для редукции устоявшегося определения *Via* и *Dike* в политической культуре Запада. Дж. Агамбен акцентирует предпосылочность софистической критики номоса в качестве необходимого фундамента для противопоставления естественного государства и содружества. Софисты, ссылаясь на первичность номоса, оправдывают насилие носителя суверенности. Т. Гоббс, в свою очередь, полагает совпадение естественного состояния и насилия для оправдания абсолютной власти суверена. Таким образом, диаметрально противоположные примеры, раскрывающие антиномию *фюсис/номос*, отражают оправдывающий принцип суверенной власти в качестве неразличимости насилия и права.

Раскрывая сущность суверенного номоса, Д. Агамбен находит и прослеживает двойственный аспект номоса, который также коррелирует с чрезвычайным положением. К. Шмитт задает тон дискурсу биовласти, умалчивая при этом взаимосвязь суверенного номоса и чрезвычайного положения ввиду утверждения примата права, порождаемого суверенным номосом. Вследствие, К. Шмитт основывает собственную теорию о первичном характере «номоса земли».

В зонах, предполагающих функционирование номоса, обнаруживаются области, исключенные из права. В данном понимании трактовка номоса обнаруживается в качестве территориального порядка. «Свободное и юридически пустое пространство – зона, в которой суверенная власть больше не знает ограничений» [1, с. 51].

Лакуна территории номоса коррелирует, а точнее совпадает, по К. Шмитту, с чрезвычайным положением, приостанавливающим действие права в пространственно-временном континууме. Общество декаданса – общество чрезвычайного положения. Состояние распада характеризуется тотальным слиянием *Via* и *Dike*, неразличимостью природы и права. Отношение естественного состояния и правового, приводящее к их полному слиянию, можно представить в трех этапах через круговую схему: а)

кардинальная отличность естественного состояния и права; б) внедренность одного в другое (состояние чрезвычайного положения); в) абсолютная неразличимость при совпадении (состояние стремления исключения стать правилом).

Таким образом, следует заключить: чрезвычайное положение позиционируется как перманентная структура политической детерриторизации. В условиях неразличимости естественного состояния и права констатируем регресс политических организаций, пытающихся закабалить всю планету. С установлением новой тотальности чрезвычайное положение эксплицируется как правило, которое следует наделить динамизмом (эффективность, а не игра пустых понятий, чистых форм). «Традиция угнетенных учит нас, что “чрезвычайное положение”, в котором мы живем, является правилом» [1, с. 75].

Следует утверждать, что суверен обладает монополией на решение: объявление чрезвычайного положения и решение по восстановлению состояния нормальности. Суверен, в своем роде, является отражением исключительного случая, являющимся изъятием (нормальность поддерживается ее временным изъятием). «Правила не перестают функционировать, а лишь временно приостанавливают свое действие, давая место исключению, и только таким образом подтверждают свой правовой статус» [4, с. 265].

Таким образом, Д. Агамбен формулирует форму корреляции правового порядка и нарушения в виде «отношения исключения». В дескрипции данного феномена Д. Агамбен использует термин *ban*, представляющий фундаментальную структуру закона, выражающую его суверенный характер и власть включать посредством исключения [2]. Каждый индивид внедрен в правовую сферу в виде собственного включенного исключения, сущностно выразимая как предел жизни, граница, одновременная включенность в окружность закона, но и пребывание за чертой правового порядка. Суверен обладает полномочием схватывать жизнь и принимать решение насчет включенности индивида в правовое поле. «В ситуации чрезвычайного положения действие закона приостанавливается посредством суверенного решения, и человеческая жизнь восстанавливается в первоначальной форме в виде жизни как таковой, голой жизни» [4, с. 265].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что захваченная сувереном жизнь, или голая жизнь, зиждется на взаимосвязи чрезвычайного

положения с состоянием неразличимости суверенного номоса. Последний в свою очередь конституируется через прохождение трех этапов, результатом которого является абсолютное совпадение естественного состояния и права. Суверенный номос корнями уходит к генезису понятий *Via* и *Dike*, что суть насилие и справедливость. Полагание же *Via* и *Dike* утверждает принцип оправдания насилия суверенной властью. Исходя из этого, правомерной будет констатация амбивалентного характера суверенного номоса, что суть высший закон.

Список литературы

1. Агамбен Дж. *Nomo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. - М.: Издательство «Европа», 2011. - 256 с.
2. Кобылин И.И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // *Философия и общество*. № 3. 2011. С. 171–183.
3. Корецкая М.А. — Народ как носитель суверенности и границы политической теологии // *Социодинамика*. – 2019. – № 1. – С. 10 – 19.
4. Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри / О. В. Самовольнова// *Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение"*. - 2017. - № 4 (10), ч. 2. - С. 261–271.

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Курбачева Ольга Владиславовна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению этнического стереотипа в современном глобальном мире. Актуальность исследования продиктована, с одной стороны, возрастающим уровнем тревожности и агрессивности в виртуальном и реальном пространстве, эскалации этнокультурной напряженности, этнофобии, а также усиливающейся этнической стереотипизацией в обществе. И, с другой стороны, дефицитом комплексных и системных исследований проблемы этнических стереотипов в условиях современных коллизий. В этой связи в статье предлагается предметный философский анализ природы этнических стереотипов, раскрывающий не только структурные компоненты и особенности этнического стереотипного мышления, но и значение этнических стереотипов в диагностике перспектив этнокультурного взаимодействия.

Ключевые слова: этническая общность, этнический стереотип, этническая идентичность, автостереотип, гетеростереотип, этнофобия, этнокультурное взаимодействие.

THE SIGNIFICANCE OF ETHNIC STEREOTYPES IN THE PERIOD OF GLOBAL INSTABILITY

Kurbacheva Olga,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the philosophical understanding of the ethnic stereotype in the modern global world. The relevance of the study is dictated, on the one hand, by the increasing level of anxiety and aggressiveness in the virtual and real space, the escalation of ethno-cultural tension, ethnophobia, as well as the increasing ethnic stereotyping in society. And, on the other hand, the lack of comprehensive and systematic studies of the problem of ethnic stereotypes in the context of modern collisions. In this regard, the article proposes a substantive philosophical analysis of the nature of ethnic stereotypes, revealing not only the structural components and features of ethnic stereotyped thinking, but also the significance of ethnic stereotypes in diagnosing the prospects for ethnocultural interaction.

Keywords: ethnos, ethnic community, social stereotype, ethnic stereotype, identity, autostereotype, heterostereotype, ethnophobia, ethnocultural interaction.

Сегодня проблема этнокультурных стереотипов является одной из самых востребованных тем для исследований в пространстве социально-гуманитарной мысли. Влияние на особенности и перспективы конструктивного этнокультурного взаимодействия ставит вопрос об этнических стереотипах на уровень сложных и актуальных тем – особенно сегодня, в период геополитической нестабильности, интенсивных миграционных процессов и эскалации этнокультурной напряженности. Так глобализация и интенсификация миграционных процессов в совокупности с масштабными и лавинообразными изменениями в социокультурной сфере и геополитическими конфигурациями обусловили ренессанс этнического дискурса и его проблемных сторон, одной из которых и является вопрос об этнических стереотипах в современном глобальном полиэтничном обществе.

В 2020 году Международная организация по миграции (МОМ) опубликовала доклад о состоянии миграции в мире, в котором отмечается, что общая численность мигрантов за последние десятилетия увеличивается и достигла небывалых до этого времени показателей, преодолев порог в 272 млн. человек в год [1]. За численными показателями всегда следуют содержательные трансформации: миграционные процессы инициировали изменения в гражданско-политическом, социально-экономическом и социально-культурном дискурсе. Так мигрант, как носитель иной культуры и традиций, становится субъектом с ожидаемым и прогнозируемым поведением, активизируются стереотипные маркеры его восприятия и, как результат, формируется адекватное или же искаженное декодирование информационного поля этнокультурного взаимодействия. Все это играет очень важную роль в конструировании долгосрочных межэтнических взаимоотношений. Поэтому данная работа посвящена именно предметному и всестороннему философскому исследованию сущности этнических стереотипов, их особенностям в современных условиях, а также роли в конструировании долгосрочных межэтнических взаимоотношений.

Если обратиться к различным социолингвистическим словарям, то, абстрагируясь от отличающихся внешне лексических формулировок, можно зафиксировать общее содержательное определение этнического стереотипа – это упрощенный, стандартизированный, эмоционально-оценочный и устойчивый образ представлений о ценностях, нормах и

ключевых паттернах поведения какого-либо этноса и его субъектов (этнофоров) [2]. Так, ключевыми характеристиками стереотипа выступают эмоциональная окрашенность, ригидность к новой информации и изменениям, а также высокая степень согласованности среди членов социальной группы, являющейся носителем стереотипных установок. Этнические стереотипы представляют собой схематичный образ, генерализирующий общий социальный портрет носителя этнического сознания. В повседневной практике это выглядит максимально упрощенно: немцы – пунктуальны, белорусы – терпеливы, эстонцы – медлительны. Но откуда возникают эти представления и отражают ли они действительные характеристики этноса? При осмыслении сущности самих конкретных этнических стереотипов всегда необходим исторический экскурс в контекст. Он позволяет выявить историко-культурные условия, в которых находилась та или иная группа и дифференцировать многократно повторяющиеся ситуации, для которых в этнической группе спустя определенное время вырабатывается наиболее оптимальная модель поведения, закрепляемая в схематичный образ реакции. Эта аккумуляция культурно-исторического опыта и социально-психологического ответа и формирует в итоге стереотип, выполняющий различные функции: генерализацию и передачу опыта, функцию экономии мышления и конструирование собственных идентификационных маркеров, отличающих свою группу от иной. И в итоге прошлое представляет собой «символический ресурс коллективной групповой консолидации» [3, с. 57]. Однако важно отметить, что механизм освоения, включения стереотипов в систему собственной когнитивной атрибуции может быть вариативным: это может быть как непосредственный контакт с этнической общностью, так и опосредованное знакомство через средства массовой информации, общественное мнение, инструменты искусства (кинематограф, литературу, рекламу) и др. В этой связи важно дифференцировать аутентичные этнические стереотипы и приписываемые стереотипы, подкрепляемыми социальными мифами. Если аутентичные стереотипы в той или иной степени соразмерны образу этнической группы, то приписываемые стереотипы искусственно конструируемы, зачастую навязаны и, в силу искаженной или ограниченной информации, могут находиться в пространстве предрассудков и предубеждений, быть по существу нерелевантными самой культуре.

Принципиально значимо, что такие стереотипы чаще всего отражают не столько особенности поведения или ментальные характеристики этноса

как объекта представлений, сколько иллюстрируют позицию и отношение этнических групп как субъекта-носителя такого образа о других. Сложность в том, что грань между мифологизированными, т.е. приписываемыми и аутентичными стереотипами весьма тонкая. Ведь стереотипное мышление, как уже было отмечено выше, всегда эмоционально и достаточно резистентно: стереотипы закрепляются на бессознательном уровне восприятия и поэтому для их выявления и преодоления требуются целенаправленные и неоднократные когнитивные усилия. А природа стереотипов такова, что она предполагает обратное: разгрузить мышление, действовать по привычке и шаблону. Такая дифференциация этнических стереотипов становится основанием для того, чтобы выделить в структуре социального стереотипа два коррелирующих между собой уровня: когнитивный и эмоционально-ценностный уровень. Схематичный набор условных представлений отражается в когнитивном пласте стереотипов, а эмоционально-ценностный уровень проявляется в той позитивной или негативной оценке объекта (этнической общности), который формируется в сознании воспринимающего. При этом устойчивая корреляция этих двух уровней проявляется в неминувшем взаимном влиянии: ошибочный, нерелевантный, образ этнической общности может отразиться на его негативной оценке и, с другой стороны, предвзятое, тенденциозное отношение к какому-либо этносу инициирует формирование его искаженного образа [4, с. 21]. В результате этнический стереотип может послужить эмпирическим индикатором степени напряженности, принятия или непринятия другой этнической группы.

Важной классификацией этнических стереотипов выступает деление стереотипов на авто- и гетеростереотипы. Более того, специфика их формирования и принятия тесно коррелирует с механизмами и закономерностями проявления этнического самосознания, поэтому стереотип выступает не просто случайным набором схематичных представлений, а своеобразным маркером этнической самоидентификации.

Так автостереотип представляет собой совокупность стереотипных представлений о собственной этнической группе и имеет под собой вполне объяснимую социально-психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, сохранение культурно-исторического опыта, формирование и принятие собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровне – это все позволяет этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой и, что наиболее важно, очертить собственные социокультурные и духовно-

мировоззренческие границы. Однако важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. А это уже напрямую зависит от особенностей выражения этнической идентификации: позитивной или негативной идентичности. Представления о типичных чертах своего общества, выраженных в автостереотипах, будут варьироваться от ценностно-эмоционального полюса самоидентификации. Например, избыточная форма позитивной самоидентификации может быть выражена как в виде этноцентризма, так и этнофанатизма или этнодискриминации. И если форма проявления этноцентризма чаще всего ограничивается умеренной аффектацией на собственной значимости и неагрессивном изоляционизме по отношению к иноэтническим общностям и их представителям (такой своеобразный внутригрупповой фаворитизм, проявляющийся на бытовом уровне в форме предпочтения представителей своей группы в зоне прямого взаимодействия), то этнофанатизм имеет под собой более явные и опасные последствия – фанатичная приверженность к собственной культурной парадигме, культивируемый традиционализм, агрессивное, интолерантное отношение к другим этнокультурным общностям. И это безусловно будет отражаться на общих представлениях, стереотипах, которые будут формироваться в сознании этнической группы о других. В силу болезненной гиперболизированной протекции собственной этнической или национальной культуры, акцентированно принижается или обесценивается другая. Эта дихотомия «друг-враг», «чужие-свои» является распространенным инструментом в социальном мифотворчестве.

Что же касается гетеростереотипов (стереотипные представления об иной этнической общности и ее этнофорах), то они также напрямую коррелируют с особенностями этнического самосознания и выполняют функцию социально-психологической защиты своей группы от дивергентных процессов. При гиперболизированной форме идентичности, чужой этнос потенциально может восприниматься как опасный, а при литотизированной форме – иноэтническая общность чаще всего выступает компенсаторным инструментом, что также является значимым сигналом для межэтнического взаимодействия.

Современные геополитические и миграционные процессы актуализировали повышенный интерес к этничности, выступающей своеобразной протекционистской реакцией на внешние изменения. На фоне данного парадокса, когда географические границы стираются, а внимание к

этнической культуре усиливается, особое внимание уделяется этнической стереотипизации.

Во-первых, этнические стереотипы выступают непосредственным проводником в исследовании особенностей национальной и этнической идентичности и ее адаптации к современным реалиям. Ведь подавляющее большинство автостереотипов носит этноцентристский характер и поэтому исследуя автостереотипы в динамике, можно выявить и проанализировать особенности этнической фрустрации, проекций, а также закономерности историко-культурных приоритетов.

А во-вторых, содержательный пласт и эмоциональный показатель этнической стереотипизации может служить индикатором, выявляющим потенциальные и реальные угрозы в эскалации этнокультурной напряженности. Генерализация общих представлений об этнокультурной общности может быть как релевантной и аутентичной, так и искусственно конструируемой, ангажированной социально-политическим и идеологическими представлениями. Особенно явно это прослеживается на фоне конструирования гетеростереотипов, содержательный аспект которых во многом зависит от поставленных целей субъекта стереотипизации.

Безусловно, процесс стереотипизации является неизбежной частью восприятия и взаимодействия с другими этнокультурными общностями, однако важно понимать, что опасность не в самом процессе, а его содержательном и ценностном наполнении, искусственной стигматизации этнофоров и общности в целом, отражающейся на особенностях и перспективах конструктивного межэтнического взаимодействия.

Список литературы

1. Международная организация по миграции [Электронный ресурс]. Доклад о миграции в мире 2020. Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf
2. Этнический стереотип//Словарь социолингвистических терминов. – режим доступа: <https://sociolinguistics.academic.ru/846>
3. Реальность этнических мифов /Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт. Москва: Гендальф; 2000. 99с.
4. Максимов Л.В. О некоторых стереотипах теоретической этики// Этическая мысль, 2016. Т12. № 2. – С. 20-33.

И. КАНТ И М. ФУКО: ДВА ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Кучук Алина Александровна,

студентка факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

Румянцева Татьяна Герардовна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. Целью статьи является выявление сущности философской парадигмы Просвещения, посредством обращения к знаменитой работе И. Канта и ее понимаю французским философом М. Фуко. Исследование может выступать основой для дальнейшего изучения западного общества и потенциальных возможностей его развития. В работе установлено, что для И. Канта Просвещение – это процесс, переход общества из состояния «несовершеннолетия» в состояние совершеннолетия», преследующий освобождение разума от метафизических догматов и опеки со стороны авторитета. М. Фуко, инвертируя тезис И. Канта, приходит к выводу, что Просвещение – это бесконечная эмансипация субъективности от поля государственной власти.

Ключевые слова: И. Кант; М. Фуко; просвещение; разум; государство; современность.

I. KANT AND M. FOUCAULT: TWO ENLIGHTENMENT PROJECTS

Kuchuk Alina Alexandrovna,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences
Belarusian State University

Rumyantseva Tatiana Gerardovna,

Doctor of philosophy, professor, professor of the Department of Philosophy and Culture
Belarusian State University

Abstract. The purpose of the article is to identify the essence of the philosophical paradigm of Enlightenment by referring to the famous work of I. Kant and its understanding by the French philosopher M. Foucault. The study can serve as a basis for further study of Western society and the potential opportunities for its development. In the work it is established that for And. Kant's Enlightenment is a process, the transition of society from a state of «minority" to a state of adulthood», pursuing the liberation of reason from metaphysical dogmas and guardianship by authority. M. Foucault, inverting the thesis of I. Kant, comes to the conclusion that Enlightenment is an endless emancipation of subjectivity from the field of state power.

Keywords: I. Kant; M. Foucault; enlightenment; mind; state; modernity.

Самосознание эпохи Просвещения и ее классическую репрезентацию можно встретить в вводных статьях «Энциклопедии» (1751–1780) Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера. Энциклопедисты, позиционирующие себя в качестве «агентов» Просвещения, ознаменовали его как эпоху триумфа науки, техники и искусства, прерогативную роль в которой занимало познание (ориентированное на эмпирическую базу), механическое ремесло и республика литераторов. Деятельность Энциклопедии рассматривалась в качестве коллективного творчества, ставящего перед собой разноплановые цели, но преследующего решение одной задачи: эмансипации и развития гражданского общества. Вследствие чего, происходит актуализация вопроса: «Что такое Просвещение?».

Анализируя идеологическую перспективу энциклопедистов, следует, на наш взгляд, выделить три главных вектора, проецированные в интеллектуальных дискуссиях о Просвещении. Во-первых, это интерпретация предпосылок и причин неудачи «модерного проекта». Во-вторых, потребность в осмыслении основания нового мира, претерпевшего кардинальные изменения после Французской революции (1789–1794). Данная проблематика в последующем будет осмыслена кенигсбергским мыслителем И. Кантом. В 1784 г. он опубликует ставшую знаковой работу «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», в которой сформулирует новую установку проекта модерна. В-третьих, следует упомянуть и констатацию кризиса субъективности, ставшую следствием уничтожения проекта модерна [2, с. 83].

Уже в XX веке возникает острая полемика по вопросу о «современности» между М. Фуко и Ю. Хабермасом. Но из-за невозможности очной дискуссии между исследователями М. Фуко заочно ответит своему оппоненту в статье «Что такое просвещение?» (1984), которая была приурочена 200-летию выхода в свет работы И. Канта. Однако тезисы данной статьи М. Фуко совершенно очевидным образом интерпретируются как ответ Ю. Хабермасу.

Упомянутые выше три вектора представляется возможным свести к одному главному: Просвещение – это неизменяющийся детерминированный процесс, в основании которого лежит смысл мироустройства и общества.

Но вернемся к статье И. Канта. Ее следует рассматривать в контексте его историософских воззрений, которые получили воплощение в таких его текстах, как: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»

(1784), «К вечному миру» (1795) и др. Размышляя о всемирно-историческом процессе, философ приходит к выводу, что его содержание – это осуществление замысла относительно человеческого рода [3, с. 316]. Данный замысел И. Кант эксплицирует как развитие задатков, вложенных природой в человеческий род, в особенности, разумной человеческой способности.

Эпоха Просвещения – важнейший этап человеческой истории, который И. Кант ознаменовал принципиальным изменением отношения человечества к присущей ему разумной способности – способности суждения [1, с. 28]. Однако философ считает, что до эпохи Просвещения акцентуации данной способности не происходило: человечество не понимало и не признавало за собой этой способности или не пользовалось ею самостоятельно. На стагнацию состояния «несовершеннолетия», которое, главным образом, является следствием действия самого человека, повлияли такие его качества, как лень и трусость.

Известно, что Просвещение, по И. Канту, – это переход из состояния «несовершеннолетия» в состояние «совершеннолетия», преследующий преобразование образа мышления и эскалацию его применения.

Что же касается М. Фуко, то он полагал, что вопрос «Что такое просвещение?» является самым актуальным и определяющим всю современность и, вместе с тем, оказывается фундирующим для всей современной философии. Просвещение – это модерный проект, преобразующий не только человека и общество, но и всю эпоху. И если характер этого проекта может оцениваться и толковаться по-разному, то вопрошание о своей сущности является сущностным для Просвещения. Отсюда, одно из бесспорных его определений состоит в том, что Просвещение есть то, что спрашивает себя, что оно есть [3, с. 317]. Анализируя работу И. Канта, французский философ приходит к выводу, что Просвещение – это исследование (критика) собственных пределов, допускающих вариативность не умоглядных ответов.

По И. Канту, условием осуществления Просвещения является дихотомия применения разума. Философ различает при этом частное («служебного» характера) и публичное («внеслужебного» характера) применение разума: последний должен быть свободен в своем публичном применении и ограничен в частном [1, с. 27].

Однако М. Фуко акцентирует внимание на том, что И. Кант в данном случае использует немецкое слово «*ratioieren*», которое эксплицируется как «рассуждение ради рассуждения», «рассуждение по причине врожденной

разумности», являясь противоположным тому, что называют «свободой совести». Исходя из этого, французский философ приходит к выводу, что при исполнении профессиональных обязанностей не может быть свободного применения разума; оно имеет место только тогда, когда применение разума становится единственной целью рассуждения; когда человек рассуждает потому, что он разумное существо (а не потому, что он есть часть механизма), потому, что он принадлежит к разумному человечеству – тогда применение разума становится свободным и публичным [4, с. 339].

Таким образом, частное применение разума, по И. Канту, должно сводиться к гражданскому повиновению и выполнению предписанных общественных функций, если акцентировать внимание на человеке как на гражданине, осуществляющем свои гражданские обязанности. При публичном применении разума, определяющим становится свобода человека – происходит освобождение и просвещение человека. Благодаря такому условию может быть реализован и оппортунистически противоречивый кантовский лозунг, который должен взять на вооружение просвещенный правитель: «рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь» [3, с. 317].

М. Фуко считает, что И. Кант определяет состояние «несовершеннолетия» формулой «повинуйся и не рассуждай», а состояние «совершеннолетия» – «повинуйся и рассуждай». Вследствие этого Просвещение «оказывается еще и политической проблемой», пытающейся найти равновесие между ограниченным положением человека в обществе и его не ограниченной всеобщей свободой. Он также полагает, что работа И. Канта «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?» находится в непосредственной связи со всей «критической философией» мыслителя. Фуко убежден и в том, что Кант, говоря о критике, как о необходимом методе в эпоху Просвещения, обосновывает собственный философский метод: легко узнать перечень трех критик...руководство книгой вместо разума, замещение духовником нашей совести, определение врачом нашего образа жизни [4, с. 346].

Подобно И. Канту, французский философ пишет о необходимости поиска ответа на вопрос: «Что такое современность по отношению к Просвещению – продолжение этого проекта или отход от него?». Он убежден, что философии необходимо лимитировать и абстрагировать подобную трактовку о себе: определение себя через принятие или непринятие Просвещения. Необходимо отказаться от упрощенной и

навязчивой альтернативы: или вы принимаете Просвещение и остаетесь в традиции его рационализма, или вы критикуете Просвещение и пытаетесь вырваться из-под гнета его рациональности [4, с. 352]. Таким образом, Просвещение в интерпретации М. Фуко, это совокупность событий, разновекторность которых простирается, начиная с политических, заканчивая культурными эпизодами, от которых до сих пор не может отказаться современная философия.

Центральная установка Просвещения, убежден М. Фуко, это критика современного исторического бытия. Вследствие чего, современной философии необходимо начать исследовать те установки, которые были в ней предопределены Просвещением: подобные интенции исследования помогут выявить те стратегии этой эпохи, которые прежде оставались незамеченными.

Анализируя две вышеназванные работы – «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» И. Канта и «Что такое Просвещение?» М. Фуко, следует отметить, что Просвещение и современность находятся между собой в непосредственной связи. Оба философа разработали автономные проекты, благодаря которым можно проследить как будущую судьбу их исследований, так и найти некоторые противоречия. Так, И. Кант в основу своего проекта заложил условия возможности разума в контексте свободы слова и мысли. Он пришел к выводу, что лозунг «*Sapere aude!*» может быть развит и реализован в дискуссионном публичном пространстве свободы (слова и размышлений) при наличии полной политической преданности и послушании. М. Фуко же, анализируя проект И. Канта, пришел к выводу, что в самой эпохе Просвещения заложен особый характер взаимоотношения между «разумным», который составляет сущностное рациональное ядро, и «неразумным», выходящим за границы рациональности. Еще одно замечание М. Фуко связано с тем, что эпоха Просвещения, как считает он, насыщена особым рода властными отношениями, новыми методами управления и способами взаимоотношений, в которых субъект рассматривается в качестве инструмента и ресурса для государства.

Итак, ядром проекта Просвещения, предложенного И. Кантом, является идея всеобщего человеческого разума как идеала в эволюционном пути развития гражданского общества, фундаментом которого оказывается реорганизация общественного сознания, посредством обращения человека к собственной способности суждения. М. Фуко же, критикуя социальную действительность, акцентирует внимание на непосредственной связи между Просвещением и современностью. Он приходит к выводу, что философский

этнос Просвещения был сформирован новым «негативным» типом государственной рациональности, где человек рассматривался в качестве средства и ресурса для государства. Вследствие чего, акт мужества пользоваться собственным разумом является условием создания «нового» человека и «нового» гражданского общества.

Список литературы

1. Кант, И. Сочинения в шести томах: в 6 т. / И. Кант; [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. – М.: Мысль, 1966. — С.24-33.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; [пер. с фр. Н. А. Шматко]. – М.: Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Перепелица, О. Н. Актуализация вопроса «Что такое просвещение»: между биополитикой и свободой / О. Н. Перепелица // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 10 – С.315–320.
4. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; [пер. с фр. С. Ч. Офертаса]. – М.: Праксис, 2002. – С.337-360.

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Лаптёнок Александр Сергеевич

доктор филос. наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Одним из факторов современного цивилизационного кризиса выступает моральный. Несмотря на динамичность социальной жизни, традиционалистские моральные установки не теряют свою регулирующую роль. Среди значимых проблем выделяются ценности потребительского общества и потеря субъектности.

Ключевые слова: цивилизация, кризис, ценности, мораль, культура, традиция.

MORAL BASES OF THE CIVILIZATIONAL CRISIS

Laptenok Alexander Sergeevich

Doctor of Sciences in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. One of the factors of the modern civilizational crisis is the moral one. Despite the dynamism of social life, traditionalist moral attitudes do not lose their regulatory role. Among the significant problems are the values of the consumer society and the loss of subjectivity.

Keywords: civilization, crisis, values, morality, culture, tradition.

Цивилизационный кризис, охвативший ряд регионов мира, имеет множество причин. Как правило, среди них определяющими называют политические и экономические. Спорить с этим довольно сложно, тем не менее, многогранность социального бытия делает не совсем продуктивными выделение «основных», «детерминирующих» факторов цивилизационной динамики. Подходы, в рамках которых выделяются один или два таких фактора, как правило, редуцируют всё к ним, что приводит к упрощению и схематизму объясняющих программ. В настоящее время даже те из них, которые обрели большую популярность, нуждаются в определенной корректировке. Например, разлом цивилизации выходит далеко за рамки столкновения христианского и мусульманского мира, как это было представлено С. Хантингтоном. Более адекватным представляется мультифакторный подход, учитывающий всё многообразие социальной

жизни. Не вызывает сомнений, что его реализация требует значительных усилий научного сообщества.

Не претендуя на такого рода полноту объяснения, тем не менее, можно утверждать, что одним из серьезных оснований современного цивилизационного кризиса предстает моральный фактор. В философском знании, пожалуй, уходят в прошлое суждения о «вторичности» морального и, шире – духовного фактора социальной динамики. Тем не менее, следует подчеркнуть, что мораль представляет собой сущностный компонент собственно человеческого способа бытия, от которого во многом зависит его направленность и наполненность смыслами. Вероятно, кризисные моменты цивилизационного развития, приводящие к «расчеловечиванию» человека, стимулируют необходимость переосмысления назначения морали и представлений о гуманизме и человечности.

При этом можно отметить довольно любопытный парадокс: любые утверждения о кризисе самой морали будут соответствовать и одновременно не соответствовать ее реальному положению. С одной стороны, название этих материалов фиксирует, что мораль может стимулировать развитие цивилизационного кризиса, либо, напротив, противодействовать ему. С другой стороны, вероятно, нельзя найти какой-либо исторический период, когда его современники не свидетельствовали бы о наличии морального кризиса. Начиная с периода становления нравственного сознания человека, постоянно звучат сетования об ухудшении нравов, о том, что не та пошла молодежь, что «правду заменит кулак» (Гесиод), что отношения между полами деградируют. Иначе говоря, мораль всегда находится в кризисе. И это предстает в качестве нормы, т.к. такого рода характеристика является следствием специфических свойств самой морали, которая никогда не может завершиться ни в каком своем относительном состоянии (А.А. Гусейнов). Самосознание эпохи фиксирует эту незавершенность, делая акцент на необходимости постоянного саморазвития, совершенствования. Чем выше интеллектуальный и моральный уровень субъекта морали, тем бóльшие возможности для своего развития он видит. Это характерно как для индивидуального сознания, так и для общественного. Соответственно, верно и противоположное: ограниченность духовного мира морального субъекта порождает не только убежденность в наличии единственно правильной точки зрения, но и нетерпимость ко всему тому, что не вписывается в его собственную систему ценностей. Тем не менее, именно уровень проявления толерантности к Другому во многом определяет развитость культуры социума. При этом

необходимо отметить, что толерантность, несомненно, должна иметь четко выраженные границы. Например, это связано с отношением к преступности и в целом к тому, что противоречит гуманистическим основам человеческого общежития.

Развитие современной цивилизации связано с впечатляющими технологическими достижениями. Однако, отсутствие прямой корреляции между технологической и духовной сферами приводит к явным диспропорциям в социальной жизни. С одной стороны, технократическое сознание принижает значимость духовного фактора в жизнедеятельности человека и общества. С другой – уровень развития нравственной культуры в значительных своих компонентах основывается на аттитюдах традиционалистского сознания. Имеется в виду, прежде всего, тот факт, что декларируемая в последнее время необходимость диалога культур не выдерживает столкновения с господствующими до сегодняшнего дня в общественном и политическом сознании установками партикулярной морали, одним из принципов которой выступает противопоставление «своих» «чужим». Критерии такого разделения могут быть просты и разнообразны: по этническому, политическому и иным признакам. Отличительной чертой партикулярной морали выступает оправдание насилия как способа разрешения не только конфликтных ситуаций, но и решения всех социальных проблем. Также проявляются серьезные противоречия, которые обостряются в период ускоряющейся социальной динамики. В современной культуре старые моральные регулятивы теряют свою эффективность. Изменчивость и событийность мира, социальная мимикрия современного человека не вписываются в классические ценностные системы. То, что ранее выступало в качестве неоспоримых истин, в современный период не всегда имеет достаточные основания для своей реализации. Конечно, здесь возникает серьезная проблема, когда такая «моральная мобильность» может способствовать потере четких критериев дозволенного и недозволенного, достойного и недостойного, что приводит к релятивизации моральных ценностей. Культура в период аксиологической неопределенности в значительной степени провоцирует у людей состояние неуверенности и ощущение опасности.

Однако, на этапе поисков выхода из цивилизационного кризиса снова актуализируется ценность диалога культур, проблема заключается в том, чтобы эта идея стала реальной регулятивной силой. В противном случае не исключается сценарий самоуничтожения человечества.

Моральные основы социума, способствующие формированию цивилизационного кризиса многообразны. Мораль представляет собой своеобразный духовный феномен, отличительной особенностью которого, во-первых, является быстрое реагирование на различные изменения в разных сферах общества. Во-вторых, сама мораль, опосредованно, путем накопления сложностей и противоречий, подготавливает многие кризисные социальные процессы.

Следует признать, что наибольшее влияние на развитие современной цивилизации оказало формирование потребительского общества, попытка путем увеличения общественного богатства и повышения уровня потребления сгладить социальное неравенство. Следствием обозначенного глобального процесса стало радикальное изменение системы базовых ценностей и паттернов поведения. Есть достаточные основания для того, чтобы связать истоки кризиса с этим процессом. Критика потребительского общества содержится в многочисленных трудах, философов, экономистов, психологов. В данном случае отметим, что потребительство приводит к новому образу жизни, в котором обладание становится основным модусом бытия (Э. Фромм), что влечет за собой трансформацию системы взаимосвязей индивида. Другой предстает как потенциальный источник наслаждения. Получение гедонистического удовольствия «здесь и сейчас» важнее, чем осознание возможных его последствий. Виртуальное пространство увеличивает возможности и диапазон получения самых разнообразных удовольствий. Структура экономики и увеличение объема свободного времени ведет к появлению «праздного класса». Социальная динамика столь интенсивна, что нет необходимости в выстраивании долговременных планов обязательств. Массовое производство формирует легко управляемого массового человека со стереотипизированным сознанием и поведением. Обезличивание человека проявляется не только в экономике, но и в культуре, политике, во многих видах социального взаимодействия.

Одним из самых существенных следствий обозначенных процессов предстает потеря субъектности. Личностная автономия характеризуется способностью индивида совершать осознанный выбор и нести ответственность за его последствия. Потеря субъектности означает противоположное, когда человек становится зависимым элементом в принятии любых решений.

Проблематизация базовых ценностей социума, с одной стороны, характеризует кризисные явления, приведшие к состоянию неравновесия

современную цивилизацию. С другой стороны, стимулирует появление новых ценностей и поиски нестандартных решений выхода из сложнейшего состояния, в котором оказалось человечество.

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА В.С.СТЁПИНА

Легчилин Анатолий Александрович,

канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В тексте фиксируются основные достижения В.С.Стёпина в области философии и методологии науки, а также основные публикации в этой области профессоров БГУ в 1970-80 годы XX ст.

Ключевые слова: В. С. Стёпин, методология науки, «минская школа», профессора БГУ.

FORMATION AND EVOLUTION OF THE PARADIGM FOUNDATIONS OF SCIENCE IN THE CONTEXT OF V.S. STEPIN'S CREATIVITY

Liahchylin Anatoly Alexandrovich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The text records the main achievements of V.S. Stepin in the field of philosophy and methodology of science, as well as the main publications in this area by BSU professors in the 1970s-80s of the XX century.

Keywords: V.S. Stepin, methodology of science, "Minsk school", professors of BSU.

Если рассматривать творческий путь В. С. Стёпина извне, его жизнь может показаться довольно традиционной. Это путь ученого, посвятившего всего себя любимому делу – написанию важных книг и убеждению в правоте своих взглядов по актуальным проблемам современности. Но если бы представилась возможность заглянуть в его внутренний мир, он бы оказался, как путь любого новатора, полон напряженности, беспокойства, исканий и достижений.

Среди историков философии установилась традиция игнорировать личность философа, зачастую довольствуясь указанием дат его рождения и смерти. И если в истории вообще, которую творят массы, роль личности немаловажна, то историю философии творят не массы, а отдельные личности (правда, вольно или невольно, либо в интересах масс, либо

вопреки этим интересам). Через призму индивидуальности личности преломляется дух времени. Поэтому не менее важны и те его индивидуальные особенности, черты характера и умственного склада, которые накладывают свою неизгладимую печать на все его творчество. Дарование, эрудиция автора, индивидуальный колорит, своеобразие подхода и манеры изложения придают каждому порождению философской мысли единственность и неповторимость. В этом отношении создание философской мысли граничит с художественным творчеством.

При взгляде на путь развития, пройденный тем или иным народом, мы вправе рассматривать его философские системы как содержание жизни, которое находит в них свое выражение. Точно так же при взгляде на философский путь, пройденный Беларусью в XX в., мы должны рассматривать его как концентрированное выражение сути того бытия, которое его стимулировало. В области логики и методологии науки наиболее плодотворными оказались 1970-1980-е гг. Это время специфического расцвета советской культуры, цветы и плоды которой вырастали на древе власти. В тех условиях приоритетными оказались общественная жизнь и наука, которые, естественно, нуждались в рефлексии. В академической жизни философского сообщества того времени проблемы логики и методологии науки заняли необычайно большое место. Ими занимались многочисленные авторы, создавшие цикл оригинальных работ.

Это ощутимо в жизни и в творениях В.С.Стёпина, эмоционально насыщенных, чуждых сухого педантизма. В. С. Стёпин поистине «*princeps philosophorum*» («князь философов») в нашем национальном отечестве. С его именем в Беларуси связано много новаторских идей в области философии и методологии науки. Становление его идеи формировалось в активном диалоге с советскими философами. В одном из своих интервью он вспоминал: «Всеми этими поисками я занимался в первой половине 1967 года. Я в это время находился на стажировке в Москве, в МГУ. Часто встречался и спорил с Г.П. Щедровицким, познакомился с В.А. Смирновым и В.А. Лекторским, Л.Б. Баженовым, которые с одобрением отнеслись к моим результатам» ... «В начале 70-х годов вышли две мои публикации в коллективных монографиях Института философии АН СССР – «Философия. Методология. Наука» (отв. ред. В.А. Лекторский), 1972, и «Практика и познание» (отв. ред. Д.П. Горский), 1973. Само участие в таких книгах, рядом с известными московскими философами и естествоиспытателями уже было для меня престижным. Тем более, что в рецензии на книгу «Философия. Методология. Наука», опубликованной

после выхода книги в «Вопросах философии», рецензент уделил особое внимание написанному мной разделу «К проблеме структуры и генезиса научной теории», проанализировал его, дал в целом высокую оценку и указал на возможные перспективы дальнейшего развития концепции. А рецензентом был Эрик Григорьевич Юдин, идеи которого оказали влияние на выбор направления моих исследований» [1, с. 28-30].

В. С. Стёпин являлся известным специалистом, признанным лидером научного направления в области теории познания, философии и методологии, В своей парадигмальной монографии (Становление научной теории. Минск. 1976) и ряде других работ им была разработана перспективная концепция структуры и генезиса научной теории, широко используемая в отечественной и зарубежной методологии науки. В концепции В.С. Стёпина была открыта и описана неизученная ранее операция построения теории (конструктивного введения теоретических объектов). Это открытие позволило решить проблему формирования в составе теории парадигмальных образцов решения конкретных задач. В рамках данной концепции В.С. Стёпин раскрыл структуру оснований науки (научная картина мира, идеалы и нормы исследования, философские основания науки), показал их взаимосвязь с теориями и опытом, обосновал основные функции в научном поиске. Анализ динамики оснований науки привел автора к выявлению конкретных механизмов влияния социально-культурных факторов на формирование стратегий научного исследования.

В трудах В.С. Стёпина была развита концепция универсалий культуры, проанализированы механизмы новых смыслов философских категорий, разработана типология научной рациональности, возникающей на разных стадиях ее развития (классическая, неклассическая, постнеклассическая наука). В.С. Стёпиным разработана системная модель социокультурной детерминации науки, эксплицированы механизмы смены парадигм научного поиска. Выработанные логико-методологические подходы составили основание историко-научных исследований становления классической теории электромагнитного поля и квантовой электродинамики.

Парадигма В.С. Стёпина нуждалась в осмыслении ее практических приложений и логико-эмпирической верификации заявленных проблем. В этом контексте появляется серия значимых работ представителей «минской школы» логики и методологии науки. Это прежде всего работы профессоров БГУ: В. Ф. Беркова (Научная проблема: логико-методологический аспект. Минск, 1979; Противоречия в науке. Минск, 1980; Структура и генезис научной проблемы. Минск, 1983), А.И. Зеленкова (Принцип отрицания в философии и

науке. Минск, 1981), АН. Елсукова (Методы научного познания. Минск, 1974, в соавторстве с В.С. Стёпиным; Эмпирическое познание и факты науки. Минск, 1984; Познание и миф. Минск, 1984; Теория и эксперимент. Минск, 1989, в соавторстве с В. Я. Воробьевым), Я.С. Яскевич (Определения в науке. Минск, 1982; В поисках идеала строгого мышления. Минск, 1989), Е.В. Петушковой (Отражение в живой природе. Динамика теоретических моделей. Минск, 1983), Л.Ф. Кузнецовой (Картина мира и ее функции в научном познании. Минск, 1984), коллективные монографии многих из этих авторов (Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981; Научные революции в динамике культуры. Минск, 1987), ряд диссертационных работ и другие труды этого периода.

Особое место в исследовании логико-методологической проблематики принадлежит, как мы отметили, принадлежит так называемой «минской школе». Ее творческие достижения стали широко известны не только в Беларуси, но и за ее пределами. В рамках данного научного направления разрабатывались фундаментальные проблемы логики и теории познания, структуры и генезиса научной теории, методологии, форм и методов естественных и социальных наук, механизмов внутренней и социокультурной обусловленности научного познания.

Таким образом, обзревая философскую жизнь в Беларуси XX столетия, можно гордиться тем духовным всплеском в недрах ее культуры, который вызвала плеяда представителей «минской школы» логиков и методологов науки. Вместе с тем, с сожалением следует констатировать, что сегодня логико-методологические исследования в значительной степени вытеснены на периферию философских поисков в Беларуси. Но данная традиция, в основе которой лежит философско-методологическая концепция В.С. Стёпина, демонстрирует свой несомненный эвристический потенциал в современных междисциплинарных исследованиях тенденций и механизмов социокультурной динамики. Об этом свидетельствует широкий интерес к результатам данных исследований со стороны мирового философского сообщества (переводы работ В.С. Стёпина изданы в Англии, США, Германии, Китае, Финляндии, Польше и др. странах с развитой философско-методологической культурой).

Список литературы

1. Важно, чтобы работа не прекращалась...Интервью с академиком РАН В.С. Стёпиным ведет член-корреспондент РАН И. Т. Касавин // Вопросы философии. 2004. № 9. С. 16-71.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ В.С. СТЕПИНА

Лещинская Ирина Ивановна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье показано, что концепция культуры В. Стёпина является синтезом деятельностного, ценностного и семиотического подходов. Обоснована актуальность и значимость репрезентации исторической памяти как онтологического феномена в условиях глобальных рисков. Раскрыта генетическая, содержательная и функциональная связь культуры и памяти в контексте концепции культуры В. Стёпина. Показано, что культура как форма коллективной памяти представлена системой социальных кодов, в которых фиксируется и закрепляется социальный опыт. На основе идей В.С. Стёпина историческая память определена как форма сохранения, трансляции и актуализации программ деятельности общества и ее результатов.

Ключевые слова: В.С. Стёпин, социальная система, культура, семиотика, универсалии культуры, социальные коды, историческая память, идентичность.

THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY IN THE CONTEXT OF THE V.S. STEPIN CONCEPTION OF CULTURE

Liashchynskaya Iryna Ivanovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences,
Associate Professor, Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The article shows that V. Stepin's conception of culture is a synthesis of activity, value and semiotic approaches. The relevance and importance of the representation of historical memory as an ontological phenomenon in the context of global risks is substantiated. The genetic, essential and functional relationship between culture and memory in this conception of culture is revealed. It is shown that culture as a form of collective memory is represented by a system of social codes in which social experience is fixed and saved. Based on the ideas of V. Stepin, historical memory is defined as a form of conservation, translation and actualization of the programs of society's activities and its results.

Keywords: V. Stepin, social system, culture, semiotics, cultural universals, social codes, historical memory, identity.

Многочисленные и предельно агрессивные конфликты, разрывающие на части современный мир, явились свидетельством системного и глубочайшего кризиса. Его причинами выступили не только процессы размывания базовых гуманистических ценностей и циничное попираание норм международного права, но и повсеместно проявляющийся синдром «беспамятства». Речь идет о нарушении и блокировке в социальном организме механизмов памяти. Безответственные «игры с памятью», забвение исторического опыта предшествующих поколений привели к многочисленным негативным последствиям.

Разрыв исторической преемственности неизбежно нарушает нормальное функционирование и развитие общества. Проникновение «вируса беспаятства» в мировоззренческую систему общества трансформирует ее коды, что ведет к сбоям в работе системы и бессмысленной растрате ее ресурсов. С помощью современных средств коммуникации этот вирус имеет возможность распространяться мгновенно и в невероятных масштабах, что ставит под угрозу существование всей социальной системы

Память как пространство «образов прошлого» обладает широким спектром значимых для человека и социума функций: интегрирующие (и дезинтегрирующие), информационные, объяснительные, воспитательные, политико-идеологические и др. Это многообразие функций способно задавать неоднозначную, порой противоположную, роль исторической памяти в жизни социума. Поэтому не случайно в информационном пространстве развернулась ожесточенная «борьба за память», результатом которой явилось столкновение конкурирующих нарративов, а также множественные попытки переписывания истории. В силу этого является закономерным пристальное внимание к проблеме памяти.

Данная проблема во всей ее многоаспектности получила свое напряженное обсуждение в различных формах современного дискурса: исторического, политического, правового, философско-культурологического.

В ряде исследований было отмечено, что в решении данной проблемы зачастую проявлялась тенденция к абсолютизации определенных методологических установок. В частности, немецкий историк и культуролог А. Ассман обозначила эту тенденцию следующим образом: «В современных научных исследованиях памяти доминирует проблема прошлого как конструкта, который создается человеком в зависимости от его актуальных возможностей и потребностей» [1, с. 10]. Такой подход ведет к инструментализации памяти, ее полной зависимости от реконструирующей

интерпретации. Его сторонники полагают, что реальность прошлого представляет собой теоретически сконструированную схему, она может монтироваться, словно оно является «серией безмолвных кадров».

Поэтому в некоторых работах, посвященных анализу феномена памяти, был артикулирован вопрос о границах репрезентации прошлого и негативных последствиях радикальной критики традиции. Проекция в социум таких теоретических установок представляют серьезную опасность, поскольку они могут привести не только к разрушению механизмов коллективной памяти, но и к агрессивным попыткам ее имплантации. Поэтому со стороны исследователей настойчиво стали звучать призывы к соблюдению «правил толерантного обращения с памятью» [1, с. 166]. На наш взгляд, рассмотрение феномена памяти в контексте современных условий предполагает особое внимание к ее онтологическому статусу, ее определяющей роли в жизни человека и социума. Данная идея была высказана Г. Гадамером в работе «Истина и метод». «Пришло время, – утверждал философ, – освободить феномен памяти от психологического уравнивания со способностями и понять, что она представляет существенную черту конечно исторического бытия человека» [2, с. 57].

В этом отношении представляется продуктивным подход, разработанный российским академиком В. Стёпиным. Для раскрытия его интерпретации места и роли исторической памяти в условиях современного общества важны следующие концептуально- методологические основания. Во-первых, как утверждал философ, важно учитывать тот факт, что представления о саморазвивающихся системах становятся доминирующими образами предметов не только естественных, но и социально-гуманитарных наук [5, с. 182]. Поэтому наработанные синергетикой концептуальные средства открывают новые возможности для анализа социальных феноменов и социальной динамики.

Во-вторых, процесс сохранения и трансляции социального опыта неразрывно связан с применением различных знаков, различных способов его кодирования. «В качестве знаковых образований могут рассматриваются любые природные или социальные явления, которые способны выступать в функции обозначения, закрепления определенного содержания смыслов и значений, передающихся в процессе коммуникации» [5, с. 43]. В связи с этим разработанный семиотикой методологический и концептуальный арсенал также расширяет исследовательские возможности многообразия социальных феноменов, в том числе исторической памяти.

Описывая исторически изменяющиеся объекты как наиболее сложный тип системной организации, В.С. Стёпин отмечал, что им присуще развитие, характеризующееся переходом от одного вида саморегуляции к другому. «На каждом этапе своей исторической эволюции, – пояснял философ – саморазвивающаяся система сохраняет свою открытость, обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой. Но характер этой открытости меняется со сменой типа самоорганизации, адаптирующей систему к окружающей среде» [5, 177]. Такие изменения получили название фазовых переходов. «На этих этапах прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи системы, и она вступает в полосу динамического хаоса» [5, с. 178]. Преодоление этой полосы содержит два возможных вектора развития системы: регрессивный («упрощение системы, ее разрушение и гибель в качестве сложной самоорганизации») и прогрессивный («возникновения новых уровней организации, переводящие систему в качественно новое состояние саморазвития») [5, с. 179–181].

Состояние «динамического хаоса» для современного мира означает, что он вошел в «зону повышенной турбулентности», и если «значение управляющего параметра» достигнет критического уровня, то с необходимостью возникнет угроза для человечества реализации самого худшего из возможных сценариев. Способность системы к управлению неразрывно связана с ее способностью сохранять и накапливать информацию, т. е. с тем, что представляют собой важнейшие функции памяти. Иначе говоря, возможность перехода человечества «от хаоса к порядку» неразрывно связана с памятью. Как отмечал В. С. Стёпин, память – это свойство системы, обеспечивающее накопление информации о воздействиях среды и «избирательное реагирование сообразно «опыту» предшествующих взаимодействий» [5, с. 184].

Такая интерпретация позволяет рассматривать память как онтологическое свойство любой системы, без которого невозможно ее сохранение и воспроизводство. Повышение уровня сложности системы сопровождается ростом значения данного свойства для ее функционирования и развития. В. С. Стёпин, отмечая специфику природных и социокультурных систем, опирался на идею определенной степени общности механизмов биологической и исторической памяти. Применительно к биологическим объектам функцию памяти выполняют генетические коды. Применительно к обществу и его подсистемам функцию памяти, по мнению философа, призвана выполнять культура. По этому поводу он утверждал: «Наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК,

РНК), который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, регулирующие взаимодействие организма с внешней средой, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности» [5, с. 42–43].

Эти программы накапливаются, развиваются и передаются от поколения к поколению в форме культурных традиций. Во всем историческом многообразии они составляют социальный опыт. Таким образом, полагает философ, культура хранит, транслирует этот опыт и в этой функции она выступает в качестве социальной памяти. Культура, по мнению философа, может быть определена «как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [5, с. 43].

Эти программы, представляющие многообразие социального опыта, закреплены в различных знаках и существуют в культуре как сложная система социальных кодов. По этому поводу философ заявлял: «Рассмотрение культуры как социокода, надстраивающегося над биогенетическим кодом и взаимодействующего с ним, достаточно широко распространено как в зарубежной, так и в отечественной философско-культурологической литературе (М. Петров, Ю. Лотман и др.). Я опирался на все эти исследования и попытался проанализировать структуру и динамику социокода как сложной системы» [4].

Ю.М. Лотманом, как основателем семиотического подхода, культура была представлена как семиосфера. В этом качестве она способна осуществлять функцию памяти. По мнению Лотмана, культура выступает в единстве двух ее модусов: коллективного интеллекта (деятельность по производству смыслов) и коллективной памяти (деятельность по их закреплению, сохранению и трансляции). В связи с этим он писал: «В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [3, с. 200].

В.С. Стёпин, основываясь на указанных идеях, для репрезентации памяти использовал метафору «информационной ленты», на которой осуществляется фиксация опыта человека и общества. Он показал, что между «индивидуальной информационной лентой» и «лентой культуры» существуют прямые и обратные связи. По утверждению философа, человек

приобретает способность к активной деятельности в различных сферах социальной жизни лишь усвоив этот опыт и опираясь на него. Человек считывает с «ленты культуры» необходимый социальный опыт. Он, включаясь в жизнь социума и реализуя свои цели, приобретает новый опыт, который в свою очередь фиксируется на его «индивидуальной ленте» [5, с. 53–55]. Траектория обратной связи представлена философом как процесс передачи кодов с «индивидуальной ленты» на «ленту культуры», благодаря чему происходит ее обогащение и развитие. «Такая перекодировка означает появление в культуре новых семиотических образований, фиксирующих новую информацию» [5, с. 56].

В пространстве культуры, по мнению В. Стёпина, присутствуют три слоя программ, соответствующие трем проекциям бытия человека и социума: прошлого, настоящего и будущего. Первый из них представлен программами, которые он называл реликтовыми. Они «... являются своеобразными осколками прошлых культур, уже утративших ценность для общества новой исторической эпохи, но, тем не менее, они регулируют некоторые виды общения и поведения людей» [5, с. 58]. Второй слой представлен программами деятельности, поведения и общения, которые призваны обеспечить воспроизводство существующих форм социальной жизни. Они являются, с одной стороны, выражением актуальных запросов и потребностей общества. С другой стороны, будучи сформированными на предшествующих этапах социума, в измененном виде они вписываются в существующую на данном этапе общественную структуру. Третий слой культурных феноменов отсылает к модусу будущего социума и содержит совокупность программ потенциально возможных видов и форм человеческой деятельности [5, с. 58].

Социальная динамика представляет собой сложный процесс взаимодействия всех трех слоев программ. Органическую целостность культуре во всем многообразии ее компонентов задают фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые выполняют роль своего рода системных параметров. По мнению В. С. Стёпина, ими являются мировоззренческие универсалии, которые также именуется категориями культуры. Они, будучи взаимосвязанными и взаимодействующими, задают обобщенный образ человеческого жизненного мира. «Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [5, с. 61].

Роль универсалий культуры в жизни социума значительна. Они выступают как квинтэссенция накопленного человечеством опыта во всем многообразии форм духовно-практического освоения мира и как способ его трансляции. Как таковые универсалии культуры обеспечивают воспроизводство определенного образа социальной жизни и соответствующих типов личности. Это возможно благодаря тому, что они выполняют три взаимосвязанные функции в жизни человека и социума.

Во-первых, универсалии культуры выполняют роль избирательного фильтра и механизма классификации, а также оценки этого опыта. «Благодаря такой «категориальной упаковке» он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому [5, с. 73–74]. Во-вторых, универсалии культуры задают категориальный строй сознания человека конкретной исторической эпохи, так как являются базисной структурой сознания. В-третьих, в своей взаимосвязи они образует обобщенную картину человеческого мира, так называемое мировоззрение эпохи, которое отражает общие представления о человеке и мире, систему ценностей, характерного для данного этапа культуры. Универсалии культуры в совокупности указанных функций определяют структуру социума, а также логику его бытия и развития. Обеспечивая воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов активности, они являются регулятором социальной жизни, средством формирования культурной и национальной идентичности. Они способствуют установлению глубинной связи между прошлым настоящим и будущим [5, с. 74–76].

Таким образом, анализ проблемы исторической памяти в контексте его концепции культуры В. Стёпина, позволил сделать следующие выводы. Во-первых, историческая память является фундаментальной способностью социального организма, без которой невозможно его нормальное существование и развитие. Во-вторых, существует генетическая, содержательная и функциональная связь культуры и памяти. Культура как форма коллективной памяти представлена системой социокодов, в которых фиксируется и закрепляется социальный опыт. В силу этого история культуры предстает как история человеческой памяти, история ее развития и совершенствования. В-третьих, историческая память может быть определена как совокупность механизмов сохранения, трансляции и актуализации программ деятельности общества и ее результатов, представленных в единстве и многообразии их исторических форм.

Историческая память позволяет обеспечить полифоническое со-бытие прошлого, настоящего и будущего в жизни социума, что придает ей статус онтологического феномена. Историческая память как своеобразная форма заботы социума в настоящем о своем прошлом, является одновременно заботой о будущем, выступая в качестве его основания и гаранта. Культура как пространство памяти с ее богатым арсеналом накопленных программ деятельности и креативным потенциалом способна не только смоделировать наиболее благоприятный сценарий будущего, но и обеспечить его успешную реализацию.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Москва 1988, – 704 с.
3. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю.М.Лотман // Избранные статьи// в 3-х томах.– Том. 1. – Таллинн, 1992. – С. 200–203.
4. Обсуждение книги академика В.С. Стёпина «Цивилизация и культура» Материалы «Круглого стола» //Вопросы философии. – М., Институт философии РАН, 2013.–№ 12. – С. 3-47. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=877.– Дата доступа: 15.10.2022.
5. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В.С. Стёпин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОКОЛЕНИЙ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ В.С. СТЁПИНА

Лойко Наталья Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье рассматривается специфика рассмотрения феномена «культуры» и диалога культур в концепции В.С. Стёпина. Раскрываются сущностные аспекты внутреннего строения культуры и на основании этого – стратегии диалога и перспективы взаимодействия культур в условиях глобализации.

Ключевые слова: культура, типология культур, традиционалистская и техногенная культура, диалог культур.

DIALOGUE OF CULTURES AND GENERATIONS IN THE CULTURAL VIEWS OF V.S. STEPIN

Loiko Natalia Nikolaevna,

Senior lecturer of the Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The article reveals the specifics of the consideration of the phenomenon of "culture" and the dialogue of cultures in the concept of V.S. Stepin. The essential aspects of the internal structure of culture are revealed and, based on this, the strategies of dialogue and prospects for the interaction of cultures in the context of globalization.

Keywords: culture, typology of cultures, traditionalist and technogenic culture, dialogue of cultures.

С каждым годом человечество окунается в пучину общемировых факторов, влияющих на построение межкультурных взаимоотношений. Те тенденции, которые обозначены феноменом «глобализация» продолжают воздействовать на различные культуры и «заражают» вирусом обезличивания, стирания границ и нивелирования внутренней целостности. С новой силой сегодня звучат проблемы мировых эпидемий, конфликтов и войн, которые приводят их участников к ситуации выбора стратегии взаимодействия, к необходимости поиска новых путей диалога для решения общих вопросов. В этой ситуации как никогда актуальными становятся культурологические идеи академика В.С. Стёпина, который уже в конце XX века констатировал необходимость поиска новых цивилизационных

стратегий не только для современной ему российской культуры, но и в целом, для человечества.

По словам самого академика «из набора сценариев возможного будущего, среди которых большинство катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие» [4].

Прежде чем говорить о диалоге между культурами, необходимо обозначить, что такое культура и какие культуры становятся участниками диалога. В.С. Стёпин, отталкиваясь от уже имеющихся в культурологии подходов (например, деятельностного, семиотического), понимает культуру как сложную и непрерывно развивающуюся систему надбиологических программ человеческой деятельности [2, с. 342]. При этом, сама человеческая жизнедеятельность осуществляется на основе трех видов отношения человека к миру: а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, в которой непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям, социальным коллективам; в) отношение к духовному миру, в котором аккумулируется как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [3, с. 19]. Соответственно, данные отношения намечают возможности диалога как внутри культуры, который имеет три вектора: «человек – природа», «человек – человек» и «человек – Бог», так и между культурами, в которых почвой для диалога становится поиск общих ценностных оснований в намеченных векторах. На базе указанных способов отношения человека к миру В.С. Стёпин выстраивает типологию культур.

Во-первых, речь идет о *традиционалистском* типе культуры (архаические культуры, восточные культуры), в основе которого лежало бережное отношение к природе (как к живому организму), направленность внутрь, самовоспитание, самоограничение, а также миф и религия, определяющие мировоззрение людей.

Во-вторых, с возникновением христианства и, особенно, в период Ренессанса и Нового времени, появляются предпосылки нового *техногенного* типа культуры, в котором природа рассматривается как своеобразное поле для человеческой деятельности, появляется установка на преобразования мира, а между наукой и религией формируются сложные противоречивые отношения. Наука обретает особый мировоззренческий статус и влияет на отношение человека к прошлому, настоящему и будущему. Именно в техногенном типе культуры (к которому относится, прежде всего западная культура) появляется установка на модернизацию и

прогресс как некий символ высший, по отношению к традиционному типу культуры идеал. Все это создает проблему адаптации данного типа культуры к новым ценностям. В.С. Стёпин выделяет два способа осуществления возможного взаимодействия.

В первом случае культуры, которые достигли высоких успехов в техногенном развитии навязывают свой образ жизни и свои ценности менее развитым культурам.

Во втором случае речь идет о диалоге культур, который основывается на равноправном партнерстве и уважении к культурным традициям. В этом, по мысли В.С. Стёпина «диалог культур обретает своего рода сверхзадачу – отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов» [3, с.264]. И здесь также возможны варианты диалога.

В первом варианте обеспечение возможности диалога основано на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях.

Во втором подходе акцент ставится на выявлении тенденций изменения традиций и границ исторически изменяющихся особенностей, определяющих самобытность культур. И здесь возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей как условия преодоления глобальных кризисов.

«Точки роста новых ценностей – это такие состояния культуры, где зарождаются новые мировоззренческие смыслы, которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе и сохранившимися стереотипы традиционалистских ментальностей» [3, с. 265].

В.С. Стёпин говорит о возможности синтеза двух противоположных представлений, который будет связан с корреляцией этих двух векторов. «Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание» [3, с. 268]. Такой синтез мы обнаруживаем в современной культуре, где доминирует новый тип *постнеклассической рациональности*.

Благодаря такому диалогу между культурами многие мировоззренческие идеи традиционных культур «начинают коррелировать с современными научными взглядами: понимание природы как живого организма, новые стратегии по отношению к исследованию развивающихся человекообразных систем, требующих при изучении учета их синергетических характеристик, несиловых взаимодействий; интеграция истины и нравственности, целерационального и ценностного рационального действия в стратегии деятельности не только в науке, но и в

других областях техногенной культуры – политике, экономике, праве, религии [1, с.134].

Кроме того, развивая тему, можно обозначить интересные перспективы диалога между поколениями, влияющие и на межкультурный диалог. В данном случае мы видим разные типы культур, каждая из которых ориентирована либо на прошлое, либо на настоящее, либо на будущее. Следует отметить, что подобная классификация встречается у некоторых мыслителей. Например, М.Мид говорит о трех типах культур: постфигуративной, где дети прежде всего учатся у своих предшественников (ориентация на прошло, традицию), кофигуративной, где и дети и взрослые учатся у сверстников (ориентация на настоящее) и префигуративной, где взрослые учатся также у своих детей (ориентация на будущее).

В.С. Стёпин, в рамках современной культуры обозначает три уровня программ, в соответствии с которыми мы можем обнаружить разные векторы взаимоотношения между поколениями. В процессе исторического развития общества формируется «сложная иерархия программ деятельности, поведения и общения, представленных различными социокодами, которые непосредственно или опосредованно управляют поступками и действиями людей» [2, с. 345]. В современном мире с появлением новых способов кодирования появляются и новые типы коммуникации, основанные, прежде всего, на возможностях компьютерных технологий.

Первый – это так называемые «реликтовые программы», то есть «осколки прошлых культур, которые живут и в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие». У Э. Тайлора подобные феномены носят название пережитков. У К. Юнга мы встречаем понятие «архетипа коллективного бессознательного». Так или иначе, реликтовые программы уходят корнями в первобытную культуру и продолжают влиять на поведение и мышление людей современной эпохи, не выполняя роль регулятива практической деятельности или мировоззренческой установки, но имплицитно присутствуя в жизни человека, изредка прорываясь из глубин прошлого и заставляя задуматься над опытом наших предков.

Второй уровень – программы поведения, деятельности, общения, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества. Здесь речь идет о повторении имеющегося опыта современников, ориентация на настоящее. В каждом типе культуры, традиционалистском либо техногенном, происходит трансляция ценностей, свойственных данному типу, что обеспечивает его сохранение.

И наконец, третий уровень образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее. Культура генерирует их за счет внутреннего оперирования знаковыми системами. Примером здесь могут служить достижения науки, которые вызывают технические и технологические перевороты в будущем; идеалы нового социального устройства, которые пока не стали господствующей идеологией; нравственные принципы, возникающие в рамках философско-этических учений и часто опережающие свое время.

Как отмечает В.С. Стёпин, «чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает этот уровень культурного творчества, адресованный к будущему» [2, с. 344]. При этом стержнем и генератором культурных инноваций, обеспечивающим культурную динамику и транслирующим новые идеи, является творческая интеллигенция, задача которой – обеспечение диалога между прошлым и будущим, синтез традиционалистской и техногенной культур, создания концептов, опережающих свое время либо актуализация на новом уровне важнейших идей прошлого. На наш взгляд, сам академик В.С. Стёпин и стал одним из тех немногих представителей творческой интеллигенции, который сумел воплотить образец ученого, устремленного в будущее, чьи идеи еще на многие годы станут источником интеллектуального вдохновения для его последователей.

Список литературы

1. Данилов А.Н., Яскевич Я.С. «Цивилизация и культура: поиск новых стратегий развития человечества в XXI столетии (размышления над новой книгой В.С. Стёпина «Цивилизация и культура». СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.) // СОЦИОЛОГИЯ. № 2 /2011. – С.128-135.
2. Стёпин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т.2. – М.: Мысль, 2001. – С. 342-346
3. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПб ГУП, 2011. – 408 с
4. Стёпин В.С. «Эпоха перемен и сценарии будущего» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spkurdyumov.ru/forecasting/epocha-peremen-i-scenarii-udushhego>– Дата доступа: 23.10.2022.

ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА РЕЗОНАНСА В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Лукашевич Владимир Константинович,

доктор филос. наук, профессор, главный научный сотрудник
Института философии Национальной академии наук Беларуси

Аннотация. Статья посвящена анализу креативного потенциала принципа резонанса. Ее цель – выявить основания его экспликации в качестве одного из фундаментальных средств регуляции научного поиска. Эффективность принципа резонанса в трансдисциплинарных исследованиях практикоориентированной направленности в строительных технологиях, радиотехнике, медицине и других областях современной науки достаточно определенно показывает правомерность такого рода квалификации и стимулирует эвристические новации в эпистемологии.

Ключевые слова: резонанс, сфера и границы резонансных процессов, научный дискурс, принцип резонанса, трансдисциплинарные исследования.

FACTORS FOR THE FORMATION OF THE PRINCIPLE OF RESONANCE IN MODERN EPISTEMOLOGY

Lukashevich Vladimir Konstantinovich

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher,
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract. The article is devoted to the analysis of the creative potential of the resonance principle. Its purpose is to reveal the grounds for its explication as one of the fundamental means of regulating scientific research. The effectiveness of the resonance principle in practice-oriented transdisciplinary research in building technologies, radio engineering, medicine and other areas of modern science quite clearly shows the legitimacy of this kind of qualification and stimulates heuristic innovations in epistemology.

Keywords: resonance, scope and boundaries of resonance processes, scientific discourse, resonance principle, transdisciplinary research

Согласно наиболее употребимым пониманиям принципа – это основа, первоначало, руководящая идея, основное правило поведения и деятельности; то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов и знаний; центральное понятие, основание системы знания, представляющее собой обобщение и распространение какого-либо положения данной системы на все явления той области, из которой данный принцип

абстрагирован. Однако в определенном смысле вопреки акцентированию фундаментальной роли принципа как средства регуляции познавательного процесса далеко не всегда с ним связывали истинностные характеристики. Закон, – отмечал в этой связи А. Пуанкаре, – может быть пересмотрен. Принцип, с тех пор как он как бы кристаллизовался «уже не подчинен опытной проверке. Он ни верен, ни неверен; он удобен» [3, с. 264]. Соответственно для исследователя логически существует возможность принимать или не принимать определенный принцип, даже если он является регулятивным средством уровня философских оснований науки. Это наблюдалось и наблюдается, например, в отношении принципов простоты, данности сущности в явлениях, детерминизма и др. Ситуации такого рода тем более характерны для принципов, вновь вводимых в научный обиход. В частности, в настоящее время для принципа резонанса, претендующего на высокий метатеоретический статус. Рассмотрим вопрос о наличии для этого необходимых оснований.

Исторически явление резонанса понималось преимущественно в широком смысле – как отклик на определенное воздействие, усиливающее некоторые исходные параметры образования (вещи, явления, процессы), испытывающего внешнее воздействие. При этом отмечалась избирательность параметров воздействия, например, высоты и силы, воздействующего звука, степени выраженности (интенсивности) и длительности процессов, вызывающих резонансные явления, частота (стабильность) их действия и др.

Со временем при осмыслении резонансных процессов акцент был сделан на их вибрационную природу, а именно, на способность элементов (носителей) резонансного взаимодействия испытывать и соответственно возбуждать регулярные параметрические колебания в диапазоне сопоставимых (совпадающих или близким к совпадающим, а также кратных) частот. Такое понимание природы резонансных процессов было воспринято наукой в лице Г. Галилея и позднее Г. Гельмгольца, М. Фарадея, Л. И. Мандельштама, Т. Хаяси, Г. Каудерера, В. С. Шпинеля и др.

Наряду с пониманием природы резонансных процессов естественным образом вставал вопрос об их масштабах. В поисках ответа на данный вопрос, безусловно, следует учитывать позицию выдающегося физика 20-го столетия Н. Теслы. «Все связи между явлениями, – утверждал он, – устанавливаются исключительно путем различного рода простых и сложных резонансов – согласованных вибраций физических систем» (Цит. по [1]). Она задает продуктивную когнитивную ориентацию, при этом не

игнорируя проблемы наличия специфического типа резонансных процессов в различных средах и условиях. Например, на основе данной ориентации можно объяснить наличие так называемых орбитальных резонансов в масштабе до 10^{15-24} см, т.е. практически в видимой части Вселенной, однако она пока что недостаточна для осмысления причин повышения степени порядка в выходном сигнале, проходящем через нелинейные динамические системы при оптимальном уровне шума [2].

Впечатляют своим многообразием и эффективностью практикоориентированные исследования резонансных процессов. В частности, в медицине, где наблюдается сращивание резонансных методов исследования (диагностики) и направленного лечебного действия (ядерно-магнитная томография). Особо следует отметить растущие масштабы одного из направлений фармакологии, в русле которого разрабатываются средства стимуляции вибрационных процессов, подавляющих мелкие резонансы как возбудители аномалий в организме. Что-то схожее начало практиковаться намного раньше в сфере радиотехники, где разрабатывались способы подавления резонансов, создающих помехи при движении сигналов. В настоящее время интересные события по своему масштабу и значению наблюдаются при разработке социогуманитарных технологий, создаваемых с учетом сознательного выбора (принятия или отторжения) предлагаемого людям способа поведения. По своему характеру – это (как и упомянутые ранее практикоориентированные разработки) трансдисциплинарные исследования, обеспечивающие «целенаправленную подсказку» в условиях выбора. При этом принципиально важно отметить, что желаемого способа поведения во многих социальных ситуациях можно добиться средствами прямого кратического воздействия, без учета и использования резонансных эффектов. Но как показали события последних десятилетий и даже лет их эффективность, несмотря на внешне броские проявления, нередко остается невысокой. Пример – идеологическая работа в Республике Беларусь в преддвадцатые годы.

Отмеченные факты свидетельствуют о повышении практической продуктивности научных исследований, в русле которых сознательно учитываются механизмы резонансного воздействия на изучаемые объекты (явления, процессы). Это дает основания квалифицировать такого рода учет как действие эпистемологического принципа резонанса. Наиболее наглядно такого рода когнитивная ориентация наблюдается в практикоориентированных трансдисциплинарных исследованиях, но не

исключено, что со временем она прочно войдет в содержание научного дискурса в целом.

Список литературы

1. Аднорал Н. Его величество резонанс / Н. Аднорал // Человек без границ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.manwb.ru/articles/science/natural_science/Resonans_NatAdnoral/. – Дата доступа: 23.06.2022.

2. Анищенко, В. С. Стохастический резонанс как индуцированный шумом эффект увеличения степени порядка / В. С. Анищенко, А. Б. Нейма, Ф. Мосс, Л. Шиманский-Гайбер // Успехи физических наук, 1999. – Т. 169.

3. Пуанкаре Анри. О науке: Пер. с франц./ А. Пуанкаре. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1983. – 560 с.

МЕТАСТАТУС ФИЛОСОФИИ: МЕЖДУ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ И НАУКОЙ

Лунская Маргарита Олеговна,

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна, доктор филос. наук, доцент,

профессор кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. Статья посвящена анализу вопроса о статусе философии и ее связи с наукой. Аргументируется тезис о том, что трансформация философии в науку, начавшаяся еще с эпохи античности (этап протонауки), формирует амбивалентность между ее научным и мировоззренческим статусом. Акцентируя внимание на тех мыслителях, чьи воззрения на статус философии отражали наиболее полно умонастроения всей эпохи, мы обнаруживаем несостоятельность существования конфликта между двумя статусами философии. Вывод – в современности амбивалентный статус философии сменяется синтетическим метастатусом, который сохраняет значимость философии как мировоззрения, растворенного в нашей практической жизни, наравне с признанием ее научного статуса, отвечающего за объективное описание реальности.

Ключевые слова: философия, наука, мировоззрение, позитивизм, сциентизация, метастатус, синтез.

METASTATUS OF PHILOSOPHY BETWEEN WORLDVIEW AND SCIENCE

Lunskaya Margarita Olegovna,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna, Doctor of Sciences, Associate Professor,

Professor of Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Abstract. This article is devoted to the analysis of the question about the status of philosophy and its connection with science. The article argues thesis that the transformation of philosophy into science, which began in the antiquity era (the protoscience stage), forms an ambivalence between its scientific and worldview status. Focusing attention on those philosophers whose views on the status of philosophy reflected most fully the mindset of the whole era, we find the inconsistency of the existence of a conflict between the two statuses of

philosophy. As a conclusion, the thesis is argued that in modern times the ambivalent status of philosophy is replaced by a synthetic metastatus, which retains the importance of philosophy as a worldview dissolved in our practical life, along with the recognition of its scientific status responsible for the objective description of reality.

Keywords: philosophy, science, worldview, positivism, scientisation, metastatus, synthesis.

Философия зарождается как теоретический тип мировоззрения, который возникает вслед за мифологическим мировоззрением с тем, чтобы объяснить окружающий мир на логических основаниях. Мифология, хоть и описывала мир с присущей ей догматичностью, однако противоречивость мифов и их отдаленность от реального существования привели человека к поиску иного обоснования действительности. Таким обоснованием становится философия, преимущество которой было в том, что она уже не базируется на догматах, им на смену приходит логика. Генезис философии привел к появлению множества философских дисциплин, каждая из которых занималась своим предметным полем. Постепенно эти дисциплины начинают оформляться в отдельные науки, отделяясь от философии. Так, из философского мировоззрения возникает научное мировоззрение. От философского мировоззрения оно приобрело логичность и строгость. Но уже в античности были заложены основания, послужившие причиной раскола философии на обособленные друг от друга мировоззрение и науку. В данной статье мы проследим различия в определениях статуса философии в разные эпохи ее генезиса, а также постараемся разрешить обнаруженные нами противоречия.

Одним из первых связывает философию с наукой, а также описывает предназначение философии Платон. Он отождествляет философию, а вместе с ней и науку [ἐπιστήμη] с τέχνη, которая в широком смысле представляет собой деятельность. Для Платона философия является деятельностью в связи с выстроенной им иерархией в идеальном государстве. Такой деятельностью должно заниматься главе государства – философу. То есть философия выступает тем инструментом, с помощью которого философ осуществляет управление государством. Помимо этого, только с ее помощью возможно познание прекрасное – идей. Прекрасное само по себе всегда является благом, поэтому, философ, во-первых, занимается самым благом из всех занятий, а, во-вторых, только он способен обеспечить государству благосостояние. Таким образом, философия и наука начинают сближаться Платоном как деятельности [τέχνη].

Аристотель развивает эту идею еще дальше, характеризуя саму философию как науку. Он также, как и Платон, связывает искусство [τέχνη] и знание [ἐπιστήμη], потому как оба возникают из опыта и являются знаниями об общем. Однако искусство направлено на практическую деятельность, а знание, т.е. наука теоретично. Философия же им характеризуется как наука об определенных причинах и началах. Она является лучшей и наиболее ценной из всех наук, потому как только она есть «божественная наука» [1, с. 36]. Наука о началах является также и наукой о Боге, который представляет собой само начало. Таким образом, Платон сближает философию и науку, а Аристотель уже утверждает, что философия является наукой. Для Платона τέχνη и ἐπιστήμη фактически являются единым целым, в то время как Аристотель попытался показать различие между ними, чтобы подчеркнуть высший статус «первой философии», как умозрительной науки. Однако важно понимать, что в понимании античных классиков наука вовсе не тождественна современному дисциплинарно организованному научному знанию, поэтому точнее будет говорить здесь о философии как протонауке.

В конце XVIII века происходит промышленная революция, которая была споряжена с индустриализацией и возникновением массового машинного производства. Научное знание начинает носить утилитарный характер и служит потребностям производства и технического прогресса. Философия, которая, как отмечали еще античные классики, не отличается полезностью, постепенно теряет свой возвышенный статус и становится вынуждена доказывать свою значимость перед всеми прочими науками. Древнегреческая аргументация высшего статуса философии теряет актуальность по нескольким причинам: во-первых, знание ради знания в техницизированной среде становится ненужным, знание необходимо для внедрения в производство с целью повышения его эффективности. Во-вторых, божественный статус аристотелевской философской науки более не служил аргументом ее первостепенной значимости, потому как человека эпохи капитализма не интересует трансцендентное, его интересуют лишь эксплицитные объекты, из которых возможно извлечение пользы. Таким образом, тезис Аристотеля о том, что философия ищет «...знание из жажды разумения, а не ради какой-нибудь нужды» [1, с. 35] теперь подвергается деконструкции: если философия не приносит пользы, значит, она вовсе не лучшая из наук, а, следовательно, такой науке необходимо доказать свою состоятельность.

В таких условиях в XIX веке возникает позитивизм, как философское течение, обосновывающее примат науки над всеми прочими сферами познания. Огюст Конт, родоначальник данного течения, отождествлял философию с метафизикой, но воспринимал ее уже не как «божественную науку» Аристотеля, а в качестве переходного состояния от теологической стадии мышления к позитивной. Философия здесь подчинена интересам позитивной науки и ее становления, научное же знание должно быть очищено от философского. Философия, согласно французскому позитивисту, никогда не создает ничего позитивного, ей свойственна лишь деструктивная, разрушительная деятельность [1, с. 68]. Наука же способна построить новое, ведь именно благодаря ей возникает множество инноваций, которые призваны упрощать человеческую жизнь. Поэтому О. Конт из метафизической философии стремится организовать позитивную философию. Однако, такая реорганизация разрушает ее изначальную функцию. Хотя он и называет свою позитивную дисциплину философией, однако она становится ограниченной, в сравнении с критикуемой им метафизикой. Утверждая, что философия должна служить средством синтеза результатов наук, О. Конт отказывается от взгляда на философию и как на науку, и как на мировоззрение.

Уже в XX веке критикой сциентизации философии занимался Мартин Хайдеггер. Важно понимать, что те философы, которые были описаны ранее, отождествляли, во-первых, метафизику и онтологию (либо считали первую целым, а вторую ее частью), а, во-вторых, отождествляли метафизику с самой философией. М. Хайдеггер считал, что античные классики, сформировав научный взгляд на философию, сделав ее метафизичной, уже тогда заложили в ней все те имплицитные проблемы, которые открылись спустя много столетий и стали подрывать ее статус. Если у Платона философия, слитая с деятельностью, была утопична, то у Аристотеля она вообще была отделена от деятельного искусства. М. Хайдеггер считает, что философия есть мышление, которое само по себе является процессом деятельности, поэтому она является единством теоретического и практического [4, с. 192–193].

Помимо этого, философия для него является и вопрошанием, которое может возникнуть только тогда, когда человек, осознав собственную смертность, будет ее проживать. Последняя же всегда субъектна, человек не может проживать конечность вместе с другими. В этом состоит особенность неклассического типа рациональности: здесь нет места объективности, характерной классическому типу рациональности, на первом плане в

экзистенциализме субъект и его переживание собственного бытия. Философия, таким образом, не могла рассматриваться М. Хайдеггером в виде науки именно в виду отсутствия объективности, которая является главным ее свойством.

Исходя из акцентированных нами этапов развития философской мысли мы можем сделать вывод о значимости проблемы определения статуса философии в настоящее время. Зачастую, если философию представляют в качестве мировоззрения, то исключают ее научный статус, а если возводят ее в ранг науки, то лишают ее мировоззренческих функций. Однако, данная дискуссия также бессмысленна, как, например, спор между людьми по поводу цвета воспринимаемых ими объектов. Ведь в зависимости от освещения их цвет может изменяться, а вместе с ним и само восприятие человеком цвета объекта. Также и здесь: в зависимости от угла зрения философия воспринималась амбивалентно, где две крайности стремились взаимоисключить друг друга. Говоря, что философия только лишь наука, мы лишаем ее способности к формированию нашего мышления и наших убеждений; а утверждая, что философия является исключительно мировоззрением, мы лишаем ее строгой методологии и направленности на решение конкретных задач. Однако мы знаем, что и первый ряд характеристик, и второй являются неотъемлемыми в философском познании, а, следовательно, философия является синтезом науки и мировоззрения.

Переход от амбивалентного понимания философии к синтетическому и определяет ее метастатус. Как утверждал Мераб Мамардашвили, «есть некая реальная философия как элемент устройства нашего сознания, и есть философия понятий и учений, предметом которой является экспликация реальной философии» [3, с. 23]. Философия теоретична и практична, интровертна и экстравертна, она является мировоззрением и наукой. Только прожив что-либо, мы можем это осмыслить, и только осмысляя, мы во всей полноте проживаем. Мировоззрение и наука имеют в философском мышлении столь неразрывную взаимосвязь, что представить философию вне их единства уже невозможно. Философское мировоззрение формирует в человеке способность к логическому мышлению и вопрошанию, оно в большей мере спрашивает. Философская наука создает те методы, которые позволяют давать ответы на вопросы, заданные философским мировоззрением. Таким образом, именно описанный нами синтетический метастатус эксплицирует философию наиболее точно и во всей полноте, не ограничивая ее познавательных и деятельностных установок.

Список литературы

1. Аристотель, *Метафизика* / Аристотель; пер. с греч. П. Д. Перова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
2. Конт, О. *Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении)* / О. Конт. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с.
3. Мамардашвили, М. / *Как я понимаю философию. Сб. статей. 2-е изд., измен. и дополн.* / М. Мамардашвили. – М.: Изд. гр. Прогресс-Культура, 1992. – 418 с.
4. Хайдеггер, М. *Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем.* — М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихин. М.: Республика, 1993. – 447 с.

ФЕНОМЕН ПОЛА КАК ПРЕДМЕТ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Машко Мария Олеговна,

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусский государственный университет

Новикова Ольга Владимировна,

кандидат филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

Аннотация. Раскрывается специфика исследования феномена пола с точки зрения философии и корпуса social studies. Авторы прослеживают развитие платоновской мифологемы андрогина в философии средневековья, Ренессанса, немецкого романтизма и русской философской традиции. Рассматривается специфика идеи гендера в контексте современных политических практик и сравниваются позиции Ж. Бодрийра и Дж. Батлер. Акцентируется идея разделения пола и гендера в социальных и биологических исследованиях.

Ключевые слова: андрогин, пол, гендер, social studies, биология, гендерная идентичность.

THE PHENOMENON OF SEX AS A POINT OF TRANSDISCIPLINARY RESEARCH

Mashko Mariya Olehovna,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Novikova Olga Vladimirovna,

Cand. Of Science, PhD in Philosophy,

Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science,

Belarusian State University

Abstract. The specificity of the study of the phenomenon of sex from the point of view of philosophy and the corpus of social studies is revealed. The authors trace the development of the Platonic androgyne mythologeme in the philosophy of the Middle Ages, the Renaissance, German romanticism and the Russian philosophical tradition. The specificity of the idea of gender in the context of modern political practices is considered and the positions of J. Baudrillard and J. Butler are compared. The idea of separating sex and gender in social and biological research is emphasized. Key words: androgyne, sex, gender, femininity, masculinity, transitivity.

Keywords: androgyne, gender, gender, social studies, biology, gender identity.

Современный корпус социально-гуманитарных исследований, который можно условно обозначить как «social studies», включает в себя ряд дисциплин – от культурологии до географии – и в последние годы характеризуется возрастанием интереса к темам расы, пола, возраста и иным вопросам, которые могут быть квалифицированы либо как пограничные, существующие на стыке предметных областей, либо – в большей степени – как трансдисциплинарные, требующие не только комплексного научного исследования, но и метатеоретической философской рефлексии.

Феномен пола – одна из популярных тем и предмет многочисленных спекуляций скорее в современной культуре, чем в философии и науке. Однако, как писал Ж. Бодрийяр, «нет сегодня менее надежной вещи, чем пол» [4, с. 31] – рассуждая о поле скорее в эссенциалистском, чем в конструктивистском ключе и связывая шаткость феномена пола с «утратой всякого референциального принципа». Этот провокационный философский тезис активно используется в современных social studies: австралийский исследователь П. Гриффитс отмечает, что «тот факт, что вид имеет только два биологических пола, не означает, что каждый представитель вида является или мужской особью, или женской, или гермафродитом, равно как не означает и того, что пол каждого отдельного организма ясен и определен» [2] (речь идет о живых организмах вообще, однако акцент делается именно на людях). Это достаточно радикальное суждение. Ж. Бодрийяр называет подобную неясность «эклиптикой пола», или «очарованием пустого места», аналитики, занимающиеся social studies, пользуются термином гендерной флюидности. Биологи, однако, более осторожны в высказываниях: «и животные, и люди имеют биологический пол, но только люди обладают очевидным самосознанием, которое позволяет им выражать пол» [1].

В истории культуры первое отражение идея пола нашла в искусстве и мифе, а в дальнейшем стала одним из знаковых философских вопросов, истоки которого восходят к античности. Греческие мыслители проблематизировали пол, рассматривая наряду с феноменами мужского и женского и пограничный, смешанный феномен пола, представленный образом андрогина. Идея андрогина в философском дискурсе была впервые сформулирована Платоном в диалоге «Пир». Так, андрогин есть шарообразное существо, олицетворяющий единство и полноту соединения женского и мужского начал. Он выступал как символ неделимой целостности, первоначального единства, гармоничного сочетания

феминных и маскулинных свойств. По легенде, Зевс разделил все андрогины пополам, так как почувствовал в них угрозу для своей власти. С той поры каждая из половинок занята поиском другой, дабы восстановить былое единство. Воссоединение двух половинок несет не только личную, но и общечеловеческую цель. Ее можно выразить следующими словами Платона: «Сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу» [9, с. 99]. Важным аспектом воссоединения феминности и маскулинности является нетождественность андрогина сочетанию конкретно женщины и мужчины. Платон указывает, что не все андрогины были соединением мужчины и женщины; это могли быть андрогин женщина-женщина или мужчина-мужчина. Тем самым Платон утверждает, что феминность и маскулинность не задаются полом, но сочетание этих характеристик в одном человеке наделяют человека целостностью. Необходимо подчеркнуть, что, говоря о феминности и маскулинности в данном контексте, мы прежде всего подразумеваем духовные качества человека, а не физиологические характеристики.

Таким образом, Платон задает вектор для развития идеи андрогина как былого идеала человека, который необходимо возродить. В дальнейшем идея андрогина будет осмысляться в философии неоплатоников, средневековья, Ренессанса, в немецкой и русской религиозной философии.

Платоновскую проблему утраты целостности унаследовали гностицизм и философия Плотина. В гностицизме процесс разделения андрогина связан с «забвением душой своей подлинной природы» [11, с. 246] Плотин же считал, что процесс утраты целостности начался с выделения множества из единства сначала в Уме, затем в Душе, а в материи распад целостности достиг своего предела.

В средневековье миф об андрогине был тесно связан с христианским богословием и учением о грехе и спасении: распад на женское и мужское стал результатом грехопадения первочеловека. Эту проблематику разрабатывало восточное богословие. В идеях Максима Исповедника обосновывалось разделение природы человека на два пола как часть процесса отделения сотворенной природы от несотворенной. Григорий Нисский видел причину разделения в предвидении Богом грехопадения; разделение андрогина касается только физической стороны жизни. Проблема состоит в том что эта физическая телесность не имеет отношения к образу Бога, поэтому человеческий ум обращается к материи как к ложному благу. Чтобы достигнуть полноты первообраза Бога, нужно обратить свой ум к Нему. Развивая эту мысль, Иоганн Скотт Эуригена

говорил об отсутствии разделения на два пола в Боге: Бог есть единство [см.: 7]. Вина за разделение андрогина лежит только на человеке, и чтобы ее искупить нужно обратить свою волю к Богу и стремиться к нему как к идеальной целостности.

Интересен еще следующий момент: в богословских дискуссиях иногда затрагивался вопрос пола Бога – Р. Сеннет указывает, что средневековые клирики и мыслители обращались к Богу, как к женщине-матери: «Святой Ансельм вопрошал: «Но разве ты, Иисусе, также и не мать? Разве ты не та мать, что, как наседка, собирает под крылья своих цыплят? Воистину, Господи, ты мать» [10, с. 204].

Я. Беме, философ эпохи Возрождения, однако близкий по духу с Средневековьем, сравнивал утрату Адамом андрогинности с распятием Христа. Беме утверждал, что андрогин распался, когда Адам погрузился в сон и прельстился животной жизнью до извлечения Господом из него Евы. Господь дал ему жену, чтобы была возможность вновь сделать двоих одним [7]. Вернуть утерянную целостность можно только с помощью Софии, помощницы Бога, которая хранит в себе тайну правильного соединения противоположностей в гармонии, открывающую путь к бессмертию.

Философскому осмыслению андрогинности в романтизме посвящены размышления Новалиса, Ф. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, Ф. фон Баадера и т.д. Романтизм в данном случае представляет синтез платоновских идей с христианской теософией и мистикой. Для Новалиса андрогин предстает свидетельством возвращения к первичной гармонии. Ф. Баадер противопоставлял возвышенный идеал андрогина гермафродиту, трактуя последнее как искусственное соединение полов, к тому же наполненное языческими смыслами [7]. Шлегель видит в идеале андрогина цель, к которой стремится все человечество, – воссоединение полов.

Метафизика пола стала одной из ярких тем в русской религиозной философии, пытавшейся переосмыслить и преодолеть дихотомию души и тела. Метафизика пола стала одной из ярких тем в русской религиозной философии, пытавшейся переосмыслить и преодолеть дихотомию души и тела: В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов затрагивали вопросы андрогинности, Софии – «вечной женственности», образ Христа – «девы-юноши» как идеал человеческой целостности.

Н. К. Бонецкая, анализируя роль женщины в философии серебряного века, выводит понятие «философский андрогин», называя его «истокотом данной эпохи» [6]. Философский андрогин есть «двуликая теософская концепция, плод независимого женского и мужского творчества».

Прообразом этих андрогиннов является сотворчество Бога и премудрости Софии. Первым андрогинном, ставшим родоначальником русской философии, явились Анна Шмидт и Владимир Соловьев: их независимо выдвинутые идея о вселенском христианстве и учение о Церкви-Софии с женской стороны носят визионерский и мистико-художественный характер, а с мужской стороны с рациональной точки зрения и дополняют учение религиозной метафизикой. Кроме того, Н. К. Бонеецкая выделяла еще ряд нескольких феноменов таких сотворчеств: Андрея Белого и Аси Тургеневой, Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, и других.

Под влиянием идей феминизма и постструктурализма происходит разведение понятий пола «биологического», «социального», и «психологического». Мифологема андрогина и проблема пола как таковая переходят из «сакрального» в «профанное», тем самым лишаясь метафизических оснований. Фокус философских исследований переводится с феномена пола на идею гендера – от С. де Бовуар до М. Фуко и Дж. Батлер. Гендер мыслится как социальный конструкт, аффилированный с отношениями по поводу власти и потому изначально имеющий ангажированный характер. Дж. Батлер интерпретирует гендер как «стилизацию тела», фантазм и перформативный акт, существующий в поле политических практик [3].

Высказывая альтернативную точку зрения, Ж. Бодрийяр писал о том, что именно половое различие становится фундаментальным для распадающейся культуры: гендер не может быть вычислен, поскольку он амбивалентен как различие и может рассматриваться только как единица [5, с. 37]. Для Ж. Бодрийяра гендерное разнообразие похоже в большей степени на маскарад – не столько предлагающий разнообразие, сколько стирающий последние различия и уводящий в гиперреальное.

Развивающаяся с 1990-х гг. квин-теория (Е. Кософски Седжвик, Э. Гросс и др.) декларирует разрыв причинно-следственных связей между физиологией человека и его самоидентификацией и как результат – утрату полом онтологического статуса. Утвержденный в качестве субститута пола гендер – референт идентичности человека и средство его самовыражения. Человек становится законодателем своего Я, но за это он платит разрывом между биологической, социальной и индивидуальной проекциями бытия, что может трактоваться как окончательная утрата целостности [8]. Идентичность андрогина в этом ракурсе – это либо чистое «ничто» по отношению к полу и гендеру, либо одна из гендерных ролей, не имеющая

более ничего общего с мифологемой андрогина и ее философскими проекциями.

Насколько понятие гендера, актуальное в социально-гуманитарных исследованиях, инструментально для современной биологии? Биологи подчеркивают: понятия «пол» и «гендер» не следует использовать как взаимозаменяемые. «Гендер включает восприятие человека как мужчины, женщины или другого как самим человеком, так и обществом. Гендерная идентичность – это психологическое понятие, относящееся к самовосприятию человека; в то время как связи между гендерной идентичностью, нейроанатомическими, генетическими и гормональными уровнями существуют, нам еще предстоит продемонстрировать биологическую основу и причинность гендерной идентичности» [1]. Эта довольно любопытная апелляция к природной детерминанте гендера уводит нас от идеи его сконструированности в сторону эссенциализма, что можно рассматриваться как социальная ангажированность. Тем не менее, подмены понятий здесь быть не должно.

Список литературы

1. Aditi Bhargava, Arthur P Arnold, Debra A Bangasser, Kate M Denton, etc. Considering Sex as a Biological Variable in Basic and Clinical Studies: An Endocrine Society Scientific Statement \ Endocrine Reviews, V. 42, Issue 3, June 2021, Pages 219–258. <https://doi.org/10.1210/endrev/bnaa034>
2. Griffiths, Paul E. What are biological sexes? // [Electronic Resource] Mode of Access: <http://philsci-archive.pitt.edu/19906/1/Griffiths%20%20What%20are%20biological%20sexes.pdf>. Date of Access: 08.11.2022.
3. Батлер Дж. Гендерное беспокойство / Дж. Батлер. – М.: V-A-C press. 2022. – 272 с.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. / Ж. Бодрийяр. – М.: Ad Marginem. 2000. – 320 с.
5. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 3-е изд. – М. : «Добросвет», 2009. – 387 с.
6. Бонецкая, Н. К. Философские андрогинизмы / Н. К. Бонецкая // История философии. – 2016. – №1. – С. 63–71.
7. Иванова, Т. А. Андрогин как идеальная модель человека в философско-антропологическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Т. А. Иванова ; МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2021. – 33 с.

8. Иванова, Т. А. От целостности андрогина к деконструкции гендера: историко-философский контекст и критическое осмысление проблемы / Т. А. Иванова // *Философия и общество*. – 2021. – № 1(98). – С. 126–142.
9. Платон. Пир // *Соч. в 2-х т.* – Т. 2. – М. : Мысль, 1993. – С. 98-102.
10. Сеннет Р. *Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации* / Р. Сеннет. – М.: Strelka Press, 2016. – 504 с.
11. Шишлова, Е. Э. Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как постгендера / Е. Э. Шишлова // *Вестник МГИМО Университета*. – 2014. – №1(34). – С. 244–252.

АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Молчанов Павел Юрьевич,

педагог дополнительного образования

Минского государственного туристско-экологического центра детей и молодежи

Аннотация. Геополитическое противоборство ведущих государств мира интенсифицирует процесс преобразований системообразующих институтов техногенной цивилизации. Этот процесс сопровождается возникновением альтернативных вариантов дальнейшего развития мировой общественной системы. Поэтому возникает необходимость выявления конструктивных и деструктивных альтернатив социально-исторической динамики. Конструктивными являются реформистские и радикальные проекты общественных преобразований эгалитарно-демократического характера. Потенциально деструктивны альтернативы элитарно-авторитарной направленности. Логика геополитического противостояния повышает вероятность реализации второго типа возможностей и в итоге может привести к самоубийственной для человечества мировой войне. Учитывая эти обстоятельства, усилия правительств стран мира и гражданского общества должны быть направлены на предотвращение военного столкновения ведущих держав и претворение в жизнь эгалитарно-демократических альтернатив.

Ключевые слова: геополитика, техногенная цивилизация, эгалитарно-демократические альтернативы, элитарно-авторитарные альтернативы, капитализм, демократия, массовая культура, устойчивое развитие.

ALTERNATIVES OF THE EVOLUTION OF TECHNOLOGICAL CIVILIZATION IN TERMS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Molchanov Pavel Yurievich,

teacher of additional education

Minsk State Tourist and Ecological Center for Children and Youth

Abstract. The geopolitical confrontation of the world leading countries intensifies the transformation process of the system-forming institutions of technogenic civilization. This process is accompanied by the genesis of alternative options for the further evolution of the world social system. Therefore, there is a need to identify constructive and destructive alternatives of socio-historical dynamics. The constructive projects of social transformations of an egalitarian-democratic nature are reformist and radical ones. The alternatives of an elitist-authoritarian orientation are potentially destructive. The logic of geopolitical confrontation

increases the probabilities of the realization of the second type opportunities and, as a result, can lead to a suicidal world war for humanity. Given these circumstances, the efforts of the Governments of the world countries and civil society should be aimed at preventing a military clash of the world leading countries and implementation of egalitarian democratic alternatives.

Keywords: Geopolitics, technogenic civilization, egalitarian-democratic alternatives, elitist-authoritarian alternatives, capitalism, democracy, mass culture, sustainable development.

Начало 2020-х гг. характеризуется беспрецедентным за последние десятилетия ростом международной напряженности. Сценарии геополитической борьбы на постсоветском пространстве, описанные З. Бжезинским, С. Переслегиным, С. Хантингтоном и рядом других авторов, начали реализовываться на практике [2; 8; 11]. Эскалация конфликта между Российской Федерацией и Украиной, которую поддерживают страны Запада и их союзники, может привести к началу ядерной войны с катастрофическими последствиями для населения планеты и окружающей среды. Кроме этого геополитическое противоборство интенсифицирует перестройку системообразующих институтов техногенной цивилизации, в результате чего формируются различные возможности ее дальнейшего развития. Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, возникает необходимость социально-философского анализа возникающих вариантов социодинамики мирового сообщества с целью выявления конструктивных и деструктивных альтернатив.

Системообразующими детерминантами мировой общественной системы конца XX – начала XXI вв. согласно теории модернизации являются капиталистическая рыночная экономика, либеральная представительная демократия и правовое государство, массовая потребительская культура и гуманистическое мировоззрение [6, с. 88–89]. Возрастание международной напряженности влечет за собой нарастание противоречий как внутри данных основополагающих социальных институтов, так и между ними, что вызывает обострение глобальных проблем современности [9]. Все это приводит к возникновению альтернативных возможностей общественных преобразований эгалитарно-демократического либо элитарно-авторитарного характера в каждой из основных общественных подсистем. Первый путь социально-исторического развития получил свое научно-теоретическое, социально-практическое и этическое обоснование в многочисленных работах ведущих мыслителей современности и концептуализировался в виде стратегии устойчивого экосоциального развития, принятой на уровне Организации Объединенных

Наций (ООН) [7]. Но закономерному и логичному следованию этой конструктивной стратегии препятствуют обострившиеся международные противоречия, в результате чего повышается вероятность реализации элитарно-авторитарных альтернатив.

В социально-экономической сфере эгалитарно-демократический путь изменений представлен реформистскими просистемными проектами совершенствования капиталистической системы хозяйствования (анархокапитализм, экапитализм и др.) [3]. Радикальные версии реализации данного пути воплощены в антисистемных концепциях ресурсо-ориентированной экономики, плановой децентрализованной экономики и др. [10]. Элитарно-авторитарное направление социальных преобразований связано с формированием автаркических экономических моделей.

Геополитическое противостояние ведущих держав мира значительно затрудняет претворение в жизнь эгалитарно-демократического пути социально-экономического развития техногенной цивилизации. Его реализация требует наличия свободной международной торговли и разделения труда, правового регулирования хозяйственной деятельности и гарантий безопасности для ее осуществления. Инициированные по политическим мотивам санкционные войны, милитаризация экономик противоборствующих государств нивелируют эти условия. Логика развития глобальной капиталистической экономики по рыночным законам вступает в противоречие с политическими интересами конфликтующих стран. В результате в мировой хозяйственно-экономической системе начинают набирать силу автаркические тенденции.

Главный недостаток автаркии заключается в разделении и монополизации ресурсного потенциала планеты соперничающими государствами. В таких условиях идеал консолидированного человечества в рамках единого общемирового хозяйственного комплекса становится труднодостижимым. Автаркия теоретически реализуема в крупных странах или целых регионах, но не подходит для малых государств. В самих этих крупных странах или регионах, как показывает опыт XX в., на практике складываются модели государственно-монополистического капитализма или милитаризированной плановой экономики, эффективные в периоды военного времени и малопродуктивные на этапах мирного строительства. Могут возникать также чисто технические, логистические, сырьевые, кадровые проблемы, связанные с ограничением свободного движения капиталов, ресурсов и рабочей силы.

К достоинствам автаркии можно отнести появление возможностей для инновационного развития локальных территорий. В наиболее радикальных вариантах это самообеспечение на уровне отдельных семей или индивидов на основе использования новейших технологий и искусственных материалов, специфических природных ресурсов отдельных регионов, децентрализации энергообеспечения и кардинальной перестройки производственно-хозяйственной и социальной инфраструктуры. Данный подход является весьма перспективным, однако он еще не получил широкого освещения в научной литературе.

В политической сфере в последние годы наблюдается отход от основополагающих принципов Устава ООН по мирному решению межгосударственных противоречий [7]. Реализация эгалитарно-демократического пути политико-правовых преобразований, представленного просистемными реформистскими проектами модернизации институтов представительной демократии (делиберативная демократия) и антисистемными радикальными моделями прямой демократии (сетевая демократия), сильно затрудняется. Милитаризация общественной жизни требует ограничения прав и свобод граждан во имя интересов национальной безопасности. Актуализируются антисистемные идеи «сильного» национального государства, концепции империи и социального элитаризма (А. Бенуа, А. Дугин) [1; 5]. Фактически осуществляется попытка реидеологизации общественного сознания путем культивирования этноцентризма, национально-культурных ценностей, создания образов «врагов» и «друзей», что характерно для периодов идеологического противостояния государств.

Данный элитарно-авторитарный вариант политико-правовых преобразований несет в себе опасный деструктивный потенциал, поскольку легитимирует принципиальную разобщенность человечества и социальную поляризацию. Как следствие, конфликты и войны рассматриваются приверженцами подобных взглядов «естественным» способом разрешения общественных противоречий, что в объективных условиях глобальной взаимозависимости и неустойчивости может привести к самоуничтожению нашей цивилизации.

Формирование элитарно-авторитарных тенденций в политической и экономической сферах неразрывно связано с изменениями духовно-культурных доминант техногенной цивилизации. В частности, научно-рациональный тип мышления и светские потребительские ценности подвергаются серьезному пересмотру на фоне глубоких кризисных

процессов социального и социоприродного характера. В эгалитарно-демократическом дискурсе и программных документах ООН формально доминирует реформистская просистемная концепция устойчивого развития общества на основе общечеловеческих экофильных ценностей (экогуманизм), ответственного потребления и научного мировоззрения, то есть идея «общего дома» для всех. Более радикальные варианты этой стратегии представлены антисистемными проектами трансгуманизма, ноосферы, креатосферы и др. Однако геополитическое противостояние ведущих мировых держав низводит данные конструктивные идеи до уровня утопии, гипотетических идеальных теорий. Реальной становится альтернатива формирования элитарно-авторитарных ценностно-мировоззренческих установок [4; 12].

Попытки перестройки архитектоники мирового сообщества по элитарно-авторитарному принципу влекут за собой ренессанс традиционалистских, религиозных, эзотерических и антигуманистических течений, что приводит к фрагментации картины мира и ценностной дезориентации широких слоев населения. Кроме того, попытки манипуляции массовым сознанием на основе традиционных методов пропаганды, фейковых новостей, директивных указаний и других инструментов зачастую лишь увеличивают скепсис людей относительно достоверности получаемых сведений. В условиях относительно свободного доступа к информации через сеть Интернет и повышения медиаграмотности пользователей под сомнение ставится сам принцип жесткой субординации по принципу специализированных профессиональных компетенций в рамках «служебной лестницы». Начальники и подчиненные, звезды и рядовые граждане находятся в едином информационном поле всевозможных соцсетей и баз данных, зачастую получая знания из одних и тех же источников. Поэтому транслировать готовые истины на основе вертикального подчинения становится все труднее в рамках современной системы управления.

В самой основе потребительской массовой культуры лежат идеи максимизации получаемых материальных благ, их вариативности и доступности, свободы передвижения и самовыражения. Политические санкции и ограничения снижают возможности получения этих благ в первую очередь для низшего и среднего класса, что приводит к росту недоверия правящим элитам и возникновению социальной напряженности. Исходя из этого, фактическое усиление элитарно-авторитарных тенденций во всех общественных подсистемах формально проходит под лозунгами

построения более справедливого, равноправного и демократического мира. Это свидетельствует об искусственном характере милитаристских и элитаристских ценностей по сравнению с общепризнанными мировым сообществом гуманистическими идеалами, а также об укорененности этих идеалов в общественном сознании.

Таким образом, можно заключить, что современное геополитическое противостояние ведущих мировых держав повышает вероятность реализации деструктивных элитарно-авторитарных альтернатив развития основных общественных подсистем и снижает возможность претворения в жизнь конструктивных эгалитарно-демократических проектов. В итоге это может привести к самоубийственной для человечества мировой войне. Поэтому усилия правительств стран мира и гражданского общества должны быть направлены на предотвращение военного столкновения ведущих держав и практическое воплощение эгалитарно-демократических альтернатив.

Список литературы

1. Бенуа, А. Против либерализма. К четвертой политической теории [Электронный ресурс] / А. Бенуа // Электронная библиотека RuLit. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/protiv-liberalizma-k-chetvertoj-politicheskoj-teorii-read-519440-1.html>. – Дата доступа: 01.10.2022.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : пер. с англ. / З. Бжезинский – М. : Междунар. отношения, 2005. – 256 с.
3. Вайцзеккер, Э. Come on! Капитализм, краткосрочная выгода, население и разрушение планеты [Электронный ресурс] : докл. Рим. клубу / Э. Вайцзеккер, А. Вийкман // Strategic Group Sofia. – Режим доступа: <http://sg-sofia.com.ua/comeon-gomeclub-2018>. – Дата доступа: 03.04.2022.
4. Генон, Р. Кризис современного мира : сборник : перевод / Р. Генон. – М. : Эксмо, 2008. – 784 с.
5. Дугин, А. Четвертая политическая теория: Россия и политические идеи XXI века / А. Дугин ; предисл. Ю. Рошка. – Кишинев : Нар. ун-т, 2014. – 320 с.
6. Концепции модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг. : сб. пер. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Центр соц. науч.-информ. исслед. ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред.: Д. В. Ефременко, Е. Ю. Мелешкина. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – 212 с.
7. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org>. – Дата доступа: 07.10.2022.

8. Переслегин, С. Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд / С. Б. Переслегин. – М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2009. – 701 с.

9. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 539 с.

10. Фреско, Ж. Все лучшее, что не купишь за деньги: мир без политики, нищеты и войн / Ж. Фреско ; пер. с англ. В. Липатовой ; под ред. Л. Олкконен, И. Мухина. – Дніпро : Лира, 2013. – 203 с.

11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. / С. Хантингтон; послесл. С. Переслегина. – М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.

12. Эвола, Ю. Языческий империализм / Ю. Эвола ; пер. с нем. и послесл. А. Дугина. – М. : Ист.-религиоз. о-во «Арктогея», 1994. – 172 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ И КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В.С.СТЁПИНА

Мушинский Николай Иосифович,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета

Аннотация. Предмет статьи – проблема справедливости как основа сохранения исторической памяти в эпоху постсовременности. Ее цель – раскрыть значение философской концепции культуры академика В.С.Стёпина при выработке методологических принципов морально-этической интерпретации справедливости в современных условиях. Основной вывод: идеи В.С.Стёпина имеют высокую ценность для сохранения исторической памяти на основе принципов справедливости.

Ключевые слова: концепция культуры В.С.Стёпина, проблема справедливости, историческая память, эпоха постсовременности.

HISTORICAL MEMORY IN THE ERA OF POSTPONEMENT AS A PROBLEM OF JUSTICE AND THE CONCEPT OF THE CULTURE OF V.S. STEPIN

Mushinsky Nikolai Iosifovich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophical teachings,
Belarusian National Technical University

Abstract. The subject of the article is the problem of justice as the basis for the preservation of historical memory in the era of postponement. Its goal is to reveal the importance of the philosophical concept of the culture of academician V.S. Stepin in the development of methodological principles of moral and ethical interpretation of justice in modern conditions. The main conclusion: the ideas of V.S. Stepin are of high value to preserve historical memory based on the principles of justice.

Keywords: the concept of the culture of V.S. Stepin, the problem of justice, historical memory, the era of postponement.

На кафедре философии Белорусского политехнического института (сейчас – БНТУ) в 1959–1974 гг. работал В. С. Стёпин (1934–2018), выдающийся исследователь в области методологии науки и философии культуры, человек широчайшей эрудиции и личного обаяния. Его светлый образ навсегда остался в памяти сотрудников кафедры.

Философская концепция культуры академика В. С. Стёпина обладает универсальной значимостью при выработке методологических принципов морально-этической интерпретации *справедливости* как основы сохранения исторической памяти в эпоху постсовременности. Человечество сталкивается со все новыми вызовами и угрозами технократического развития, такими, как ухудшение экологии и глобальное потепление климата, истощение невозобновляемых природных ресурсов, рост конфронтации в отношениях между государствами («гибридные войны», «политика санкций» и «двойных стандартов», практика международного терроризма и т.п.). Чтобы дать на это адекватный ответ, настало время обрести «единство в многообразии», услышать «мотив Чужого», объединиться на основе инновационных критериев справедливости.

Наука как целостный социокультурный феномен пытается решить эту задачу на всем протяжении своего исторического становления. Академик В. С. Стёпин выделял три стадии развития научной рациональности – «классическую», «неклассическую», «постнеклассическую». «Критериями их различия выступают: 1) особенности системной организации объектов... (простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы...); 2) ... система идеалов и норм исследования... 3) специфика философско-методологической рефлексии... , обеспечивающая включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи» [1, с. 448]. С точки зрения нравственно-этической интерпретации можно констатировать, что такого рода критерии рациональности оказывают непосредственное влияние на осмысление проблемы справедливости.

Классическая рациональность начала формироваться еще в эпоху античности и достигла высшего выражения в условиях промышленного переворота Нового времени. «На этапе классической науки основными объектами исследования являются простые системы... В качестве фундаментальных объектов полагались неделимые корпускулы (атомы)... Взаимодействие корпускул... подчиняется строгой детерминации, ... лапласовской причинности. Процессы... протекают в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени» [1, с. 448–449]. Такого рода механистический материализм (т.е. основанный на законах ньютоновской механики) экстраполируется в область этико-гуманитарного знания, находит выражение в осмыслении принципов справедливости.

В. С. Стёпин прямо указывает: «Аналогичные процессы прослеживались в становлении социальных наук. Известно, что Сен-Симон

и Фурье предлагали положить в основу исследования социальной жизни механику... О. Конт, выдвинув идею социологии как науки... , сначала назвал ее социальной физикой» [1, с. 449–450]. Продолжая мысль В. С. Стёпина, можно отметить, что в *парадигме классической рациональности* общество трактуется как механистическая сумма «индивидов» (дословный перевод на латынь греческого слова «атом» - «неделимое»). Их соединяют в социальные группы фундаментальные силы - «любовь» и «ненависть» (в физике соответствующий эквивалент – «притяжение» и «отталкивание»). «Общественный интерес» строго упорядочен и поддается математическому исчислению; по этой причине, например, «Этика» Спинозы строится как система аксиом и теорем (по образцу евклидовой геометрии), а английский «утилитаризм» дает универсальную количественную формулу справедливости - «наибольшая польза для наибольшего числа индивидов». Французские просветители связывают социальный порядок с понятиями «разумный эгоизм» (как продолжение животных инстинктов в биологии), «естественное право» (неотчуждаемое, данное самой природой, например – «право собственности»), «честность» в выполнении негласного «общественного договора», видят в этом сущность справедливости.

Однако дальнейшее развитие общества показало, что классическая наука не является абсолютным выражением «добра», имеет побочные негативные результаты. В XX веке возникли техногенные проблемы, обострились социальные противоречия, начались мировые войны и революции. Соответственно, в мировоззрении формируется *неклассическая рациональность*: «Основными объектами... становятся сложные саморегулирующиеся системы... Автоматические станки, заводы – автоматы, системы управления спутниками и космическими кораблями, автоматические системы регуляции грузовых потоков... – все это примеры больших систем в технике» [1, с. 450]. Часть не может существовать вне целого, пронизанного сложными связями управления и самоорганизации. Аналогично рассматривается система общества, соответственно эксплицируются универсальные критерии справедливости.

Примерами неклассического подхода в гуманитарно-философских науках В. С. Стёпин считает направления витализма и экзистенциализма: «А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше обратили особое внимание... на роль желаний и воли в любой познавательной активности человека, на значение мифа, религии и искусства» [2, с. 465]. Сущность справедливости в этом контексте предстает как возможность самовыражения творческой

личности, с ее «жизненной волей», стремлением вопреки сложившимся стереотипам («серая масса», «человек толпы») преодолевать вновь возникающие в условиях техногенного кризиса «пограничные ситуации», готовностью брать на себя ответственность за последствия осознанного морального выбора.

Идеи экзистенциализма на стыке с философской герменевтикой развивал М. Хайдеггер, особое внимание уделявший эвристическим потенциям «философии языка». В. С. Стёпин конкретизирует: «Хайдеггер вводит... переживание человеком мира, в который он погружен... Их Хайдеггер характеризует термином «экзистенциалы» (от лат. *existentia* - существование). Это категории, выражающие глубинные смыслы и состояния человеческого бытия: «свобода», «совесть», «забота», «понимание», («справедливость» – Н.М.)... Все эти жизненные смыслы закреплены в языке. Язык... аккумулирует опыт поколений... и вместе с тем открывает путь для творчества» [2, с. 465]. В аналогичном контексте творческие способности личности в постижении справедливости пытались инициировать феноменология Э. Гуссерля, еще одного яркого представителя неклассической рациональности: «Все эти идеи получили дальнейшее развитие в... концепциях Э. Гуссерля» [2, с. 465]. Открыть творческое сознание для формирования инновационных «феноменов» справедливости призваны гуссерлианские понятия «интенциональность», операция «эпохе», «феноменологическая редукция».

К ярким проявлениям неклассической рациональности В. С. Стёпин относит также фрейдовский психоанализ: «Эта философия также была одним из вариантов неклассического подхода... Зигмунд Фрейд,- опираясь на свой опыт лечения неврозов, сформулировал концепцию сознания как обусловленного подсознанием и бессознательным... Идеи Фрейда и Юнга лежали в русле неклассического понимания» [2, с. 466–467]. В этом ракурсе справедливость интерпретируется как результат конструктивной «сублимации» агрессивной энергии бессознательного (ставшей источником утраты исторической памяти, роста агрессии, разных других проявлений несправедливости в постсовременном мире).

В. С. Стёпин также отмечает важную роль еще одного направления: «Наконец, говоря о становлении неклассического подхода... , следует особо выделить философию марксизма, которая была, пожалуй, одним из первых вариантов ясно артикулированной неклассической парадигмы в философии» [2, с. 467]. Социальный пафос этого направления очевиден: именно на основе справедливости человечество должно, преодолев

классовые, национальные, религиозные и другие противоречия, объединиться (такова этимология слова «коммунизм» – «коммуникация», «коммуна» «коммунитарность») для совместного преодоления техногенных проблем, создания гармоничного общества будущего.

Однако неклассическая рациональность, по мнению В. С. Стёпина, не является конечной точкой; на наших глазах возникает новая *постнеклассическая* стадия: «Стратегию развития современной (постнеклассической) науки определяет освоение сложных, саморазвивающихся систем... К таким системам относятся... объекты современных нано- и биотехнологий, ... компьютерные сети, ... «глобальная паутина» – интернет... В работах И. Пригожина, Г. Хакена, Дж. Николса... ситуации выделены» [1, с. 451–453, 455]. В гуманитарном знании проявляются тенденции «деконструкции логоцентризма», декларируется «смерть Автора», призванного «надзирать и наказывать». Справедливость трактуется как равноправный диалог разных типов дискурса, их «полифония», «ризомы», «хаос дискурсивных практик», дающие импульс дальнейшему саморазвитию целостной общественной системы при условии сохранения исторической памяти и культурных традиций всего разнообразия отдельных народов.

Философская концепция культуры академика В. С. Стёпина открывает широкие горизонты морально-этической интерпретации критериев справедливости в эпоху постсовременности, служит основой сохранения исторической памяти народа и социокультурной преемственности в условиях глобального техногенного кризиса, всеобщего роста агрессии и конфронтации.

Список литературы

1. Стёпин В.С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию В.С.Стёпина.- Минск: БГУ, 2014.- 503 с.
2. Стёпин В.С. Формирование неклассического подхода в теории познания // Там же.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА И С. Л. ФРАНКА

Навицкая Полина Сергеевна,

студентка факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

Беляева Елена Валериевна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. Статья имеет целью эксплицировать смысл эсхатологического преобразования мира на основе философских воззрений русских религиозных мыслителей Н. А. Бердяева и С. Л. Франка. Исследование может выступать основой для дальнейших изысканий в области русской религиозной философии, для реконструкции взглядов на эсхатологическую проблематику. В работе установлено, что общий для двух мыслителей смысл эсхатологического преобразования мира заключается в приближении человечества к миру идеального, трансцендентного и раскрытии подлинного смысла существования.

Ключевые слова: эсхатология; смысл истории; мировой процесс; человеческое существование; смерть; подлинное бытие; Бог.

THE ESCHATOLOGICAL TRANSFIGURATION OF THE WORLD IN THE PHILOSOPHY OF N. A. BERDYAEV AND S. L. FRANK

Navitskaya Polina Sergeevna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences
Belarusian State University

Belyaeva Elena Valerievna

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and
Culture Belarusian State University

Abstract. The article is intended to explicate the meaning of the eschatological transfiguration of the world based on the philosophical convictions of Russian religious thinkers N. A. Berdyaev and S. L. Frank. The research could be a basis for further investigation in the field of Russian religious philosophy, for the reconstruction of views on eschatological problems. It was found that the common meaning of the eschatological transfiguration of the world for the two thinkers consists in bringing humanity closer to the world of the ideal, transcendent and revealing the true meaning of existence.

Keywords: eschatology; meaning of history; world process; human existence; death; authentic being; God.

Понимание смысла истории и ее результатов всегда остается актуальной темой в исследованиях многих мыслителей. Неотделим от философии истории также анализ и прогнозирование возможного конца Вселенной и всего живого в целом. Путь, от которого человечество начало свой временной отсчет и обустройство жизненного пространства, ведет к заключительному вопросу о том, куда оно в конечном итоге пришло и что же следует ожидать в конце этого пути. Социокультурное развитие современных обществ в условиях нестабильности делает эту проблематику особенно востребованной.

Среди источников, посвященных интерпретации исторического процесса, большое значение имеют воззрения русских религиозных мыслителей, в частности, таких, как Н. А. Бердяев и С. Л. Франк. Цель данной статьи – эксплицировать смысл эсхатологического преобразования мира на основе их философских воззрений.

В огромной научно-исследовательской традиции, касающейся русской философии, важными для анализа темы представляются работы В. И. Повилайтиса «Философия истории и социальная философия С. Л. Франка» [2], в которой продемонстрированы социально-исторические взгляды мыслителя; О. В. Пуляевой [3] и А. В. Слобожанина [4], в которых раскрываются механизмы и результаты экзистенциальной эсхатологии Н. Бердяева.

Философия истории является одной из центральных тем в творчестве русского религиозного мыслителя Н. Бердяева. Вопросы осмысленности и направленности исторического процесса занимают важное место в творчестве философа. Одной из центральных работ, посвященных данной проблематике, выступает произведение «Творчество и объективация. Смысл эсхатологической метафизики» [1].

Смысл исторического процесса, согласно Бердяеву, заключается в его необратимой конечности. Та история, для которой не присуще свое логическое завершение, представляется ему бесконечно бессмысленной и бесцельной. «Смысл личному и историческому существованию может сообщить лишь конец как Воскресение, в которое входят все творческие достижения существ. Смысл лежит за пределами истории, за пределами личной и мировой истории, он не имманентен ей, он ей трансцендентен» [1, с. 97]. Кроме того, конец бытийственности не следует рассматривать в аспекте физической кончины жизненного пространства и земли, нивелирующей катастрофы исторического процесса. «Конец

воспринимается не как фатум, а как свобода, есть обретение личности и свобода в конкретной универсальности духовного существования, в вечности. Это есть преображение мира, в котором человек творчески и активно участвует, это есть новое небо и новая земля» [1, с. 98].

Эсхатологизм мировой истории являет собой прекращение сущих противоречий земного бытия и одновременно начало совершенного иной, высшей жизни. «Метафизический и гносеологический смысл конца мира и истории означает конец объектного бытия, преодоление объективации» [1, с. 97]. Переход от бытия неподлинного к бытию вечности, разрушение старого фундамента жизни и воссоздание нового – означает стремление мира к преображению. «Это есть переход от объектности существования к субъектности существования, переход к духовности» [1, с. 98]. Отсюда следует, что история как таковая наделена не только земными целеполаганиями, но и экзистенциальным смыслом, находящимся выше мирских данностей. «Этот смысл открывается в метаистории, в движении к Царству Божьему» [4, с. 71].

Бердяев выделяет две эсхатологические перспективы: одна из которых – индивидуально-личная, а вторая – универсально-историческая. Индивидуальная (личностная) эсхатология обращена к теме смерти отдельного человека и к анализу его посмертного существования. Универсальная перспектива, в отличие от персональной, охватывает кончину всего макрокосма в целом. «С одной стороны, утверждается индивидуальное разрешение личной судьбы после смерти человека. С другой стороны, ждётся разрешение судьбы всего мира и человечества в конце времен, в конце истории» [1, с. 99]. Вместе с тем, Бердяев добавляет, что описанные эсхатологические уровни неразрывно взаимосвязаны. «Моя вечная судьба не может быть изолирована, она связана с судьбой истории, судьбой мира и человечества. Мировая, всечеловеческая судьба есть и моя судьба, и наоборот, мировая всечеловеческая судьба не может быть разрешена без меня» [1, с. 99].

Анализ смысла истории невозможен без акцентуации на проблемах его направленности. Мировой процесс не прогрессивен, он движется не по пути восхождения, а напротив, стремится к регрессу. Бердяев полагал, что прогресс не способствует разрешению насущных проблем и земных противоречий, более того, человеческое общество никогда не достигнет подлинного и всецелого совершенства. Для продвижения к новому существованию следует нивелировать цепь предыдущего. Конструирование новоявленной жизни возможно лишь с уничтожением уже имеющегося

шаблона мироустройства, поэтому конец в данном аспекте представляется необходимым условием. «Эсхатологическое чувство есть чувство происходящего развоплощения и перевоплощения мира. Этот процесс может переживаться как смерть, но это смерть не окончательная» [1, с. 102].

Смыслжизненные проблемы единичного человека и мирового процесса были объектом анализа еще одного русского мыслителя С. Л. Франка, взгляды которого отражены в работе «Свет во тьме» [5].

Наличное мирское бытие представляет собой лишь временное существование человечества, конечный модус явленности. «Эсхатологическая вера означает живое, острое сознание, что все нынешние формы человеческого и космического бытия, которые мы привыкли считать вечными, как бы "нормальными", выражающими истинное и исконное существо бытия, на самом деле не вечны...» [5, с. 26].

Жизнечувствие людей не позволяет им осознать, что тот мир, в которой они погружены, имеет конечный, несовершенный и довольно непрочный характер. Насущная действительность, неистинная и призрачная, скрывает от нас подлинное бытие. Согласно С. Франку, земное существование есть лишь процесс, постепенный путь к вечным и божественным истинам, открытие которых возможно с осуществлением эсхатологической перспективы. «Она научает нас смотреть не только на личную нашу жизнь, но и на бытие всего мира в его привычных нам, мнимо неизменных формах лишь как на некое временное странствие, за пределами которого только начинается настоящая, окончательная жизнь» [5, с. 26].

Мировую историю невозможно охватить целиком: человек является в мир без знания того, что было до его рождения, и покидает его, не достигнув всеобщего конца. Таким образом, «это создает неизбежно и урезанную, и искусственную перспективу» [5, с. 48].

Франк утверждает, что смысл истории – богочеловеческий: он заключается в постижении трансцендентного начала и в близости к вечному. «В этой неопределенной форме, принципиально считающейся с неисповедимостью Божьего Промысла, мы имеем единственную оправданную форму веры в "прогресс" – веры в приближение мира, сложными и таинственными путями, к его конечной цели, в некое внутреннее созревание мира, подготавливающее его последнее просветление и преображение» [5, с. 48].

Таким образом, взгляды русских мыслителей на эсхатологическую проблематику имеют сходства в ее интерпретации. Смысл эсхатологического преображения мира в творчестве Н. А. Бердяева и

С. Л. Франка заключается в приближении личности и человечества к миру идеального, трансцендентного и раскрытию тем самым подлинного смысла существования.

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев // Электронная библиотека Royallib.com. – Режим доступа:

https://royallib.com/book/berdyaev_nikolay/tvorchestvo_i_obektivatsiya_opit_eshatologicheskoy_metafiziki.html. – Дата доступа: 20.09.2022.

2. Повилайтис, В. И. Философия истории и социальная философия С. Л. Франка // В.И. Повилайтис. – Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – № 12. – С. 97–102.

3. Пуляева, О. В. Вопросы смысла истории в философии Н. А. Бердяева // О. В. Пуляева. – Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 185 – 199.

Слобожанин, А. В. Гносеологическая и метафизическая трактовка экзистенциальной эсхатологии Н. А. Бердяева // А. В. Слобожанин, Е. Г. Якимова. – Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2015. – № 2 (14). – С. 68–78.

5. Франк, С. Л. Свет во тьме [Электронный ресурс] / С. Л. Франк // Электронная библиотека Royallib.com. – Режим доступа: https://royallib.com/book/frank_semen/svet_vo_tme.html. – Дата доступа: 20.09.2022.

КУЛЬТУРА И «ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ»

Наливайко Инна Михайловна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Жук Екатерина Ивановна,

магистр философии, преподаватель кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. Данный текст посвящен проблематике пространственно-временных аспектов культурной и исторической памяти. Опираясь на гетерологический подход М. де Серто, утверждающий множественность как неэлиминируемую характеристику культуры, авторы работы проводят различие между памятью как «картографией пространства» и памятью как сетью креативных практик, направленных на производство пространства как «места другого».

Ключевые слова: культура, время, пространство, культурная память, историческая память, топография памяти.

CULTURE AND TOPOGRAPHY OF MEMORY

Nalivaika Ina Mikhailauna,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Zhuk Katsiaryna Ivanauna,

MA in Philosophy, Lecturer, Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract This text is dedicated to space-time aspects of cultural and historical memory. By taking Certeau's heterological approach that defines plurality as non-eliminable characteristic of culture, the authors here draw a line between memory as "cartography of space" and memory as a network of creative practices aimed at production of space as the "place of the Other".

Keywords: culture, time, space, cultural memory, historical memory, topography of memory.

Классический подход к изучению культуры, господствовавший вплоть до середины прошлого столетия и во многом не утративший своего влияния и поныне, предполагает универсализующий взгляд на культуру как на некую системную целостность, определяющую единство всех

культурных феноменов. Такой подход вполне легитимен и оправдан при построении логически непротиворечивых теоретических объяснительных моделей культуры, но, к сожалению, зачастую оказывается недостаточным при попытке решить практические задачи, порожденные новейшими социокультурными сдвигами и актуальными вызовами современности. Во многом эта проблема является следствием акцентирования темы единства как необходимого условия определения культурной идентичности за счет игнорирования или редуцированной трактовки темы множественности. И дело здесь не в отказе признать разнообразие различных культурных регионов и систем. Эту проблему осознали и попытались решить уже романтики. Проблема кроется гораздо глубже, она укоренена в специфике европейской цивилизации, стремящейся унифицировать всякую множественность и найти для нее некое единое основание.

Одной из первых попыток дезавуировать непогрешимость классического подхода к исследованию культуры стала программная работа французского мыслителя Мишеля де Серто «Культура во множественном числе» [см. 4]. Попытка М. де Серто, работавшего в междисциплинарном поле философии, социологии, истории, лингвистики и т.д., создать новую прогностическую модель, способную стать основой выработки эффективной культурной политики современной ему Европы, приводит его к необходимости пересмотра общепринятых точек зрения на культуру и на ее базовые феномены. Одной из магистральных линий в рамках данной ревизии становится новая трактовка феномена памяти. М. де Серто не был одинок в этом движении. К началу нынешнего столетия проблематика культурной и исторической памяти становится своего рода мейнстримом современной гуманитаристики. Но французский мыслитель, несомненно, относится к числу основоположников этого движения.

Согласно теоретическому подходу, разделяемому и В. С. Стёпиным, рассматривающему культуру через систему мировоззренческих универсалий, создаваемый этими универсалиями инвариант, образующий «глубинные структуры человеческого сознания», специфицируется в исторических культурных общностях и порождает свойственные им «понимание пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти <...> и т.д.» [3]. Память, несомненно, является одной из ключевых составляющих этого смыслового ряда.

С точки зрения универсалистских моделей культуры, феномен памяти играет особую роль в культуре как минимум в двух аспектах. Во-первых, без удержания в памяти некоего знакового для данной культуры смыслового

ряда невозможна трансляция культурной традиции. А, во-вторых, именно эта способность к запоминанию и припоминанию этого смыслового ряда может служить гарантом формирования и сохранения культурной идентичности.

Именно эти банальные истины заставляют осмысливать феномен памяти в категориях темпоральности. Память как закрепление значимых событий в истории, как способ соотнесения настоящего и будущего с историческим прошлым определяется как один из базовых культурных феноменов, а ее формирование и культивирование становится одной из магистральных целей культурной политики. При этом зачастую упускается из виду различие между культурной и исторической памятью, а именно тот факт, что последняя фундирована классической онтологией времени и теснейшим образом вплетена в нее.

Создание в рамках неклассической философии новых онтологий времени заставляет по-новому взглянуть и на феномен памяти, что означает, в том числе, и переосмысление ее якобы чисто темпоральной природы. Все чаще в попытках проблематизации памяти идет отсылка к пространственности, в том числе к феномену места. Вероятно, одним из первых этапов этого пространственного поворота можно считать теорию производства пространства Анри Лефевра [см. 1], философскую концепцию которого М. де Серто называл одним из своих теоретических источников. Современные пути проблематизации пространства и места в связи с переосмыслением темы человеческой субъективности, ее вписанности в природный и культурный миры, позволяют использовать прогностический и методологический потенциал этих концептов, как минимум, в двух планах: для критики старых моделей человека и социума и для формирования новых подходов к основным феноменам человеческого индивидуального и культурного бытия.

Так, предложенная М. де Серто теория тактического характера повседневных практик [см. 2] позволяет рассмотреть тему места применительно к феномену памяти одновременно в двух аспектах. Разделение социальных практик на осуществляемые различными социальными институтами стратегии и тактические способы апроприации этих стратегий в повседневной жизни конкретных индивидов и социальных групп позволяет утверждать, что классические модели культивирования памяти могут быть транскрибированы в пространственных координатах как система «правильных мест» или картография памяти, что предопределено сложившимся в новоевропейской культуре господством визуального

восприятия не только пространства, но и времени. Время воспринимается как линейная упорядоченная последовательность событий, которая может быть схвачена и каталогизирована дистанцированным взглядом теоретика-наблюдателя. В рамках этих моделей память рассматривается, прежде всего, как механизм удержания прошлого в настоящем и, соответственно, нуждается в неких «точках опоры», обеспечивающих закрепление определенных событий в памяти культуры. То есть, возникает своеобразное стратегическое маркирование пространства, реализующееся через топонимику населенных пунктов и в более широком смысле – через систему практик коммеморации.

Список литературы

1. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с фр. И. Стаф. – М. : Strelka Press, 2015. – 432 с.
2. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
3. Стёпин, В. С. Культура [Электронный ресурс] / В. С. Стёпин // Новая философская энциклопедия: в 4-х т.; под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – Режим доступа:
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b>. – Дата доступа: 25.09.2022.
4. Certeau, M. de. Culture in the Plural / M. de Certeau ; ed. and with intr. by L. Giard ; transl. and with an afterword by T. Conley. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2001. – 182 p.
5. O'Donovan, P. Common culture and creativity: forgetting and memory in the cultural theory of Michel de Certeau // Cultural memory: essays on European literature and history ; ed.: E. Caldicott, A. Fuchs. – Bern, 2003. – P. 311–326.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ М.БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ БАХТИНОВЕДЕНИИ

Никонов Александр Николаевич,

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
Витебского государственного медицинского университета

Аннотация. В статье рассматривается проблема реконструкции биографии М. Бахтина со стороны современного бахтиноведения. Показано то, что ее решение должно стать одним из важнейших этапов в процессе осмысления личности и философских взглядов М. М. Бахтина. Перечислены имена основных исследователей, которые занимаются данной проблематикой. Изучены главные отечественные и зарубежные труды в области изучения жизни и творчества великого мыслителя. Проанализированы основные достижения и проблемы в изучении отдельных фактов, связанных с деятельностью философа, и указан вклад каждого исследователя в дело восстановления биографии М. Бахтина. Показано, что современное бахтиноведение до сих пор не готово предложить единую научную биографию философа, т.к. в ней еще остается много темных пятен и неизученных вопросов.

Ключевые слова: М. Бахтин, бахтиноведение, реконструкция биографии, невельско-витебский период, «круг М.Бахтина», «диалог», «хронотоп».

BRIEF ANALYSIS OF THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF M. BAKHTIN'S BIOGRAPHY IN MODERN BAKHTIN STUDIES

Nikonov Alexander Nikolaevich,

Senior Lecturer, Department of Social Sciences and Humanities
Vitebsk State Medical University

Annotation. The article deals with the problem of reconstruction of M. Bakhtin's biography from the side of modern Bakhtin studies. It is shown that its solution should become one of the most important stages in the process of understanding the personality and philosophical views of M. M. Bakhtin. The names of the main researchers who deal with this problem are listed. The main domestic and foreign works in the field of studying the life and work of the great thinker are studied. The main achievements and problems in the study of individual facts related to the philosopher's work are analyzed and the contribution of each researcher to the restoration of M. Bakhtin's biography is indicated. It is shown that modern Bakhtin studies is still not ready to offer a unified scientific biography of the philosopher, because there are still many dark spots of unexplored issues in it.

Keywords: M. Bakhtin, Bakhtin studies, biography reconstruction, Nevelsko-Vitebsk period, «M. Bakhtin's circle», «dialogue», «chronotope».

Научное наследие М. Бахтина и того объединения, которое сейчас известно под названием «круг М.Бахтина», вызывает огромный интерес среди исследователей начиная с последней трети XX в. В современном бахтиноведении одной из самых сложных и неоднозначных является проблема реконструкции биографии этого уникального философа. Не смотря на то, что целый ряд ученых, начиная с 1970-х гг., внесли и продолжают вносить большой вклад в решении данной проблемы она по-прежнему остается до конца не решенной и весьма актуальной. Именно ее решение должно стать одним из важнейших этапов в процессе познания личности М. М. Бахтина, понимания его философско-культурологических взглядов и осмысления его творческого наследия.

При изучении биографии М.Бахтина, прежде всего, необходимо обратить внимание на публикацию записей его бесед с В. Д. Дувакиным, которые первоначально появились в виде отдельных фрагментов в журнале «Человек». В 1996 г. они были изданы в полном объеме с развернутым комментарием и хронографом [1]. Именно благодаря этим интервью исследователи и читатели во многом получили возможность погрузиться в биографию мыслителя, узнать от самого философа многие факты его личной жизни.

Первый биографический очерк М. Бахтина был представлен еще при жизни мыслителя в 1973 году В. В. Кожинным и С. С. Конкиным. А первая значительная работа о М.Бахтине не только на Западе, но и во всем мире, в которой раскрывались аспекты его биографии появилась в 1984 г. Это была монография К. Кларк и М. Холквиста «Михаил Бахтин» [12].

В 1993 г. С.С. Конкин и Л.С. Конкина издали первую в России биографию М.Бахтина «Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества)». Материалами для данной книги послужили интервью мыслителя, которые авторы брали у него в 1962-1975 гг., а также архивные материалы из Санкт-Петербурга, Витебска, Неверя, Орла, Саранска и других городов, связанных с судьбой философа [4].

Большой вклад в создание научной биографии М.Бахтина внес литературовед Н.Паньков. Он на протяжении многих лет занимался поиском архивных материалов, связанных с жизнью и творчеством мыслителя. За годы исследований он подготовил и отправил в печать

большое количество различных статей, архивных публикаций и интервью с людьми, которые лично знали и общались с М.Бахтиным. В 2009 г. он в Москве в издательстве МГУ выходит его фундаментальная монография «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина», в которой биографическая тематика сочетается с теоретико-литературной [8]. Благодаря данному труду бахтиноведам стали доступны уникальные и ранее неопубликованные материалы, которые показывают биографию и научную деятельность М. Бахтина с новой стороны.

Огромный интерес для современных исследователей биографии М.Бахтина представляет книга И. В. Ключевой и Л. М. Лисуновой «М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек», которая была издана в 2010 г. [3]. Данный труд состоит из трех разделов. Первый раздел – это исследование И.Ключевой «Степан Эрзя в мыслительном контексте Бахтина», второй – исследование И.Ключевой и Л.Лисуновой «Личная библиотека М.Бахтина в культурном контексте эпохи», третий раздел состоит из фрагментов лекций М.Бахтина в Саранске в 1950-х гг. по истории зарубежной литературы, литературоведению и эстетике, которые были записаны его студентами. Результаты данной работы позволяют масштабно оценить научно-педагогическую эрудицию М. Бахтина, его приоритеты как лектора, а также философскую и литературоведческую методологию и др. Все это расширяет представление о круге научных интересов М. М. Бахтина и о его философско-культурологических взглядах.

При анализе научных работ, посвященных М. Бахтину, необходимо обратить внимание и на труды такого известного исследователя биографии и творчества М. Бахтина как Н. Л. Васильев. В первую очередь на себя обращает внимание его монография «Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина» [2], которая была опубликована в 2013 г. и представляет собой попытку автора систематизировать свои работы с 1985 по 2012 гг. Данное исследование в первую очередь посвящено анализу малоизученных фактов биографии М. Бахтина и его ближайшего окружения – В. Волошинова, П. Медведева и др.

Еще одним очень важным трудом для исследования биографии М. Бахтина является фундаментальное исследование И.Л.Поповой «Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы». Она посвящена источникам и истории создания одной из самых главных книг философа – «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В данном исследовании И.Попова уделяет особо пристальное внимание историко-культурному контексту работы

М.Бахтина. Автору удалось выявить новые документы и материалы, которые заметно дополняют биографию ученого 1940-1960-х гг. [9].

Одной из первых цельных биографий М.Бахтина на русском языке, в которой осуществляется попытка охватить все стороны его жизни и творчества, стала изданная в 2017 году книга в серии «Жизнь замечательных людей» под авторством А. Коровашко [5]. Целью данной работы было дать читателю исчерпывающее представление о жизни, творчестве и взглядах М. Бахтина. Для реализации данной цели автор обращается к множеству интереснейших научных материалов, связанных с различными этапами жизни философа. При всей масштабности поданного материала данная книга не лишена и многих недостатков, связанных в том числе с «разоблачениями» биографии и научных концепций М. Бахтина, а также со стилем изложения. Это вызывает среди бахтиноведов довольно много критики в адрес работы А.Коровашко [11].

Теоретические взгляды и жизненные принципы М. Бахтина сквозь призму его биографии являются предметом исследования немецкого ученого Ульриха Шмида в статье «Не-я во мне». Известно, что М. Бахтин крайне неохотно излагал свою автобиографию, сообщая лишь самые скудные биографические данные (учеба, работа). Причину этого «скрытого, теневого присутствия «я» немецкий автор усматривает в «диалогической природе его жизненного проекта», указывая при этом на важность для Бахтина взаимодействия «я» и «другого», находящегося по сравнению с «я» в привилегированном положении и обладающего избытком информации. Пространство и время, по М. Бахтину, «реальны лишь в том смысле, что в них и через них дан «другой», через которого и перед лицом которого «я» должен теперь состояться». У. Шмидт пишет, что М. Бахтин обращается за помощью к литературным персонажам Достоевского, Гете, Рабле для того, чтобы «осмысленно совладать с собственной жизнью». Они для философа исполняют роль своеобразных «евангелистов», которые преобразуют абсурдный мир вокруг в нечто такое, что является осмысленным и чувственно воспринимаемым [10].

Весьма важную роль в организации изучения биографии М. Бахтина принадлежит и директору Музея истории Невеля Л. М. Максимовской, благодаря деятельности которой было начато издание «Невельского сборника» [6]. В разделе, который был посвящен М. Бахтину, ежегодно печатались различные уникальные документальные материалы из архивов и частных собраний, фрагменты мемуаров и разнообразные материалы,

найденные исследователями, которые касались «невельского периода» биографии М. Бахтина, его друзей и знакомых.

Значительный вклад в изучение жизни и творчества раннего М. Бахтина внес Н. И. Николаев. Ему принадлежат важнейшие работы, содержащие анализ невельско-витебского периода, которые помогают исследователям восстановить интеллектуальный и культурный контексты первых бахтинских работ. Эти материалы также помогают прояснить взаимоотношения М. Бахтина и его «круга» с ленинградским интеллектуальным сообществом [7].

Одной из важнейших вех для развития бахтиноведения стало издание с 1992 года Н.Паньковым в Витебске научного журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Это было уникальное издание на всем постсоветском пространстве, так как было посвящено творчеству только одного мыслителя. Журнал являлся международным, а в его редакционную коллегию входили: В. В. Мартынова, А. А. Михайлова, А. Г. Лисова, С. С. Аверинцев, В. М. Алпатов, В.С. Библер, С. Г. Бочаров, Вяч. Вс. Иванов, Д. С. Лихачев (Россия), Х. Гюнтер (Германия), Юлия Кристева (Франция), Х. Сасаки (Япония), К. Томсон (Канада), Д. Шеппард (Великобритания), К. Эмерсон (США) и другие известные ученые и исследователи. В состав редакции входили преподаватели и студенты Витебского государственного университета В. В.Бабич, С. М. Бородич, В. В. Здольников, А. Н. Дорожевец, С. П. Кунцевич, Е. Калюта, А. Е. Лало. Всего в Витебске вышло 32 номера.

В 2011 году к юбилею Н. А. Панькова был выпущен сборник «Хронотоп и окрестности: юбилейный сборник в честь Николая Панькова» в который вошли статьи, посвященные вопросам теории, творческого наследия и биографии Бахтина. Он стал важным событием в области воссоздания его биографии.

Таким образом, на сегодняшний день исследователями во всем мире написано уже достаточно много работ в области реконструкции биографии М. Бахтина. Однако, несмотря на это, надо понимать, что современное бахтиноведение все еще не готово предложить цельную научную биографию философа. До сих пор в ней остается много темных пятен, пробелов, нестыковок и загадок. Многие вопросы его жизни и творчества до сих пор недостаточно исследованы, особенно те, что касаются раннего периода жизни мыслителя, когда происходило его творческое становление. Из-за этого во многом до сих пор остается нерешенной проблема единого

подхода как ко всему творчеству М. Бахтина, так и к пониманию его философско-культурологических взглядов.

Список литературы

1. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. — Москва : Прогресс, 1996. — 342 с.
2. Васильев Н. Л. М. М. Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга // М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 408 с.
3. Ключева И. В., Лисунова Л. М. М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск : «Саранск», 2010. — 468 с.
4. Конкин, С. С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества) / С.С. Конкин, Л. С., Конкина. — Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. — 398 с.
5. Коровашко, А. В. Михаил Бахтин / А.В. Коровашко. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 452[12] с.: ил.
6. Невельский сборник. Статьи и воспоминания. К 100-летию М. М. Бахтина / отв. ред. Л. М. Максимовская. — Санкт-Петербург: Акрополь, 1996. — Выпуск 1. — 160 с.
7. Николаев Н. И. Невельская школа философии (М. Бахтин, М. Каган, Л. Пумпянский в 1918—1925 гг.) : По материалам архива Л. Пумпянского / Н. И. Николаев // М. М. Бахтин и философская культура XX века : Проблемы бахтинологии : сборник статей. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1991. — Выпуск 1. — Ч. 2. — С. 31—43.
8. Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М. : Изд-во МГУ, 2010. — 720 с.
9. Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М. : ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
10. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина / Т.В. Щитцова. -Мн.: И. П. Логвинов, 2002. — 300 с.
11. Bronckart J.-P. Bakhtine demasque. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un delire collectif / Jean-Paul Bronckart, Bota Cristian. — Genève : Droz, 2011. — 629 p.
12. Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his World. — London, N. Y.: 2004 — 228p.

СТРАТЕГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Новикова Милана Андреевна,

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. Доклад посвящен актуальной теме – стратегиям критического мышления в постнеклассической науке. Раскрыта роль критического мышления в постнеклассической науке. Для этого уточнен концепт открытого разума как противоположность закрытого разума. Раскрыты четыре стратегии критического мышления – анализ, понимание, оценка и модификация. Критическое мышление представлено как антитеза клипового сознания и мышления.

Ключевые слова: постнеклассическая наука; В.С. Стёпин; критическое мышление; открытый разум; закрытый разум; клиповое мышление.

STRATEGIES OF CRITICAL THINKING IN POST-NONCLASSICAL SCIENCE

Novikova Milana Andreevna,

Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarussian State University

Scientific supervisor – Vorobjova Svetlana Viktorovna, PhD in Philosophy, Associate

Professor, Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Abstract. The report is devoted to an actual topic – the strategies of critical thinking in post-non-classical science. The role of critical thinking in post-nonclassical science has revealed. For this, the concept of an open mind has clarified as the opposite of a closed mind. Four strategies of critical thinking have revealed – analysis, understanding, evaluation and modification. Critical thinking have presented as the antithesis of clip consciousness and thinking.

Keywords: post-non-classical science; V.S. Stepin; critical thinking; open mind; closed mind; clip thinking.

Актуальность критического мышления связана с его стратегическими задачами, решаемыми в постнеклассической науке. Интерес к критическому

мышлению вытекает из необходимости преодоления клипового мышления, несовместимого с открытым разумом. Цель доклада – раскрыть стратегии критического мышления в постнеклассической науке.

Роль критического мышления в современном мире определяется, прежде всего, его отношением к постнеклассической науке. Вячеслав Семенович Стёпин в своей работе «Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения» выделил три типа научной рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую. Критериями их различия выступили три признака: 1) тип осваиваемых системных объектов; 2) особенности систем познавательных идеалов и норм объяснения, доказательности, особенности средств и операций (действий) с изучаемым объектом; 3) особенности ценностно-целевых структур субъекта деятельности [3, с. 249–295].

Постнеклассический (современный) тип научной рациональности характеризуется тем, что он, во-первых, ориентирован на освоение сложных саморазвивающихся систем (сложные компьютерные сети, предполагающие «диалог человек-компьютер», Интернет), во-вторых, учитывает соотношенность получаемых знаний не только со средствами деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, меняет категориальную сетку. При этом главным фактором является «человекоразмерность» (человек включен в объект исследования) [3, с. 249–295]. Из присутствия человека выводимы далеко не второстепенные вопросы об особенностях разума и качествах мышления, необходимых в новых условиях.

Особенности разума раскрываются в дихотомическом контексте закрытый/открытый разум. В частности, С.В. Воробьева в статье «Эпистемологические и когнитивные основания трансдисциплинарной методологии в контексте дискурсивной аналитики» пишет об открытом разуме [2, с. 42–45]. Открытый разум является частью самоорганизующейся системы. В отличие от закрытого ума с его одномерной дисциплинарной ориентацией, открытый разум направлен на «формализацию сложностей и моделирование прагматики сложных ситуаций» [2, с. 42]. Если закрытый разум имеет дело с монотонными (очевидными) процессами, то открытый разум работает в условиях «немонотонного приращения информации», и это «ослабляет прогностические аргументы». Прогностические аргументы – это формулировка того, что, вероятно, произойдет в будущем, предугадывание, «дальнозоркость». Для построения такого типа аргументов требуется стремление к холизму, построение полной картины

немонотонной информации, коррекция топологических факторов истины, так как в цифровом мире истина становится зависимой от пространственно-временных аспектов, что делает ее вариативной. Открытость рационального агента означает готовность к пересмотру всех компонентов исследовательского процесса.

В.С. Стёпин, оценивая свойства нового постиндустриального общества, указывает на информацию, которая обрушивается со стороны цифрового мира, и формулирует проблему, связанную с опасностью и рисками клипового сознания и мышления. В частности, в статье «Рациональность в современной культуре. Наука и псевдонаука» [4, с. 374–381] он объясняет, что клиповое мышление – это «калейдоскоп впечатлений, <...> где нет логики, отсутствуют рациональные основания». Он также замечает, что в современном обществе «в науку еще верят. Но больше верят в технологии». Я бы добавила, что люди верят еще и технологиям, т.е. доверчиво и некритично относятся к новостям в Интернете. В подтверждение своей мысли В. С. Стёпин приводит пример фейковой новости (Дж. Буш общался с «пришельцами»), в который поверили большое количество людей. И, заключает, что вера в пришельцев стала новой религией на Западе, что может быть аргументом в пользу того, что человечество становится частью виртуального мира, оно открыто новой информации, но пока еще не научилось «процеживать» цифровые сообщения [4, с. 380].

Отвечать на вызовы цифрового мира способно только критическое мышление. Критическое мышление – это «мышление о мышлении», основанное на совокупности вопросов и ответов на них [1, с. 67–71]. Стратегиями критического мышления являются анализ, понимание, оценка и модификация, которые составляют цикл критического мышления. Охарактеризую каждую стратегию. Стратегия анализа предполагает нахождение ответов на три вопроса: в чем заключается проблема и предлагаемое по ней заключение (решение)? Какие резоны обосновывают заключение? Какова структура аргументов? Упрощенная схема выглядит следующим образом: «Проблема ↔ Аргументация».

Стратегия понимания сопряжена с поиском ответов на следующие вопросы: Какие имена и высказывания в тексте неоднозначны? Есть ли пустые или плохо определенные имена? В чем заключаются явные и неявные ценностные и дескриптивные предпосылки (умолчания)? Каковы условия приемлемости аргументов? Критериями понимания являются четкость и ясность мысли. Она становится таковой посредством

логического анализа языка, подразумевающего выявление постоянных и переменных категорий и совершаемых с ними операций. Логические операции определяют процедуры категоризации – вычленение категорий, позволяющих конструировать прототипы, а также схематизировать реальность.

Стратегия оценки включает вопросы: корректно ли сформулирована проблема? Соответствует ли заключение проблеме? Насколько убедительны резоны? Правильно ли построены выводы? При разработке данной стратегии учитывается структура оценки, включающая формальную и содержательную валидизацию имен. Формальная валидизация имен подразумевают верификацию: то ли обозначено, что необходимо обозначить. Содержательная валидизация имен – фиксацию признаков обозначенного. Условием первого типа валидизации является использование одного словаря/определения, чтобы не подменять понятия, условием второго – описание при помощи категориальных противоположностей, обеспечивающих целостность рассмотрения.

Стратегия модификации опирается на три предшествующие стратегии. Она включает вопросы: Какие ошибки допущены? Какие разумные модификации проблемы или заключения по ней возможны? Эта стадия направлена на преодоление логических и коммуникативных ошибок.

Стратегии критического мышления направлены на устранение недостатков ментальности, обусловленной клиповым сознанием. В нем, как рассуждает В.С. Стёпин, «нет логики, нет глубины, в нем разрушается разумное начало». Такое сознание и соответствующее ему мышление «нацелено на потребление информации как своего рода пищи, которую даже не обязательно усвоить, а нужно просто потреблять для удовольствия». Именно такая «информационная еда» делает человека «одномерным», цитирует В.С. Стёпин Г. Маркузе [5, с. 482]. Противоядием картинных и мозаичных смыслов выступает критическое мышление.

Таким образом, стратегии критического мышления составляют основы трансдисциплинарной методологии в постнеклассической науке. Они разрабатываются в системе открытого разума в четырех направлениях – анализ, понимание, оценка и модификация. Значение критического мышления и его стратегического маневрирования обусловлено противостоянием клиповому сознанию и мышлению.

Список литературы

1. Воробьева, С. В. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов / С. В. Воробьева // *Философия и социальные науки*. – 2015. – № 1. – С. 67–71.

2. Воробьева, С. В. Эпистемологические и когнитивные основания трансдисциплинарной методологии в контексте дискурсивной аналитики / С.В. Воробьева // *Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания: мат. третьей межд. науч. конф., Минск, 15-16 ноября 2018 / Ин-т философии НАН Беларуси*. – Минск, 2018. – С. 42–45.

3. Стёпин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Стёпин // *Постнеклассика: философия, наука, культура / Изд. дом «Мирь»*. - Санкт-Петербург, 2009. – С. 249–295.

4. Стёпин, В. С. Рациональность в современной культуре. Наука и псевдонаука / В. С. Стёпин // *Философия науки. Общие проблемы : учеб. для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Стёпин*. – М. : Гардарики, 2006. – С. 374–381.

5. Стёпин, В. С. Философия и музыка (памяти Е.А. Глебова) // *Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред-кол. : А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]*. - Минск: БГУ, 2014. - С. 478–483.

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕТАФОРА ПРИВАТИЗАЦИИ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Новикова Ольга Владимировна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье прослеживаются истоки современного философско-исторического знания и рассматривается влияние на него философии истории постмодернизма. Рассматривается специфика нарративного течения в современной историографии и проблема соотношения факта, знания и интерпретации. Поднимая вопрос о сущности исторического опыта, автор обращается к идеям Ф. Р. Анкерсмита, Х. Уайта, П. Нора, и указывает на конструктивистский характер исторической реальности. Он же в свою очередь влияет на смещение акцентов от идеи истории к феномену социальной, коллективной или исторической памяти, которая, в отличие от истории, пластична, вариабельна и способна актуализировать события. Этот процесс дрейфа от истории к памяти отражен в метафоре «приватизации прошлого» (Ф. Р. Анкерсмит), утверждающей субъективистскую тенденцию в современном историческом познании.

Ключевые слова: история, память, прошлое, философия истории, нарративное течение, приватизация прошлого.

THE PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY AND THE METAPHOR OF PRIVATIZATION OF THE PAST IN THE CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF HISTORY

Novikova Olga V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The article traces the origins of modern philosophical and historical knowledge and examines the influence of the philosophy of history of postmodernism on it. The specifics of the narrative flow in modern historiography and the problem of the correlation of fact, knowledge and interpretation are considered. Raising the question of the essence of historical experience, the author refers to the ideas of F. R. Ankersmit, H. White, P. Nora, and points to the constructivist nature of historical reality. It influences the shift in emphasis from the idea of history to the phenomenon of social, collective or historical memory, which, unlike history, is plastic, variable and capable of actualizing events. This process of drift from history

to memory is reflected in the metaphor of “privatization of the past” (F.R. Ankersmit), which affirms the subjectivist trend in modern historical knowledge.

Keywords: history, memory, past, philosophy of history, narrative current, privatization of the past.

В развитии философии истории можно выделить четыре периода: предфилософия истории, охватывающая этап от теолого-исторической рефлексии Августина Блаженного до эпохи Нового времени; классическая философия истории, развивающаяся по двум магистральным линиям – прогрессистской и критической; неклассическая философия истории, базирующаяся на принципах историцизма (в духе Л. фон Ранке и немецкой исторической школы второй половины XIX в.) и идеях «антропологического поворота» в философии; постнеклассическая философия истории, представленная, с одной стороны, новым прогрессизмом концепций постиндустриального общества, с другой – постмодернистскими идеями ризоматичности социодинамики, нестабильности или даже конца истории, осознанием зависимости истории от языка и снятием каких-либо границ в историческом познании [3; 4; 5]. И хотя конец самого постмодернизма предстает как предмет многочисленных спекуляций уже третий десяток лет, «вброшенные» им идеи в явном или неявном виде оказали значительное влияние на современный философско-исторический дискурс.

Одной из ключевых линий философско-исторического развития в первых десятилетиях XXI в. является нарративное течение, настаивающее на преимущественно лингвистическом, повествовательном характере исторической науки. История в нем понимается как совокупность нарративов (здесь вполне прослеживается влияние концепции «заката метанараций» Ж.-Ф. Лиотара), и принципиальное значение приобретает проблема интерпретации. Как отмечает нидерландский философ Ф. Р. Анкерсмит, прошлое не может быть понято как текст, обретающий ценность в историографическом нарративе – прошлое требует интерпретации, причем эта интерпретация не может быть простой фиксацией или отражением событий и фактов. Вместе с тем нормативы научной строгости сохраняют свою значимость: «двадцать лет назад философия истории была сциентистской; теперь следует избегать другой крайности – понимания историографии как формы литературы. <...> Историография создает нарративные интерпретации социоисторической действительности; литература применяет их» [2, с. 118]. Рассматривая

специфику нарративизма в историографии, Ф. Р. Анкерсмит указывает, что историческая интерпретация «обозначает структуру прошлого, но не обнаруживает ее так, как если бы эта структура действительно существовала в самом прошлом» [2, с. 120], т.е. интерпретация следует номиналистской логике использования исторических наименований для обозначения не столько прошлого как такового, сколько картины исторической реальности в нашем понимании. Прошлое не дано нам непосредственно в виде событий, оно всегда существует в режиме знания, и исторический факт – это форма знания, которую историк придает событиям прошлого.

При этом различные интерпретации конкурируют в стремлении к утверждению своего единства с фактами, представленными в исторических данных: «мы интерпретируем не тогда, когда нам не хватает данных, а тогда, когда они в избытке» [2, с. 120], – пишет Ф. Р. Анкерсмит; следовательно, интерпретация выступает уже не как знание, а как форма его организации, надстраиваемая над фактологией.

Другая проблема, стоящая перед современной философией истории, – проблема исторического опыта, включающая как коллективный опыт, так и частный опыт историка, который начинается восприниматься как одна из базовых детерминант исторического познания. Х. Уайт задается вопросом о способах, «какими историки конституировали прошлое как возможный объект научного исследования или герменевтической нагрузки и, что более важно, как объект повествования [narrativization]» [7, с. 11]. Когда историк имеет дело с некой сущностью из прошлого (условно: с явлениями вроде «протестантизма» или «Просвещения»), он конструирует ее как специфический объект знания, опираясь как на средства рационального познания и историографическую традицию, так и на свое воображение и, в конце концов, на собственный субъективный опыт. Это приводит к утверждению проблематизированной еще в постмодернистских дискуссиях ситуации, когда исторические события или факты в большей степени конституируются в вопросах историка, чем им же открываются. Соответственно, понятие исторической реальности, означающее спектр состояний или событий прошлого, понятых с точки зрения современности, имеет конструктивистский характер.

Трансфер от языковой детерминанты к опытной обнаруживается в популярности в современной историографии идеи памяти, которая конкретизируется в концепциях «коллективной памяти» (Я. Ассман),

«культурной памяти» (А. Эткинд), «социальной памяти» (Л. Б. Репина), «мемориальной политики» (А. Ассман), «мест памяти» (П. Нора) и др.

Ф. Р. Анкерсмит использует для обозначения этих тенденций исторического описания термин «приватизация прошлого», характерным признаком которой выступает склонность «употреблять термин “память” там, где раньше предпочитали говорить об “Истории” или о “прошлом”» [1, с. 24]. Но понятие «История» обладает «аурой неотвратимого, неизбежного рока», а «прошлое» указывает на недоступную нашему влиянию объективную реальность. Кроме того, эти термины отсылают нас к субъектности некоего исчезнувшего коллективного организма, в то время как память, подобно экзистенции, является характеристикой отдельного человека. Ф. Р. Анкерсмит, критически оценивая феномен приватизации прошлого, задается вопросом, что представляет собой концепт исторического опыта: мы не можем пережить заново (*experiēnce*) прошлое, но можем реконструировать его в памяти, и именно она даст нам актуальный опыт переживания.

Как отмечает П. Нора, противопоставлявший память и историю, «память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием» [6, с. 20].

В таком контексте возникает новый проблемный ракурс: когда мы говорим об исторической памяти, мы делаем акцент не на памяти, а на ее статусе «исторического», который как раз и выражается в стремлении к универсальности. При этом «память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делегитимизация пережитого прошлого» [6, с. 20]. Но что является источником памяти потомков – в отсутствие релевантного исторического опыта, и что составляет фундамент истории? Объединенные в один конструкт память и история вполне способны породить дискурс, претендующий на однозначность, а это ставит нас в ситуацию смещения понятий. С другой стороны, способность помнить автоматически предполагает и способность не помнить, т.е. предавать избирательному забвению несущественные или неудобные фрагменты: «обычно мы вспоминаем что-либо, только если хотим вспомнить (травма здесь, конечно, является парадигматическим исключением: и нам всем очень хорошо

известно о пластических свойствах памяти» [1, с. 24], – подчеркивает Ф. Р. Анкерсмит. Эта субъективность восприятия, свойственная отдельному индивиду, распространяется и на любую индивидуальную тотальность (поняту в духе Э. Трельча – например, нацию) и определяет специфику ее исторического дискурса. Сознание этого диалектического противоречия между памятью и историей должно стать фундаментальной интуицией современного философско-исторического познания.

Список литературы:

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт/ пер. с англ. А.А.Олейников и др. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 612 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология взлет и падение метафоры./ пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева - М: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
3. Новиков В. Т., Новикова О.В. В диалоге познания: философия истории и историческая наука // Беларуская думка. Журнал. – № 5. – С. 91 – 97.
4. Новикова О.В., Новиков В. Т. Неклассическая философия истории: концептуальные особенности и основные направления // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. №1, с. 31-40.
5. Новикова О. В. Время истории: к проблеме антропологических оснований философско-исторического знания / // Философия и социальные науки. 2015. №3. с.88-95.
6. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17–50.
7. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. Е.Г.Трубина, В.В.Харитонов. – Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ В СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Обухов Вадим Сергеевич,

студент факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Румянцева Татьяна Герардовна, доктор филос. наук,

профессор, профессор кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье показана определяющая роль культурных универсалий в становлении картины социально-исторической реальности. Поликультурная ангажированность истории делает вопросы установления оснований картины социально-исторической реальности безусловно актуальными и в технологиях становления социально-гуманитарной составляющей большой науки, и в качестве инстанции общественного воспроизводства. Новые философские концепции, плавно перетекающие в культурные универсалии групп людей, формируют у них новое восприятие и нахождение новых смыслов во всемирной истории, что ведет как к определению и преодолению ошибок, так и к созданию новых вызовов в эпоху постсовременности.

Ключевые слова: культурные универсалии, философские универсалии, история, культура, социально-историческая реальность.

THE ROLE OF CULTURAL UNIVERSALS IN THE FORMATION OF SOCIO- HISTORICAL REALITY

Obukhov Vadim Sergeevich

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Rumyantseva Tatiana Gerardovna, Doctor of philosophy, professor,

professor of the Department of Philosophy and Culture

Belarusian State University

Abstract. The article shows the determining role of cultural universals in the formation of the picture of socio-historical reality. The multicultural bias of history makes the issues of establishing the foundations of the picture of socio-historical reality certainly relevant both in the technologies of the formation of the socio-humanitarian component of a large science, and as an instance of social reproduction. New philosophical concepts, smoothly flowing into the cultural universals of groups of people, form a new perception and finding new meanings in world history, which leads both to the definition and overcoming of mistakes, and to the

creation of new challenges in the era of postmodernity.

Keywords: cultural universals, philosophical universals, history, culture, socio-historical reality.

Человеческое существование начинается в результате перехода от естественно-природных программ адаптации к социально-гуманитарным технологиям. Все, что позволяет обеспечить бытие человека как человека, составляет пространство его культуры, параметры которой заданы им самим. Культура в предельно общем смысле есть осознанное воспроизводство экзистенциальных ценностей. Формы активности, препятствующие воспроизводству существования, отвергаются, подавляются и игнорируются.

Соотнесенность человека с его опытом определяет дальнейшее освоение им еще не обработанного поля бытия. В этой связи формирование картины социально-исторической реальности представляет собой такую актуальную по содержанию и безграничную по масштабам задачу, как исследование наличного настоящего и прогнозирование его будущих состояний [2, с. 113].

В силу своей природы человеческий мозг не в состоянии воспринять всю полноту получаемой посредством органов чувств информации. Оптимизация потребления получаемой информации, а также анализа этой информации, заставляют наш мозг прибегать к тем или иным упрощениям. Подобно тому, как американский писатель Г. Лавкрафт, работавший в жанре ужасов и фэнтези, описывал страх встречи с трансцендентными сущностями, так и в данном случае для сохранения работоспособности организма картина социально-исторической реальности передается людям сквозь призму культурных универсалий.

Универсалии культуры задают, во-первых, способы селекции человеческого опыта; они как бы отбирают то, что попадет в поток культурной трансляции. Во-вторых, они образуют категориальный строй сознания людей той или иной исторической эпохи. И, наконец, в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии они задают обобщенный целостный образ человеческого жизненного мира [1, с. 72]. Этот образ определяет миропонимание, и мироощущение людей той или иной культуры в определенную историческую эпоху.

На практическом уровне мы можем исследовать понимание культурных универсалий, спросив обычного прохожего: «а что такое справедливость?». При этом он начнет приводить нам примеры из жизни,

различные ситуации, произошедшие с ним, его друзьями, случаи из новостей и т.п. Вся совокупность окружения действует на него и на его понимание различных культурных универсалий, они передаются ему в школе, в университете, на работе; они универсальны для общества, в котором он живет, и в будущем он передаст это потомкам. Но само определение, которое он им дал, будет весьма далеко от философского понимания категории «справедливость».

Академик В. С. Стёпин отмечает, что универсалии культуры и философские категории могут обозначаться одними и теми же терминами, например: «бытие», «добро», «справедливость», «красота», «истина». Но для философских категорий и культурных универсалий их значения будут различаться. Философские категории не могут передать всю полноту смыслов, вкладываемых в универсалии культуры людьми. Философские универсалии, являясь продуктом рефлексии над культурой, подобно математическим моделям дают плоды для дальнейшего рассуждения, использования их применительно к практическим ситуациям, но в полной мере отразить многообразие, индивидуальность, чувства, вкладываемые в культурные универсалии, они не могут.

В условиях эпохи постсовременности через свободное информационное пространство сети Интернет культурные универсалии одной цивилизации проникают в другую цивилизацию. Если раньше ценности техногенной цивилизации, пришедшие в Азию, внедрялись «сверху вниз», и в итоге произошло синкретическое слияние их с ценностями азиатских культур, то сейчас, к примеру в России, идет заимствование и попытки продвижения «снизу вверх» таких концепций, как расовая справедливость. Некоторые группы людей, перенявшие определенный взгляд на историю из западных цивилизаций, пытаются продвигать свою картину социально-исторической реальности, полученную через обработку бытия с помощью культурных универсалий другого общества. Все это может приводить к конфликтам между различными группами людей, так как проблемы расовой дискриминации чернокожих или же права трансперсон, либо отсутствуют, либо далеки от насущных проблем общества в целом.

В то же время, как отмечает В. С. Стёпин, философские универсалии открывают новый путь для развития человечества; они могут быть чуждыми своему времени, но одновременно они способны при этом являться ростками новой идеи, которая проявит себя в будущем. «Философия – наука о возможных мирах человеческой жизнедеятельности: не тех, которые уже

реализованы, а тех, которые могут возникнуть в будущем» [1, с. 74]. Пути развития культуры, которые кардинально отличаются от современных культурных универсалий будут либо подавляться, либо переформатироваться в наиболее понятные обществу смыслы, так или иначе модернизируя восприятие культуры и истории обществом.

Список литературы

1. Академик В. С. Стёпин. Тайна долгого пути... / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т Философии ; Сост. А. Н. Данилов ; редкол. : А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2019. – С. 20–96.

2. Степанов, А. Г. Проблема отражения истории в контексте психосоматической теории профессора Э.З. Феизова / А. Г. Степанов // Университет как фактор модернизации России: история и перспективы (к 55-летию ЧГУ им. И.Н. Ульянова) : Материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 18 октября 2022 года / Редколлегия: А.Ю. Александров [и др.]. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 112-115.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Половинский Артем Анатольевич,

студент факультета международных отношений
Белорусского государственного университета

Фрольцов Владислав Валерьевич,

доктор ист. наук, профессор, профессор кафедры международных отношений
Белорусского государственного университета

Аннотация. Интернет и средства массовой информации являются неотъемлемой частью нашей жизни. На заре своего распространения интернет воспринимался как средство для поиска необходимой информации и свободного общения, однако сейчас он представляет собой огромное пространство с высоким уровнем коммуникационной активности. Средства массовой информации являются мощным средством воздействия на разум человека, продвижения различных идей, формирования различных суждений. Они помогают формировать лидеров общественного мнения и продвигать различные идеи в массы. Транснациональные компании, занимающиеся разработкой программного обеспечения и распространением социальных сетей порой имеют большую власть, чем политические элиты некоторых стран. Политические действия в цифровом пространстве могут влиять на боевые действия в реальности, ведь основной целью вооруженных конфликтов в XXI в. стало не уничтожение противника, а его деморализация. Гибридная война является весьма популярным направлением в современных реалиях, а информационная война является ее приоритетным направлением. Одним из приоритетных направлений политики государств является обеспечение информационной безопасности. Интернет и средства массовой коммуникации нуждаются в тщательном контроле, ведь они являются мощным средством, влияющим на политику современности в различных регионах мира.

Ключевые слова: средства массовой информации, информационные войны, региональная безопасность, гибридная война, идеологическая безопасность.

THE ROLE OF THE MASS MEDIA AS A SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF INFORMATION WARS

Polovinskiy Artyom Anatol'evich,

Student, Faculty of International Relations
Belarusian State University

Froltsov Vladislav Valer'evich

PhD in history, Doctor of Science, Professor, Department of International Relations
Belarusian State University

Abstract. The Internet and the media are an integral part of our lives. At the dawn of its spread, the Internet was perceived as a means for finding the necessary information and free communication, but now it is a huge space with a high level of communication activity. The mass media are a powerful means of influencing the human mind, promoting various ideas, and forming various judgments. They help form opinion leaders and promote various ideas to the masses. Multinational software companies and social networking companies sometimes have more power than the political elites of some countries. Political actions in the digital space can influence the fighting because the main goal of armed conflicts in the 21st century is it was not the destruction of the enemy, but his demoralization. Hybrid warfare is a very popular direction in modern realities, and information warfare is its priority. One of the priority areas of state policy is to ensure information security. The Internet and mass media need to be carefully controlled, because they are a powerful tool that influences the politics of modernity in various regions of the world.

Keywords: mass media, information wars, regional security, hybrid war, ideological security.

В настоящее время весьма высок интерес к геополитике. Он далеко не случаен и вызван различными политическими процессами, происходящими на международной арене. Современная политическая карта мира является очень динамичной: распадаются и образуются новые государства, изменяются границы, меняется устоявшаяся структура международных отношений [2, с. 3]. В современном мире практически каждый человек пользуется интернетом и средствами массовой информации, однако информация, которую человек воспринимает, порой не соответствует действительности. Интернет стал мощным средством лоббирования интересов различных социальных групп, зачастую используя при этом минимальные траты.

С появлением интернета для гражданских лиц в конце 1990-х гг. сеть представлялась как пространство для поиска необходимой информации и свободного общения, однако с началом распространения интернета и участия в нем все большего количества субъектов начал возникать ряд задач: необходимость регулирования медиапространства и введения этических норм при общении между людьми, осуществление контроля со стороны государства для предотвращения деструктивных действий, регулирование информационно-коммуникационной активности.

Современная же эпоха характеризуется широким распространением информационных процессов по всему миру. В последнее время активно наблюдается увеличение объемов влияния аудиторий телекоммуникационных систем. Учитывая экстерриториальность и возможности цифрового пространства, сейчас практически не возникнет никаких проблем для передачи информации и взаимодействия субъектов из различных регионов земного шара. Многие современные футурологи и социологи, учитывая эти факторы, полагают, что на смену индустриальному и постиндустриальному обществам приходит информационное, где вместо производства товаров и оказания услуг ведущую роль играет сфера массовых коммуникаций [6].

На сегодняшний день человек является сложной информационной системой. Средства массовой информации, воздействуя на человека, несут корректировку протоколов информационно-логического взаимодействия для социального пространства [5, с. 112]. Интернет и его средства являются мощной структурой для влияния на разум человека, продвижения различных идей и символов, формирования различных мнений и суждений, возникновения новых цифровых лидеров общественного мнения. В таких условиях интенсифицировалась работа политических акторов и общественных лидеров, заинтересованных в изменении политических режимов, которые, в свою очередь, оказались неспособны успешно контролировать свои национальные сегменты в огромном медиапространстве. В результате таких процессов формируется потенциал цифровой пропаганды, а также появляются проекты по продвижению оппозиционных представлений о национальных политических режимах [3, с. 265]. Существующие транснациональные корпорации в области разработки программного обеспечения порой имеют большую власть по сравнению с политической элитой некоторых государств. Это связано с существенным увеличением влияния социальных сетей и прочих коммуникационных платформ в аспекте их влияния на социальные процессы в области политики и международных отношений. Активная блокировка неудобных аккаунтов, управление новостной лентой, показ рекламы и использование персональных данных стали обыденностью для миллионов пользователей, которые активно пользуются социальными сетями [3, с. 268].

Несомненно, политические действия в цифровом пространстве могут оказывать влияние и на осуществление боевых действий в реальности. Редакция Военной доктрины Республики Беларусь отмечает, что в

результате продолжающейся разбалансировки глобальной безопасности и обострения противоречий между региональными центрами силы на современной геополитической арене изменился характер военных угроз. Одной из таких угроз является гибридная война, и информационная война является ее приоритетным направлением [4]. Основу достижения победы в вооруженных действиях в современном мире все в большей степени определяют не технические средства, а информация. Информационное превосходство будет главной составляющей военной стратегии нынешнего столетия подобно тому, как в XX веке такими составляющими являлись господство в воздухе и массированное применение бронетанковой техники. Основной целью боевых действий стало не истребление противника, а его деморализация и прекращение активных действий со стороны врага [1, с. 34]. Обеспечение информационно-идеологической безопасности в условиях становления нового современного этапа в системе международных отношений становится одним из приоритетных направлений политики государств [7, с. 18].

Таким образом, в современном мире интернет играет колоссальную роль в процессе осуществления политической власти. Большинство людей недооценивает его влияние на разум человека, однако интернет и средства массовой информации являются мощным оружием, которое может оказывать влияние на политические процессы, происходящие в различных регионах мира.

Список литературы

1. Всестороннее обеспечение боевых действий / [под общей редакцией Р. К. Ерицяна]. – Минск : Издательский центр БГУ, 2017. – 126 с.
2. Изгарская, А. А. Социально-философская реконструкция развития геополитических концепций / Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 1999. – 23 с. + 2 л. прил.
3. Информационная политика государства в эпоху медиапротивостояния: глобальные вызовы и российские перспективы : учебное пособие / под общ. ред. А. В. Федякина. – Москва : Проспект, 2021. – 336 с.
4. Политология / Министерство обороны Республики Беларусь, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь». – Минск : ВА РБ, 2008. – 294 с. – (Долг, честь, Родина!)
5. Расторгуев, С. П. Философия информационной войны / С. П. Расторгуев. – Москва : Издательство МПСИ, 2003. – 495 с.

6. Роль СМИ в военно-политических конфликтах современности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/>. – Дата доступа: 05.10.2022.

7. Социально-политическая ситуация в Беларуси: ценностные ориентиры и перспективы развития / редколлегия: Ю. А. Матвейчев (ответственный редактор) и др.]. – Могилев : Могилевский институт МВД, 2017. – 88, [2] с.

СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ И ИКТ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОДИНАМИКИ

Радевич Екатерина Владимировна,

ст. преподаватель кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье осуществляется аппликация некоторых базовых принципов синергетического стиля мышления при анализе одного из актуальных векторов современной социодинамики – развитие информационно-коммуникационных технологий, а также их кооперативное взаимодействие с культурой в условиях современной глобальной нестабильности и рискогенности современного общества. В качестве базовых принципов рассматриваются нелинейность, кооперативность, а также принцип неустойчивости, которые соответствуют актуальным сценариям развития мирового социума.

Ключевые слова: культура, ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), синергетика, глобализация.

SYNERGETIC UNITY OF CULTURE AND ICT IN CONDITIONS OF MODERN SOCIODYNAMICS

Radevich Ekaterina Vladimirovna

Art. Lecturer, Department of Philosophy and Methodology of Science,

Belarusian State University

Abstract. The article applies some basic principles of the synergistic style of thinking in the analysis of one of the current vectors of modern sociodynamics - the development of information and communication technologies, as well as their cooperative interaction with culture in the conditions of modern global instability and the riskiness of modern society. Non-linearity, cooperativeness, as well as the principle of instability, which correspond to current scenarios for the development of the world society, are considered as basic principles.

Keywords. Culture, ICT (information and communication technologies), synergy, globalization.

Открытым и наиболее дискуссионным на сегодняшний день остается вопрос не только о дальнейшей судьбе человека, но и всего мира в целом. Нарастающая нестабильность и ситуация перманентного кризиса мирового социального пространства позволяют говорить о том, что мир стоит на пороге глобальных трансформаций, последствия которых затронут не одно

поколение людей. В такой ситуации актуальным является обращение к методологии управления хаосом, для чего, как отмечает А. И. Зеленков, «необходимо хотя бы в первом приближении рассмотреть и оценить факт очевидной экспансии синергетики как новой методологической программы и стиля мышления в сферу социально-гуманитарного познания и политических технологий» [1, с. 35]. Синергетика как наука о саморазвивающихся системах рождается на стыке нескольких дисциплинарных наук – математики, физики, а также философии как системного и рефлексивного знания – и становится ядром общенаучной картины мира.

В условиях глобализирующегося социума взаимодействие культуры и информационно-коммуникационных технологий носит *синергетический характер*. Появляется новая синтетическая реальность, составляющая единство ИКТ и культуры, – культурно-информационное пространство. Синергетический эффект проявляется в «нелинейной» взаимозависимости современных технологий и культуры в эпоху глобализации. Как отмечает профессор А. И. Зеленков, согласно принципу нелинейности «любая сложная развивающаяся система не может быть описана аддитивным образом, т. е. в ней целое не есть простая сумма его частей. Это означает, что число связей между элементами такой системы растет значительно быстрее, чем число самих этих элементов» [2, с. 32]. Это свойство «нелинейности» наиболее ярко проявляется в состоянии, когда система далека от равновесия и демонстрирует свое *неустойчивое состояние*, которым характеризуется современный этап глобальной социодинамики. О синергетической теории глобализации говорит и профессор В. И. Чуешов, отмечая, что «используемые в ней понятия хаоса (беспорядка) и порядка (состояния, подчиненного правилам) дают возможность гораздо строже сформулировать идею *неравномерности, разноскоростности* различных аспектов глобализации» [4, с. 31–32]. В ситуации глобальных изменений система человеческого общества действительно находится в неравновесном состоянии, далеком от гомеостаза, когда сама глобализация начинает выступать фактором дивергенции мирового сообщества – проявляется синергетический принцип *неустойчивости*, который реализуется в современной нестабильности, рискогенности мирового социального пространства, а также в дивергентных тенденциях эпохи постсовременности.

В такой ситуации обнаруживается синергетический эффект взаимодействия ИКТ и феномена глобализации – с одной стороны,

появление и интенсивное развитие этих технологий стали возможными благодаря наличию глобализационных процессов, ИКТ – это продукт глобализации. С другой стороны, глобализация ускоряет их развитие, способствуя распространению по всему миру, и в то же время высвечивает их негативное влияние на культуру. Как отмечает академик В. С. Стёпин: «То, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации» [3, с. 16]. Таким образом, проявляется *кооперативный эффект* взаимодействия глобализации и ИКТ, при котором прослеживаются как позитивные, так и негативные последствия этого взаимодействия, возникает новая синтетическая реальность, образуется культурно-информационное пространство. В рамках этого пространства обнаруживается взаимное влияние культуры и технологий: современный этап развития общества демонстрирует интенсивное развитие ИКТ, которые, в свою очередь, определяют специфику дальнейшего развития культуры. Наступает этап цивилизационного развития, обозначаемый как информационный. Культура влияет на дальнейшее развитие технологического сектора, «предъявляя» требования к постоянному совершенствованию технологий в соответствии с актуальными тенденциями социального прогресса. В то же время *ИКТ трансформируют современную культуру, влияя на ее ценностный пласт, который лежит в основе традиции*. Система ценностей через традицию дает устойчивость любому культурному образованию, обеспечивая его преемственность, трансмиссию, а современные ИКТ начинают оказывать влияние на традиционные формы культуры, в результате чего появляются новая социальная иерархия, новые формы профессиональной ориентации, трансформируется система образования, меняются традиционные формы идентичности – то есть изменяется сама культура.

В свою очередь, посредством современных информационных технологий и масс-медиа культура оказывает влияние на все остальные сферы общества – ИКТ приобретают роль универсального посредника, доминантного звена в структуре социума. Именно через них культура может влиять на основные тренды современного развития общества (экономического, политико-институционального и др.), это влияние

проявляется через специфические «заказы» культуры к технологиям, определяющим векторы их дальнейшего развития.

Таким образом, рассмотренные синергетические механизмы взаимодействия культуры и ИКТ – *кооперативность, нелинейность, а также принцип неустойчивости*, проявляющийся в современной нестабильности мирового сообщества, – позволяют проследить влияние культуры, понимаемой с точки зрения аксиологического подхода, на основные тренды современного развития через доминантное звено в структуре социума – информационно-коммуникационные технологии. Их роль в современной социальной реальности является определяющей, что делает их связующим звеном между культурой и остальными сферами жизни общества – экономической, политико-институциональной, социальной и др.

Список литературы

1. Зеленков, А. И. Может ли хаос быть конструктивным в эпоху глобальных рисков? / А. И. Зеленков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков : материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17–18 мая 2016 г. / науч.-ред. совет: А. В. Данильченко [и др.]. – Минск, 2016. – С. 33–36.
2. Зеленков, А. И. Синергетический стиль мышления и перспективы пластичной рациональности / А. И. Зеленков // Философия и соц. науки. – 2010. – № 1. – С. 30–35.
3. Стёпин, В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / В. С. Стёпин // Глобальное будущее 2045: конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Науч. совет Стратег. обществ. движения «Россия 2045» ; под ред. Д. И. Дубровского. – М., 2013. – С. 10–25.
4. Философия. Глобализация. Интеграция / В. И. Чуешов [и др.] ; под общ. ред. В. И. Чуешова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 205 с.

РЕАБИЛИТАЦИЯ МЕТАФИЗИКИ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Радченко Антон Леонидович

студент факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Зеленков Анатолий Изотович, доктор филос. наук,

профессор, профессор кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

Аннотация. Вопросы о соотношении опытных и спекулятивных методов познания занимают важнейшее место в современной философии науки. В этом контексте показательным является историко-философский сюжет «борьбы с метафизикой», сопровождавший становление аналитической традиции в начале XX века. Предлагая радикальную программу преодоления метафизики и сведения философского знания к научному, логический эмпиризм Венского кружка обнаружил множество затруднений такого подхода. В результате интенсивных дискуссий первой половины XX века неопозитивизм приходит к пересмотру категории чувственного опыта. Во второй половине XX века происходит реабилитация метафизики и возврат аналитической традиции к классической философской проблематике. В то же время осмысление теоретического наследия неопозитивистов формирует образ современной философии, немислимой без систематического обращения к данным естественных наук.

Ключевые слова: метафизика, аналитическая философия, естественные науки, эмпиризм, неопозитивизм.

REHABILITATION OF METAPHYSICS IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Radchenko Anton Leonidovich

Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Zelenkov Anatoly Izotovich, Doctor of Philosophy,

Professor, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science

Belarusian State University

Abstract. Questions about the relationship between experimental and speculative methods of cognition occupy an important place in modern philosophy of science. In this context, the historical-philosophical plot of the “struggle against metaphysics” that accompanied the formation of the analytical tradition at the beginning of the 20th century is

indicative. Offering a radical program to overcome metaphysics and reduce philosophical knowledge to scientific knowledge, the logical empiricism of the Vienna Circle encountered many difficulties. As a result of intensive discussions in the first half of the 20th century, neopositivism comes to a revision of the category of sensory experience. In the second half of the 20th century, metaphysics is being rehabilitated and the analytical tradition is returning to classical philosophical problems. At the same time, understanding the theoretical heritage of the neopositivists forms the image of modern philosophy, which is unthinkable without a systematic appeal to the data of the natural sciences.

Keywords: metaphysics, analytic philosophy, natural sciences, empiricism, neopositivism.

Техногенный характер цивилизации в наши дни по-новому заостряет вопросы о месте философии в современной культуре, а также о соотношении научного и философского методов познания. Мировоззрение, основанное на достижениях естественных наук, прочно укрепилось в качестве доминирующего способа мышления, а практические результаты научных открытий кардинально переменили образ жизни всего человечества. Являясь традиционным способом постижения фундаментальных оснований бытия, философия столкнулась с необходимостью осмысления огромного количества эмпирических данных, предоставляемых наукой, а также пересмотра своего концептуального инструментария. Довольно часто сегодня можно услышать мнения, что в мире развитой науки спекулятивная философия как вид познавательной деятельности является архаизмом и не способна существенно продвинуть наше понимание универсума и самих себя. Строгость математики и точность естественных наук указываются в качестве ориентира для философского рассуждения, а антитеза метафизики и ее преодоления является ключевой для понимания логики развития философской мысли XX века. Подобные сомнения в эффективности познавательной функции философии можно обнаружить на протяжении всей истории развития мысли; несколько парадоксальным образом они являются неотъемлемой частью всякого философствования. В этом контексте уместно вспомнить показательный сюжет «борьбы с метафизикой», сопровождавший становление аналитической философии в первой половине XX века и завершившийся реабилитацией метафизики во второй половине.

Логический эмпиризм, стоявший у истоков аналитической традиции, вслед за Иммануилом Кантом понимал под метафизикой всякое знание, не основанное на чувственном опыте. Не случайно исторические корни

критики понимаемой таким образом метафизики можно обнаружить в классическом британском эмпиризме, который также брал опыт в качестве фундаментального обоснования всего знания. К примеру, Дэвид Юм указывал на недостаток гуманитарных наук, поскольку «ни одна из этих наук... не может выйти за пределы опыта или же установить какие-либо принципы, которые не были бы основаны на авторитете последнего» [2, с. 30]. Кант продолжает эту линию рассуждения и предлагает проект элиминации метафизики в пользу науки, накладывая запрет на стремление разума к чистому теоретизированию, оторванному от опыта.

Методология науки Венского кружка, получившая в истории философии название логического эмпиризма или неопозитивизма, в свою очередь, во многом опиралась на эпистемологию Канта, принимая его деление суждений на аналитические и синтетические и разделяя убеждение в том, что достоверное знание должно иметь основание в опыте. Программа по преодолению метафизики ранних аналитиков содержала сильный логико-лингвистический аспект и стремилась избавить философию от «псевдопроблем», порождаемых некорректным использованием обыденного языка. Осмысленными неопозитивисты считали только те предложения, которые могут быть сверены с опытными данными, то есть подвергнуты процедуре верификации. Примечательно, что ключевые затруднения логический эмпиризм начал испытывать не столько в результате воздействия внешней критики, сколько в ходе реализации своей же программы. Критерии процедуры верификации несмотря на кажущуюся простоту оказалось невозможно сформулировать достаточно четко – при постановке первоначальных к ней требований лишены смысла оказывались также и утверждения естественных наук (а близкий к Венскому кружку британский философ Альфред Айер был вынужден признать аналитическими, и, как следствие, тавтологичными и лишеными фактуального содержания все математические истины [1]). Когда же эти требования были ослаблены, то неопозитивисты обнаружили себя в противоположной, но не менее сложной ситуации – верифицируемыми оказывались в том числе и те утверждения, которые ими принимались как метафизические.

Однако наиболее тяжелым ударом для логического эмпиризма оказалось обнаружение метафизических предпосылок, имплицитно содержащихся в самой программе. Поначалу неопозитивисты воспринимали эти черты своей программы как лестницу, которая будет отброшена после восхождения, но проблематичность такого подхода стала

ясна в ходе дискуссии о «протокольных предложениях». Термин «протокольные предложения» использовался Рудольфом Карнапом для обозначения высказываний, содержащих данные «чистого опыта», свободные от всякого теоретизирования. В таком качестве «протокольные предложения» могли быть подвергнуты непосредственной верификации и приобретали статус безусловного первичного знания о мире. Однако тезис о возможности такой прямой и несомненной корреспонденции между предложением и фактом был подвергнут критике другим представителем Венского кружка Отто Нейратом. В статье «Протокольные предложения» он указывает, что «не существует способа сделать абсолютно достоверные предложения отправной точкой науки. Нет никакой *tabula rasa*. Наше положение подобно положению моряков, которым необходимо перестроить корабль в открытом море, не имея возможности поставить его в док» [4, р. 201]. В ходе завязавшейся дискуссии неопозитивизм существенно отходит от прямого сенсуализма в сторону конвенционализма (что только усугубило внутренние противоречия среди самих неопозитивистов), но даже таким образом спасти концепцию «протокольных предложений» не удалось.

Важным событием, указавшим на необходимость реабилитации традиционной метафизической проблематики в рамках аналитической философии, стало появление статьи Уилларда Куайна «Две догмы эмпиризма» в 1951 году. Куайн вскрывает догматические установки, неявно принимаемые логическим эмпиризмом. В качестве первой догмы он обозначает разделение высказываний на аналитические и синтетические. На множестве примеров обыденного словоупотребления он показывает, что понятие аналитичности содержит в себе приписывание высказыванию некоторого предзаданного свойства, смысл которого нуждается в дальнейшем прояснении. Указывая на вторую догму эмпиризма, Куайн завершает рассуждение, которое было предпринято в рамках дискуссии о «протокольных предложениях»: нет возможности составить изолированное высказывание, которое будет однозначно соответствовать данным чувственного опыта; в лучшем случае эмпирической проверке может подлежать система научного знания в целом, но не отдельные ее положения. «Наши высказывания о внешнем мире сталкиваются с трибуналом чувственного опыта не поодиночке, но исключительно в виде связного целого... Единицей эмпирической значимости является наука в целом» [5, р. 34-35]. Важной особенностью критики неопозитивизма со стороны Куайна вновь стало то, что это была критика изнутри – философ не

принадлежал враждебному лагерю и твердо придерживался взглядов, ориентированных на эмпиризм и авторитет естественных наук.

Таким образом, Куайн подвергает сомнению беспредпосылочность самой категории чувственного опыта, которая еще британским эмпиризмом принималась как самоочевидная и не требующая дальнейших пояснений. Именно свойство непосредственной несомненной данности опыта и позволяло ему в построениях эмпириков быть отправной точкой, твердым фундаментом для дальнейшего познания. Такое понимание опыта критикует в своих работах и другой философ аналитической традиции Уилфрид Селларс. Он называет исходную эпистемологическую концепцию эмпиризма «мифом о данном» (myth of the given). По его мнению, «даже осознание таких фактов, видов и сходств, которые принадлежат непосредственному опыту, предопределяется процессом освоения языка» [6, р. 160], то есть «сырой» опыт не может рассматриваться как неконцептуализируемая первичная информация, приобретаемая в процессе непосредственного контакта с миром. Всякое чувственное познание опосредовано существующими языковыми и культурными контекстами, которые Селларс называл «концептуальными схемами». Стоит отметить, что критика «мифа о данном» обнажает метафизические корни не только эмпиризма, но и кантовского трансцендентализма, тем самым опрокидывая антиметафизическую направленность этих программ.

Итогом описанных дискуссий стал не только пересмотр категории чувственного опыта, но и возврат классической проблематики поиска фундаментальных оснований бытия и мышления в философские тексты второй половины XX века. Более того, порой реабилитация метафизики приобретала не менее радикальные формы, чем предшествующие попытки ее ниспровергнуть. Так, бывший участник Венского кружка Герберт Фейгл в работе 1974 года констатирует, что маргинальное положение в философии занимает уже не метафизика, а сам эмпиризм, считающийся едва ли не синонимом реакционности [3]. Однако можно ли считать усилия неопозитивистов бесплодными и просто отказаться от их творческого наследия? Должны ли философы, сняв запрет на метафизику, немедленно поставить новые запреты, теперь уже с противоположной стороны? Такой поворот развития аналитической традиции представляется не только ошибочным, но и невозможным. Постоянная рефлексия над собственной историей является неотъемлемой частью философии; именно ей в значительной мере определяется облик современной аналитической традиции, которая не отказывается от исследования фундаментальных

вопросов, но также с пристальным вниманием следит за достижениями естественных наук. И развитие науки не только не снимает актуальность традиционной философской проблематики, но также предоставляет новые возможности для ее осмысления.

Список литературы

1. Айер, А. Дж. Язык, истина и логика / Альфред Дж. Айер; [Пер. с англ. В. А. Суровцева, Н. А. Тарабанова, под общей ред. В. А. Суровцева]. – М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 240 с.
2. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / Дэвид Юм; пер. с англ. С. И. Церетели, вступ. статья М. А. Абрамова. – М.: «Канон», 1995. – 400 с.
3. Feigl, H. Empiricism at Bay? / Herbert Feigl // Methodological and Historical Essays in the Natural and Social Sciences [ed. by Cohen R. S. and Wartofsky M. W.]. – Dordrecht: Reidel, 1974. – p. 1-20.
4. Neurath, O. Protocol Sentences / Otto Neurath // Logical Positivism [ed. by A. J. Ayer]. – New York: Free Press, 1966. – p. 199-208.
5. Quine, W. V. O. Two Dogmas of Empiricism / W.V.O. Quine. – The Philosophical Review. – 1951. – No. 60. – p. 20-43.
6. Sellars, W. Science, Perception and Reality / Wilfrid Sellars. – Ridgeview Publishing, 2017. – 368 p.

О ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Рубанов Анатолий Владимирович,

доктор социол. наук, профессор, профессор кафедры социологии
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье отмечается, что для адекватного понимания состояния и перспектив развития современного общества важно определить систему ценностных координат, на которые оно должно ориентироваться. Обращение к истории человеческой мысли позволяет говорить о том, что формирование ценностных ориентиров целесообразно рассматривать по трем базовым, тесно взаимосвязанным между собой позициям. Это, во-первых, отношение человека к другим людям и их жизни; во-вторых, отношение к миру как среде обитания человеческого сообщества; в-третьих, отношение к себе, своей собственной жизни. Подчеркивается, что ведущие ценностные ориентиры в своей основе были открыты великими мыслителями древности в «осевое время» (К. Ясперс), сохранены и развиты на протяжении последующего исторического времени, актуализированы в период новой и новейшей истории. Эти ценности имеют первостепенную значимость для решения особо злободневных проблем и выбора перспективного пути дальнейшего развития современного общества. В XX в. наиболее выразительно они зафиксированы в ориентации на самоценность и самоцельность жизни и окружающего мира, которая особенно очевидно выразилась в этическом принципе благоговения перед жизнью, сформулированном А. Швейцером.

Ключевые слова: общество, ценности, «осевое время», этические принципы, самоценность жизни.

ABOUT VALUE GUIDELINES OF MODERN SOCIETY

Rubanau Anatoly Vladimirovich

Doctor in Sociology, Full Professor, Professor at the Department of Sociology
Belarusian State University

Abstract. The article notes that for an adequate understanding of the state and prospects for the development of modern society, it is important to determine the system of value coordinates that it should be guided by. An appeal to the history of human thought allows us to say that the formation of value orientations should be considered according to three basic, closely interconnected positions. This is, firstly, the attitude of a person to other people and their lives; secondly, the attitude to the world as a habitat for the human community; thirdly, attitude towards oneself, one's own life. It is emphasized that the leading value orientations were basically discovered by the great thinkers of antiquity in the "axial time" (K. Jaspers),

preserved and developed over the subsequent historical time, updated in the period of modern and recent history. These values are of paramount importance for solving especially topical problems and choosing a promising path for the further development of modern society. In the 20th century they are most expressively fixed in the orientation towards the self-worth and self-goal of life and the surrounding world, which is especially clearly expressed in the ethical principle of reverence for life, formulated by A. Schweitzer.

Keywords: society, values, «axial time», ethical principles, intrinsic value of life.

Для адекватного понимания состояния и перспектив развития современного общества важно определить систему ценностных координат, на которые оно должно ориентироваться. Обращение к истории человеческой мысли позволяет говорить о том, что нужно найти ценностные ориентиры по трем основным, тесно взаимосвязанным между собой позициям. Это, во-первых, отношение человека к другим людям и их жизни; во-вторых, отношение к миру как среде обитания человеческого сообщества; в-третьих, отношение к себе, своей собственной жизни.

Отношение к другим людям и их жизни вышло на первый план в системе ценностных координат еще в эпоху «осевого времени». Уже в зороастризме единственный всемогущий и вездесущий бог добра – Ахурамазда дарует блаженство исполнения желаний тому, кто желает всем людям исполнения их желаний [Ясна (43:1)]. В символе духовной жизни Индии «Бхагават-Гите» в числе «трансцендентальных качеств», которые отличают божественные натуры, упоминается неприменение насилия, благотворительность, свобода от гнева, доброта, сострадание ко всем живым существам. Доброму отношению к людям учил Лао-цзы: «Горе тем, кто скуп на любовь. Зачем жить, если не для того, чтобы любить?». Среди десяти добрых дел буддиста упоминаются спасение жизни других людей, милосердие и сострадание, щедрость, примирение врагов, слова, способствующие миру и согласию. Словами Будды Шакьямуни: «Самое необходимое – это любящее сердце. Ненавистью не одолеть ненависть; лишь любовью ненависть побеждается. Это вечный закон». Конфуций сформулировал золотое правило морали – взаимность, называя его всепроникающим стержнем своего учения. Это правило гласит: «Благородный муж требует от других людей только то, чем обладает сам, и порицает в других людях только то, чего не имеет сам». В основе поведения должно лежать человеколюбие. На вопрос, что такое человеколюбие? – Конфуций отвечал: «Любовь к людям». Главное содержание этого понятия – «не делай людям того, чего не желаешь себе». Об этом же говорят

библейские заповеди «Не убий» [Исход (20:13)] и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Евангелие от Матвея (22:39)]. И несколько позже было сказано в Коране: «О, вы, которые уверовали! Кланяйтесь и падайте ниц, поклоняйтесь вашему Господу и творите добро, – может быть, вы будете счастливы!» (сура 22 «Хадж», аят 77); «А богобоязненным будет сказано: «Что ниспослал вам Господь?» Они ответят: «Благо». Тем, кто творил в этом мире добрые деяния, будет воздано добром» (сура 16 «Пчелы», аят 30).

Спустя тысячелетия одна из формулировок категорического императива И. Канта (в данном случае он называет его практическим) звучит так: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Формирование традиции быть в гармонии с миром берет начало в даосизме, который учит человека жить в подчинении вечному и неизменному мировому закону – «великому Дао». Это предполагает следование принципу у-вэй – недеянию, т. е. отрицанию целенаправленной активности, идущей вразрез с естественным миропорядком. Лао-цзы учил: «Жизнь – серия естественных и спонтанных изменений. Не сопротивляйся им, это не приведет ни к чему хорошему. Позволь действительности быть действительностью. Позволь всему течь своим чередом».

В наше время гармоничные отношения с миром предполагают активную, деятельную жизненную позицию. Чаще всего эта деятельная гармония выражается в отношении к природе. Так, ответом на глобальные экологические вызовы (истощение природных ресурсов, потепление климата и т. д.) стала реализация концепции устойчивого (сбалансированного, экологически рационального) развития, призванного обеспечить благоприятные условия жизни для нынешнего поколения и солидарности межпоколенческую солидарность с будущими жителями земли. Во времена «холодной войны», когда встал вопрос об угрозе планетарной ядерной катастрофы, возникли идеология и массовое движение сторонников мира.

Отношение человека к своей собственной жизни у двух наиболее ярких поколений мыслителей прошлого: сначала древних мудрецов, а потом философов нового времени – было сродни восприятию ее как самоценности, т. е. как ценности самой по себе, которая дарована людям богами, судьбой, природой. Вот лишь самое минимальное число ссылок.

В Екклесиасте мы встречаем строки, обращенные к человеку, который поверит в то, что его судьба в руках Божиих: «*Итак*, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женой, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем» [Екклесиаст (9:7-9)].

Продолжение такой оценки жизни мы находим у древнегреческих и древнеримских авторов. Например, у Аристотеля в «Никомаховой этике»: «Чувство жизни относится к вещам, которые сами по себе доставляют удовольствие (потому что жизнь... – благо по природе)». Также у Эпикура: «Наслаждение есть и начало, и конец счастливой жизни», который уточняет, что конечная цель блаженной жизни состоит в телесном здоровье и душевной безмятежности. Та же идея у Горация: «Живи, помня, как коротка жизнь», у Сенеки: «Я считаю жизнь единственным благом», у Марциала: «Уметь наслаждаться прожитой жизнью – значит жить дважды».

А вот лишь некоторые схожие по смысловому наполнению высказывания философов нового времени, утверждавших ценность счастливой человеческой жизни. «Счастье – не награда за добродетель, а сама добродетель» (Б. Спиноза). «Нужно желать, чтобы действовать, и действовать, чтобы быть счастливым» (К. Гельвеций). «Склонность к радости и надежде – истинное счастье» (Д. Юм). «Жажда счастья никогда не иссякает в сердце человека» (Ж.-Ж. Руссо). «Где нет стремления к счастью, там нет и стремления вообще. Стремление к счастью – это стремление стремлений» (Л. Фейербах).

В XX в. утверждение самоценности и самоцельности жизни и окружающего мира наиболее ярко выразилось в этическом принципе благоговения перед жизнью, провозглашенном А. Швейцером. Именно такая жизненная позиция должна, на наш взгляд, составить основание системы ценностных координат, востребованной реалиями нынешнего исторического времени.

АКАДЕМИК В. С. СТЕПИН КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ

Румянцева Татьяна Герардовна,

доктор филос. наук, профессор, профессор кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. Целью данной статьи является анализ важного и в то же время не всегда специально акцентированного вектора научных исследований академика В. С. Стёпина – историко-философское направление его поисков. Показано, что оно сыграло существенную роль при разработке его многочисленных открытий в области теории познания, философии, методологии и истории науки и культуры. Автор отмечает также, что именно с историко-философских работ начинается путь академика В. С. Стёпина в науку и философию и то, что такого рода вектор имплицитно присутствует во всех его монографиях, статьях и выступлениях, не говоря уже о том, что историко-философской проблематике специально посвящен целый ряд его публикаций. На примере осуществленного В. С. Стёпиным анализа философского наследия Г. Гегеля, его системы абсолютного духа как идеализированного образа саморазвивающейся системы и предложенных им категориальных структур с позиций современной науки и философии, показано, какое значение историко-философские исследования имеют, по мысли академика, для разработки методологии науки XXI века и какой эвристический потенциал содержится в системах прошлого, стимулируя многие новые научные открытия.

Ключевые слова: академик В. С. Стёпин, историко-философские исследования, позитивизм, методологические основания науки, Г. Гегель, саморазвивающиеся системы.

ACADEMICIAN V.S. STEPIN AS A HISTORIAN OF PHILOSOPHY

Rumyantseva Tatsiana Gerardovna,

Doct. of Sciences, PhD in Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract. The purpose of this article is to analyze an important and at the same time not always specially emphasized vector of scientific research by Academician V.S. Stepin – the historical and philosophical direction of his search. It has been shown that it played a significant role in the development of his numerous discoveries in the theory of knowledge, philosophy, methodology and history of science and culture. The author also notes that it is with historical

and philosophical works that the path of academician V. S. Stepin to science and philosophy begins and that this kind of vector is implicitly present in all his monographs, articles and speeches, not to mention the fact that a number of his publications are specially devoted to historical and philosophical problems. On the example of the analysis carried out by V. S. Stepin of the philosophical heritage of G. Hegel, his system of absolute spirit as an idealized image of a self-developing system and the categorical structures proposed by him from the standpoint of modern science and philosophy, it is shown how important historical and philosophical research is, according to the academician, to develop the methodology of science of the 21st century and what heuristic potential is contained in the systems of the past, stimulating many new scientific discoveries.

Key words: Academician V. S. Stepin, historical and philosophical studies, positivism, methodological foundations of science, G. Hegel, self-developing systems.

В. С. Стёпин справедливо считается специалистом в области теории познания, философии и методологии науки, философии культуры и истории науки. Не перечисляя всем известные и неоспоримые его заслуги, связанные с разработкой перспективной концепции структуры и генезиса научной теории, раскрытием структуры и динамики оснований науки и выявлением их взаимосвязи с теориями и опытом, следует, тем не менее, упомянуть еще один очень важный вектор его научных исследований. Однако при осмыслении его вклада в философию и науку это направление мысли академика не всегда специально акцентируется, хотя его значение чрезвычайно велико, и оно сыграло существенную роль при разработке его открытий. Имеются виду историко-философские изыскания. При этом речь идет не о том, чтобы отыскать среди многочисленного корпуса его работ собственно историко-философские тексты, которых, кстати, не так уж и мало. Историко-философский вектор имплицитно содержится во всех работах Стёпина. Более того, именно с такого рода работ он и начал свой путь в философию, опубликовав монографию «Современный позитивизм и частные науки» (1963). Идеи этой работы легли затем в основу его кандидатской диссертации на тему: «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позитивизм» (1965).

Будучи еще студентом, Стёпин поставил для себя цель – прочитать главные труды всех великих классиков философии. Так, по его собственному признанию, чтобы писать о позитивизме и осуществить требуемый временем его аргументированный анализ, было недостаточно знаний одной только физики XX века. Здесь ему в значительной мере помогли работы И. Канта и К. Маркса – философов, акцентировавших

активную роль познающего субъекта и практическую природу самого процесса познания, когда объект понимался как данный этому субъекту не в форме созерцания, а в форме практики. Именно эти идеи оказались наиболее продуктивными для критики позитивизма, а анализ второго и третьего этапов позитивизма – эмпириокритицизма и неопозитивизма, возникших в эпоху научных революций, привел Стёпина к осмыслению и разработке новых методологических оснований науки. Исследуя логику эволюции позитивизма и присущей ему весьма ограниченной идеализацией науки, академик пришел к мысли о необходимости признания идеи о тесной связи науки не только с практикой, но и с историей развития научного знания. Отсюда был сделан важный шаг к разработке методологической проблематики: выявлению структуры и генезиса научного знания, выделению его эмпирического и теоретического уровней, определению механизмов развития знаний, формированию новых теорий.

Таким образом, именно анализ историко-философского материала, а затем и материала истории науки привел Стёпина к разработке той проблематики и тем результатам, которые и составили его главные научные достижения. Так, выясняя, что следует понимать под основаниями культуры, он много раз перечитал и пересмотрел О. Шпенглера, М. Хайдеггера и др. авторов.

Очень важными для осмысления закономерностей развития постнекласической науки стали для Стёпина идеи историко-культурного времени Гегеля. Выдающемуся немецкому философу он посвятил впоследствии ряд статей и выступлений, в том числе и большой доклад, с которым он выступит перед студентами и преподавателями ФФСН. В статье «Гегелевская концепция саморазвития и наука XXI столетия» он анализирует гегелевскую концепцию саморазвития в контексте методологических проблем современной науки и ее важное эвристическое значение при исследовании сложных саморазвивающихся систем [1].

Анализу философской системы Гегеля был посвящен и большой доклад, прочитанный Стёпиным в Москве на Международной конференции, посвященной 200-летию выхода в свет «Феноменологии духа». Определенное место в нем академик уделил и значению историко-философских исследований для разработки методологических проблем современной науки. При этом он отметил, что важнейшим аспектом этих исследований является «теоретическая работа, связанная с интерпретацией, обогащающей ранее выработанные философские идеи новыми смыслами», их адаптация «к новому настоящему», которая «не сводится к

воспроизведению философской идеи в языке аутентичного текста...Требуется еще осмыслить идею в новом контексте, интерпретировать ее, переформулируя в новом языке [2, с.606].

Специально анализируя философское наследие Гегеля и его систему абсолютного духа как идеализированный образ саморазвивающейся системы, Стёпин подчеркнул особую важность его идей о саморазвитии и уделил первостепенное внимание задаче соотнести гегелевские идеи с методологическими запросами и философскими проблемами современной науки. При этом он акцентировал необходимость «нового прочтения и новой интерпретации этих идей». Речь шла не просто о констатации важности идеи исторического развития, выработанной в гегелевской философии, а о том, что у немецкого философа она получила особую трактовку, которая в современных терминах «означает соединение идеи развития и системного подхода». По словам Стёпина, именно этим немецким мыслителем были «выработаны первые эскизные представления об особенностях развивающихся систем, которые коррелируют со многими установками и теоретическими поисками современной науки» [2, с. 607]. Стёпин подчеркнул в своем выступлении и то, что речь ни в коей мере не должна идти о простой констатации идеи исторического развития, которая была разработана немецким философом и может показаться сегодня достаточно тривиальной.

Следует подчеркнуть важность особой трактовки Гегелем самой идеи развития как системной целостности, организованности, дифференцирующейся в процессе своей истории и порождающей новые состояния системы, когда в результате такого саморазвития перестраивается внутренняя структура самой этой системы. Стёпин подробно охарактеризовал в этом своем выступлении и то, *как* Гегель пришел к этой идее, какой материал послужил ему в качестве базиса для разработки представлений о саморазвивающихся системах, об использовании им процесса исторического развития не естествознания его времени, а духовной культуры, которую он представил как саморазвитие абсолютного духа. В докладе была выявлена также категориальная матрица саморазвития в философии Гегеля и показаны ее современные интерпретации и значение для современной науки, а также то, как Маркс использовал гегелевские идеи при анализе капиталистической экономики, которая предстанет у него в образе органической целостной системы. Анализ гегелевской модели абсолютного духа осуществлен академиком настолько детально и продуктивно, что этой теме можно посвятить

отдельное исследование, которое, невзирая на всю претенциозность, вполне можно было бы назвать «Стёпин и Гегель».

Итак, на примере анализа философии великого немецкого мыслителя и предложенных им категориальных структур с позиций современной науки и философии Стёпин доказал, насколько важными являются историко-философские исследования для разработки методологии науки XXI века, а также то, насколько эвристичен содержащийся в системах прошлого потенциал, способный стимулировать многие новые открытия.

Список литературы

1. Стёпин В. С. Гегелевская концепция саморазвития и наука XXI столетия: Философия и социальные науки. 2010. № 1. – С. 5 –20.
2. Стёпин В. С. Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Ответственный редактор Н. В. Мотрошилова. – М.: «Канон+», 2010. – С. 606 –636.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И МИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Сайганова Вероника Святославовна,

канд. филос. наук, доцент, декан факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

Аннотация. Философские исследования в Белорусском государственном университете прошли долгий путь становления в самостоятельные научные направления и школы. В статье выделены основные периоды развития философских исследований Белгосуниверситета. Дается характеристика истоков и основных тематических направлений Минской философско-методологической школы. Делается вывод о том, что традиции философских исследований Минской методологической школы плодотворно продолжают новым поколением ученых, молодых докторов и кандидатов наук, аспирантов и студентов современного факультета философии и социальных наук БГУ.

Ключевые слова: философские исследования, философия науки, Минская философско-методологическая школа, В.С. Стёпин, белорусская философия.

MAIN DIRECTIONS OF PHILOSOPHICAL RESEARCH OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY AND MINSK METHODOLOGICAL SCHOOL

Saiganova Veronika Svyatoslavovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University

Abstract. Philosophical research at the Belarusian State University has come a long way of becoming independent scientific directions and schools. The article highlights the main periods in the development of philosophical research at the Belarusian State University. The characteristics of the origins and main thematic directions of the Minsk philosophical and methodological school are given. It is concluded that the traditions of philosophical research of the Minsk Methodological School are continued by a new generation of scientists, young doctors, candidates of sciences and students of the modern faculty of philosophy and social sciences of BSU.

Keywords: philosophical research, philosophy of science, Minsk philosophical and methodological school, V.S. Stepin, Belarusian philosophy.

Столетняя история Белорусского государственного университета тесно связана со становлением и развитием белорусских философских исследований. Философия, как фундамент образования и воспитания, как особая форма профессионального и академического дискурса, оказала существенное влияние на становление образовательных и научных традиций БГУ. С первых дней своего существования Белорусский государственный университет был призван не только транслировать знания и профессиональные навыки, с университетом «связано зарождение государственности, культуры, философской мысли, научных школ. Университет – центр интеллектуальной жизни, это организм, который вырабатывает ценности и смыслы нашей культуры» [1, с. 7]. Этому, в том числе, способствовало развитие философии и социально-гуманитарных дисциплин практически с первых лет функционирования университета.

Философские исследования в Белорусском государственном университете прошли долгий путь в своем вызревании в самостоятельные научные направления и школы. Начиная с раннего периода (20-30-е годы XX в.), в университете разрабатывались не только вопросы истории мировой философской мысли, философии марксизма и социально-политической философии, но и зарождались исследовательские интересы в области логики и методологии науки. Этот период связан с именами таких университетских деятелей в области общественных наук как В.Н. Ивановский, С.З. Каценбоген, С.Я. Вольфсон, Б.Э. Быховский и др. Философские исследования раннего периода были детерминированы социально-политическими условиями развития университета и страны, в них отразилась целая эпоха становления советской философии и социально-гуманитарного знания. Значение раннего периода развития философских исследований в БГУ сложно переоценить, так как именно в данный временной период сформировались философские интересы белорусских исследователей, которые составили фундамент институционального развития белорусской философии в БГУ и научно-исследовательских центрах Беларуси.

В 40-60-е годы философия в университете продолжила развиваться в русле марксистского мировоззрения, а также занималась осмыслением социокультурной проблематики, ставшей особенно актуальной в условиях послевоенного времени. Наиболее известными учеными-профессорами этого периода являлись И. Н. Луцицкий и В. И. Степанов. Философия в БГУ фокусировалась в своем поиске преимущественно на историко-философской проблематике, истории общественно-политической мысли

России и Беларуси, определении национальных духовных традиций в вопросах культуры.

Этап развития философии в БГУ и в Беларуси, который приходится на 70-80-е годы, часто обозначают как зрелый и профессиональный. В этот период сформировалась системная подготовка студентов и аспирантов по философии началась интенсификация философских исследований в университете. Именно Белорусский государственный университет наряду с АН БССР в эти годы дают начало формированию белорусских философских школ и исследовательских традиций в других высших учебных заведениях страны. В этот период разворачиваются профессиональные исследования в области истории национальной философии, философии и методологии науки, социальной философии, этики, и эстетики.

Значительное влияние на выбор проблематики философских исследований оказывали в то время приоритеты марксистско-ленинской философии, которая существенно влияла на содержание научных разработок в сфере социальной философии, этики, аксиологии и других разделов философского знания, непосредственно касающихся мировоззренческой проблематики. Данное обстоятельство послужило одной из причин тому, что многие представители философского сообщества университета отдали предпочтение исследованиям в сфере гносеологии и философии науки, которые в то время были менее ангажированы влиянием марксистско-ленинской философии [2, с.17]. Обобщив достижения и проанализировав слабые стороны неопозитивистской доктрины философии науки и марксистской программы философских вопросов естествознания, многие профессиональные философы БГУ закладывают теоретический фундамент Минской методологической школы.

У истоков вызревания и формирования Минской философско-методологической школы стоял известный белорусский ученый В.С. Степин. Еще с конца 60-х годов В.С. Степин был активным участником Московского методологического кружка, возглавляемого в те годы Г.П. Щедровицким, а в 70-е годы, после защиты докторской диссертации на тему «Проблема структуры и генезиса физической теории», разработанная им модель структуры и динамики научного знания уже активно обсуждалась в сообществе физиков-теоретиков Белорусской Академии наук и Белорусского государственного университета.

С приходом в 1974 году в БГУ В.С. Степин начинает активно продвигать методологию науки в профессиональном философском сообществе университета. В.С. Степин исследовал динамику и

социокультурную детерминированность научного знания, изучал постпозитивистские модели науки в работах Т. Куна, И. Лакатоса, С. Тулмина, П. Фейерабенда, зачастую выступая с критикой их концепций, и предложил свою версию структуры и динамики науки. Разработанная В.С. Степиным философская модель научно-теоретического знания, отличалась от постпозитивизма своей методологической конкретикой, эвристическим потенциалом и прозрачностью изложения. Она оказалась применимой к обоснованию естественных и социальных наук, что закономерно привело к популярности и востребованности данного исследовательского направления среди сотрудников философских кафедр БГУ. Вслед за В.С. Степиным философское сообщество университета начало активно изучать философско-методологические проблемы физики, биологии и социально-гуманитарных наук [2, с. 18].

Методологические интенции исследовательских интересов философского сообщества БГУ, издание в университете ряда коллективных монографий по философии и методологии науки, дали начало не только широкой известности и популярности Минской философско-методологической школы, но и определили приоритетные направления исследований в области философии в Беларуси.

Проблематика философско-методологических исследований имела в то время особое значение не только для профессиональных философов, но и для университета в целом, так как с помощью философии и методологии науки был выработан специальный язык научных дискуссий и разработаны новые модели динамики науки, культуры и образования. В своей монографии «Философская антропология и философия науки» В.С. Стёпин отмечает, что человеческая жизнедеятельность развертывается, в том числе в отношениях человека «к духовному миру, в котором аккумулируется как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [3, с. 5]. Таким образом указывая на то, что для современной цивилизации особое значение имеет интегральная связь науки, культуры и образования. Так как наука в своей структуре имеет не только объект, преобразуемый человеческой деятельностью, но и субъект с его ценностями, целями, знаниями и культурным опытом.

С 1981 по 1987 год В.С. Степин становится заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ, и в этот период складываются благоприятные условия для плодотворной работы Минской методологической школы. Достижения научных исследований оформляются в докторских диссертациях БГУ, тематика которых и

составила содержательное ядро Минской методологической традиции. Среди ярких исследований того времени следует обозначить работы В.Ф. Беркова, А.Н. Елсукова, А.И. Зеленкова, Е.В. Петушковой, Я.С. Яскевич, Л.Ф. Кузнецовой, П.С. Карако.

Кафедра философии гуманитарных факультетов БГУ получила признание как научный центр в области философско-методологических исследований, в том числе за пределами Беларуси. На кафедре была издана трилогия коллективных монографий в рамках серии «Философия и наука в системе культуры»: Природа научного познания (1979 г.); Идеалы и нормы научного исследования (1981 г.); Научные революции в динамике культуры (1987 г.) [4, с. 47]. Тем самым организационно и содержательно закрепив Минскую методологическую школу за Белорусским государственным университетом.

Отчетливо прослеживалось влияние методологической концепции В.С. Стёпина в работах философов Академии наук Беларуси и других вузов, что отразилось в ряде докторских диссертаций ведущих белорусских ученых в области философии. Это свидетельствует о том, что в то время философские исследования в БГУ были определяющими в исканиях белорусской философии и за пределами университета.

На волне востребованности и популярности наработок Минской методологической школы с 90-х годов XX в. начинается новый этап развития философских исследований в Белорусском государственном университете. В работах университетских философов того времени осуществлялись разработки в области метатеоретических оснований научного знания и особенностей его интеграции в культуру. Были исследованы культурные традиции, их эпистемологический статус и значение для роста научного знания, рассматривались механизмы приращения знаний на дисциплинарном и междисциплинарном уровне.

Начиная с 2000-х годов, происходит расширение исследовательского поля Минской философско-методологической школы. В поле исследовательских интересов начинает включаться проблематика социальной философии, экологии, гуманизации науки и образования, антропологических и экзистенциальных измерений научного знания; вопросы социальной философии и динамики типов рациональности в социогуманитарном и философском познании. Наряду с философско-методологической проблематикой в университете широко представлены историко-философские исследования и философско-культурологические исследования.

За последние десятилетия на философских кафедрах БГУ изданы авторские монографии по проблемам институционализации религиозного знания в Беларуси, историко-философскому наследию И. Канта, философии насилия, проблемам прикладной этики, мультикультурализма, феноменологии повседневности, социальной экологии и др.

Традиция плодотворных философских исследований в БГУ продолжается и успешно развивается новым поколением ученых, молодых докторов и кандидатов наук, аспирантов и студентов. Какие бы вопросы ни входили в поле исследовательских интересов современных университетских философов можно сказать, что те традиции и ценности, которые закладывались в фундамент философского образования в БГУ, развивались и закреплялись в период рассвета Минской методологической школы, поддерживаются и приумножаются в настоящее время. Научное сообщество современного факультета философии и социальных наук БГУ репрезентирует верность профессиональному долгу, творческую продуктивность и академический оптимизм.

Список литературы

1. Король, А.Д. «Университет как сердце культуры». Беседа Т.Г. Щедриной с А.Д. Королем / А.Д. Король, Т.Г. Щедрина // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 5–12.
2. Зеленков, А.И. Философия как атрибут классического университета: социокультурные транскрипции опыта БГУ / А.И. Зеленков // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2018. – № 1. – С. 14-20.
3. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М. : Высшая школа, 1992. – 192 с.
4. Зеленков А.И. Минская философско-методологическая школа как социокогнитивный феномен // Вестник БГУ. – Серия 3, История. Философия. Политология. – 2006 – № 3. – С. 44-49.

«ИНДУСТРИЯ 4.0» КАК МОДЕЛЬ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сарна Александр Янисович,

канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации

Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современной экономической и промышленной системы как «индустрии 4.0», выстраиваемой на основе цифровизации как важнейшего технологического условия инновационного развития. Выявляются и анализируются различные аспекты «облачных» технологий как базового сервиса по предоставлению онлайн-услуг для интернет-пользователей, которые рассматриваются как равноправные участники взаимодействий и партнеры в бизнес-процессах в рамках складывающейся «экономики равных» - базовой коммуникационной и технологической модели современного «платформенного капитализма».

Ключевые слова: цифровая революция, «облачные» вычисления, «экономика равных», «капитализм платформ».

INDUSTRY 4.0 AS A MODEL OF THE DIGITAL REVOLUTION

Sarna Alexander Yanisovich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences,

Associate Professor of the Department of Social Communication,

Belarusian State University

Abstract. The article discusses the features of the modern economic and industrial system as «industry 4.0», built on the basis of digitalization as the most important technological condition for innovative development. Various aspects of «cloud» technologies are identified and analyzed as a basic service for the provision of online services for Internet users, who are considered as equal participants in interactions and partners in business processes within the emerging «economy of equals» - the basic communication and technological model of the modern «platform capitalism».

Keywords: digital revolution, «cloud» computing, «economy of equals», «platform capitalism».

В современных социально-экономических условиях активно разворачивается новая промышленная революция, которую вполне обоснованно называют «цифровой». Ведь возможность хранить, обрабатывать и передавать информацию в цифровом виде буквально «перереформатировала» большинство отраслей промышленности, за счет чего

радикально изменились трудовые и социальные отношения миллиардов людей. Швейцарский экономист К. Шваб считает, что сегодня имеются все предпосылки для глобального преобразования в технологическом оснащении производственных процессов, ведущих к изменениям в сфере занятости и образе жизни современных людей. Так формируется модель т.н. «индустрии 4.0», стимулирующей процесс «коренного преобразования глобальных цепочек создания стоимости. Распространяя технологии «умных заводов», четвертая промышленная революция создает мир, в котором виртуальные и физические системы производства гибко взаимодействуют между собой на глобальном уровне. Это обеспечивает полную адаптацию продуктов и создание новых операционных моделей» [2, с. 16]. Масштабная цифровизация всех производственных процессов в рамках «индустрии 4.0» приведет к изменению прежнего технологического уклада и формированию нового.

Главным инструментом революционных изменений не только промышленности, но и повседневной жизни становятся «облачные вычисления» (англ. cloud computing) – технология распределенной обработки данных, в которой компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю как интернет-сервис или рабочая площадка на удаленном сервере. В состав облачных технологий и сервисов включены различные аппаратные и программные средства, методологии и инструменты, которые используются пользователем дистанционно для реализации своих целей и задач. Начало предоставления услуг по доступу к вычислительным ресурсам через интернет связывается с книжным магазином Amazon.com, развитие сервисов которого привело к формулировке идеи «вычислительной эластичности», т.е. гибкости в предоставлении онлайн-услуг. Именно эта корпорация в августе 2006 г. реализовала проект под названием Elastic Computing Cloud (Amazon ECC). В это же время термины «cloud» и «cloud computing» начинают использоваться для отсылки к «облаку» как метафора, основанная на изображении диаграммы компьютерной сети или как образ сложной инфраструктуры, за которой скрываются технические детали. Далее различная терминология, связанная с «облачными» технологиями, стала активно использоваться в публикациях специалистов по информационным технологиям, в научно-исследовательской среде и СМИ.

Услуги, функционально доступные пользователю в бизнес-модели «облачных вычислений», обозначаются как aaS (as a Service, т.е. «как сервис») и могут включать в себя хранение данных, управление процессами,

обеспечение безопасности, использование платформ и пр. Основными характеристиками «облачных» технологий считаются возможность «самообслуживания по требованию» (англ. self service on demand), когда потребитель самостоятельно, без взаимодействия с поставщиком услуг определяет свои вычислительные потребности – серверное время, пропускную способность, объем хранимых данных, скорость их обработки и пр.; универсальный доступ по сети передачи данных вне зависимости от используемого терминального устройства; объединение ресурсов поставщиком услуг для обслуживания большего числа потребителей и перераспределения мощностей между ними в условиях постоянного изменения спроса; гибкость предоставления услуг, которые могут быть расширены или сужены в автоматическом режиме в любой момент времени, без дополнительных издержек на взаимодействие с поставщиком; учет поставщиком потребляемых ресурсов и оценка объема предоставленных потребителям услуг.

Эти характеристики позволяют получить потребителю услуги с высоким уровнем доступности и работоспособности, обеспечить быстрое масштабирование вычислительной системы без необходимости создания, обслуживания и модернизации собственной аппаратной инфраструктуры. А поставщику услуг «облачных вычислений» позволяют экономить на масштабах, используя меньшие ресурсы, чем требовались бы при выделенных аппаратных мощностях отдельно для каждого потребителя. Удобство и универсальность сервисов обеспечивается широкой доступностью услуг и поддержкой различного класса терминальных устройств (персональных компьютеров, планшетов и смартфонов). Облачные сервисы являются комбинацией существующих технологических решений, которые взаимно интегрированы для обеспечения максимального автоматизма и минимизации участия человека в работе комплекса.

На основе удаленного доступа к вычислительным мощностям и базам данных формируется новый тип экономики и промышленности, который Н. Срничек назвал «платформенным капитализмом» [1]. За счет этого складывается т.н. «экономика равных» – социокультурная система, основанная на равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве пользователей, обмене их творческой продукцией, информацией, вниманием, трудовыми усилиями, кредитованием, поддержкой и т. д. В таком типе экономических отношений нет необходимости в деятельности традиционных корпораций и банков, а ее основными принципами являются свободный выбор партнеров и равноправное сотрудничество с ними. Этот

подход активно поддерживают интеллектуалы левых взглядов, поскольку он вполне очевидно вписывается в марксистский идеал «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», для реализации которого начинают создаваться условия в экономике, формирующейся в современных информационных сетях и основанной на *Social peer-to-peer processes*, т. е. равноправном взаимодействии пользователей. Бельгийский аналитик и бизнесмен М. Бауенс считает современную P2P-экономику или «экономику равных» третьей системой, альтернативной капитализму и социализму. Близкой позиции придерживается и американский экономист Й. Бенклер, описывающий новую несобственническую парадигму взаимоотношений в современных условиях информационного общества [3].

Предполагается, что P2P-экономика сперва станет господствующей в сети, когда многие пользователи научатся там не только общаться, но и объединяться, чтобы совместно реализовывать различные проекты и создавать ценности. Затем эти отношения охватят и остальное общество, когда в качестве основной производственной единицы на смену корпорациям придут свободные ассоциации или сети работников интеллектуального труда, что позволит впервые создать подлинно свободную конкуренцию людей и идей. P2P-процессы уже активно внедряются в рыночную экономику и постепенно превращают ее в некий синтез «платформенного» и традиционного рынка. Яркий пример реализации принципов «экономики равных» – феномен совместного использования/потребления различных услуг, товаров, недвижимости и пр. при помощи виртуальных торговых площадок, мобильных приложений по определению местоположения или других технологических платформ.

Как отмечает К. Шваб, новые коммуникационные технологии позволили снизить транзакционные и фоновые издержки на устранение разногласий в системе до той степени, когда все участники получают экономическую выгоду, которая делится намного более точно. Развитие в этом направлении стало возможным за счет пересмотра самого понятия «владения», что понятно из следующих примеров – у крупнейшего розничного продавца нет ни единого магазина (Amazon), у крупнейшего поставщика гостиничных номеров нет ни единого отеля (Airbnb), а крупнейший поставщик транспортных услуг не владеет ни одним автомобилем (Uber). Здесь на первый план выходят технологическая составляющая, предпочтение доступу перед владением, взаимодействие между двумя равными сторонами, совместный доступ к личному активу (в

противоположность корпоративному), легкость доступа, усиленное социальное взаимодействие, потребление в сотрудничестве и обратная связь от потребителей в открытом доступе, результатом чего становится более высокий уровень доверия.

Поскольку P2P-процессы будут приносить все больший прямой финансовый доход участникам, то эта модель отношений может распространиться на большую часть рынка, что, как считает российский исследователь И. Эйдман, постепенно вытеснит с него традиционные корпорации или заставит их перейти на использование P2P-принципов [3, с. 291]. Ведь они позволят создать более эффективную бизнес-модель и рациональное планирование деятельности без лишних расходов на акционеров и менеджмент, но с большей свободой для творчества. Если участие в этих сетях станет для творческих людей выгоднее, чем работа по найму, движение общества в посткапиталистическое будущее станет неизбежным. Захватив лидерство в ведущих креативных отраслях (искусство, наука, технологии, туризм, образование и развлечения), новые посткапиталистические отношения будут расширяться из традиционных для P2P сфер и постепенно охватят всю экономику. Даже там, где еще пока не обойтись без механического труда, впоследствии может сформироваться новый класс не наемных, а свободных творческих работников. По мере развития информационных технологий «экономика равных» будет постепенно «поглощать» капитализм, хотя противостояние новой и старой социально-экономических систем в рамках одного общества может происходить в течение длительного времени.

Список литературы

1. Срничек, Н. Капитализм платформ / Н. Срничек. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
2. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М: ЭКСМО, 2017. – 208 с.
3. Эйдман, И. В. Контуры нового общества / И. Эйдман [и др.]. Сингулярность. Образы «постчеловечества» / сост. К. Г. Фрумкин. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 320 с.; С. 118–134 с.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАГМА- ДИАЛЕКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Сарычева Анна Владимировна,
аспирант кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье раскрывается становление концептуальных оснований прагма-диалектики в контексте постнеклассической методологии. Решение данного вопроса сопряжено с анализом трансформации классической, неклассической и постнеклассической методологий и определением их значения для развития прагма-диалектики. В результате обоснована роль постнеклассической методологии в качестве междисциплинарного исследования, повлиявшего на становление концептуальных оснований прагма-диалектики благодаря ее применимости для анализа рационального агента, определяющими характеристиками которого становятся прагматическая целесообразность стиля мышления и открытость разума. Теоретическая ценность результатов данного исследования обусловлена их значением в экспликации становления концептуальных оснований прагма-диалектики, что позволяет определить ее место в историко-философском контексте. Практическая ценность состоит в применимости данных результатов для моделирования взаимодействия в рамках постнеклассической методологии.

Ключевые слова: постнеклассическая методология, Стёпин; саморазвивающиеся системы; рациональный агент, прагматическая целесообразность; открытый разум.

THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF PRAGMA- DIALECTICS IN THE CONTEXT OF POSTNONCLASSICAL METHODOLOGY

Sarycheva Anna Vladimirovna,
Postgraduate student of the Department of Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The article reveals the formation of conceptual foundations of pragma-dialectics in the context of post-non-classical methodology. The solution of this question is associated with the analysis of transformation of classical, non-classical and post-non-classical methodologies and determination of their significance for the development of pragma-dialectics. As a result, the role of post-nonclassical methodology as an interdisciplinary study, which influenced the formation of the conceptual foundations of pragma-dialectics through its

applicability to the analysis of the rational agent, whose defining characteristics are the pragmatic expediency of style of thinking and openness of the mind. The theoretical value of the results of this study is determined by their importance in explicating the formation of the conceptual foundations of pragma-dialectics, which allows us to define its place in the historical and philosophical context. The practical value consists in the applicability of these results to the modeling of interaction within the framework of the post-non-classical methodology.

Keywords: postnonclassical methodology, Stepin; self-developing systems; rational agent, pragmatic expediency; open mind.

Становление концептуальных оснований прагма-диалектики в историко-философском контексте сопряжено с трансформациями в методологии. Формирование постнеклассической методологии позволило переосмыслить классическую и неклассическую традиции исследования, посредством выработки нового подхода к пониманию философской проблематики. Актуальность анализа становления концептуальных оснований прагма-диалектики в контексте постнеклассической методологии обусловлена возможностью рассмотрения феноменов на пересечении различных дисциплин. Такой анализ должен, во-первых, включать в себя разграничение классической, неклассической и постнеклассической методологии и, во-вторых, должен помочь определить их роль в формировании базиса прагма-диалектики.

В.С. Стёпин обозначил разграничение методологий на классическую, неклассическую, а также постнеклассическую и определил их значение при изучении феноменов в системах различной сложности организации [4; 5]. Роль данных подходов в прагма-диалектике соотнесена с возможностью использовать их инструментарий для изучения вопросов взаимодействия между людьми, что затрагивает проблемы аргументации, понимания, истины, рациональности субъектов. В таком контексте классическая методология актуальна при изучении простых систем и позволяет ответить на вопрос «как необходимо мыслить, чтобы достичь истинного знания» [1, с. 135]. Условием ее применения выступает формулировка четких условий для оценки результатов мышления агента аргументации. В качестве примера следования данной методологии можно привести классическую логику, в которой концепт гносеологического субъекта включает «четкий двузначный алгоритм рационализации и аргументации», не позволяющий выйти за рамки оценки в оппозиции истина или ложь. Для прагма-диалектики критерием ограниченности классической методологии выступает недостаточное внимание к антрополого-культурным

характеристикам, раскрывающим субъекта как рационального участника дискуссии, мышление которого зависит от культурных контекстов.

Неклассическая методология позволяет рассмотреть вопросы мышления в контексте формирования такого образа мышления, которое позволяет «быть жизнеспособным и востребованным в выбранной сфере» [1, с. 135]. Данная методология, как замечает В.С. Стёпин, в отличие от классической, «обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем», что позволяет выявить неклассический тип рациональности [5, с. 250]. В то же время такой подход также не отвечает запросам прагма-диалектики в полной мере, поскольку изучение агента аргументации должно быть комплексным [3]. Например, это выражается в попытке рассматривать человека через призму геометрического, антропологического и критического идеалов разумности в их взаимосвязи. В этой связи становление концептуальных оснований прагма-диалектики связано с развитием постнеклассической методологии.

Значение постнеклассической методологии в прагма-диалектике определяется необходимостью трансдисциплинарного подхода, который позволяет осуществить синтез идей из прагматики и диалектики. Это обусловлено применимостью прагматики при изучении языковых ходов, совершаемых рациональным агентом и ролью диалектики в исследовании критической дискуссии [3]. Постнеклассическая методология позволяет изучать «уникальные, человекоразмерные саморазвивающиеся системы» [4, с. 11]. Саморазвивающиеся системы являются сложными и включают «информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой», которые в социальном измерении позволяют рассматривать объекты «с учетом их исторического развития» [4, с. 8]. Данная методология позволяет проанализировать рационального агента как часть саморазвивающейся системы.

Особенности анализа рационального агента обусловлены переходом от «универсализации к обоснованию уникальных и контекстуальных явлений» [2, с. 42]. В рамках логических концепций должны быть рассмотрены «вопросы об индивидуализированной (прагматической) рациональности агента», что не исключает значение истинности и обоснованности его высказываний [2, с. 43]. Определяющими аспектами выступают прагматическая целесообразность и открытость разума агента аргументации. Прагматическая целесообразность определяет стиль мышления агента и может быть охарактеризована как цельность [1]. Цельность зависит от двух факторов – связности и точности, выступающих в

качестве «оценок, в которых утверждается психолого-антропологическая мера достаточности оснований» [1, с. 135]. Открытость разума агента аргументации противопоставляется классическому подходу, в котором гносеологический субъект должен следовать четким универсальным критериям для обнаружения истины [2, с. 43]. Пересмотр такого подхода, позволил выйти за рамки универсализации, сформировав предпосылки для обоснования «уникальных и контекстуальных явлений», что позволило говорить об «открытости рационального агента трансформациям в личностной эпистемологии» [2, с. 43].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Становление концептуальных оснований прагма-диалектики связано с трансформацией классической, неклассической и формированием постнеклассической методологий. Значение постнеклассической методологии в становлении концептуальных оснований определено междисциплинарным подходом к экспликации рационального агента аргументации в контексте саморазвивающейся системы, позволяющей раскрыть прагматическую целесообразность (цельность) стиля мышления и открытость разума, что обеспечивает включение в анализ уникальных и контекстуальных явлений.

Список литературы

1. Воробьева, С.В. Когнитивные вопросы аналитики в современной эпистемологии и логике / С.В. Воробьева // Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: материалы Четвертой междунар. науч. конф. (14–15 ноября 2019 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Четыре четверти. – С. 135–138.
2. Воробьева, С.В. Эпистемологические и когнитивные основания трансдисциплинарной методологии в контексте дискурсивной аналитики / С.В. Воробьева // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания: материалы Третьей междунар. науч. конф., 15–16 ноября 2018 г., г. Минск. В 3 т. Т. I / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2018. – С.42–45.
3. Еемеерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации. Прагма-диалектический подход / Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – М: Канон+, 2021. – 264 с.
4. Стёпин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.

5. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура / Под.ред Киященко Л.П. – Спб.: Издательский дом «Мир», 2009. – С. 249 – 295.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

Сащечко Роман Сергеевич,

преподаватель кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Статья посвящена основным направлениям современной методологии экономической науки. Обосновывается, что ключевым методологическим положением экономической науки считается разделение на дескриптивную или позитивную, и прескриптивную или нормативную области исследования, которое было намечено Дж. С. Миллем. Проведена содержательная классификация основных проблем экономической методологии. Аргументируется, что одним из перспективных направлений в современной методологии экономической науки является когнитивно-психологическое. Проанализировав основные направления методологии экономической науки, автор отмечает, что в настоящее время методология из преимущественно нормативной стала преимущественно дескриптивной и позитивной.

Ключевые слова: экономическая наука, методология экономической науки, позитивизм, постпозитивизм, фальсификационизм, методологический инструментализм.

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE: MODERN TRENDS AND PROBLEM FIELD

Sashcheko Roman,

Lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the main directions of modern methodology of economic science. It is proved that the key methodological position of economic science is considered to be the division into descriptive or positive, and prescriptive or normative areas of research, which was outlined by J. St. Mill. A meaningful classification of the main problems of economic methodology is carried out. It is argued that one of the promising directions in the modern methodology of economic science is cognitive-psychological. Having analyzed the main directions of the methodology of economic science, the author notes that at the present time, the methodology has become mainly descriptive and positive from predominantly normative.

Keywords: economics, methodology of economics, positivism, postpositivism, falsificationism, methodological instrumentalism.

Экономическая методология характеризуется постоянной включенностью в научные исследования в области экономики, анализе структуры экономического знания и его связи с реальностью, в оценке объективности экономической науки и описания сферы ее применения, в выявлении ее идеологических и этических предпосылок, основных категорий и концептов, историко-культурных контекстов, междисциплинарных взаимодействий и в сам процесс получения нового знания. Исследуя исторический контекст методологических изысканий экономической науки, стоит отметить, что обращение к методологии возникают в переломный момент развития экономической науки, в частности когда возникают различные антиномии, заключающиеся в противоречии между теоретическими положениями и реально получаемыми эмпирическими данными. Такой поиск методологических оснований и становится основным фоном и фактором развития

Как отдельная, целостная область знаний методология экономической науки сформировалась в последней четверти XX века. В то же время отдельные составляющие методологии экономической науки были начаты классиками политической экономии. Американский философ и методолог экономической науки Д. Хаусман, предлагает следующую периодизацию истории методологии экономической: Дж. Ст. Милль – Дж. Н. Кейнс – Л. Роббинс – Ф. Найт – Л. Мизес – Т. Хатчисон – Ф. Махлуп – П. Самуэльсон – М. Фридмен – М. Блауг – Д. Макклоски [6, с. 12].

Основные методологические взгляды на экономическую теорию коррелируют с тремя направлениями в развитии философии науки: позитивизмом (О. Конт, Дж. С. Милль), неопозитивизмом (М. Шлих, Р. Карнап, Х. Рейхенбах), постпозитивизмом (К. Поппер, И. Лакатос).

Ключевым методологическим положением экономической науки считается разделение на дескриптивную или позитивную, т.е. «что есть», и прескриптивную или нормативную, т.е. «что должно быть», области исследования. Данное разграничение было намечено в первой трети XIX в. Дж. С. Милля. Методологические принципы Дж. С. Милля опирались на причинно-следственные связи и экономический детерминизм. В своих научных трудах он использовал четыре метода: экспериментальный, при котором фиксируются научные факты, что соответствовало принципам позитивистской философии; абстрактный, когда все объясняется одной причиной; прямой дедуктивный (учитывается много причин); обратно-дедуктивный – предполагает, что эмпирически выявлены исторические

законы объясняются способностями людей. Последний метод отчасти напоминает метод условной вероятности Т. Байеса, переживающего ныне настоящий ренессанс. Отличительными чертами методологии Милля были натурализм, дескриптивизм и психологизм.

Основу методологических воззрений А. Маршалла, которого относят к представителям позднего позитивизма, составляли: синтез рационализма с эмпиризмом, характерным для британской философской школы; градуалистический метод; выявление специфики экономических явлений, имеющих денежное измерение. А. Маршаллом предпринята попытка синтезировать основные достижения классической школы политической экономии (от А. Смита до Дж. С. Милля), маржинализма и исторической школы. Такой синтез проявился в различных направлениях: в попытке добиться баланса теории и практики при анализе экономических явлений, в гармоничном сочетании различных исследовательских программ и методов, существующих в экономической науке, использовании математического инструментария, к анализу трансформирующейся экономической реальности [3].

На этапе неопозитивизма собственную методологическую позицию в сжатой форме высказал Дж. М. Кейнс. В письме к Р. Харроду он отметил, что, во-первых, экономическая теория – это ветвь логики, образ мышления; во-вторых, прогресс в экономической теории практически полностью заключается в постепенном улучшении нашего выбора моделей; в-третьих, статистические исследования необходимы не столько для прогнозирования, сколько для проверки релевантности и обоснованности модели; в-четвертых, цель модели – отделить действующие относительно долго ли относительно неизменные факторы от преходящих или меняющимся, чтобы разработать логический образ мышления и понимать процессы, которые порождают указанные факторы в конкретных случаях.

Ярким представителем постпозитивизма в экономической науке считается М. Фридмен. Свое методологическое кредо он сформулировал в работе «Методология позитивной экономической науки». Ключевая установка в исследованиях М. Фридмана, выражена в стремлении «сделать экономическую науку настолько «объективной», на сколько это возможно». Эмпирическая проверка гипотез состоит из двух взаимосвязанных стадий: 1) обоснование концепции гипотезы и 2) тестирование ее на действенность, правильность. Большое значение Фридман придает предположениям, выполняющим три существенные функции: 1) описание и презентация теории; 2) содействие косвенному тестированию гипотез при их

применении; 3) определение специфических условий, при которых теории могут быть действенными [6, с. 177-178].

По Фридману, для того чтобы быть значимой, гипотеза с неперемещаемостью должна предполагать дескрипции предпосылок, которые являются идеализациями ситуации. Отсюда следует, что единственно возможным способом эмпирической проверки теории есть сравнение ее выводов (прогнозов) с фактами. Вопрос о выборе предпосылок и предположений теории решают не по критерию их реалистичности, поскольку они никогда не являются строгими описаниями реальной ситуации, а по критерию, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с позиции конкретной цели. Исходя из этого, следует заключить, что М. Фридман предпринял колоссальную попытку освободить экономическую науку от каких-либо ненаучных примесей.

Основные принципы постпозитивизма нашли свое отражение в методологии М. Фридмана. Во-первых, речь идет о принципах теоретической относительности, при которой факты всегда имеют теоретическое значение. Во-вторых, принцип фальсификационизма означает, с одной стороны, то, что выводы теории всегда должны проверяться фактами, с другой стороны, факты не могут доказать теорию, а могут только обнаружить ее ошибочность (тезис Дюгема-Куайна). В-третьих, использован принцип роста научного знания К. Поппера. В-четвертых, принцип определения соотносительной силы теории применен в контексте того, что наиболее эффективной является та теория, выводы которой являются более точными, а сфера ее действий является максимально широкой. Методологию Фридмана называют методологическим инструментализмом, который является одной из форм позитивизма или конвенционализма.

Постмодернизм в экономической методологии часто ассоциируется с именем Д. Макклоски. Работа Д. Макклоски «Риторика экономической науки» (1985) представляет собой первую целенаправленную попытку синтезировать современные тенденции в философии, лингвистике и литературоведении и разработать совершенно иное представление о сути экономического знания и о методологическом подходе к нему. Как пишет сама Макклоски, «Риторика экономической науки» – это способ посмотреть на экономическую науку извне, с позиций языка, текста, используемых метафор и тропов, показать практические приемы и риторические ходы, с помощью которых экономисты убеждают, поскольку риторика – это «искусство и наука аргументации, честное убеждение, представляющее

собой плодотворное обсуждение экономической проблематики» [2, с. 85]. Экономический дискурс вовлекает читателя в чтение этого текста, язык которого фигуративен и открыт различным интерпретациям. Любая наука, в том числе и экономическая, оформляется прежде всего в виде текста, в котором можно выявить ту или иную систему аргументации. Для экономиста, создать экономическую теорию значит представить новый литературный рассказ. Можно предположить, что именно риторический подход обновит экономическую теорию и вернет экономистов в более широкий культурный и философский контекст.

Одним из основных риторических приемов в экономической науке, является использование метафор. Если взглянуть на большинство экономических текстов, окажется, что они сплошь заполнены метафорами и абстракциями. «Эластичность», «невидимая рука рынка», «депрессия», «экономический человек», «конкуренция», «ценовой механизм», «человеческий капитал», «рынок рабочей силы» — все это метафоры, знание о мире, выраженное не буквально, а через перенос значения из другой предметной области или сферы жизни [5, с. 295]. Широкое использование в экономической науке метафор, вынуждает признать экономическую поэтику как собрание наиболее ярких метафор.

Экономическая наука с появлением риторического подхода стала трактоваться как множество неоднородных и социально сконструированных дискурсов, создаваемых конкретными коллективами ученых, подлежащих интерпретации.

Одним из перспективных направлений в современной методологии экономической науки является когнитивно-психологическое. Данное направление связывают с проникновением натурализма в философию науки, в том числе и в философию экономической науки. Данная тенденция восходит к идеям У. Куайна, в частности, в том, что экономическую науку следует изучать строгими методами, в частности и методами самой экономической теории, а также при помощи современных теорий научного познания. Натурализм здесь проявляется в том, что процесс познания анализируется исходя не только из логического анализа результата этого знания, но и из научного (психофизиологического, когнитивно-психологического, поведенческого, экспериментального) анализа процесса научного познания.

Натуралистический поворот в методологии позволяет сделать вывод, что экономическая методология может стать не просто собранием эвристик,

а полноценной исследовательской программой со своими критериями достоверности.

Такая программа становится тем более популярной, что сегодня все больший вес в научном сообществе приобретает идея синтеза экономической науки с психологией и нейронауками.

Проанализировав основные направления методологии экономической науки, отметим, что в настоящем времени методология из преимущественно нормативной стала преимущественно дескриптивной и позитивной. Ныне она стремится описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, практику научной деятельности. Радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки.

Список литературы

1. Болдырев, И. А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений / И. А. Болдырев // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 9. – С. 47-70.
2. Макклоски, Д. Риторика экономической науки / Д. Макклоски; пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. – СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 328 с.
3. Маршалл, А. Принципы экономической науки: В 3 т. / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1993. Т. 1.
4. Сащeko, Р. С. У истоков методологии экономической науки: Н. У. Сениор и Дж. С. Милль / Р.С. Сащeko // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2020. – №2. – С. 33-39.
5. Сащeko, Р.С. Риторический подход в методологии экономической науки / Р.С. Сащeko // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 24 / сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 294-296.
6. Хаусман, Д. Философия экономики. Антология / Д. Хаусман. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 520 с.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ПОЗНАНИЯ

Сидоренко Ирина Николаевна,

док. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии культуры
Белорусского государственного университета

Аннотация. В докладе автор раскрывает специфику постнеклассической рациональности и рассматривает основные эпистемологические установки конструктивизма на примере феноменологического конструктивизма М. Мерло-Понти и социального конструктивизма Н. Лумана. Под конструктивизмом в теории познания понимается подход, в рамках которого считается, что человек в процессе восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно конструирует его. В докладе утверждается идея о том, что постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования, поэтому она выступает формой проектно-конструктивной рациональности.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность, конструктивизм, субъект познания, наблюдатель, опыт.

POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY AND THE CONSTRUCTIVIST NATURE OF KNOWLEDGE

Sidorenko Irina Nikolaevna

Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of
Philosophy of Culture
Belarusian State University

Abstract. The author reveals the specificity of post-non-classical rationality and considers the main epistemological principles of constructivism, taking as an example phenomenological constructivism of M. Merleau-Ponty and social constructivism of N. Luhmann. Constructivism in the theory of cognition is understood as an approach that assumes that a person in the process of perception and thinking does not so much reflect the world around them, as actively constructs it. The paper states the idea that the post-non-classical rationality does not exist outside of social-humanitarian design dimension, so it acts as a form of design-constructive rationality.

Keywords: post-non-classical rationality, constructivism, subject of knowledge, observer, experience.

Классическая эпистемология базировалась на утверждении, что мы можем наблюдать мир как объективную реальность, таким, как он есть. В отличие от нее, в неклассической эпистемологии полагается, что субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируя друг друга: нет наблюдения без наблюдателя, нет познания без познающего. Кроме того, познавательные способности самого субъекта определены его телесностью и тем окружающим миром, в который он встроен. Человек как субъект познания воспринимает мир через органы чувств, он понимает его с помощью эволюционно выработанных способностей ума. Именно поэтому субъект не только и не столько отражает, сколько конструирует реальность. В силу этого, в отличие от классической и неклассической рациональности, постнеклассическая рациональность сталкивается с таким типом предметности, познание которого как существующей вне человека законченной «реальности» невозможно. Постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования, поэтому она выступает формой социально-гуманитарной проектно-конструктивной рациональности. Таким образом, под конструктивизмом в теории познания понимается подход, в рамках которого считается, что человек в процессе восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

Основой конструктивизма является свойственное классическому рационализму и эмпиризму представление об активности субъекта познания, под которой понимаются креативные функции разума, такие как интеллектуальная интуиция, врожденные идеи, конструирование опыта и смысла в нем, волевые аспекты познания. Один из основных тезисов британских эмпиристов (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм) заключается в том, что разуму ничего не представлено, кроме восприятий. Так, в частности, сенсорный аппарат человека не только отражает объект чувственного познания, но и конструирует его. Поэтому эмпиризм Нового времени правомерно рассматривать как предтечу конструктивизма, в частности развития такого его варианта, как феноменологический конструктивизм (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, др.), а также социальный конструктивизм (К. Герген, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, др.). Целесообразно отметить, что именно постановка проблемы воли мыслящего субъекта в философии Нового времени, дала возможность выйти на обоснование действующего, творящего и конструирующего субъекта познания.

Близость идей представителей британского эмпиризма, особенно Дж. Локка, в контексте проблематики феноменологического конструктивизма мы обнаруживаем с феноменологической концепцией опыта М. Мерло-Понти. Человеческий опыт здесь исследуется в единстве рационального как необходимого и случайного, в его историчности и действительной неоднородности, со всеми его «случайными» содержаниями и тем, что в нем считается «бессмысленным». Основную задачу феноменологии М. Мерло-Понти правомерно свести к разрешению проблемы описания изначального, дорефлексивного способа связи человека с миром, который осуществляется в восприятии и является одновременно подлинным самовыражением человеческой субъективности и конструированием культурного мира смысла. Если Дж. Локк обращался к чувственным образам эмпирического сознания, то М. Мерло-Понти предложил, в определенной степени, радикальный вариант: теорию феноменального тела, в которой анализируется его особое существование и экзистенциальное «пространство», отличные от наличного бытия вещи и интеллигибельного сознания. Обращение к идее феноменального тела позволило французскому философу акцентировать онтологический пласт сознания, т.е. сферу интенционально-действующей субъективности, представляющей собой совокупность неразложимых целостностей, чувственно-смысловых ядер. Присутствие и конституирование в опыте экзистенции этих фундаментальных смыслообразующих структур и содержаний организует опыт как целостность и мир как конкретную ситуацию. Феноменологический призыв «назад, к вещам самим по себе» М. Мерло-Понти понимал как обращение к реальности, какой она дана до сознания, в опыте, предоставляемым нам собственным телом. Именно поэтому М. Мерло-Понти придал значимость не чисто интеллектуальному знанию о мире, а опыту восприятия, или «перцептивной вере», агентом которой является тело.

С точки зрения М. Мерло-Понти, тело не является просто объектом: оно не вещь в мире, но отношение к миру. Тело становится условием «сознательного Я» и, в силу этого, подлинным субъектом конституирования субъективности и конструирования смыслов. Объекты мира выступают для «сознательного Я» как смысловые единства, поскольку они независимо от него схвачены в качестве таковых телом, которое интенционально связано с миром и, именно поэтому, способно осуществлять предварительную конституцию. Тело функционирует как целостная система, все функции которой связаны друг с другом и с окружающим миром. Французский

мыслитель считал, что единство воспринимаемого объекта обеспечивается единством и согласованностью объективных телесных механизмов, причем благодаря этому предмет сразу схватывается как таковой. Фактически М. Мерло-Понти наделил тело функцией сознания. Именно перцептивный, или, другими словами, дорефлексивный опыт экзистенции, стал для него тем «типом первоначального опыта» человека [2], в котором конструируются смыслы, а значит и реальный мир в его специфичности.

В качестве примера использования конструктивистского подхода к исследованию современного общества как коммуникативной и сетевой реальности, приведем теорию систем Н. Лумана, в основе которой лежит отрицание самодостаточности бытия и самоценности смысла. Так, порядок мира уже не существует независимо от наблюдателя, а является его изобретение, т.е. реальность зависит от наших попыток и способов ее упорядочить, изменяясь в соответствии с этим. Получается, что наблюдатель и наблюдаемое конструируют друг друга, и в процессе такой интерпретации событиям придается смысл и порядок. Исходя из этого, социальная система у Н. Лумана конституируется смыслом, который она сама и производит. Главной определяющей общества выступает коммуникация, творящая социальную систему как процесс, в котором возникает смысл и вместе с тем происходит образование системы.

В социальном конструктивизме Н. Лумана не отрицается реальность, напротив, немецкий мыслитель осуществлял поиск внутренних референтов, «спецификаций» реальности. Среда реальна как внутренний мир системы, неповторимый и индивидуальный. Эту способность систем ссылаться на себя в теории автопоэзиса принято называть «самореферентностью» (порог сложности системы). Таким образом, вместо понятия объективной действительности Н. Луман оперировал понятием окружающей среды данного конкретного социального организма, которая через этот организм и задается [3].

В социальной системе, в отличие от биологической, Н. Луман выявлял семантическую замкнутость коммуникативных процессов: в итоге эволюции самореферентных систем появляется смысл. Так, социальные системы конституированы на основе смысла, или на «способности согласованности», которая только и делает возможным процесс различения на «систему и окружающий мир», вследствие чего события становятся системными элементами [1]. Наблюдатель в социальной системе является звеном в сети процессов, определяющих систему как целостность. Это, в свою очередь, обозначает, что наблюдатель не может выйти за пределы

целостности, т.е. он является ее неотъемлемой частью. Стремясь описать систему, наблюдатель модифицирует ее, изменяясь сам. Такое самописание схоже с герменевтическим кругом. Следовательно, в конструктивистском подходе Н. Лумана не игнорируется внешняя среда, просто она рассматривается под другим углом зрения: как внутренний мир системы. Поэтому предметом социального конструктивизма выступает общество как социальная система, которая сама себя истолковывает. Тем самым изменяется и методология социального познания: описание предмета включается в сам предмет описания.

Таким образом, в отличие от классической и неклассической рациональности, постнеклассическая рациональность сталкивается с таким типом предметности, познание которого как существующей вне человека законченной «реальности» невозможно. Необходимо достраивание реальности, а значит введение объектной составляющей в контекст требований и решений, обуславливаемых человеческим фактором. Постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования, поэтому она не является чисто познавательной рациональностью, претендующей на постижение реальности такой, какая она есть, а наоборот, выступает формой социально-гуманитарной проектно-конструктивной рациональности. Специфика человекоразмерных комплексов заключается не в воплощении в реальности и превращении в законченную конструкцию, а в том, что их осуществление невозможно без соотнесения с определенными социогуманитарными установками. Эта реальность – сфера человеческой жизнедеятельности, в отличие от объектной реальности, предполагает незавершенность, открытость, превращаемую в действительность решениями, поступками. Таким образом, социум как субъективная реальность в качестве объекта изучения конструируется не процессом ее изучения, а в значительной мере социальными коммуникациями.

В рамках конструктивистского подхода изменяются этические принципы познавательной деятельности. Человек как субъект познания и конструирующей деятельности сам становится как творцом, так критиком своего творения, выносящим этическую оценку исходя из своих целей, ценностей и с осознанием тотальности своей ответственности за результат конструируемого им опыта, мира в целом. Более того, конструирование предполагает контроль за какими-либо отклонениями, и в качестве истинности рассматривает способность к адаптации конструкта.

Соответственно, опыт и личная ответственность познающего становятся основой самоорганизующегося целого.

Список литературы

1. Луман, Н. Общество как социальная система / Никлас Луман; пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Издательство «Логос», 2004. – 232 с.
2. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / Мерло Мерло-Понти. Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – ч. 1. – 608 с.
3. Сидоренко, И.Н. Конструктивистский подход к определению фрагментарной реальности / И.Н. Сидоренко // Труды БГТУ. – 2012. – № 5: История, философия, филология. – С. 103–106.

МОДЕЛЬ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

Сокол Марина Анатольевна,

кандидат психологических наук, директор Фонда поддержки юридического образования и науки имени профессора С.Ф.Сокола,
докторант кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Сегодня, адекватным современности считается диалогическое сознание, которое позволяет охватить быстро протекающие изменения в обществе и мире, понять все многообразие быстро появляющихся новых форм и структур в жизнедеятельности человека. Диалог признается новой культурной призмой, позволяющей не только увидеть и оценить новое, но и по-новому посмотреть на давно известное и привычное. Доминирующая сегодня образовательная модель, сложившаяся в эпоху становления индустриального общества и опирающаяся на модернистскую, картезианскую онтологию и эпистемологию с доминированием естественнонаучной картины мира, уже не может удовлетворять запросам изменяющегося общества. От профессионала сегодня требуется эффективное освоение новой информации, умение адаптироваться к гибко меняющимся условиям и формам производства, способность к позиционированию и самоактуализации. Намечается переход от модели образования, направленной на формирование профессионала, владеющего определенным багажом знаний и умеющим его применять, к модели образования, направленной на формирование личности, способной к критической рефлексивной организации собственной деятельности и активному творческому поиску решений в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, диалогизм, язык, диалогическое общение, диалогическое взаимодействие, речь, социальный контекст.

MODEL OF DIALOGICAL INTERACTION IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

Sokol Marina Anatolievna,

Cand. of Psychological Sciences, Director of the Foundation for the Support of Legal Education and Science named after Professor S.F.Sokol,
doctoral student of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. Today, dialogic consciousness is considered adequate for modernity, which allows you to embrace the rapidly occurring changes in society and the world, to understand the whole variety of rapidly emerging new forms and structures in human life. Dialogue is recognized as a new cultural prism that allows not only to see and appreciate the new, but also to take a fresh look at the long-known and familiar. The dominant educational model today, formed in the era of the formation of industrial society and based on modernist, cartesian ontology and epistemology with the dominance of the natural science picture of the world, can no longer satisfy the demands of a changing society. Today, a professional is required to effectively master new information, the ability to adapt to flexibly changing conditions and forms of production, the ability to position and self-actualize. The transition is planned from the model of education aimed at the formation of a professional who owns a certain amount of knowledge and knows how to apply it, to the model of education aimed at the formation of a personality capable of critical reflexive organization of their own activities and active creative search for solutions in a situation of uncertainty.

Keywords: dialogue, dialogicity, dialogism, language, dialogic communication, dialogic interaction, speech, social context.

Проблема диалогического взаимодействия в учебно-профессиональной деятельности студентов имеет большую практическую и теоретическую значимость, поскольку использование в учебно-профессиональной деятельности студентов диалогического взаимодействия повысит, на наш взгляд, качество усвоения знаний, будет способствовать развитию личности будущего профессионала. Для совершенствования системы обучения в университете знание специфики диалогического взаимодействия может служить достаточным основанием для оптимизации и усовершенствования подготовки будущих квалифицированных специалистов.

В связи с этим активно исследуется специфика диалогического взаимодействия в трудах отечественных и зарубежных авторов: А.А. Бодалева, Г.Я. Буша, А.Б. Добровича, М.С. Кагана, Г.А. Ковалева, А.А. Леонтьева, В.Г. Леонтьева, М.И. Лисиной, Л.А. Петровской, В.В. Рыжова, А.У. Хараша, Л.П. Якубинского и других, N.C. Burbules, S. Duck, R. Hayes, H. J. Hermans, E. Matusov, H. Sacks, E. Schegloff, B. Simpson. Анализ работ этих авторов показал, что проблематика диалога занимает одно из центральных мест в структуре современного гуманитарного знания, являясь давней и традиционной темой теоретических и экспериментальных исследований [1].

Концепция диалога, получив свою разработку в трудах Ф. Розенцвейга, О. Розенштока-Хюсси, Ф. Эбнера, М. Бахтина, М. Бубера, Х.-Г. Гадамера, М.Хайдеггера, демонстрирует свою эвристичность в рассмотрении современных проблем личности, ее становления и самореализации. Диалог – это базовая форма социального, культурного существования человека, признак его человечности. С другой стороны – это единственное средство формирования личности, ее духовного мира. Фундаментальным принципом мышления является его диалогичность [2].

Теория диалога М.М. Бахтина, разработанная в 1929 г., послужила единым теоретическим концептом, вобравшим в себя всю совокупность идей об общении, представлений о познании, мире и человеке. Диалогизм, который имеет решающее значение для М.М. Бахтина представляет собой термин, объясняющий взаимодействие между словами или высказываниями говорящего и отношения, в которые они вступают с высказываниями других говорящих, что имеет значение для способа понимания устного или письменного общения. Смысловая составляющая диалогизма заключается не только во взаимодействии говорящего и слушателя, но и в других полях, в другом жанре, отраженном в самом творчестве М.М. Бахтина. Например, области лингвистики, литературной критики и философии могут вступать в диалог и взаимодействовать друг с другом. Как нам представляется, диалогизм М.М. Бахтина, рассматриваемый как универсальная форма человеческого общения, ставит акцент на контексте, который может быть понят в качестве информации вокруг информации, пытающейся нейтрализовать традиционное противопоставление личности обществу или себя другим, переходя от конкретного высказывания к тотальности языка и от конкретных действий к миру норм и условностей [3].

Теоретически формирование диалогического взаимодействия в социуме во многом опирается на философские труды отечественных и зарубежных авторов для экспликации особенностей понятия диалога и экстраполяцию их идей на проблематику современного образовательного пространства.

Однако, несмотря на значительное количество исследований, к настоящему времени еще не сложилась целостная концепция формирования диалогического взаимодействия у студентов в учебном процессе. До сих пор нет исследований, которые бы раскрывали критерии и факторы диалогического взаимодействия в образовательной деятельности. Однако решение проблемы формирования диалогического взаимодействия у будущих специалистов является одним из ведущих условий повышения

эффективности их подготовки и профессиональной компетентности, на что указывают исследования Е.Ф. Зеера, А.У. Хараша, Н.А. Щербаковой и т.д. [6].

Во-первых, сегодня модель диалогического взаимодействия в учебно-профессиональной деятельности студентов должна рассматриваться как сложная, структурно-функциональная, многоуровневая система, состоящая из определенных взаимосвязанных элементов: цели, задач, принципов, структурных компонентов, содержания, технологии, результата. Во-вторых, технология реализации сконструированной модели диалогического взаимодействия является многоступенчатой программой, этапы которой взаимосвязаны и представляют определенную систему теоретической подготовки и развития необходимых способностей к диалогическому взаимодействию у преподавателей и студентов через методы активного обучения, проблемно-поисковую деятельность студентов и через использование диалогических форм обучения на занятиях. В-третьих, основными критериями для оценки эффективности модели диалогического взаимодействия являются: мотивационный, теоретический и практический. Мотивационный критерий определяет ориентацию студентов на профессиональное развитие посредством диалога. Взаимосвязь с теоретическим критерием осуществляется через показатели профессиональной теоретической подготовки на основе успеваемости студентов. Практический критерий предполагает организацию студентами диалогического взаимодействия в практической деятельности.

Преимущество диалогического взаимодействия – в обращенности к каждому студенту как неповторимой индивидуальности. Заметим, преподаватель занимает позицию собеседника, заинтересованного личным мнением каждого и уважающего это мнение, что располагает к свободе высказываний, спору, рождению новых проблем и открытий. Позиция собеседника превращает преподавателя из источника информации и оценивающего контролера в ведущего участника творческого процесса. Происходящий внутри личности процесс постижения своей индивидуальности имеет внешнее проявление – диалогическое взаимодействие в конкретной деятельности с учетом условий и возможностей социальной ситуации.

Сконструированная интегративная, функциональная, многоуровневая модель может явиться моделью формирования диалогического взаимодействия студентов в учебно-профессиональной деятельности, обеспечивающая эффективное развитие способностей к диалогу.

Отличием такой модели является то, что помимо содержательных компонентов диалогического взаимодействия она включает в себя технологию формирования диалогического взаимодействия в учебно-профессиональной деятельности студентов и критерии для определения ее эффективности. Данная модель учитывает основные компоненты диалога, выделенные отечественными и зарубежными авторами, в тоже время позволяет встроить диалогическое взаимодействие в образовательный процесс.

Все проанализированные нами модели диалога основаны на одном из двух подходов к пониманию взаимодействия:

1) классический, картезианский (основанный на учении Р. Декарта), заключающийся в том, что любые взаимодействующие элементы рассматриваются как отдельные, независимые сущности;

2) современный, бахтинский (основанный на учении М. Бахтина), основу которого составляет понимание взаимодействия как процесса, создающего единство, целое взаимосвязанных и дополняющих друг друга субъектов [4].

Современная модель диалогического взаимодействия – это:

1. метод управления личностно ориентированным образованием;
2. форма организации процесса обучения, формирования учебной ситуации;
3. возможность интенсифицировать процесс овладения учебной информацией студентами [5].

Модель реализуется на основе принципов: диатропичности, диалогичности, креативности.

Внедрение модели происходит через использование активных диалогических форм в образовательном процессе, проблемно-поисковых методов, диалогических методов обучения, исследовательских методов.

В результате реализации предлагаемой нами модели у студентов формируется способность реализовывать диалогическое взаимодействие в учебно-профессиональной деятельности.

Вместе с тем полученные результаты имеют и практическое значение. Изучение специфики диалогического взаимодействия на этапе профессионального обучения позволяет оптимизировать учебно-воспитательный процесс университета с целью раскрытия потенциальных возможностей личности студента и более эффективной подготовки будущего профессионала.

Для современного образования характерен интерес к проблемам развития человека мыслящего и созидającego, способного меняться в условиях развивающегося мира. Реалии сегодняшнего дня – это высокие технологии, информационные потоки, возрастающее значение гуманитарности и ответственности за принимаемые решения. Такая постановка вопроса требует изменения парадигмы образования, построения такой модели, которая будет помогать человеку идти в ногу со временем, развиваясь и меняясь вместе с ним.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Алконост, 1994. – 176 с.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: RUGRAM, 2013. – 444 с.
4. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – 176 с.
5. Витгенштейн, Л. Культура и ценность. О достоверности / Л. Витгенштейн. – М.: АСТ, 2010. – 256 с.
6. Курилович (Сокол), М.А. Диалог как средство повышения эффективности педагогического взаимодействия в вузе: монография / Курилович, М.А. – OmniScriptum GmbH & Co. KG Банхофштрассе 28, 66111 Саарбрюккен, Германия. – 2016. Номер проекта (135074). ISBN книги (978-3-659-86051-5).

КОНСТРУКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПАРАДИГМА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Старжинский Валерий Павлович

доктор филос. наук, профессор, профессор кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета

Кравченко Дмитрий Владимирович

магистр техн. наук, аспирант Института философии
Национальной академии наук Беларуси

Аннотация. Экстраполяция методологии проектно-конструктивной деятельности на всю культуру привело к осознанию универсально-философского статуса Проектирования. Конструктивная методология регламентирует созидательную деятельность, которая основывается на проектировании своего объекта и предполагает неклассическую рациональность, в которой субъект конструирует объект. Сфера действия конструктивной методологии – созидание культурных артефактов – новаций, которая получила наименование культуротворчества. Постнеклассическая наука характеризуется трансдисциплинарной парадигмой и новациями в сфере ее ценностей и норм.

Ключевые слова: исследование, проектирование, когнитивная методология, конструктивная методология, культуротворчество, трансдисциплинарная парадигма, междисциплинарная парадигма, новации постнеклассической науки.

CONSTRUCTIVE METHODOLOGY AND TRANSDISCIPLINARY PARADIGM IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Starzhinskij Valerij Pavlovich

Doctor in Philosophy, Professor, Department of Philosophical Studies,
Belarusian National Technical University

Kravtchenko Dmitry Vladimirovich

Master of Engineering, Post-graduate student,
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract: Extrapolation of the methodology of design and constructive activity to the whole culture led to the realization of the universal philosophical status of Designing. Constructive methodology regulates creative activity, which is based on designing of its object and assumes non-classical rationality, in which the subject constructs the object. The scope of the constructive methodology is the creation of cultural artifacts – innovations, which has

received the name of cultural creation. Post-non-classical science is characterized by a transdisciplinary paradigm and innovations in the field of its values and norms.

Keywords: Research, Designing, cognitive methodology, constructive methodology, cultural creation, transdisciplinary paradigm, interdisciplinary paradigm, innovations of post-non-classical science.

Каким образом философия становится практико-ориентированной наукой? Естественно, посредством ее прикладных ветвей – этики, эстетики, права, а также философско-методологических оснований преобразующей деятельности. Именно этот аспект экстраполяции методологии проектно-конструктивной деятельности на всю культуру в целом и формирование трансдисциплинарной парадигмы является предметом настоящего исследования.

Проектирование как совокупность методов, присущих точным наукам наиболее успешно разрабатывалось в рамках инженерных наук. Перенесение этих методов на другие сферы человеческой деятельности – бизнес, образование, медицину и др., привело к осознанию универсально-философского статуса проектирования. Расширительно понимаемое Проектирование в литературе обрело особую номинацию и стало обозначаться прописной буквой, а соответствующая методология, в отличие от когнитивной стала именоваться конструктивной (КМ). В самом общем виде, КМ регламентирует не познание и когнитивные процессы, а проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры. Более того, рассмотрение науки как культурного феномена – саморазвивающейся системы (В. С. Стёпин) дает основание полагать, что КМ является основным способом социального проектирования современного инновационного общества. При этом, предметом регламентации КМ является культуротворчество, которое включает в себя не только производство материальных и духовных артефактов, но самосозидание (самообразование) личности в процессе творчества. Последнее время КМ стала применяться как мощный инструмент для решения проблем культуротворчества в сфере интерференции науки, образования и бизнеса. Использование КМ как методологии инновационного развития при проектировании инновационной инфраструктуры Парка высоких технологий Республики Беларусь позволило создать ведущий кластер европейского масштаба в сфере информационно-коммуникативных технологий.

Конструктивная методология и культуротворчество. Понятие КМ вводится для того, чтобы дифференцировать методологию в сфере познания

и Проектирования КМ – это методология созидательной деятельности, которая основывается на проектировании, конструировании своего объекта и предполагает неклассическую рациональность, в которой субъект конструирует объект. Сфера действия КМ – созидание культурных артефактов, культуротворчество, а ее основной метод – моделирование. Модель рассматривается расширительно как когнитивный артефакт-проект, как описание некоторого состояния дел (в дихотомии сущее-должное).

В отличие от классической КМ предполагает более глубокую рефлексию, ибо регламентирует не только средства, но и цели (от объяснения к созиданию). Она представляет собой систему регламентаций по преобразованию действительности как перехода от сущего к должному (возможному).

Для того чтобы адекватно оценить назначение КМ как типа рефлексии над различными способами освоения человеком мира, необходимо расширить смысл понятия «преобразование действительности», как создание нового за пределы проектирования и конструирования. С целью расширения смысла этого понятия за пределы инженерной сферы мы используем понятие культуротворчество. В результате культуротворчества создаются артефакты материальной и духовной культуры, которые в культурологии обозначаются как новации. Такой подход дает возможность избежать, с одной стороны, абстрактно-схоластического теоретизирования, с другой – эксплицировать роль КМ как такого типа регламентации деятельности, при котором концептуальная модель выступает обоснованием инструментальной. Последняя включает в себя систему преобразующих процедур деятельности, в процессе которой осуществляется переход от сущего к должному.

Трансдисциплинарная парадигма. Именно постнеклассический этап развития науки характеризуется не только разработкой КМ, но и порождением новации в культуре, которая была осознана как трансдисциплинарная парадигма (ТД). ТД парадигма выражает, прежде всего, смену ориентаций в науке с аналитики, как доминирующего подхода и объяснительной функции на проблемное видение и инструментальный синтез знания для решения проблем – конструктивно-созидательную деятельность. Ей присущи философско-методологические установки, конституирующие целостность и гармонию мира как очеловеченной среды. Разумеется, ТД парадигма не отрицает классическую междисциплинарную, но использует ее в инструментально-прагматической функции.

Остановимся подробнее на соотношении междисциплинарной (МД) и ТД парадигм. ТД и МД парадигмы основаны на методологии синтеза знаний и методов и реализуют себя, прежде всего, в функции регламентации деятельности. При этом МД парадигма применима и используется, как правило, в когнитивной деятельности и объяснительной функции. В отличие от нее, ТД парадигма, напротив – в материально- преобразующей, практике и ее моделировании и проектировании. МД парадигма основана на трансляции методов из одной дисциплины в другую, применяется при решении пограничных, стыковых проблем и представляет собой симбиоз методов смежных наук. Метафорой МД может служить горизонтальное направление исследований. ТД представляет собой вертикальное направление освоения мира, как выявление и решение проблем методом проектирования, где используются ресурсы различных сфер культуры, в том числе, практико-ориентированных исследований. При этом все проблемы являются антропоморфными, поскольку центрированы вокруг человека и способов освоения мира для удовлетворения материальных и духовных потребностей.

Новации в системе ценностей и норм постнеклассической науки. Проектирование как основной способ решения практико-ориентированных проблем представляет собой инновационную деятельность или культуротворчество, как способ производства артефактов, удовлетворяющих потребности человека. Структура конструктивной методологии – концептуальная и инструментальная модели как формы репрезентации проблемы, а также ресурсной поддержки их решения. Построение концептуальных моделей в социально-культурном дискурсе (в отличие от инженерно-конструктивного) показывает, что основные проблемы и способы их номинации определяются преимущественно вертикальным направлением когнитивно-лингвистических исследований. Их цель – концептуальные основания науки, элементарные понятия, которые используются для определения исходного концептуального базиса науки. К ним относятся понятия: человек, мир, реальность, жизнь, смерть, сознание, слово, язык, мозг и др. Движение вниз означает углубление нашего понимания и одновременно продвижение вверх к более адекватным моделям реальности.

При этом ТД парадигма предполагает трансформацию постнеклассической науки в культуру созидания, когда Проектирование трансформирует идеалы и нормы развития постнауки. В самом деле, проанализируем науку в координатах «цель-средства-результат». Цель

постнеклассической науки – реальная потребность и практико ориентированная проблема; средства – не только когнитивные методы, но и человеческие (персонал), финансовые, инфраструктурные, материально-технические и др. ресурсы; результат не только интеллектуальный, но и востребованный продукт, заказчик, коммерциализация, внедрение в практику и т.д. Широкий ареал социокультурных норм постепенно меняет видение постнеклассической науки. В частности, все большую роль начинает играть представление результатов в форме научных отчетов, с презентацией прототипов. В науку и современное образование проникает государственно-частное партнерство, создается соответствующая инфраструктура инновационного предпринимательства, наряду с этим нарабатывается нормативно-правовая база в сфере налоговой, финансовой, образовательной, предпринимательской деятельности. Постепенно в вузах создается научно-предпринимательская инновационная среда, которая становится инфраструктурным основанием образовательной экосистемы.

Таким образом, практико-ориентированная постнеклассическая наука и ее ТД парадигма развивается в системе стандартов результата-продукта и представляет собой технонауку – не просто совокупность абстрактных научных результатов, а технологии, гарантирующие получение искомого продукта, востребованного потребителем. При этом следует пройти между «Сциллой и Харибдой» и помнить о гуманистических прививках постнеклассической науке (В. С. Стёпин). С одной стороны, необходимо преодолеть абстрактное теоретизирование схоластической науки в виде научных отчетов и выйти на конструктивно-технологическую прагматику и современное инновационное развитие. С другой – не попасть в болото технократизма, вульгарного прагматизма, бездуховности и нравственной деградации.

ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Стаськевич Сергей Александрович,

магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Колядко Илья Николаевич, кандидат философских наук,

доцент, доцент кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. Цель статьи – выявить социокультурные особенности трансформации религиозности в культуре постсовременности. Предмет – сам феномен религиозности в его социально-культурном преломлении, которое мыслится как определенным образом упорядоченная религиозная символика, наполненная субъективным, или intersubъективным религиозным смыслом. Христианская система символов, равно как и христианские религиозные институты претерпевают сейчас существенные изменения, суть которых еще предстоит осмыслить современной религиозной философии. Сюда относится ряд проблем, связанных с глобализацией, которая позволяет заимствовать новые символы из других культур. Общая либеральная повестка западного общества способствует не всегда логически обоснованному формированию индивидуальных и локальных символических структур, что серьезно затрудняет коммуникацию и снижает мотивационный потенциал традиционных символов. Множеству форм соответствует еще большее множество содержаний, не подконтрольных религиозным институтам. Роль последних в современных обществах так же требует прояснения, ибо то положение, которое церковь занимала в свое «золотые годы», вероятно, в ближайшей перспективе безвозвратно утеряно. Вместе с тем, она все еще, во многом, является авторитетом в интерпретации тех символов, которые вышли из ее лона и активно используются для выражения субъективного «духовного опыта» людьми современности.

Ключевые слова: религиозность, постсовременность, глобализация культуры, система религиозных символов.

TRANSFORMATIONS OF RELIGIOSITY IN POSTMODERN CULTURE

Sergey A. Staskevich,

Master's Student of the Department of Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy and

Social Sciences Belarusian State University

Scientific supervisor – Ilya Nikolaevich Kolyadko,

Cand. of Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Abstract. The purpose of the article is to reveal the socio-cultural features of the transformation of religiosity in the culture of postmodernity. The subject is the very phenomenon of religiosity in its socio-cultural refraction, which is conceived as a certain way ordered religious symbols filled with subjective or intersubjective religious meaning. The Christian system of symbols, as well as Christian religious institutions, are now undergoing significant changes, the essence of which has yet to be comprehended by modern religious philosophy. This includes a number of problems associated with globalization, which allows the borrowing of new symbols from other cultures. The general liberal agenda of Western society contributes to the not always logically justified formation of individual and local symbolic structures, which seriously complicates communication and reduces the motivational potential of traditional symbols. Many forms correspond to an even greater set of contents that are not controlled by religious institutions. The role of the latter in modern societies also requires clarification, because the position that the church occupied in its “golden years” is probably irretrievably lost in the short term. At the same time, she is still, in many ways, an authority in the interpretation of those symbols that came out of her womb and are actively used to express subjective "spiritual experience" by people of our time.

Keywords: religiosity, postmodernity, globalization of culture, system of religious symbols.

Одним из распространенных подходов к пониманию религиозности является ее понимание в качестве субъективной стороной религии [3 с. 53–54]. Исходя из данной трактовки можно утверждать, что религиозность, по существу своему – состояние, имеющее некую специфику и качественно, и по отношению к объектам, которые его вызывают. О качественной составляющей религиозности судить достаточно проблематично, в силу уже упомянутой субъективности рассматриваемого объекта.

Однако и здесь по отношению к ней порой употребляются такие предикаты, как: характер, интенсивность – как качественные и количественные характеристики [3].

Проблема в оценке религиозности состоит в том, что сами религиозные люди настаивают на совершенно иной природе своего опыта, чем та, психологическая, которую им склонны приписывать наука, или скептически настроенные мыслители. Для независимого исследователя нет никаких причин придерживаться того или иного взгляда, а потому корректно будет обозначить, что базовая структурная единица религиозности – это некий «духовный опыт». В задачи данной небольшой

работы не входит выявление его сущности, даже если это представляется возможным. Исходя из этого, человек может придерживаться того мнения, которое ему наиболее близко. Единственным критерием, отделяющим его от любого другого опыта, будет факт веры в существование того, что не имеет достаточных оснований, чтобы стать частью научной системы. Если не учитывать данный нюанс, то каждый человек может выразить мысль о том, что его вера по существу является знанием, полученным посредством особенного откровения.

Важно то, что на основании этого специфического «духовного опыта» человек либо формирует свою собственную систему символов, либо, что бывает чаще, встраивается в уже существующую [4]. Поведение, основанное на предписаниях подобной системы, так же называют религиозным, при условии его искренности. Символ – это все, что несет, в силу субъективного восприятия, больше смысла, чем объективно заложено в его свойствах. Как выразился знаменитый антрополог и исследователь религии К.Г. Гирц, это есть объективация идей [2]. На практике в религиозных системах посредством символики объективируются не только идеи, как конструкторы разума и состояния, как выражения предельно субъективного «духовного опыта», но и человеческие представления о прекрасном и добром. Все это является прекрасным материалом для исследователя, которого интересует человек в контексте современной ему эпохи.

Исходя из вышесказанного, проявления религиозности возможны не только в рамках религии, но и во всех сферах человеческой жизни, включая политическую и экономическую. Религиозным может быть отношение и к политической доктрине, и экономическому концепту, когда восприятие того и другого выходит за рамки научной рациональности. Отсюда возможны и многочисленные, основанные на вере, предрассудки такого рода, когда не имели места ни ошибки разума, ни недостаток объективной информации.

В современном мире имеют место две противоположные тенденции. С одной стороны, наука и присущие ей способы познания мира, нанешие авторитету христианства непоправимый удар, продолжают существовать и сохраняют свою актуальность, и не только в одной академической среде. С другой стороны, религиозность, активно проникшая и в саму науку под видом идеологических доктрин, стала возрождаться и в рамках более традиционных религиозных сфер. Так называемая концепция постсекулярности отводит для религиозных институтов важную

коммуникационную роль по трансляции тех ценностей, которые не расходятся с общей идеологической доктриной (в случае, если она имеется) [5].

Для этого требуется содержательная корректировка символов традиционных религий, смещение смысловых акцентов, чем активно занимаются те религиозные институты, которые желают «идти в ногу со временем». Глобализация позволяет заимствовать символы, не характерные нашей и европейской культуры и наполнять их, порой, субъективным, не имеющим контекста смыслом. При отсутствии явного принуждения к той или иной религиозной системе, религиозность уходит и в иные сферы. Подлинно религиозным может становиться искусство, общественные организации, СМИ.

Бессистемность и бессвязность (в смысле рационального обоснования) современной религиозности, в ее социальном проявлении может иметь серьезные духовные последствия. Ведь как уже было отмечено, человек чаще привык связывать свой «духовный опыт» с уже существующими символами, не всегда с оглядкой на их происхождение. Религиозность современности, при отсутствии огромной воли к самостоятельной интерпретации «духовного опыта» ведет к выхолащиванию веры. Символ становится интеллектуальной игрушкой, способной при умелом обращении создавать остроумные системы и приносить удовольствие. Обесценивание символа по причине вседозволенности в его использовании – серьезная проблема современной религиозности.

Имеются и некоторые социальные последствия отсутствия общепринятой и относительно замкнутой системы символов. Несмотря на то, что людьми в подобном случае сложнее управлять императивно, однако направить их волевые усилия к единой цели, особенно когда отсутствуют материальные основания, так же бывает трудно. Это дает простор для всякого рода манипуляций и внутренних социальных раздоров (хотя и общества с наличием подобной системы легко поддаются разного рода идеологической обработке, но с несколько иной спецификой). Более того, такое общество только при условии серьезного технологического превосходства не станет легкой мишенью для сплоченной и организованной группы, да и то, при условии, что подобная группа придет «извне», а не «изнутри» самого общества.

Что касается нашего общества, то уровень приверженности к традиционной для нас религиозной символике все еще достаточно высок. В

рамках социологических исследований 2019 года, 65,9 % опрошенных назвали себя верующими людьми. Из них, к той или иной религиозной традиции отнесли себя 90,8 % опрошенных. Показательно, что динамику роста спровоцировал кризис 2014 года [1]. Однако, бесспорно, что современная тенденция коснулась и нас. И цифры эти достаточно сложно интерпретировать. Однозначного ответа, как преодолеть вышеупомянутый кризис нет, однако очевидно, что в современных условиях полный возврат к традиционализму не только невозможен, но и не целесообразен. Новые подходы и способы разрешения проблемы – одна из задач современной религиозной философии.

Список литературы

1. Безнюк, Д.К. Кризис веры и вера кризиса / Д.К. Безнюк // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – № 2. – С. 124–128.
2. Гирц., К.Г. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).
3. Колякина, Е. А. Определение сущности понятия религиозности / Е.А. Колякина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2007. – № 3. – Т. 13. – С. 51–55.
4. Астахова, Л. Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений / Л. Астахова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Философия, этика, религиоведение. – 2013. – № 3(31). – С. 162 - 177.
5. Логинов, А.В. Диалектика секулярного и постсекулярного в социальной теории Ю. Хабермаса / А.В. Логинов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология Искусствоведение». – 2010. – № 13(56). – С. 34–43.

ИНДИВИДУАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сташис Владислав Олегович,

магистр философских наук,

преподаватель кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье анализируется трансформация межсубъектного взаимодействия в контексте возрастающего значения информационно-коммуникационных технологий. Рассматривается принцип индивидуализма как философская позиция, настаивающая на ценности автономии индивида. Исследуется феномен цифровой культуры в качестве ключевого фактора актуальной социальной динамики. Показана связь ценностей, разделяемых субъектами цифровой культуры, с позицией индивидуализма. Утверждается, что исследование перспектив социального развития необходимо должно учитывать те трансформационные процессы, которые наблюдаются в ментальности поколения, формирующегося в новых социотехнологических условиях.

Ключевые слова: Интернет; цифровая культура; коммуникация; вызовы социального развития.

INDIVIDUALISM IN THE CONTEXT OF DIGITAL CULTURE

Stashis Vladislav Olegovich,

MPhil, Lecturer at the Department of Philosophy and Methodology of Science,

Belarusian State University

Abstract. The article analyzes the transformation of intersubjective interaction in the context of the increasing importance of information and communication technologies. The author considers principle of individualism as a philosophical position that insists on the value of individual autonomy. The phenomenon of digital culture as a key factor of current social dynamics is investigated. It is shown, that the connection between the values shared by the subjects of digital culture and the position of individualism. It is argued that the study of the prospects of social development should take into account those transformational processes that are observed in the mentality of the generation formed in the new socio-technological conditions.

Keywords: Internet; digital culture; communication; challenges of social development.

Индивидуализм – этическая и философская позиция, отстаивающая первостепенное значение личности и ее право на автономию. Ключевым

философским текстом, в котором было выдвинуто аргументированное обоснование индивидуализма, является работа Р. У. Эмерсона «Доверие к себе». В указанном эссе американский философ утверждал, что вопреки общественному давлению необходимо руководствоваться следующим императивом: «Верь в самого себя» [1, с. 63]. Тем самым отстаивалась идея о том, что утрата собственного достоинства является категорически недопустимой для индивида, вследствие чего перед ним должны быть проигнорированы такие преграды на пути к добродетельной жизни, как страх перед обществом, смертью, дурной славой и пр.

Взгляды Р. У. Эмерсона, стоявшего у истоков философско-литературного движения трансцендентализма, были тесно связаны с религиозными убеждениями мыслителя. Как точно заметила белорусская исследовательница О. Л. Хаецкая: «Доверять себе в понимании Эмерсона означало внимательно прислушиваться и стараться услышать тихий голос Бога внутри себя» [2, с. 226]. Обрушиваясь с критикой на ригидность и конформность как неотъемлемые черты сознания обывателя, американский философ отстаивал ценность беспредпосылочного знания: «Наитие! Это неиссякаемый источник мысли и деятельности; от него веет тем животворным вдохновением, которого нельзя отрицать без святотатства и безбожия» [1, с. 71]. Тем самым, устоявшиеся в обществе ритуалы и традиции, а также некритически разделяемые ценности, ставятся индивидуализмом под сомнение, в то время как приоритет отдается интуиции субъекта.

Цифровая культура – это актуальный фактор социальной динамики, генезис и развитие которого связано с массовым распространением высоких технологий в сфере повседневной действительности. Фактически, цифровая культура служит тем символическим пространством, которое позволяет индивиду выстраивать консистентную картину мира в контексте формирования гомогенной социотехнологической реальности. Именно в рамках цифровой культуры обуславливаются принципы субъект-субъектного взаимодействия в условиях, когда функционирование общественных институтов оказывается в прямой зависимости от степени надежности цифровой инфраструктуры.

Цифровая культура не лишена собственной аксиологической системы. В качестве предпосылок указанной системы должны рассматриваться идеи, лежащие в основе принципа функционирования цифровых технологий – децентрализация и дискретное шифрование данных. Соотнесение данных технологических принципов с областью

социальных отношений ведет к тому, что положительную окраску в общественном сознании приобретают ценности индивидуализма и неприкосновенности частной жизни. Особенно показательным здесь представляется то, каким образом это находит отражение в самоидентификации поколения, чье формирование прошло при условии конвергенции социальной реальности и цифровых технологий. Как отмечает доктор психологических наук В. В. Соболев, анализируя результаты исследования ментальности представителей «цифрового поколения», респонденты «характеризуют свое поколение индивидуалистичным, разобщенным, самостоятельным, открытым переменам, устремленным в будущее, склонным к риску, своевольным и не доверяющим власти и авторитетам» [3, с. 3605]. Это указывает на некритическое принятие *условий* социального взаимодействия в качестве *этических принципов*, что является очевидной методологической ошибкой.

На формирование цифровой культуры оказали влияние представления первых энтузиастов программирования, которых финский социолог П. Химанен обозначал термином «хакеры». Для взглядов данной социальной группы был характерен упор на индивидуализм и утверждение ценности автономии при принятии решений. Как писал П. Химанен: «Девизом хакера стали не слова "Время – деньги", а слова "Это моя жизнь"» [4, с. 60]. Но если вернуться к концепции индивидуализма Р. У. Эмерсона, то мы обнаружим, что характерная для субкультуры хакеров попытка игнорировать устоявшиеся иерархии может быть сходна с данной концепцией по форме, но не по сути своего содержания. Не много общего есть между попыткой прислушаться к голосу «внутреннего закона» и этикой хакера, для которого – как заметил П. Химанен – «страсть означает общее направление его жизни» [4, с. 39]. Т. е. в ценностном ядре цифровой культуры может быть обнаружен индивидуализм, но в крайне вульгарном его проявлении – игнорировании чужих интересов. Как указала доктор философских наук Я. С. Яскевич, дальнейшее «сращивание хакерского сообщества с криминалом показало слабость данной мировоззренческо-идеологической установки» [5, с. 124].

Таким образом, не только конформное мышление, но и некритично воспринятый индивидуализм таит в себе риски и вызовы для актуальной социодинамики. По этой причине, исследование перспектив социального развития необходимо должно учитывать те трансформационные процессы, которые наблюдаются в ментальности поколения, формирующегося в новых социотехнологических условиях.

Список литературы

1. Эмерсон, Р. Нравственная философия. / Р. Эмерсон. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 384 с.
2. Хаецкая, О. Л. Доверие к себе» на языке философии Р. У. Эмерсона / О. Л. Хаецкая // Сборник работ 62-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17 -20 мая 2005 г., г. Минск : в 3 ч. / [редкол.: А. Г. Захаров (ответственный редактор) и др.]. – Минск, 2005. – Ч. 2. – С. 225–229.
3. Собольников, В. В. Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности / В. В. Собольников // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 3601–3610.
4. Химанен, П. Хакерская этика и дух информационализма / П. Химанен – М.: АСТ, 2019. – 256 с.
5. Яскевич, Я. С. Проблемы становления сетевой экономики и информационного общества / Я. С. Яскевич // Белорусский экономический журнал. – 2016. – № 2(75). – С. 119–130.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПАТРИОТИЗМ И ПАЦИФИЗМ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Стволыгин Константин Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы и реабилитологии
Белорусского государственного университета

Аннотация. Цель статьи – отразить основные результаты изучения исторического опыта решения проблемы патриотизма и отказов граждан от военной службы вследствие пацифистских убеждений. Основные результаты проведенного исследования: фиксация тенденции усиления толерантного отношения государств и общества в целом относительно отказов от военной службы вследствие пацифистских убеждений граждан; констатация возможности функционирования института альтернативной службы в период ведения боевых действий при условии равенства военной и альтернативной служб по тяготам, лишениям, опасностям, связанным с их прохождением.

Ключевые слова: патриотизм, пацифизм, военная служба, альтернативная служба, война.

SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY: PATRIOTISM AND PACIFISM IN THE CONTEXT OF THE AGGRAVATION OF THE MILITARY- POLITICAL SITUATION

Stvolygin Konstantin Vladimirovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Social Work and Rehabilitation
Belarusian State University

Annotation. The purpose of the article is to reflect the main results of studying the historical experience of solving the problem of patriotism and refusal of citizens from military service due to pacifist beliefs. The main results of the study: fixing the trend of strengthening the tolerant attitude of states and society as a whole regarding refusals from military service due to the pacifist beliefs of citizens; a statement of the possibility of the functioning of the institution of alternative service during the period of hostilities, provided that the military and alternative services are equal in terms of hardships, hardships, and dangers associated with their passage.

Keywords: patriotism, pacifism, military service, alternative service, war.

Встав на путь реального, а не декларируемого демократического развития, Республика Беларусь столкнулась с необходимостью пересмотреть на уровне государственных и общественных организаций, отдельных граждан отношение ко многим явлениям общественной жизни. В частности, можно ли считать настоящим гражданином, патриотом своей страны человека, который, ссылаясь на свои пацифистские убеждения, отказывается брать в руки оружие с целью подготовки к ее вооруженной защите, а при необходимости и применять это оружие. Обострение военно-политической обстановки в еще большей степени актуализировали проблему пацифистских убеждений несовместимых с несением военной службы. Важно отметить, что сама по себе данная проблема в историческом плане не нова, она неоднократно возникала в различных странах, обострялась в период ведения боевых действий, соответственно предпринимались и попытки ее решения. В сложившихся условиях эффективное решение проблемы патриотизма и отказов граждан от военной службы вследствие пацифистских убеждений предполагает всесторонний учет соответствующего исторического опыта и, прежде всего, отечественного.

Вплоть до конца XX века во всех странах вопрос о том, можно ли считать патриотом гражданина, отказывающегося от личного участия в вооруженной защите своего отечества, носил скорее риторический характер, поскольку ответ на него был исключительно отрицательный. Защита отечества с оружием в руках рассматривалась как важнейшая обязанность каждого гражданина, а лица, отказывающиеся от выполнения этой обязанности, независимо от мотивации (трусость или пацифистские убеждения), как правило, подвергались суровым наказаниям со стороны властей и неизменно осуждению со стороны большей части общества. При этом важно отметить, что, несмотря такое отношение, в истории большинства стран можно найти примеры, когда люди, отказываясь брать в руки оружие, вследствие своих пацифистских убеждений, были готовы нести еще большие тяготы и лишения, чем на военной службе. Численность и организованность таких идейных отказников могла варьироваться. Так или иначе государства вынуждены были с этим считаться и решать проблему не только через ужесточение наказания отказников от военной службы, но и через определенные послабления для них. Однако интолерантное отношение к идейным отказникам от военной службы со стороны общества в целом оставалось неизменным.

В Российской империи, а затем и в СССР, куда входила Беларусь, защита отечества с оружием в руках всегда рассматривалась как важнейшая обязанность каждого гражданина. Однако наряду с этим, как и в других странах, всегда были люди, которые отказывались от несения военной службы не в силу корыстных соображений, а именно вследствие своих искренних пацифистских убеждений. На этих людей со стороны властей оказывалось мощное административное давление (вплоть до уголовной ответственности), целью которого было заставить их отречься от своих пацифистских убеждений и признать допустимым для себя несение военной службы. Наряду с этим в Российской империи, начиная с 1874 г., за меннонитами, переселившимися на российские земли, официально признавалось право на отказ от воинской повинности вследствие их религиозных убеждений [3, с. 193–199]. Меннониты были выходцами из другой страны, следовательно, их патриотизм и гражданская позиция в расчет не принимались. Успешно функционирующий институт обязательной службы меннонитов (так тогда называлась альтернативная служба), определенное усиление демократии привели к тому, что в январе 1912 г. в III Государственной думе рассматривался вопрос о необходимости введения альтернативной службы не только для меннонитов, но и для всех граждан, отказывающихся по своим религиозным убеждениям брать в руки оружие [2, с. 108–109]. Временное правительство России пошло еще дальше: объявило амнистию для лиц, осужденных за отказ брать в руки оружие вследствие своих убеждений, готовилось узаконить освобождение от воинской повинности для членов всех религиозных сект, вероучения которых ее отрицали [4].

В Советском государстве, изначально начинание Временного правительства относительно альтернативной службы было реализовано – все граждане, имеющие религиозные убеждения, несовместимые с военной службой, получили право на освобождение от воинской повинности, замену ее альтернативной службой. Характерно, что в годы Гражданской войны местом прохождения альтернативной службы декрет СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» определял «преимущественно заразные госпитали» [1]. Практика замены воинской повинности другой гражданской обязанностью по религиозным убеждениям граждан существовала юридически с 1918 г. по 1939 г., а фактически – эта практика была свернута в самом начале 30-х годов [2, с. 184–185]. При этом власти исходили из того, что отказы от военной службы по убеждениям в большинстве своем были продиктованы

антисоветскими настроениями, «шкурничеством», трусостью отказников. Сущность советской государственной политики очень точно отразил С. Урсынович в 1923 г. в своей статье «К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам». Оценивая перспективы освобождения советских граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, С. Урсынович называет такую практику отступлением от краеугольных принципов советского законодательства, «базирующимся на весьма шатких основаниях компромиссом», который должен быть аннулирован и чем раньше, тем лучше [6].

Обращаясь к соотношению понятий «патриотизм» и «пацифизм», нельзя оставить без внимания позицию Л. Н. Толстого. Отрицая любые войны, Л.Н. Толстой отрицал и патриотизм. По мнению Л. Н. Толстого, соединить патриотизм и мир невозможно, поскольку патриотизм производит войну. Следовательно, для того чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. «Моря крови пролиты из-за этого чувства и будут еще пролиты из-за него, если люди не освободятся от этого отжившего остатка старины» – писал Л.Н. Толстой [5, с. 49]. Позиция Л. Н. Толстого, безусловно, имела сторонников, но в целом со стороны общества не получила одобрения и поддержки.

Последнее десятилетие XX века отмечено значимым событием в области прав человека: право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы получило международное признание и соответствующее документальное оформление. Основываясь на принятых международных документах, большинство развитых в демократическом отношении государств внесли необходимые изменения в свои национальные законодательства и правовую практику. В настоящее время право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы является одним из значимых международных стандартов в области прав человека. Конституция Республики Беларусь (ст. 57), гарантируя гражданам свободу убеждений, предусматривает возможность замены воинской службы службой альтернативной. Работа над проектом закона об альтернативной службе в Беларуси велась с начала 1992 г. На практике воспользоваться правом замены военной службы службой альтернативной стало возможным с 1 июля 2016 г., когда вступили в силу основные положения Закона Республики Беларусь «Об альтернативной службе».

Краткий исторический экскурс, изложенный выше, позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, толерантное отношение государств и общества в целом относительно отказов от военной службы вследствие пацифистских убеждений граждан имеет тенденцию к усилению. Страны постсоветского пространства, в том числе и Республика Беларусь, в этом плане не являются исключением.

Во-вторых, Российская империя, а затем и Советское государство прошли через первую мировую войну, Гражданскую войну и военную интервенцию, имея, достаточно передовой по тем временам институт альтернативной службы, призванный освобождать граждан от воинской повинности при наличии у них пацифистских религиозных убеждений.

В-третьих, успешное функционирование института альтернативной службы в стране возможно только при условии равенства военной и альтернативной служб по тяготам, лишениям, опасностям, связанным с их прохождением. В случае несоблюдения этого условия нарушается социальная справедливость по отношению к гражданам, проходящим военную или альтернативную службу. Кроме того, если альтернативная служба будет носить облегченный характер по сравнению со службой военной, то это может привести к резкому увеличению числа граждан, стремящихся пройти именно альтернативную службу не по убеждениям, а по иным, чаще всего корыстным, мотивам. Особенно это актуально в периоды обострения военно-политической обстановки, ведения или угрозы ведения боевых действий. Если альтернативная служба, наоборот, будет более насыщенной по тяготам, лишениям и опасностям, чем военная, это будет означать преследование со стороны государства граждан за их убеждения.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1968. – Т. IV. – С. 283–284.
2. Стволыгин, К. В. Отказы от военной службы вследствие убеждений и альтернативная гражданская служба в России / К. В. Стволыгин. – Минск: БГУ, 2020. – 247 с.
3. Стволыгин, К.В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи: монография / К.В. Стволыгин. – Минск.: РИВШ, 2010. - 248 с.
4. Стволыгин, К.В. Политика Временного правительства России в отношении идейных отказов от воинской повинности / К.В. Стволыгин // Социальное образование: стратегии инновационного развития: сб. науч. статей / Рос. Гос. соц. ун-т, ф-л в г. Минске; ред. кол.: С.А. Полетаев (гл.ред.) [и др.]. — Минск, 2012. – С.79–85.
5. Толстой Л.Н. Патриотизм или мир? / Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. В 90 т. -- М., 1928—1958. - Т.90, С.45-53.

6. Урсынович С. К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам / С. Урсынович // Революция и церковь. – 1923, 1–3. – С. 13-16.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАНСДИСПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СТАРТАПА В ОБЛАСТИ КОСМЕТОЛОГИИ

Степаненко Александр Иванович,

магистрант кафедры конструирования и производства приборов
Белорусского Национального Технического Университета

Старжинский Валерий Павлович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских учений
Белорусского Национального Технического Университета

Аннотация. Предметом данной статьи является исследование философских аспектов при развитии стартапа в области косметологии, в частности трансдисциплинарность, трансдисциплинарная и междисциплинарная парадигма определены связи и отношения внутри области косметологии как целостной системы, определены треки.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, парадигма, косметология, постнеклассическая наука, треки.

THE USE OF TRANSDICIPLINARY KNOWLEDGE SYNTHESIS IN THE DEVELOPMENT OF A STARTUP IN THE FIELD OF COSMETOLOGY

Stepanenko Alexander Ivanovich,

Master student of the Department of Design and Manufacture of Devices
Belarusian National Technical University

Starzhinsky Valery Pavlovich,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Philosophical department
Belarusian National Technical University

Abstract. The subject of this article is the study of philosophical aspects in the development of a startup in the field of cosmetology, in particular transdisciplinarity, transdisciplinary and interdisciplinary paradigm defined links and relationships within the field of cosmetology as a holistic system, defined tracks.

Keywords: transdisciplinarity, paradigm, cosmetology, postnonclassical science, tracks.

Целью данной работы является ознакомление научного сообщества с результатами применения философских приемов в области косметологии и

обоснование ценности этих исследований. Задачей е выступает проведение анализа феномена трансдисциплинарности, определения его существенных отличий от междисциплинарности, изучение возможности применения трансдисциплинарности при работе в косметологической области.

Сперва следует определить и разграничить трансдисциплинарность и междисциплинарность. Междисциплинарность подразумевает простое «заимствование» техник и методов из других областей науки. Возможность использования трансдисциплинарности в косметологической области предполагает синтез методологий и создание на их основе совершенно новых исследовательских концепций специалистами различных областей, таких как медицина, бытовое приборостроение, физики в области магнетизма.

Взаимодействие различных наук с разными методологическими приемами, расширяет перспективы развития в рассматриваемой области – косметологии. Происходит сочетание альтернативных подходов, существующих в различных областях знаний о человеке и его взаимодействии с косметологическими аппаратами.

Концептуальная модель. Концептуальная модель для разработки косметологического аппарата основана на таких философских методах познания как моделирование и дедукция. Моделирование позволяет познать объект через создание и исследование его модели, замещающей оригинал по тем позициям, которые представляют исследовательский интерес. В частности, рассматриваются медицинские аппараты, их конструкция и воздействие на человека. Дедукция позволяет физикам, связанным с магнитными полями, определить такой диапазон из общего, который положительно влиял бы на человека.

Инструментальная модель. Инструментальная модель для косметологического аппарата основана на методе анализа. Анализ позволяет расчлнить полный процесс производства на его составляющие с целью всестороннего изучения.

Косметология как область человеческой деятельности интегрирует знания, которые могут быть полезны в улучшении жизни при использовании аппаратуры эго направления. Трансдисциплинарность косметологии характеризуется сложностью философских проблем в косметологии и требованиями их решений. Косметология объединяет информацию из многих научных и вненаучных областей, знаний о мире, которые на первый взгляд кажутся весьма отдаленными друг от друга.

Сближение естественнонаучного знания с социальным или физическим стимулирует переосмысление уже имеющегося знания в контексте реалий современной культуры и технологий. Это также влияет на трансформацию косметологической проблематики – ее выход на новый уровень общественного осмысления с учетом уже имеющихся знаний. Фактор формирования трансдисциплинарности в косметологической области определяется проблемным характером, который обусловлен антропологическими особенностями индивида. В этом смысле она представляет собой результат развития постнеклассической науки, которое стимулирует непрерывное движение философской мысли в поисках новых методов, пригодных для решения проблем. Известно, что существует необходимость пересмотра установленных методологических разделений и поиска новых форм взаимодействия наук, которые считаются несовместимыми из-за различий в мировоззрении. Это открывает перспективу создания трансдисциплинарного научного пространства в философской области косметологии.

Трансдисциплинарная парадигма и междисциплинарная парадигма основаны на методологии синтеза знаний. При этом междисциплинарная парадигма используется в когнитивной деятельности и объяснительной функции. Трансдисциплинарная парадигма, напротив, задействована в материально-преобразующей практике и ее моделировании. Междисциплинарная парадигма основана на использовании методов из одной дисциплины в другой и применяется при решении пограничных вопросов, как бы представляя собой сочетание методов близких друг другу смежных наук. Междисциплинарная парадигма рассматривается как «горизонтальное» направление исследований, а трансдисциплинарная парадигма представляет собой «вертикальное» направление освоения мира, в том числе выявление и решение проблем методом проектирования, где используются ресурсы различных сфер культуры, в том числе, практико-ориентированных исследований. При этом все проблемы центрированы вокруг человека и его способов освоения мира для удовлетворения материальных и духовных потребностей. С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что косметология может рассматриваться как одна из сфер постановки и решения философско-антропологических вопросов и как следствие, выступать как трансдисциплинарная область современного научного знания.

Философский аспект в косметологии позволяет использовать многоуровневое понимание жизни и здоровья человека и ведет к системе

комплексного познания и знания о человеке. Каждый случай в косметологии уникален, поэтому для эффективного решения необходимо учитывать аспекты как медицинские, так и психологические, юридические, моральные, финансовые и социальные. Поэтому для философии косметологии важны дискуссии между учеными, инженерами, юристами, врачами и философами. Каждый участник дискуссии представляет существенный аспект обсуждаемого вопроса. Решение вырабатывается на основе консенсуса, и каждая из сторон несет равную ответственность за его последствия. Цель такого совместного обсуждения заключается в создании нового направления развития в обсуждаемой области.

Академик В. С. Стёпин отмечал, что сегодня учеными осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. В результате чего «требование экспликации ценностей не только не противоречит традиционной установке на получение объективно истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки» [1. С. 48].

Примером применения трансдисциплинарного синтеза знаний в области косметологии может служить следующее. Важно учитывать, что при разработке косметологического аппарата в основе лежит определенная теоретическая база, которая и определяет инновационное развитие всей области в целом. Такая база определяется *треками развития инновации*, которые моделируют инновационный цикл и включают:

1. Интеллектуально-образовательный трек инновационного развития (ИР) состоит из: а) Pre-startup стадии, где в процессе творческого вдохновения формируется изобретение, которое затем перерастает в инновацию, что образует инновационный цикл; б) стадии определения проблематики, связанной с решением актуальных задач и подготовкой бизнес-плана; в) стадии проведения научных исследований и разработок.

2. Хозяйственно-правовой трек, связанный с: а) созданием интеллектуальной собственности; б) учетом основ патентования, формулы изобретения при разработке и регистрации патента.

3. Инженерный трек, предполагающий: а) непосредственное проектирование и конструирование косметологического аппарата; б) лабораторную и промышленную разработку прототипа.

4. Промышленный трек, связанный с: а) анализом производителей и поиском изготовителя (fables-модель бизнес – производства); б) проведением испытания и сертификации, ключевым продуктом чего является опытная партия.

5. Экономический трек, включающий: а) экономическую и управленческую модель бизнеса; б) бизнес-идею, основные бизнес-процессы; в) бизнес-планирование, выходным продуктом которого является бизнес-процесс с подготовкой бизнес-плана.

6. Финансово-инвестиционный трек, включающий: а) инвестиционное финансирование; б) поиск инвестора, венчурное финансирование; в) краудфандинг, ключевым продуктом которого является инвестиция.

7. Промышленный выпуск партий косметологических аппаратов.

8. Масштабирование бизнеса.

Последовательное движение по трекам развития инновации в конечном счете позволит пройти весь путь от разработки до массового производства косметологического аппарата.

В этом контексте объединяющим указанные треки фактором выступает философия косметологии, которая является своеобразной точкой соединения очень далеких друг от друга сфер познания и представляет собой систему, где первично прежде всего здоровье и красота человека. В качестве дополняющих элементов системы выступают эстетика, восприятие и другие, то есть вектором развития косметологических аппаратов является направление знаний на благо человека, что соответствует и целям науки.

Список литературы

1. Стёпин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1992. 199 с. – С. 3–16.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Такушевич Полина Васильевна,

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Данилов А.Н., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор

социол. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии

Белорусского государственного университета

Аннотация. Трансформации в социальной сфере обладают особенной остротой, так как они касаются жизни любого человека, видоизменяют социальную структуру общества, его бытийно-пространственный порядок. Статья посвящена анализу глобализации, определяющей новый этап социокультурного развития, создающей принципиально иные условия, обуславливающие и развивающие общественные отношения, и потому являющейся одной из определяющих причин социокультурных изменений, совершающихся в настоящий период. Отличительной особенностью нового периода развития человечества является глобальный кризис, овладевший всеми сферами общественной жизни.

Ключевые слова: глобализация, глобальные риски, кризис, социокультурная трансформация, национальная идентичность, постсоветское пространство.

SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Takushevich Polina Vasilievna,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Alexander N. Danilov

Corresponding Member of the National Academy of Sciences of

Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department,

Belarusian State University

Abstract. Transformations in the social sphere are especially acute, since they concern the life of any person, modify the social structure of society, its existential-spatial order. The article is devoted to the analysis of globalization, which determines a new stage of sociocultural development, creates fundamentally different conditions that determine and develop social relations, and therefore is one of the determining causes of sociocultural changes taking place

in the present period. A distinctive feature of the new period in the development of mankind is the global crisis that has seized all spheres of public life.

Keywords: globalization, global risks, crisis, sociocultural transformation, national identity, post-Soviet space.

Изменения экономической, политической, культурной и других сфер оказывают непосредственное влияние на человека и обществе. В связи с чем, в современных условиях важным критерием развития процессов глобализации являются трансформационные изменения социокультурного пространства. Изменяются не только окружающая среда и условия жизни индивидуума, но и представления о современном обществе, месте и роли человека в нем. При этом трансформируются нормы, ценности, идеалы, что, в конечном итоге, влечет за собой коренные изменения социальных и культурных основ человеческого бытия, в том числе и формирование новой иерархии ценностей.

В современных условиях одновременно с активным вовлечением стран в процессы международной экономической интеграции «размываются» существующие национальные идеи и доминанты, ослабевает и видоизменяется национальная идентичность. И страны постсоветского пространства не являются исключением. Изменение статуса и роли государства в условиях глобализации имеет особое значение для стран постсоветского пространства, в рамках которого роль государства в экономике и государственного начала в обществе в целом всегда была достаточно высока.

Современная ситуация, сложившаяся в мире, характеризуется крайним напряжением, нестабильностью и непредсказуемостью. Кризисные явления наблюдаются практически во всех сферах жизнедеятельности человечества. Это климат и природная среда, мировая экономика и международная политика, рост социального накала и воздействие на человеческое общество научно-технического прогресса [1, с.238].

Группа геополитических рисков охватывает глобальные проблемы, связанные с распространением и угрозой применения оружия массового поражения; кризисом внутренней и внешней политики государств, политических и военных блоков; широким распространением международной организованной преступности, терроризма, коррупции; вмешательством одних государств во внутренние дела других, преступным военно-политическим давлением, проведением неправомерной

санкционной политики; сбоями глобального управления, ослаблением влияния международных институтов, нарушением соглашений [3, с. 385].

К категории глобальных социальных рисков относятся риски, связанные с нестабильностью динамики населения, социальными кризисами и выживанием человека. Это водный и продовольственный кризис, угроза голода; массовое распространение инфекций, появление новых болезней и несовершенство системы борьбы с ними; крупномасштабная (часто неуправляемая) вынужденная миграция; бесконтрольная урбанизация; увеличивающиеся неравенство доходов и разрыв в жизненном уровне между богачейшими и самыми бедными гражданами; усиление политической и социальной нестабильности; снижение доверия граждан к власти.

Говоря о состоянии современного мира, следует отметить крайнюю степень напряженности во взаимоотношениях ключевых стран, альянсов и блоков, усиливающуюся конфронтацию. Характерными признаками нашего времени является геополитическая нестабильность фактически во всех регионах мира; ослабление взаимного доверия и несоблюдение подписанных договоров, принятых обязательств, пренебрежение со стороны отдельных государств международным правом.

Слабость и несостоятельность созданных международных организаций, принятых конвенций и соглашений из-за отставания их участниками своих национальных, групповых и политических интересов, что делает неэффективными сотрудничество и совместное противостояние глобальным угрозам и общим вызовам человечеству, увеличивает риски военных конфликтов. Глобальной проблемой современного мира стали масштабные кибератаки. Если еще несколько лет назад они находились исключительно в криминальной сфере, то в последний период киберпространство заняли правительства, спецслужбы и военные, начав, по сути, мировую информационную цифровую войну.

Трансформации в социальной сфере обладают особенной остротой, так как они касаются жизни любого человека, видоизменяют социальную структуру общества, его бытийно-пространственный порядок. Поэтому современный человек нуждается в помощнике, наставнике. Ведь совсем неспроста в цифровом пространстве сейчас так востребованы личные менторы и коучи. Человек пытается выбраться из клубка проблем, давящих на человечество уже в течении нескольких лет, старается убежать от реальности и ищет ту самую спасительную таблетку.

Очевидно, что именно поддержание многообразия культурных форм и практик определяет параметры социокультурного развития [2, с. 368]. Одна из современных точек зрения состоит в том, что для разрешения конфликтной ситуации необходимо претворить в жизнь идею многополярного сообщества стран, народов и культур в противовес его зеркальной версии – «конфронтационного полицентризма». Человечество может объединяться, опираясь на согласование интересов и взаимопроникновение ценностей сосуществующих ныне техногенного и традиционного обществ. Первостепенное значение здесь имеет идея диалога культур, которая проявляется в поиске нового без разрушения старого, в сопряжении с иным, в стремлении к взаимопониманию и признанию за обеими культурами равноценности. В результате процессы глобализации не только существенно влияют на этнические, национальные и конфессиональные объекты идентичности переходных обществ, но и определяют новые направления, приоритеты и стратегии социодинамики стран постсоветского пространства.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность: пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 238 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века: пер. с англ.; под ред. Б.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
3. Посталовский А.В, Бузовский И.И., Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 383-403.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Теплов Александр Сергеевич,

магистрант философского факультета

Государственного академического университета гуманитарных наук,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Постнеклассическая наука характеризуется освоением сложных саморазвивающихся систем. В качестве одной из таких систем Вячеслав Семёнович Стёпин признает социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития. Актуализация социокультурных условий в решении современных проблем постнеклассической науки, а также антропологический поворот определяют новый методологический подход к исследованию социальных объектов, как саморазвивающихся систем – и в частности, человека. Человек, как личность, являясь сложной системой, включает в себя множество нерешенных и необъясненных на данный момент вызовов. Всё больше аспектов природы человека уже не могут являться строго внутридисциплинарными объектами исследования наук. Предложенные в период неклассической науки концепции и теории теряют свою актуальность, а современные философские, социологические и биологические проблемы, связанные с человеком, необходимо рассматривать в ракурсе постнеклассической методологии. Еще в середине XIX века философия вступила в эпоху радикального пересмотра прежней парадигмы познания, уделяя более важную роль социокультурным аспектам, воздействующим на человека, что способствовало переосмыслению точки зрения на субъектно-объектные отношения человека и природы. Однако теперь трансдисциплинарный синтез знания может поспособствовать появлению новых взглядов на природу и становление личности, а также её взаимодействие с окружающим миром, опираясь на постнеклассическое представление о человеке.

Ключевые слова: личность, человек, трансдисциплинарность, постнеклассическая наука, социокультурный нарратив.

PERSONALITY RESEARCH IN TRANSDISCIPLINARY TRENDS OF MODERN SCIENCE

Teplov Alexander Sergeevich,

Master student, Faculty of Philosophy, State academic university for humanities,

Moscow, Russian Federation

Abstract. Post-non-classical science is characterized by the development of complex self-developing systems. As one of these systems, Vyacheslav Semenovich Stepin recognizes social objects, considered taking into account their historical development. The actualization of socio-cultural conditions in solving modern problems of post-non-classical science, as well as the anthropological turn, determine a new methodological approach to the study of social objects as self-developing systems - and in particular, a person. Human, as a person, being a complex system, includes many unresolved and currently unexplained challenges. More and more aspects of human nature can no longer be strictly intradisciplinary objects of science research. The concepts and theories proposed in the period of non-classical science are losing their relevance, and modern philosophical, sociological and biological problems related to man must be considered from the perspective of post-non-classical methodology. Back in the middle of the 19th century, philosophy entered the era of a radical revision of the former paradigm of cognition, giving a more important role to sociocultural aspects that affect a person, which contributed to a rethinking of the point of view on the subject-object relationship of man and nature. However, now the transdisciplinary synthesis of knowledge can contribute to the emergence of new views on the nature and formation of the personality, as well as its interaction with the outside world, based on the post-non-classical idea of a person.

Keywords: personality, human, transdisciplinarity, post-non-classical science, sociocultural narrative.

Современная наука при изучении и решении предстоящих перед ней проблем всё чаще использует методологическую основу, которая характерна для определения постнеклассической науки, которое было введено Вячеславом Семёновичем Стёпиным. Проявляется это во внимании к изучаемым системам в качестве их сложности и саморегуляции. Четкие границы между отдельными дисциплинами начинают размываться, а при изучении систем учитывается их историческое развитие и социокультурное взаимовлияние с другими системами. Так, например, аналитическая философия сознания стала активно обращаться к наработкам в области нейронаук, а психология и биология в свою очередь, принимают активное участие в исследовании проблем сознания, обращаясь к наработкам философии сознания.

В статье «Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма» Вячеслав Семёнович Стёпин отмечает, что с появлением постнеклассической рациональности жесткая граница между социально-гуманитарными и естественными науками стирается [2, с. 462]. Происходящее размытие жестких дисциплинарных границ не может обойти стороной и те исследования, которые касаются природы, функционирования и влияния на мир человека, как личности. Ведь

человечество, являясь сложной и саморегулирующейся системой, так же остается, как и прежде, одной из центральных проблем исследования большинства наук.

Человека, как личность, являющегося частью человечества, как сложной системы, можно также отнести к сложной и главное саморазвивающейся системе, что так же делает его объектом изучения постнеклассической науки. В каждой личности формируется опыт, который является особенностью его взаимодействия с окружающей средой, вырабатываются определенные представления и знаки, которые, в частности, служат для выстраивания отношений в социальной среде с другими подобными личностями, что делает каждого человека не просто неповторимой личностью, но и особой сложной саморазвивающейся системой.

Стоит заметить, что философия, психология и биология исследуют проблемы, связанные с человеком и личностью, используют методологию постнеклассической науки. Например, в изучении биологической и социальной роли становления личности учитываются такие социальные условия, которые способны перекрыть роль биологических задатков, в частности феномен «детей-маугли», которые попадая в животную среду обитания, даже обладая исключительным генетическим набором и рядом врожденных свойств, не смогут стать полноценной социализированной личностью [3, с. 46]. Однако не все проблемы человека на данный момент времени успешно завершили переход от неклассической методологии к постнеклассической. Здесь можно выделить современные концепции субъективности, как тему достаточно близкую. Например, Мануэль Деланда, описывая свою социальную онтологию, усложняет не только определение самого субъекта, представляя его как сборную идентичность, формируется двойной связью между рациональным и чувственным, рациональная составляющая которого формируется в процессе решения практических задач, то есть в процессе взаимодействия. [1] Данная концепция интересна тем, что взгляд на общество становится более сложным, Деланда в целом критикует взгляд на «общество как целое», мир наделен множеством сложных сущностей, которых нужно рассматривать отдельно и подробно, с учетом их исторического развития и социокультурных особенностей. Это одна из многих современных концепций, появившихся за последнее десятилетие, что говорит о продолжающемся переходе к постнеклассической науки.

В качестве примера одной из проблем личности и её взаимодействия с социумом, которая так же достаточно мало рассматривается в постнеклассическом методологическом дискурсе, можно привести структуру и роль эмоций. Проблема является актуальной для современной науки, существует множество взглядов касательно происхождения, определения и функционирования эмоций, она привлекала к себе не только психологов, но и философов, а так же историков, которые предлагали различные точки зрения как на природу эмоций, их значение и способы конструирования, так и на влияние их на человека, его поведение и влияние на общество в целом. Мимика и жесты, в свою очередь, являются основными знаками в среде социальной коммуникации для отражения эмоций человека. И в исследовании таких знаков произошло интересное открытие в 2015 году. Психолог Карлос Кривелли, показывая жителям островов Тробриан фотографии европейцев, попросил определить, какие эмоции переживают люди на снимках [4]. Этот эксперимент привел к неожиданному открытию, жители острова описывали эмоции на фотографиях совершенно иначе, чем это сделал бы европеец, отсюда можно сделать вывод, что отражение эмоций, а может и их специфика отличаются в зависимости от социального и культурного контекста. Данное открытие ставит под сомнения существование общечеловеческих эмоций, создает еще больший вопрос об их функциях и влиянии на человека и его окружающий мир. Но самое главное, это небольшое открытие является важным доказательством того, как самая незначительная и, как могло представляться, интуитивно понятная деталь обширной проблемы может не только не соответствовать устоявшимся представлениям, но и существенно изменять взгляд на всю проблему, в которую она включена. Так, можно сказать, что теории эмоций, как и многие другие исследования личности, нуждаются в трансдисциплинарном синтезе знаний, ведь они, обладая определенными дисциплинарными границами, могут пропустить достаточно важные детали, способные создать новый взгляд на проблему.

Таким образом, современная наука в исследованиях личности все еще совершает переход к постнеклассической методологии, внедряя трансдисциплинарный синтез знаний в исследования. Однако этот момент является очень важным даже в самых, на первый взгляд кажущихся внутридисциплинарных проблемах, ведь он служит, в том числе, для пересмотра уже сложившихся интуитивно понятных аспектов проблем личности, которые, могут оказаться ошибочными.

Список литературы

1. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. Философско-литературный журнал. 2017. Т. №3 (118). с. 35–56.
2. Стёпин В.С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / Отв. ред. А.Н. Данилов – Минск: БГУ, 2014.
3. Труфанова Е.О. Дилемма «nature vs nurture» в становлении личностных характеристик Я // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. – Часть 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2014.
4. Meyers T.R. Why our facial expressions don't reflect our feelings // URL: <https://www.bbc.com/future/article/20180510-why-our-facial-expressions-dont-reflect-our-feelings> (Дата обращения 20.09.2022).

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Терехин Евгений Леонидович,

аспирант кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Рассматривается релятивный характер научной рациональности в рамках таких направлений постнеклассической эпистемологии как конвенционализм, конструктивизм и эпистемологический релятивизм. Утверждается, что особенности функционирования научных сообществ не позволяют научному знанию и его критериям носить нейтральный, объективный и универсальный характер

Ключевые слова: релятивизм, научная рациональность, постнеклассическая эпистемология

RELATIVIZATION OF SCIENTIFIC RATIONALITY IN POST-NONCLASSICAL EPISTEMOLOGY

Terekhin Evgeny Leonidovich,

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. The relative nature of scientific rationality is considered within the framework of such areas of post-nonclassical epistemology as conventionalism, constructivism and epistemological relativism. It is argued that the features of the functioning of scientific communities do not allow scientific knowledge and its criteria to be neutral, objective and universal.

Keywords: relativism, scientific rationality, post-nonclassical epistemology

В. С. Стёпин говорит о научной рациональности как об одном из важнейших компонентов культуры техногенной цивилизации; именно в рамках этого типа научной рациональности происходило становление и развитие современной научной картины мира.[2, с. 226] Наука при этом является не только основой технологического прогресса, результаты которого во многом определяют каждодневную жизнь современного человека, но заложенная в науке установка на преобразование окружающего мира, на результативность и эффективность повлияла на особенности экономических и политических отношений культуры модерна и постмодерна. Со второй половины XX века, на фоне очевидно кризисного

состояния техногенной цивилизации, происходит переосмысление социокультурного статуса и роли науки и научного знания, что с необходимостью ведет к изменениям в понимании научной рациональности.

Постнеклассическая эпистемология указывает на несколько существенных особенностей научного познания, которые позволяют взглянуть на научную рациональность как имеющую релятивный характер. Выделим здесь три наиболее существенные.

1) Конвенциональная природа научного знания (Ж. А. Пуанкаре, Т. Кун, П. Фейерабенд). Научное знание является результатом деятельности научных сообществ, а научная рациональность, как совокупность норм и критериев научной деятельности – результат «соглашения» между представителями академических кругов. Смена исследовательской парадигмы/научно-исследовательской программы приводит к появлению новой научной картины мира. Т. Кун описывает смену парадигм при научной революции «как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете... после революции ученые имеют дело с иным миром». [1, с. 173] И для этого иного мира создается новый язык, новые критерии и нормы, новые границы; новая научная рациональность. Научная рациональность, таким образом, не обладает самостоятельной природой и является результатом существующего консенсуса в том или ином научном сообществе.

2) Конструктивистский характер познавательного процесса (П. Вацлавик, Э. Глазерфельд, Х. Ферстер). Идея, которая лежит в основе конструктивизма, кажется почти тривиальной – описываемая картина мира с необходимостью зависит от того, кто ее описывает, т.е. от наблюдателя. Познание, таким образом, является не процессом отражения объективной независимой реальности, а созданием, конструированием (образа) субъективного мира. [4, р. 26] Поскольку «объективная реальность» здесь выносится за скобки как принципиально непознаваемая или даже вовсе не существующая, то акцент переносится на познающий субъект, и все нормы и критерии познания, в том числе научного, являются отражением внутренних законов «создания миров» творческим субъектом.

3) Контекстуальность эпистемических практик и норм (Р. Рорти, М. Кюш, А. Лубоф). При рассмотрении природы научного знания, релятивист указывает, что результаты работы научных сообществ всегда укоренены в конкретной исторически обособленной социально-культурной

среде. Мы уже упомянули, что нормы и идеалы науки оказали влияние на особенности экономических и политических отношений современного мира, но верно и обратное: требования, предъявляемые обществом к науке, также как и требования, предъявляемые научным сообществом к самому себе, являются отражением вполне конкретных особенностей общественных отношений. Претензии научного знания на нейтральность, объективность и универсальность кажутся нам вполне обоснованным во многом потому, что результаты научных исследований удовлетворяют критериям, по которым в постзападном обществе оценивается всякая деятельность, в первую очередь – критерий эффективности. [3, р. 63] Все возрастающие комфорт и удобство жизни, которым мы несомненно обязаны достижением науки, казалось бы, сами по себе доказывают верность эпистемических оснований, лежащих в основе современной науки. Проблема здесь, однако, в том, что сегодня, в глобализированном мире, где альтернативные эпистемические практики вытеснены на периферию или ассимилированы научным сообществом, оценки и критерии научного знания создаются или внутри научного сообщества, или в обществе, не знающем существования в отрыве от научного прогресса, и таким образом не могут претендовать на нейтральность и универсальность.

В рамках самой науки такие критерии как научная рациональность также не могут претендовать на универсальность, так как не существует «науки вообще», в которой такой критерий мог бы быть выработан. Требования научной рациональности как правило отражают критерии, выработанные в рамках естественных дисциплин, причем взятые ретроспективно. Применяемые к гуманитарным дисциплинам, такие требования зачастую порождают своеобразный «карго культ», при котором имитация исследовательских особенностей естественных наук никак не способствует непосредственно исследованию, но тем не менее безукоризненно выполняется.

Разумеется, постнеклассическая эпистемология не дает хоть сколько-нибудь окончательного ответа на вопрос о природе знания и его границах – более того, скорее склонна отвергать саму возможность такого ответа – и при этом ведет к новым противоречиям и парадоксам. Однако порождаемые ею сомнения в достоверности оснований наших знаний и указание на их релятивность стимулируют новые формы интеллектуального поиска, в контексте понимания, что научное знание и его нормы и критерии появляются не в результате воздействия нейтральной природы на независимый разум ученого, а является плодом целенаправленных действий

научного сообщества, существующего в рамках определенной культурно-исторической среды.

Список литературы

1. Кун, Т. Структура научных революций / Томас Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.
2. Стёпин, В. С., Кузнецова, Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Стёпин, Л. Ф. Кузнецов – М.: Институт философии РАН, 1994 – 274 с.
3. Luboff, A. Facing Relativism. / A. Luboff – Switzerland: Springer International Publishing; 2020 – 171 p.
4. Segal, L. The dream of reality: Heinz von Foerster's constructivism / L. Segal – Springer-Verlag New York, 2001 – 172 p.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ «СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА»

Тимошко Валентина Юрьевна

студентка факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Анохина Виктория Валентиновна,

кандидат филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

Аннотация. Статья посвящена иллюстрации возможностей для манипулирования человеческим сознанием в «сетевом обществе». Предметом исследования являются характеристики современного человеческого сознания, обеспечивающие успешность манипуляции. Автор усматривает прямую корреляцию между свойствами сознания и характеристиками технологий современного общества. В качестве основного пространства для осуществления манипуляций в «сетевом обществе» была принята сеть Интернет. Приведены особенности Интернет-коммуникации, обеспечивающие скрытое воздействие на ценности личности и ее поведение. Главная цель манипулятора – контроль над поведением, который достигается за счет искажения системы ценностей индивида, пассивности его сознания и преобладания бессознательного. Мультимедийность Интернета обеспечивает пассивность сознания за счет высокой скорости информационного потока и его фрагментарности.

Ключевые слова: сознание; манипуляции; «сетевое общество»; Интернет; коммуникация.

HUMAN MIND AS AN OBJECT OF MANIPULATIONS OF THE "NETWORK SOCIETY"

Timoshko Valentina Yurievna,

Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Anokhina Victoria Valentinovna,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of
Science

Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to illustrating the possibilities for manipulating human mind in the "network society". The subject of the research is the characteristics of modern

human mind which ensure the success of manipulation. The author assumes a direct correlation between the characteristics of the mind and the characteristics of the technologies of modern society. The Internet was taken as the main space for manipulations in the "network society". The particularities of the Internet communication which provide a hidden influence on the person's values and their behavior are presented. The main goal of the manipulator is the control of behavior, which is achieved by twisting the person's value system, passivity of their mind and the predominance of the unconscious. The Internet as a multimedia provides passivity of mind because of the high speed of the information flow and its fragmentation.

Keywords: the mind; manipulations; the "network society"; the Internet; the communication.

«Сетевое общество» – это глобальное общество, организационные структуры людей в отношениях производства, потребления, воспроизводства, опыта и власти которого основаны на взаимосвязанных сетях, работающих на основе информационных и коммуникационных технологий, базирующихся на микроэлектронике. Специфическое устройство сетей и особенности их функционирования экстраполируются на организационные структуры современных обществ. Это позволяет присвоить им такие черты, как адаптивность, глобальность, фрагментарность.

В данном типе обществ информация и коммуникация являются главенствующими рычагами управления и контроля. Коммуникация определяет социальные реалии и образ жизни человека, влияя на организацию труда, характер технологий, систему образования, использование «свободного времени» и т.д.

Сеть Интернет – технология, обеспечивающая горизонтальную коммуникацию за счет своей сетевой децентрализованной структуры, адаптирующейся и изменяющейся под потребности ее пользователей. Таким образом, культура Интернета перевозносит ценности горизонтальной, свободной коммуникации и открытой, самонаправляемой организации сети.

Для четкости понимания термина «манипуляции» приведем цитату исследователя манипулирования общественным сознанием В. И. Левашова «Манипулирование есть такой вид управления поведением личности, социальной группы, общества или планетарного социума, при котором используются скрытые методы социально-психологического воздействия на подсознание людей (внушение и т. д.) и сознание в целях обеспечения частных, отличных от их собственных, противоречащих им интересов

отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур» [1]. «Перекодирование» ценностных ориентаций является основой манипулирования сознанием и происходит за счет искусственного искажения, приводящего к снижению важности одних ценностей и увеличения значимости для жизнедеятельности объекта других. Необходимое условие манипуляции – сохранить у объекта манипуляции иллюзию свободного личного выбора. Манипуляция как скрытое воздействие на массовое сознание нацелена на формирование инертности народных масс. В этом одно из ее отличий от пропаганды и агитации, действующих напрямую и открыто.

Взяв за основу структурные, содержательные и технологические особенности интернет-коммуникации, приведенные С. В. Володенковым [2], выделим те характеристики, которые обеспечивают пространство для манипуляций сознанием:

1. Экстерриториальность. Сеть Интернет общедоступна и стать членом интернет-коммуникации, а также объектом манипуляции, возможно почти из каждой точки планеты.

2. Структурированность аудитории. Трансформация социальности под действием Интернета сопровождается заменой пространственных сообществ эгоцентричными сетями сообществ по интересам. Для них характерна изменяющаяся геометрия и переменный состав. То есть объектами манипуляций становится не все общество, а конкретные группы, сформированные на базе общих интересов. Культуры сетевых обществ характеризуются фрагментацией и потенциальной некоммуникабельностью кодов. Это дает почву для манипулятивной эскалации конфликта групп оппозиционных интересов.

3. «Горизонтальность» коммуникации и пользовательская генерация контента. Подключение к сети Интернет образовало новую форму коммуникации – массовые самокоммуникации. Содержание коммуникации управляется пользователями в плане публикации сообщений и выбирается пользователями в плане получения сообщений «от многих ко многим». Подобное распространение информации может быть использовано в технологиях эмоционального «заражения» масс.

4. Таргетированность. Например, торговые компании имеют инструментарий для сбора и анализа интернет-данных об их клиентах. Составленный «портрет» не только отражает интересы и потребности, но способен обеспечить опосредованную манипуляцию мнением клиента, что может проявляться как «навязывание» определенных взглядов.

5. Опосредованность восприятия пользовательскими оценками. Сообщения с высшим рейтингом вызывают ощущение большего доверия и желания приобщиться к большинству во избежание социального остракизма. Приобщение лидеров-мнений к процессу «перекодирования ценностей» способно повысить лояльность целевой аудитории к высказываемым мнениям и поспособствовать «незаметному» приобщению к взглядам авторитета.

6. Дробление или фрагментация информации. Для доступа к широкой аудитории СМИ дробят информационные потоки перед публикацией для повышения уровня наглядности и простоты восприятия. Реклама, прерывая передачу о всевозможных социальных или политических явлениях, низводит данные явления до уровня ничего не значащих. Ее вмешательство еще больше понижает способность аудитории оценивать тотальный характер освещаемого события или проблемы, что препятствует пониманию и создает пространство для манипуляции.

7. Высокая скорость распространения информации. Существующая социальная система использует технику быстрой передачи информации как манипулятивный прием, который лишает данную информацию смысла. Это происходит вследствие моментального вытеснения данной информации новой, никак не связанной с предыдущей, информацией. У человека нет возможности осознать что-либо в данном потоке, поэтому он «выбирает» пассивность и отказ от осознания, тем самым подчиняясь главной цели манипулятора и манипуляции.

8. Вневременность. Интернет-коммуникация, как и события в сетевом обществе, характеризуется вневременностью и одновременностью. События мгновенны за счет сжатия времени, хронологически не упорядочены ввиду социальной обусловленности их использования (например, выстраивания информации о событиях в том порядке, который необходим СМИ для формирования необходимого мнения у аудитории на эти события) и одновременны за счет постоянного скоростного обмена информацией в реальном времени.

Интернет можно трактовать как мультимедиа – он является синтетическим слиянием основных типов массовой коммуникации (печатное слово, радио, телевидение). По теории Маршалла Маклюэна, средство коммуникации есть расширение человеческого тела, некое чувства или способности [3]. Это делает воздействие средств коммуникации на человеческие чувства скрытым и очень сильным. Как можно заметить,

данный факт делает средства коммуникации идеальным инструментом для манипуляций.

Архитектура сети Интернет базируется на микроэлектронике. Электрической технологии как расширению вовне центральной нервной системы человека свойственны simultанность, мгновенность и вовлеченность. Данные характеристики распространились не только на промышленные и общественные процессы, но, в первую очередь, изменили человеческое сознание. Описывая данное изменение, Маршалл Маклюэн сделал вывод, что электричество вызвало процесс ретрайбализации, или архаизации сознания племенного дописьменного общества. Визуальное индивидуалистическое сознание человека механистической эпохи в эпоху электричества вернулось к аудиотактильному коллективному сознанию племенного человека. Отстраненность, гомогенность и централизация сменились полной вовлеченностью, синестезией и децентрализацией как основными качествами психической деятельности субъекта. Можно заметить, что эпоха электричества, в таком случае, делает невозможным последовательный рациональный анализ. Человек электронной эпохи вынужден мгновенно принимать решение с учетом всех факторов. Это делает постижение окружающей реальности чисто интуитивным и бессознательным. Очевидно, что человек электронной эпохи в трактовке Маклюэна является крайне восприимчивым к манипулятивному воздействию ввиду преобладания иррациональной компоненты.

Таким образом, основным пространством для манипуляции в сетевом обществе можно выделить сеть Интернет как технологию, предоставляющую возможность осуществления горизонтальной коммуникации. Возможность манипуляции объясняется скрытым воздействием средств коммуникации на человеческое сознание ввиду понимания их как «расширений вовне человеческого тела». Человеческое сознание как объект манипуляций в «сетевом обществе» обладает такими характеристиками, как фрагментарность, simultанность, мгновенность, вовлеченность, синестезийность, иррациональность, децентрализация. Сочетание сознания, обладающего такими характеристиками, и целенаправленной манипулятивной интернет-коммуникации приводит к скрытой подмене ценностей субъекта, ставшего безличным объектом в результате манипуляции. Личные ценности объекта манипуляции перекрываются навязанными ценностями, необходимыми для реализации заготовленного манипулятором сценария поведения данного объекта, главный из которых – пассивность.

Список литературы

1. Староверов, В. И., Левашов, В. И. Манипулирование общественным мнением: социологические аспекты анализа [Электронный ресурс] / В. И. Староверов; В. И. Левашов // Социология власти. 2009. №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-obschestvennym-mneniem-sotsiologicheskie-aspekty-analiza>. – Дата доступа: 24.10.2022.
2. Володенков, С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления / С. В. Володенков. – М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015. – 272 с.
3. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

КОНСТРУКТИВНАЯ ПАРАДИГМА В. С. СТЕПИНА КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ ВЕРСИЙ ИСТОРИИ ФИЗИКИ

Л. М. Томильчик,

член-корреспондент НАН Беларуси,

доктор физ.-мат. наук, профессор

Н. Г. Кембровская,

кандидат физ.-мат. наук, доцент кафедры общей физики физического факультета

Белорусского государственного университета

Аннотация. Методологическая концепция реконструкции реального исторического материала, предложенная В. С. Стёпиным, является фундаментальной в процессе интерпретации генезиса развитой научной теории. Удачным, с точки зрения выработки конкретных приемов методологического анализа и проверки их эффективности, оказался выбор физической науки и истории ее формирования в качестве приоритетного объекта исследования. Исключительно продуктивный характер методологии В. С. Стёпина продемонстрирован в широком диапазоне конкретных этапов развития науки: формирования развитых теорий в классической и квантово – релятивистской физике. Применение конструктивной методологии В. С. Стёпина позволило выявить мифологизированные представления в истории физики.

Ключевые слова: историко-методологическая реконструкция, генезис развитой научной теории, мифологизированные представления в истории физики.

THE CONSTRUCTIVE PARADIGM OF V. S. STEPIN AS THE BASIS FOR IDENTIFYING MYTHOLOGIZED VERSIONS OF THE HISTORY OF PHYSICS

L. M. Tomilchik,

Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus,

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor

N. G. Kembrovskaya,

PhD Candidate Physics and Mathematics, Associate Professor of
the Department of General Physics Faculty of Physics Belarusian State University

Abstract. The methodological concept of the reconstruction of real historical material, proposed by V. S. Stepin, is fundamental in the process of interpreting the genesis of a developed scientific theory. The choice of physical science and the history of its formation as a priority object of study was successful from the point of developing specific methods of

methodological analysis and testing their effectiveness. The extremely productive nature of V. S. Stepin's methodology is demonstrated in a wide range of specific stages in the development of science: the formation of developed theories in classical and quantum-relativistic physics. The use of the constructive methodology of V. S. Stepin made it possible to reveal mythologized ideas in the history of physics.

Keywords: historical and methodological reconstruction, the genesis of a developed scientific theory, mythologized ideas in the history of physics.

Как тонко заметил в свое время Гейзенберг, то, что мы изучаем, не есть мир сам по себе, а мир, каким он предстает перед нами благодаря нашему способу задавать вопросы. Поэтому найти конструктивное решение глобальных проблем и сохранить статус науки как одной из важнейших социокультурных ценностей, невозможно без опоры на системно-организованное достоверное научное знание.

«Если не прилагать должных усилий к формированию адекватного образа науки в общественном сознании, особенно у тех, кто принимает решения, то падение ее престижа в общемировом масштабе грозит необратимыми последствиями.» [1, с. 59].

На актуальность данной проблемы особенно в процессе социализации молодого поколения указывал В. С. Стёпин. «Сегодня под влиянием СМИ и Интернета у массы людей формируется так называемое клиповое мышление, когда мелькает калейдоскоп образов, не связанных никакой логикой и не имеющих рационального обоснования» [2, с. 64].

Суть обсуждаемой проблемы четко обозначена в высказывании известного историка и методолога науки Д. Холтона.

«Конечно, обучать истории науки или даже подразумевать ее в неявном виде не является задачей обычных учебников по физике, но они все же это делают с самыми лучшими намерениями. В результате существует широко распространенная, популярная, «подразумеваемая» история науки. Фактически, поскольку лишь немногие студенты берут по доброй воле в руки курсы по истории науки, подразумеваемая история является версией наиболее распространенной; в силу ее распространенности, она, в свою очередь, является той версией, которая успешно служит будущим историкам в качестве оправдания» [3, с. 117].

Характерной особенностью «подразумеваемой» истории науки является обилие мифологизированных версий, позиционируемых в качестве достоверных фактов. «Соответствующая ложная информация, тем не менее, систематически тиражируется многочисленными учебными, учебно-

методическими и даже справочными пособиями, включая современные электронные источники информации (Википедия и интернет в целом)» [4, с. 10].

Задача отделения реальных, исторических событий от «подразумеваемых» особенно актуальна, когда речь идет о возникновении принципиально нового знания. На первый взгляд, все решается элементарно – путем прямого обращения к надежным источникам соответствующей информации.

Чтобы эксплицировать «замысел» каждого конкретного создателя новой успешной теоретической концепции, нужно, следуя совету А. Эйнштейна, обратиться к анализу его трудов, поскольку реальная логика любого научного открытия должна «в закодированном виде» содержаться в авторских текстах, первоначальных, неадаптированных, черновых набросках, либо в напечатанных работах, опубликованных, так сказать, «по горячим следам».

Между тем, сам процесс генерации нового научного знания представляет собой целенаправленный поиск, в ходе которого конкретный исследователь ставит перед собой определенную задачу (задает исследовательскую программу) и пытается отыскать пути ее решения. Чрезвычайно важно то, что при этом в ходе поиска рациональная составляющая процесса, связанная с последовательным, логически детерминированным использованием соответствующих моделей (прежде всего математических), тесно переплетена со второй его составляющей – иррационально-интуитивной, которая целиком находится вне рамок стандартной логики. И главная трудность в анализе процесса открытия заключается в том, чтобы выявить «замысел» создателя новой успешной теории, исключая эффект ретроспективного видения проблемы.

Историко-методологическая реконструкция реального исторического материала, предложенная В. С. Стёпиным, всемирно признанным методологом науки, существенно конкретизирована: нужно выявить в оригинальных текстах, написанных первооткрывателем, детерминированную последовательность шагов, совершаемых в строгом соответствии с выбранной им же стратегией исследования. Если эта стратегия по ходу дела варьируется, то следует установить, в чем именно выражается произведенная коррекция и чем она вызвана.

Именно обращение к оригинальным текстам создателей нового знания в качестве основной «эмпирической базы» конструктивной теории познания сыграло у В. С. Стёпина роль того «краеугольного камня»,

который цементировал всю методологическую концепцию и поставил ее на прочную экспериментальную основу. На этом пути ему удалось выявить некоторые общие приемы динамики научного исследования, особенности построения развитых теорий, как в классической, так и современной науке.

Продуктивность этой идеи В. С. Стёпин продемонстрировал в своих первоначальных конкретно-методологических исследованиях, обратившись к анализу трудов Кулона, Гильберта, Фарадея, Ампера, Эрстеда, Вебера. На этом пути ему удалось выявить некоторые общие приемы построения конструкций, получивших впоследствии название «первичных теоретических схем».

Неоценимым достоинством являются ключевые элементы парадигмы В. С. Стёпина: предварительное онтологическое видение ситуации, определяющее стратегию поиска, и выбор средств его реализации; а также экспликация аналоговых моделей вместе с соответствующими математическими структурами, которые формируются исключительно на базе научного и социокультурного материала, доступного первооткрывателю в процессе его деятельности.

Решающей демонстрацией апробации эффективности предложенной методологической концепции оказалось ее успешное применение к генезису развитой теории.

В качестве объекта исследования была выбрана история создания электродинамики Максвелла, соответствующая реконструкция которой была осуществлена В. С. Стёпиным и Л. М. Томильчиком совместно «в четыре руки». Проведенная реконструкция создания максвелловской электродинамики, как важнейшего этапа истории физики, стала возможной благодаря тому, что было проанализировано все, опубликованное Максвеллом, начиная с первых эскизных набросков теории (1855–1856гг.) и заканчивая полной самосогласованной системой дифференциальных уравнений (1864г.) [5,6,7].

Основным конкретным результатом этой деятельности было решение проблемы появления тока смещения и опровержение широко распространенного и постоянно тиражируемого исторического мифа – приписывания Максвеллу такого приема, как использование соображений симметрии.

Еще одним важным результатом проведенной реконструкции истории создания электродинамики, был вывод о том, что в процессе создания своей теории Максвелл не обращался непосредственно к экспериментальным данным, а учитывал их косвенно, оперируя модельными объектами, т.е.

первичными теоретическими схемами (Кулона, Ампера, Фарадея), уже «впитавшими в себя» необходимую экспериментальную информацию.

Помимо иллюстрации справедливости тезиса о принципиальной невыводимости теоретического знания чисто логическим путем из наблюдений, с методологической точки зрения было зафиксировано, что высказывания теоретического языка науки непосредственно относятся не к реальным объектам природы, а к некоторым идеальным конструктам, «репрезентирующим» эти объекты только по некоторым выделенным признакам.

В рамках такого подхода было выявлено ключевое условие успешной трансляции аналоговых моделей из одной предметной области в другую: осуществление операции конструктивного переопределения.

В качестве основы стратегии исследования Максвеллу послужила концепция близкодействия Фарадея (передача электрических и магнитных сил от точки к точке), что обусловило первоначальный выбор модельного образа (силовые линии) и средств его описания вместе с соответствующим математическим аппаратом (дифференциальные уравнения в частных производных), которые были заимствованы из механики сплошных сред (гидродинамическая аналогия). Аналоговый (функциональный) характер моделирования явлений электричества и магнетизма на такой основе состоял в том, что модельной жидкости не приписывалось никаких субстанциональных свойств.

Исследования Максвелла проходили в два этапа. На первом (1855 – 1856 гг.) базовые элементы объекта исследования – силовые линии моделировались трубками стационарного тока несжимаемой жидкости. На этой модельной основе удалось единым образом описать все явления электростатики и магнитостатики.

Однако, неразрешимые проблемы возникли при попытке ассимиляции данной схемой электромагнитной индукции, хотя в математическом плане Максвелл продвинулся достаточно далеко. В частности, он «математизировал» идею Фарадея об «электротоническом состоянии», оформив ее путем введения векторного потенциала. А также сформулировал систему уравнений, формально почти совпадающую с известной ныне, только без тока смещения! Тем не менее, Максвелл приостановил свое познавательное движение, возобновив его лишь несколько лет спустя.

Второй этап начинается с модификации первоначальной аналоговой модели. Место замкнутой трубки стационарного тока занимает модель

элементарного циклического жидкостного вихря, находящегося при своем вращении в контакте с телесным элементом, поступательное движение которого имитирует ток проводимости. Общий гидродинамический характер модели и соответствующий математический язык при этом сохраняется.

На основе новой аналоговой модели оказалось возможным немедленно ассимилировать электромагнитную индукцию Фарадея, а затем последовательно – теоретические схемы Кулона, Ампера и Био – Савара. Момент истины настал, когда дело дошло до описания в рамках новой модели картины поляризации диэлектриков (как внутреннего смещения зарядов). Здесь потребовалось добавить в модель предположение, что жидкость вихря сжимаемая, т.е. сам вихрь упруго деформируемый. Модель мгновенно отреагировала на это появлением тока смещения (в математическом оформлении – частной производной по времени от вектора электрической индукции), что и привело к возникновению замкнутой системы полевых уравнений известной макроскопической электродинамики Максвелла.

Для введения тока смещения (решающего элемента системы уравнений) Максвеллу не понадобилось никаких специальных предположений, так как этот шаг явился логическим следствием функционирования аналоговой гидродинамической модели. Наличие же соответствующей симметрии в уже полученной Максвеллом системе уравнений было впервые обнаружено лишь в 1885 г. О. Хевисайдом.

Важнейшей чертой Стёпинского подхода является его исключительно конструктивный характер: предварительное онтологическое видение ситуации (картина мира), определяющее стратегию поиска, выбор соответствующих модельных и математических средств его реализации.

Неоценимым достоинством такого подхода является его способность выступить в качестве эталонного образца постановки и решения, соответствующих теоретико-познавательных задач, относящихся к другим областям истории науки вообще и физики в первую очередь.

В свое время творческое сотрудничество авторов доклада с известным физиком-спектроскопистом, исследователем истории науки академиком НАН РБ М. А. Ельяшевичем, предоставило уникальную возможность «кроить» по Стёпинским методологическим «лекалам» богатейший материал из обширной коллекции первоисточников, относящихся к доборовскому периоду исследований в области систематизации атомных спектров и создания модели атома.

Речь идет об известной схеме Бальмера – Ридберга – Ритца, которая сегодня «официально», но ошибочно, квалифицируется как чисто эмпирическая, получившая теоретическое обоснование только после возникновения теории Бора.

Сегодня истории формирования первоначальной боровской теории атома и его спектров посвящена обширнейшая литература. Кроме того, теория атома Бора тиражирована бесчисленное число раз в стандартных учебных пособиях по физике и в главном современном источнике информации (Википедии) с систематическим воспроизведением полного набора соответствующих «исторических аббераций».

К началу XX в. одна из схем систематизации линейчатых спектров атомов связана с именем Ридберга. С чисто внешней стороны она выглядела как торжество удачно угаданной математической структуры. Между тем, историко-методологическая реконструкция реального материала, относящегося к этому периоду, прежде всего оригинальных публикаций Ридберга и особенно Ритца, где представлены его упругостная и магнитная аналоговые модели, выявила «подразумеваемый» характер такой констатации.

В рамках исторической реконструкции, которая была реализована путем применения конструктивного методологического подхода В. С. Стёпина к анализу обширного, но мало изученного материала, относящегося к периоду 1885–1908 гг. развития атомной спектроскопии, удалось доказать, что исследовательская деятельность Ридберга направлялась четко выраженными соображениями методологического плана – нормативами универсальности. Схема Ридберга была названа комбинационным принципом [8]. Усиление теоретического статуса этого принципа было осуществлено Ритцем, и на исходе первого десятилетия XX в. модель Ридберга – Ритца получила в глазах научного сообщества несомненный статус частной теоретической схемы [9].

В процессе исторической реконструкции возник вопрос о генезисе спектроскопической составляющей теории Бора и особенностях ее объединения с чисто механической моделью, разработанной Бором (к началу февраля 1913 г.).

В этот период Бор предполагая, что электрически заряженная частица, пролетающая возле атома, своим полем может «раскачивать» квазиупругосвязанный внутриатомный электрон, занимался описанием и расчетом энергетических потерь в процессе торможения таких частиц при прохождении сквозь вещество.

Однако результаты опытов Резерфорда поставили перед только что созданной, успешной теорией энергетических потерь очень серьезный вопрос о согласовании ее оснований с новой экспериментальной реальностью. С формально-математической стороны речь идет о невозможности сконструировать из физических характеристик такой системы (зарядов и масс) константу, имеющую размерность длины (т.е. фиксирующую размер атома). В модели Томсона эта проблема вообще не возникала, поскольку размер атома был величиной изначально заданной. Для электрона же в планетарной модели Резерфорда не существует, наглядно говоря, такого положения равновесия, относительно которого он мог бы колебаться. Поэтому уже простейшие из атомов – атомы водорода не могут иметь в рамках такой модели фиксированного размера. Эта ситуация получила название проблемы механической неустойчивости «планетарного» атома.

Как хорошо известно, Бор был с самого начала озадачен решением проблемы механической (но не радиационной!) неустойчивости «планетарного» атома Резерфорда.

Чтобы убедиться в полном отсутствии признаков осуществления Бором каких-либо операций с моментом количества движения в процессе вывода базового выражения для дискретных уровней энергии атома, достаточно ознакомиться с текстом всего лишь двух страниц первоисточника [10, с. 86–87].

Две исходные формулы хорошо известные как классическое решение кеплеровой задачи (финитное движение частицы в силовом поле кулоновского типа) были заимствованы Бором из ньютоновой динамики [10, с. 86].

Первая из этих формул выражает зависимость частоты обращения частицы по эллиптической орбите от ее энергии в степени $3/2$ (третий закон Кеплера), вторая – зависимость между энергией частицы и величиной большей полуоси эллипса. Момент количества движения в этих формулах вообще отсутствует.

Анализ текстов, относящихся к этому периоду, отчетливо выявляет ту эвристическую и конструктивную роль, которую сыграло в успехе решения проблемы механической неустойчивости «планетарного» атома Резерфорда привлечение Бором квантовых соображений, т.е. произведенное обобщение [10, с. 87] планковской схемы квантования энергии гармонического осциллятора на случай кеплеровой задачи. Совместное использование этих трех выражений приводит к базовой формуле (с квадратом

натурального числа в знаменателе) для энергетического спектра водородоподобного атома, которая определяет конкретное физическое содержание первого постулата Бора.

Условие соблюдения энергетического баланса при излучении стало основой второго постулата – боровского условия частот.

«Моментом истины» в процессе возникновения первоначальной теории атома Бора оказалась «стыковка» в единую схему описания чисто механической составляющей модели со спектроскопической схемой (комбинационным принципом) Ридберга – Ритца [8, 9].

Построенная таким способом полуклассическая первичная квантовая модель атома Бора очевидным образом обладает всеми признаками частной теоретической схемы по классификации В. С. Стёпина.

Следует подчеркнуть, что как и радиационная неустойчивость планетарной модели, так и приписываемое Бору утверждение, согласно которому ключевым элементом первоначальной его теории является выражение для дискретного спектра энергии водородоподобного атома, которое получено путем квантования углового момента электрона, обращающегося по круговой орбите, (на которые часто ссылаются при изложении истории), не имеют никакого отношения к реальному положению дел.

Совершенно особое место в историко-научных исследованиях академика М. А. Ельяшевича занимает проблематика, связанная с историей возникновения, формирования и становления квантовых представлений.

В своей работе М. А. Ельяшевич подчеркивал, что «работы Эйнштейна по вопросам квантовой теории... являются существенной частью его научной деятельности как великого физика XX века» [11, с. 503].

Реальное положение дел в 1911 г. было диаметрально противоположным, т.е. на Сольвеевском конгрессе, в программе которого проблема «теория излучения и кванты» была предметом специального обсуждения, научное сообщество вообще не упоминало эйнштейновскую гипотезу квантов.

Эйнштейновская концепция квантов электромагнитного излучения на протяжении более чем десяти лет (до 1916 г.) единодушно отвергалась лидерами физической науки, вплоть до непонимания Планком истинного смысла концепции, предложенной Эйнштейном. Остроту «общественного недоверия» к модели квантов излучения не могло смягчить даже очевидное согласие с наблюдениями формулы для фотоэффекта, полученной Эйнштейном. Энергетический обмен при выводе этой формулы фактически предполагает прямое соударение двух корпускул – света и вещества.

Однако любая полноценная движущаяся корпускула должна обладать, помимо энергии, еще одной, пространственно направленной, характеристикой – количеством движения (импульсом), наличие которой в работе 1905 г. вообще не учитывалось. Факт передачи импульса при взаимодействии «световой корпускулы» с частицей вещества был теоретически установлен Эйнштейном только в 1916 году, после чего фундаментальная идея дискретной структуры электромагнитного излучения начала обретать «права гражданства» в физике.

Применение методологии В. С. Стёпина позволило выявить реальные особенности механизма принятия новых фундаментальных концепций научным сообществом.

Используя важный пункт концепции В. С. Стёпина, согласно которому, теоретик, оперируя теми или иными математическими структурами, одновременно имеет дело с определенными (идеальными) модельными конструктами, М. А. Ельяшевич указывал, что работы Эйнштейна нельзя рассматривать просто как непосредственное продолжение исследовательской линии Планка. В действительности физические модели, которыми оперировал Эйнштейн, существенно отличались от планковских.

Так «квантовая гипотеза Планка относилась к квантованию энергии вещества, процессы поглощения и испускания излучения Планк рассматривал как непрерывные в соответствии с классической электродинамикой.... Резонаторы были лишь моделью, необходимой ему для вывода законов излучения. ...Дав закон для квантования энергии резонатора, Планк еще не думал о применении данного закона к конкретным атомным системам» [11, с. 509].

Из анализа первой работы (1905 г.) Эйнштейна по квантовой теории излучения следует, что ее основой была революционная «идея квантования энергии излучения в форме гипотезы квантов света» [11, с. 510]. При этом «Эйнштейн смог обосновать эту идею, имеющую чисто квантовую природу, и успешно применил ее к рассмотрению элементарных процессов взаимодействия излучения с веществом, как имеющих дискретный характер. Однако, еще не была вскрыта связь его подхода с подходом Планка, квантовавшим энергию вещества. Такая связь была выявлена Эйнштейном в его работах 1906 – 1907 гг.» [11, с. 517].

Выявление мифологизированных версий истории физики – одно из приложений в методологии естественных наук концепции структуры и динамики научного знания, разработанной В. С. Стёпиным.

В заключение о том, следует ли вообще обращаться к истории физики при изложении ее основ. Разумеется, курс физики может быть построен аксиоматически, без привлечения информации исторического плана. Однако, подобная методика мало пригодна для обучения предмету. Поэтому традиционное обращение к истории физики, так или иначе, сохранится. Но представляется неоправданным, если в ходе изложения основ реальной физики, будет использоваться «подразумеваемая» версия ее истории.

В современных условиях, именно образование должно выступать в качестве проводника – интерпретатора научного знания.

Поэтому исключительно важным является в сфере образования: структурирование имеющихся знаний, избавление от мифологизированных информационных представлений. Формирование системного мышления и адекватного реальности мировоззрения порождают возможность избежать опасного манипулирования сознанием, подмену социокультурных ценностей, вносимых в одну из важнейших сегодня проблем общественного понимания науки.

Список литературы

1. Томильчик, Л. М. Наедине с собой / Л. М. Томильчик // Наука и инновации. Минск, 2011. – № 4 (98). – С. 57 – 61.
2. Стёпин, В. С. Философские беседы: десять лет спустя / В. С. Стёпин // Наука и социальная картина мира. К 80 – летию академика В. С. Стёпина. – М., – 2014. – С. 23 – 74.
3. Холтон, Д. Эйнштейн, Майкельсон и «решающий» эксперимент / Д. Холтон // Эйнштейновский сборник 1972. – М., – 1974. – С. 104 – 211.
4. Кембровская, Н. Г. Мифы истории науки и вопросы преподавания физики / Н. Г. Кембровская, Л. М. Томильчик // В сб.: Фундаментальная наука и образовательная практика. – Минск, РИВШ, – 2018. – С. 10 – 14.
5. Стёпин, В. С. Анализ истории максвелловской электродинамики в аспекте логики научного открытия / В. С. Стёпин, Л. М. Томильчик // Труды XIII конгресса по истории науки. – М., – 1974. – С. 120 – 122.
6. Стёпин, В. С. Теоретическое знание. / В. С. Стёпин. – М., – 2000. – С. 358 – 384.
7. Стёпин, В. С. Философия и методология науки. Избранное. / В. С. Стёпин. – М., 2015. – С. 131 – 152.

8. Ельяшевич, М. А. Ридберг и развитие атомной спектроскопии // М. А. Ельяшевич, Н. Г. Кембровкая, Л. М. Томильчик // УФН. – 1990. – Т. 160, № 12. – С. 141–165.

9. Ельяшевич, М. А. Вальтер Ритц – как физик теоретик и его исследования по теории спектров / М. А. Ельяшевич, Н. Г. Кембровкая, Л. М. Томильчик // УФН. – 1995. – Т. 165, № 4. – С. 457–480.

10. Бор, Н. О строении атомов и молекул // Н. Бор. Избранные научные труды. – М., – 1970. – Т.1. – С. 84 – 148.

11. Ельяшевич, М. А. Вклад Эйнштейна в развитие квантовых представлений // М. А. Ельяшевич, // УФН. – 1979. – Т. 128, вып. 3. – С. 503–536.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

У Цзиаци

Аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного
сотрудничества Института философии НАН Беларуси,
Научный руководитель - Смоляков Дмитрий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент,
Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры Линнаньского
педагогического университета
научный сотрудник Института философии НАН Беларуси,

Аннотация. В настоящее время такие экологические проблемы, как потепление климата, энергетический кризис, усиление тенденций протекционизма, усложняют реализацию планов по достижению устойчивого развития человечества. Для решения отмеченных проблем правительство Китая продвигает проект эко-цивилизации. В научных кругах распространено мнение, что первопричиной экологического кризиса является кризис культуры, соответственно именно экологическая культура должна эффективно решать экологические проблемы на национальном и международном уровнях. В этой связи наравне с вопросами политики, и экономики, важнейшее значение приобретает приоритет эко-образования, в том числе в аспекте его интернационализации.

Ключевые слова: экологическая культура, эко-цивилизация, эко-дискурс, образование

ECOLOGICAL CULTURE AS THE BASIS FOR SOCIAL CONSTRUCTION IN MODERN CHINA

Wu Jiaqi

PhD student, Department of Research on Globalization, Regionalization, and Socio-Cultural
Cooperation, Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Belarus,
Scientific supervisor - Dzmitry Anatolyevich Smaliakou,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Belarusian-Chinese Research Center for Philosophy and Culture, Linnan Pedagogical
University and Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, researcher

Abstract. At present, environmental problems, such as climate warming, energy crisis, increasing tendencies of protectionism complicate the implementation of plans to achieve sustainable development of mankind. To solve these problems, the Chinese government promotes the project of eco-civilization. In scientific circles, it is widely believed that the root cause of the environmental crisis is the crisis of culture, respectively, it is the environmental

culture must effectively address environmental issues at the national and international levels. In this regard the priority of eco-education, including in the aspect of its internationalization acquires paramount importance along with political and economic issues.

Keywords: environmental culture, eco-civilization, eco-discourse, education

Культура – это образ жизни, созданный человеком в процессе познания природы и ее преобразования [4, с. 7], соответственно, экологические проблемы являются результатом нерациональной его организации. В настоящее время, экологическая культура вызывает все больший интерес среди ученых, в том числе и в Китае. Среди китайских исследователей все еще отсутствует консенсус по этому поводу. Юй Мучан полагает, что экологическая культура – это высшая форма организации жизни, необходимая для сохранения устойчивого развития человечества [5, с.64]. По мнению Ян Лисиня, экологическая культура – скорее социокультурное явление, общественная идеология, руководствующаяся экологическими ценностями [6, с.56]. Ли Исинь рассматривает это явление как форму культуры, направленную на создание гармоничных отношений между человеком и природой, человеком и человеком [1, с.54]. В целом, экологическая культура рассматривается именно как форма культуры, которая примиряет человеческие потребности со способностью природы их удовлетворять сбалансированным образом. Она управляет политической, экономической и культурной жизнью людей, влияя на развитие общества в целом.

В этом направлении китайское правительство сформировало и реализует социальную политику, построенную на основе идей эко-цивилизации, как новой формы экологической культуры. В этой связи роль экологической культуры, как одного из важнейших направлений реализации государственной политики КНР является важным объектом социально-философских исследований, в связи с чем требует своего осмысления как на национальном, так и на международном уровнях.

Национальный уровень. Построение эко-цивилизации, как гармоничного общества, существующего в сбалансированных отношениях с природой, стало неотъемлемым государственным приоритетом Китая в части решения экологических проблем [2, с. 2]. В тоже время, эко-цивилизация опирается на концепт устойчивого развития, в основе которого лежит приоритет гармонии между потребностями человека и способностью природы сбалансированно удовлетворять их.

Стратегия устойчивого развития реализуется на основе комплексного

подхода. Например, в целях решения проблем бедности правительство Китая реализует политику возрождения сельских районов за счет внедрения экологичных производств. В рамках данного подхода устойчивое развитие является целью, а сохраненная природная среда – источником благосостояния фермеров.

Таким образом, экологическая культура воспринимается средой для формирования гармоничных отношений человека с окружающим миром и самим собой. Источником постоянного тонкого влияния экологической культуры является экологическое образование, способствующее рационализации образа жизни, мышления, производства и потребления. Без экологического образования невозможно обеспечить построение и современных сообществ, и гармоничных производств.

Международный уровень. В современном мире о силе государства можно судить по его способности определять международный дискурс. На Западе происходит укрепление экономики, науки, военных технологий, и одновременно реализуется продвижение соответствующего дискурса на международной арене. Продвижение Китая как эко-цивилизации также может рассматриваться в качестве международного дискурса, направленного на продвижение Китая в глобальной перспективе, становясь интеллектуальным вкладом страны в глобальные нарративы человечества.

В описанных рамках правительство Китая предложило и реализует программу «Сообщество человеческой судьбы». Ее целью является преодоление экологических вызовов за счет гармонизации потребностей индивидуумов и человеческих сообществ в результате расширения и углубления глобального сотрудничества и межкультурного обмена [3, с.23]. Отмеченные цели вошли в китайскую инициативу по усилению глобальной связанности под названием «Пояс и путь». Иными словами, глобальное сотрудничество и усиление глобального взаимодействия рассматривается Китаем как источник преодоления нарастающих экологических проблем, как механизм по гармонизации потребностей человека и природных возможностей.

Экологическая культура как культура гармонии, примиряет человеческие потребности со способностью природы удовлетворять их. На национальном уровне экологическая культура эффективно решает проблемы социального развития; на международном уровне – выступает эффективным инструментом продвижения экологического дискурса.

Экологическая культура рассматривается в качестве основы для построения глобальной эко-цивилизации. На этом пути экологическое

образование начинает выступать одним из важнейших инструментов построения эко-цивилизации. Одновременно, с усилением роли международной кооперации, усиливается значение интернационализации экологического образования. В этой связи вопросы развития эко-образования, включая аспект его интернационализации будут составлять основу дальнейших научных поисков в этом направлении.

Список литературы

1. Ли Исинь. О влиянии экологической культуры на социальное развитие человека / Исинь Ли // Журнал партийной школы муниципального комитета КПК Наньчан. – 2005. – № 4. – С. 54-57.
2. Лю Хайся. Дилемма глобального экологического управления и строительство китайских решений /Хайся Лю, Яцзинь Чжоу. // Журнал Юго-Западного университета Цзяотун. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/51.1586.C.20220916.1149.002.html>. – Дата доступа: 23.10.2022.
3. У Нин. Экологическая цивилизация и «сообщество жизни», и «сообщество человеческой судьбы» / Нин У, Шуцзюнь Чжан // Теория и обзор. – 2018. – № 3. – С. 14-23. DOI: 10.19771/j.cnki.35-1334/d.2018.03.005.
4. Чжоу Цю. Культивирование и развитие экологической культуры в строительстве экологической цивилизации / Цю Чжоу// Сравнительное исследование культурных инноваций. – 2017. –№ 1. – С. 7-8.
5. Юй Мучан. Экологическая культура: новая культура для человечества в 21 веке / Мучан Юй // Новое видение. – 2003. – № 4. – С. 64-67.
6. Ян Лисинь. О построении экологической культуры / Ян Лисинь // Общественные науки провинции Хубэй. – 2008. – № 3. – С. 56-58.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ФЕНОМЕН ЦИФРОВИЗАЦИИ

Устинович Ксения Александровна,

Магистрант кафедры экономики и логистики
Белорусский национальный технический университет

Старжинский Валерий Павлович,

доктор философских наук, профессор кафедры философских учений
Белорусский национальный технический университет

Аннотация. Рассматриваются некоторые социальные аспекты цифровизации, обусловленные применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), дифференциацией доступности информационных ресурсов для различных категорий населения, различием в уровне развития специальных навыков использования ИКТ, приводящие к социально-политическому неравенству. Неравномерная динамика изменения качества и уровня жизни зависит от того, лидерами освоения и наибольшими выгодоприобретателями от использования ИКТ являются привилегированные слои общества, обладающие значительными социально-экономическими и образовательными ресурсами. Этот постулат в лучших традициях марксизма неизменно подтверждается статистическими данными. Необходимы целенаправленные меры со стороны государств по преодолению цифрового разрыва, поскольку текущие тенденции способствуют его усугублению в поляризованном мире.

Ключевые слова: неравенство, цифровые технологии, информация, цифровой разрыв, квалификация, цифровизация.

SOCIO-POLITICAL INEQUALITY AND THE PHENOMENON OF DIGITALIZATION

Ustinovich Ksenia Alexandrovna,

Master's Student of the Department of Economics and Logistics
Belarusian National Technical University

Starzhinskij Valerij Pavlovich,

Doctor in Philosophy, Professor, Department of Philosophical Studies,
Belarusian National Technical University

Abstract. Some social aspects of digitalization caused by the use of information and communication technologies (ICT), the differentiation of the availability of information resources for different categories of the population, the difference in the level of development of special skills in the use of ICT, leading to socio-political inequality, are considered. The uneven dynamics of changes in the quality and standard of living depends on the fact that the

leaders of the development and the greatest beneficiaries from the use of ICT are the privileged strata of society with significant socio-economic and educational resources. This postulate, in the best traditions of Marxism, is invariably confirmed by statistical data. Targeted measures on the part of States are needed to bridge the digital divide, as current trends contribute to its aggravation in a polarized world.

Keywords: inequality, digital technologies, information, digital divide, qualification, digitalization.

Согласно «Всеобщей декларация прав человека», принятой и провозглашенной резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года, все люди имеют равные права и свободы. Однако каждый день человек сравнивает себя с кем-то, оценивает свое положение в обществе, не основываясь на равенстве. Часто встречается дискриминация из-за нашего цвета кожи, пола, национальной или этнической принадлежности, вероисповедания, социального статуса, класса, финансового состояния и многих других факторов, ставящих под угрозу основополагающее право на равенство и свободы.

Проблема социально-политического неравенства как феномен социальной реальности является одной из ключевых по причине значительного роста экономического расслоения во многих государствах, а также политических кактаклизмов во многих развитых и развивающихся странах. Существуют различные факторы, влияющие на повышение уровня неравенства внутри стран: различие в добавленной стоимости физического, финансового и человеческого капитала, успешность реструктуризации экономики, внедрение технологических инноваций, эффективность макроэкономической политики и налогообложения, влияние на государственное регулирование рынков, включая дерегулирование финансовых рынков и рынков труда. В большом количестве стран сочетание этих эффектов привело к значительному росту неравенства в заработной плате и доходах.

Выделяются две движущие силы порождения социального неравенства: с одной стороны, приватизация и дерегулирование позволяют отдельным лицам становиться чрезмерно богатыми, тем самым повышая неравенство в доходах; с другой стороны, информационно-коммуникационные технологии позволили сократить количество персонала, произведя замену на высококвалифицированных работников. В настоящее время возможность получить доступ к цифровым технологиям и удовлетворить потребность в информации стала резко

дифференцированной. В обществе сформировались социальные группы, занимающие лидирующие позиции в использовании ИКТ, и аутсайдеры. Обозначились резкие границы, между теми, кто располагает техническими возможностями и необходимым уровнем образования для пользования цифровыми технологиями, и теми, кто из-за отсутствия средств и низкой квалификации в этой области не имеет выхода в глобальную Сеть. При этом доступ к публичному дискурсу и участие в нем определяются не столько физическим владением цифровыми технологиями, сколько когнитивно-лингвистическими факторами – использованием информации после соответствующей обработки и анализа.

Степень использования цифровых технологий стала своеобразным маркером не только социальных отношений, но и политических. Социально-политическое неравенство представляет собой деструктивный фактор социальной стабильности и социальной несправедливости, аккумулируя слишком много власти в руках могущественных промышленных и политических конгломератов, создавая пробелы в образовании среди различных социальных групп. Средства массовой информации характеризуются социально-политической ангажированностью, способствуют гендерной и расовой дискриминации посредством публикации соответствующих новостей, отбор которых производится в пользу тех, кто находится у власти. Пробелы в знаниях превратились в цифровой разрыв, интерес пользователей и доходы от рекламы переместились на сайты социальных сетей, которые бросают вызов традициям объективности подачи информации. Цифровой разрыв может создаваться посредством невозможности подключения к источникам информации, а также отсутствия навыков и компетенций пользователя и реципиента информации. Богатые страны и слои населения пользуются цифровыми технологиями гораздо чаще, чем бедные, что также приводит к социально-политическому неравенству.

Цифровой разрыв выходит за границы информационного неравенства, влияя на жизненные возможности человека в целом. Большая активность в сети дает больше шансов для продвижения по карьерной лестнице, получения образования и изменения социального положения. В сущности, она позволяет получить доступ к большему количеству социальных, культурных и экономических ресурсов. Однако необходимо учитывать, что даже при наличии доступа к цифровым технологиям, в связи с недостаточной мотивацией и уровнем знаний, малообразованный человек не может использовать ИКТ для самообразования и остается на уровне

малообеспеченных слоев населения. Учитывая огромное разнообразие приложений для упрощения повседневной жизни, люди, которые в недостаточном размере владеют цифровыми технологиями усложняют себе жизнь, а также теряют возможность сэкономить, усиливают гендерные различия. Например, когда покупка товаров и услуг дешевле и проще онлайн, чем оффлайн.

Цифровизация облегчает работу человека, делает жизнь более современной, эффективной и в какой-то степени интересной. Однако не стоит забывать про мошенничество посредством виртуальной среды и анонимности. Высокотехнологичные преступления занимают все большее место, происходит нарушение конфиденциальности и кража персональных данных, некоторые пользователи попадают в игровую зависимость, теряют связь с реальностью. Несмотря на огромные коммуникативные возможности цифрового пространства, люди все больше чувствуют себя одинокими, загнанными в тупик.

Использование ИКТ приводит к дисбалансу отношений управления и контроля – между теми, кто осуществляет контроль, и теми, за кем ведется наблюдение. В большинстве случаев наблюдение не является санкционированным и гласным – у населения не спрашивают согласия, независимо от того, является ли такое наблюдение законным или незаконным. Цифровые технологии позволяют компаниям обрабатывать огромные потоки данных в меньшие интервалы времени и, как следствие, осуществлять работу более эффективно, производя товары и услуги, в соответствии со спросом населения по запросам или статистикой за прошлый период. Однако экономика, основанная на обработке большого количества данных, сопряжена со значительными рисками в отношении нарушения статистического подхода и системных сбоев. В настоящее время в сфере средств массовой информации и коммуникаций приоритет отдается прибыли, а не таланту и общественным интересам. Растет социально-политическое неравенство не только внутри отдельных стран, но и международное, что требует выработки политических решений для утверждения принципов социальной справедливости в сфере ИКТ на транснациональном уровне.

В системе Национальной академии наук (НАН) Беларуси ведутся передовые исследования развития высоких технологий, которые основаны на ИКТ. Органами государственного управления принят пакет передовых нормативных правовых актов, регулирующих развитие информационно-коммуникационной сферы страны. Создается инфраструктура электронного

правительства (общегосударственная автоматизированная информационная система, система межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь, государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь и другие). В Беларуси созданы благоприятные условия для развития высоких технологий и их реализации в производственных структурах независимо от формы собственности.

Список литературы

1. Бабосов, Е.М. Контуры грядущего: цифровизация экономики и других сфер жизнедеятельности человека. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018;3: –11-23 с.
2. Чугунов, А.В. Система индикаторов и мониторинг развития информационного общества и экономики знаний // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. –2006. – №7. –13-30 с.
3. Жадан, И.Э. Социальные риски в цифровой экономике / И.Э. Жадан // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – № 1. – 20–26 с.

МЕСТО И РОЛЬ НАУКИ В КУЛЬТУРЕ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Филиппов Максим Николаевич,

магистрант кафедры порошковой металлургии, сварки и технологии материалов

Белорусского национального технического университета

Научный руководитель – Булыго Елена Казимировна, канд. филос. наук, доцент,

доцент кафедры философских учений

Белорусского национального технического университета

Аннотация. Наука – фундамент развития всей культуры техногенной цивилизации, который задает основные ее цели и размерность. Успехи техногенной цивилизации одновременно являются успехами в развитии науки. Но у этой успешности есть и темная сторона: быстрый рост технологий вызывает и темпы роста потребления ресурсов Земли, что привело нас к очевидности глобальных проблем. Важно понять, какова сегодня роль науки в их решении. Наука не решит все вопросы мира в глобальном масштабе, но сегодня без науки мы не можем помыслить ни настоящее, ни будущее.

Ключевые слова: культура, техногенная цивилизация, наука, инновации, человечество, технологии, научные знания.

PLACE AND ROLE OF SCIENCE IN THE CULTURE OF TECHNOGENIC CIVILIZATION

Filippov Maxim Nikolaevich,

Master student, Department of Powder Metallurgy, Welding and Technology of Materials

Belarusian National Technical University

Supervisor - Bulygo Elena Kazimirovna, PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate

Professor, Department of Philosophical Doctrines

Belarusian National Technical University

Abstract. Science is the foundation for the development of the entire culture of technogenic civilization, which sets its main goals and dimensions. The successes of technogenic civilization are at the same time successes in the development of science. But this success also has a dark side: the rapid growth of technology is also causing the growth rate of consumption of the Earth's resources, which has led us to the obviousness of global problems. It is important to understand what is the role of science today in solving them. Science will not solve all the problems of the world on a global scale, but today without science we cannot conceive of either the present or the future.

Keywords: culture, technogenic civilization, science, innovations, humankind, technologies, scientific knowledge.

Наука является особым культурно-историческим феноменом. Она возникла в контексте исторического развития цивилизации и культуры, на определенных стадиях этого развития. Проблемы будущего современной цивилизации не могут обсуждаться вне анализа современных тенденций развития науки и ее перспектив. Однако так было не всегда, и не во всех культурах наука занимала столь высокое место в шкале ценностных приоритетов, мыслилась в качестве высшего авторитета, основания, и формы решения всех проблем человека и человечества. В этой связи возникает вопрос об особенностях того типа цивилизационного развития, который стимулировал широкое применение в человеческой деятельности научных знаний [3].

Культура техногенной цивилизации обеспечивает самостоятельный статус научного познания как особой сферы профессионального труда. В ней осуществляется окончательное становление науки в собственном смысле слова, имеющей развитый слой фундаментального теоретического знания и постоянно раздвигающей границы и возможности познания человеком предметных структур объективного мира. Она формирует картину мира, представляя его в качестве системы объектов, которые развиваются по своим естественным законам. Эта картина создается, прежде всего, на основе достижений фундаментальных наук, и она изменяется по мере их развития. В техногенных цивилизациях ценится образованный человек, усвоивший определенную сумму научных знаний, а сама система образования охватывает все большие массы людей [1].

Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности в соответствующие продукты. Это преобразование всегда определено сущностными связями, законами изменения и развития объектов, и сама деятельность может быть успешной только тогда, когда она согласуется с этими законами. Поэтому основная задача науки — выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты [2].

Наука как процесс ориентирована на предметное и объективное исследование действительности. Сказанное, конечно, не означает, что личностные моменты и ценностные ориентации ученого не играют роли в научном творчестве и не влияют на его результаты. Процесс научного

познания обусловлен не только особенностями изучаемого объекта, но и многочисленными факторами социокультурного характера [4].

Все эти особенности взаимодействия научной картины мира и картины эпохи и обыденного сознания выступают проявлениями динамизма техногенной цивилизации. Научная картина мира во многом принадлежит к особому уровню культурных феноменов, и, вместе с тем, она оказывает активное воздействие на настоящее, подготавливая сознание людей к тем изменениям непосредственно окружающей их предметной среды, которую формирует технико-технологическое развитие, основанное на применении в практике научных знаний. Успехи техногенной цивилизации в развитии науки, технико-технологических инновациях, в улучшении качества жизни людей, в ее победоносном шествии по всей планете, породили представления, что именно она является магистральным путем развития человечества. Еще пятьдесят лет назад мало кто полагал (за редким исключением), что сама линия техногенного прогресса и ее система ценностей приведут человечество к критическим рубежам, что резервы цивилизационного развития этого типа (прежде всего ресурсы) могут быть исчерпаны. Это обнаружилось только во второй половине нашего столетия, когда глубочайшие глобальные кризисы заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса.

Среди многочисленных глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией, можно выделить в качестве главных следующие: проблему выживания в условиях непрерывного совершенствования оружия массового уничтожения; проблему нарастающего экологического кризиса в глобальных масштабах; и, наконец, проблему сохранения человеческой личности. Преодоление глобальных кризисов предполагает поиск новых стратегий развития, а, следовательно, критического анализа ценностей, лежащих в основании культуры техногенной цивилизации и доминирующего в ней сциентистского типа мировоззрения [1].

Сциентизм (от лат. *scientia* – знание, наука), мировоззренческая позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как о наивысшей культурной ценности и достаточном условии ориентации человека в мире и которая превалирует сегодня. Идеалом для сциентистского типа мировоззрения выступает не всякое научное знание, а прежде всего результаты и методы естественнонаучные познания. Представители такой позиции исходят из того, что именно этот тип знания аккумулирует в себе наиболее значимые достижения всей культуры, что он

достаточен для обоснования и оценки всех фундаментальных проблем человеческого бытия, для выработки эффективных программ деятельности [5].

Тем не менее, существуют многочисленные антисциентистские движения, возлагающие на науку ответственность за негативные последствия научно-технического прогресса и предлагающие в качестве альтернативы идеалы образа жизни традиционных цивилизаций. Но простой возврат к этим идеалам невозможен, поскольку типы хозяйствования традиционных обществ и отказ от научно-технического развития приведет к катастрофическому падению жизненного уровня и не решит проблемы жизнеобеспечения растущего населения Земли. Вхождение человечества в новый цикл цивилизационного развития и поиск путей решения глобальных проблем связаны не с отказом от науки и ее технологических применений, а с изменением типа научной рациональности и появлением новых функций и форм взаимодействия науки с другими сферами культуры [1].

Наука сегодня является предельно энергоемкой и финансово-затратной деятельностью, поэтому в самом ее развитии возникают некоторые проблемы и противоречия из-за того, что, не предоставляются должные условия для развития технологий, разработки и внедрения новых идей. Однако новый виток цивилизационного развития с его вызовами и рисками и не может игнорировать то, что именно благодаря ее развитию, в целом достижениям научно-технического прогресса принципиально меняется жизнь человека, ее качество, возможности и даже продолжительность. Кроме того, минимизировать риски и проблемы мы можем правильным направлением сил и ресурсов в развитие определенных аспектов научных исследований.

Логично утверждать, что все, что мы имеем сегодня: все достижения, новые возможности, новые виды деятельности и новый образ жизни, - есть результат прежде всего особого типа рациональности, а именно – научной. Поэтому обращение к осмыслению различных аспектов сложной проблемы изменения типа науки, который доминировал в техногенной цивилизации и который, по-видимому, будет трансформироваться в контексте происходящих сегодня цивилизационных сдвигов и усиливающегося взаимодействия в планетарном масштабе различных культурных традиций по-прежнему стоит в центре многочисленных дискуссий. Наука, от эпохи ее возникновения до наших дней, не раз меняла свой облик, проходя через ряд стадий своей эволюции. Но только в техногенной цивилизации она обрела

особые мировоззренческие функции, особый статус и стала создавать и развивать картину мира, претендуя на то, чтобы люди соизмеряли с ней свое миропонимание и деятельность. В нашу эпоху, в первой трети нового тысячелетия изменения в научной картине мира также предстают одним из важнейших индикаторов происходящих перемен, которые связаны с утверждением нового типа научной рациональности, участием науки в поисках новых мировоззренческих ориентиров и новых стратегий цивилизационного развития. Можем ли мы представить будущее без науки и соответствующего ей типа рациональности? Безусловно. Только это уже будет картина апокалиптических сдвигов и потерь.

Список литературы

1. Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994.- 274 с.
2. В. С. Стёпин. Б. Г. Юдин. В. П. Филатов. А. И. Симонов. Ф. Н. Голдберг. — Наука / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2022 (последняя редакция: 06.10.2022).
3. Стёпин, В. С. Философия науки. Общие проблемы. — М., 2006. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 18.03.2012.
4. Фролов И. Т. и др.. Введение в философию. Учебное пособие 3-е изд., перераб. и доп.. 2003.
5. Швырев В. С., Юдин Э. Г., О так называемом сциентизме в философии, «Вопросы философии», 1969, № 8; их же, Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма, М., 1973; Сноу Ч. П., Две культуры, пер. с англ., М., 1973; Человек — наука — техника, [М., 1973].

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ СПОРТА

Чжан Кэ,

магистрант кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Легчилин Анатолий Александрович, канд. филос. наук,

доцент, профессор кафедры философии культуры

Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье представлен краткий обзор процесса становления и развития философии спорта в Китае. Выделяется ряд этапов ее развития вплоть до современности. Дается общая характеристика основных исследований по данной теме.

Ключевые слова: философия спорта Китая, процесс становления, перспективы.

THE FORMATION PROCESS AND PROSPECT OF CHINESS SPORTS PHILOSOPHY

Zhang Ke,

Master student, Department of Philosophy of Culture

Belarusian State University

Supervisor – Legchilin Anatoly Alexandrovich, PhD in Philosophy,

Professor, Department of Philosophy of Culture,

Belarusian State University

Abstract. The article provides a brief overview of the process of formation and development of the philosophy of sports in China. There are a number of stages of its development up to the present. A general description of the main studies on this topic is given.

Keywords: philosophy sports Chine, formation process, prospect.

Одна из актуальных тем в социокультурной динамике современного мира связана с развитием спорта, который может выступать не только как форма демонстрации физических возможностей человека и здоровья наций, но и как способ взаимодействия и сотрудничества государств. Осмысление социокультурной значимости и перспектив развития спорта – задача не только политическая, но и философская. Философские проблемы спорта в Китае имеют давнюю традицию. Однако настоящие исследования в области философии спорта начались в 1980-е гг. Они стали восприниматься как относительно самостоятельный объект исследования и как особая дисциплина для изучения. Кратко охарактеризуем основные этапы.

Первый этап (1980-1985 гг.) формирования китайской философии спорта [1]. Исследования в этот период сосредоточены на спортивной мысли, а не в области философии спорта. В 1981 г. в Шэньянском институте физического воспитания состоялся первый национальный симпозиум по диалектике спорта, на котором эксперты и ученые обсудили и построили основные положения теоретической системы диалектики спорта, так зародилась философия спорта в Китае. В 1982 г. на Втором симпозиуме, состоявшемся в Сианьском институте физического воспитания, для облегчения международного обмена «спортивная диалектика», была официально переименована в «философию спорта». Конференция 1984 г. на тему «Философия спорта и экономика спорта» была посвящена новым спортивным технологиям и связанным с ними вопросам развития спортивного бизнеса, подчеркивая направляющую роль научных и культурных достижений в спорте, философии спорта и экономике спорта. В 1985 г. деятельность по исследованию философии спорта была официально признана и поддержана Китайским обществом спортивных наук. В августе того же года в Йонгане, провинция Фуцзянь, прошел семинар на тему «Философское мышление о спортивной науке и стратегии развития технологий». Был достигнут важный консенсус: философия спорта играет важную роль не только в решении проблем спорт, но и в культуре в целом.

Второй этап (1986-1999 гг.) развития китайской философии спорта [2]. В июле 1986 г.а восемь спортивных институтов во главе с Шэньянским институтом физического воспитания опубликовали первую в стране «Философию физического воспитания». В мае 1987 г. было опубликовано «Введение в философию спорта» под редакцией Сюй Вэйяо и Ли Сючжэня из Уханьского института физического воспитания. В том же году было опубликовано «Введение в философию спорта» под редакцией Лун Тяньци из Пекинского института физического воспитания. Эти публикации заложили теоретическую основу для развития философии спорта.

В августе 1987 г. в уезде Санчжи провинции Хунань прошел академический семинар на тему «Построение теории спортивной философии». В 1988 году издательством Shenyang Publishing House была опубликована книга «Философия физического воспитания» под редакцией Хуан Цзьеруна. В 1989 г. Лун Тяньци редактировал «Основу философии спорта», опубликованную издательством Beijing Sports Academy Press. В книге «Энциклопедия социальных наук», изданной Пекинским университетом науки и технологии в 1996 г., философия спорта была отнесена к профессиональной дисциплине социальных наук, что

ознаменовало бурное развитие философии спорта как самостоятельной дисциплины в нашей стране. Однако зарубежной литературы по философии спорта в Китае в то время было очень мало. Одна из первых работ – это издание известного японского ученого Синобу Абэ «Философия спорта».

С конца 1980-х до конца 1990-х гг. Китай опубликовал множество достижений научных исследований в области философии спорта. Особенно в период экономического подъема Китая постоянное появление новых проблем заставляет людей использовать философские методы для обнаружения и решения проблем. В то же время Пан Цзинву, Юй Шаньсюй и некоторые другие ученые также опубликовали результаты исследований спортивной этики, такие как «Предварительное исследование спортивной этики», «Исследования построения и развития спортивной этики» и так далее. В 1995 г. в Китае прошел семинар «Патриотизм и спортивная этика».

Третий этап (с 2000 г. по настоящее время) период углубленного развития китайской философии спорта [3]. К началу XXI в. озабоченность академических кругов и даже исследования спортивной философии становятся все более рациональными с тенденцией на исследования здорового развития тела и разума или гармоничного развития духа и плоти. Люди потребовали переосмыслить деятельность человеческого тела с философской точки зрения. За этот период многие университеты Южной Кореи, Японии, Европы, Америки подготовили группы аспирантов, докторантов. Резко возросло количество статей по этим актуальным вопросам человеческого бытия. Например, «Соотношение между спортивной философией и рыночной экономикой» Хань Даня, «Углубление направления исследований спортивной философии» Хуан Цзьеруна и Чжу Шучуня. Углубление осмысления некоторых вопросов при изучении философии спорта» и т. д. показывают, что область исследований философии спорта в Китае расширяется и развивается более глубоко.

За последние 20 лет, в дополнение к вышеупомянутым результатам исследований, китайская философия спорта вошла в качестве учебной дисциплины в ряде школ. В городах Шэньян, Сиань, Ухань, Пекин и др. спортивные колледжи последовательно предлагают обязательные курсы, курсы по выбору и специальные лекции [4; 5; 6].

Список литературы

1. 胡惕. 国际体育哲学研究及其启示. [J]. 体育文化导刊 2014 (4) 204-206 [Ху Ти. Международные исследования философии спорта и ее просвещение. Путеводитель по спортивной культуре. 2014 (4), 204-206].

2. 高强. 体育、身体、知识—体育哲学的认识极进国际交流与合作·在学习国外经验的同时也论维度 [J]. 武汉体育学院学报 2012 (3) 5-9. [Гао Цян. Спорт, тело, знание // Журнал Уханьского института физического воспитания 2012 (3) 5-9].

3. 金东奎□金昌泉. 中国体育和运动. 韩国岭南大学出版部□2002. [Джин Донгкуй, Джин Чанцюань. Китайский спорт. Издательский факультет Университета Йоннам, Корея, 2002 г.].

4. 杨桦.关于加强体育学学科建设的思考 [J] .成都体育学院学报,2011 (1) : 1-5. [Ян Хуа. Размышления об укреплении построения дисциплины физического воспитания // Журнал Института физического воспитания Чэнду, 2011 (1): 1-5].

5. 高强 ; 陈煜同 ; 徐浩楠 体育哲学的实践哲学逻辑重建与思想史拓展 上海体育学院 期刊[J]. 2022-08-15 [Гао Цян, Чен Ютун, Сюй Хаонань. Реконструкция практической философской логики и расширение интеллектуальной истории в спортивной философии // Журнал Шанхайского института физического воспитания 2022-08-15].

6. 胡惕 ; 韩云峰 国际体育哲学研究热点及启示 体育文化导刊 期刊[J]2014-04-23. [Ху Ти, Хань Юньфэн. «Актуальные проблемы исследований философии спорта и просвещения по спортивной культуре». Международный журнал].

УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ЦЕННОСТЕЙ: ПРИНЦИПЫ ГИБКОГО ПОДХОДА

Шаврова Ольга Геннадьевна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции развития цифровой экономики как экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях и инновационных решениях. Выявляется специфика ценностно-ориентированного менеджмента, который предполагает необходимость гибких организационных структур управления. Рассматриваются основные ценности и принципы гибкого адаптивного подхода к управлению проектами. Обосновывается философско-методологический статус парадигмы управления на основе ценностей. Отмечается, что широкое применение гибкого подхода связано с тенденцией гуманизации сферы управления, глобальной ориентацией на развитие и эффективное использование человеческого капитала с целью инновационного роста и устойчивого развития общества.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, инновационное развитие, управление на основе ценностей, проектный менеджмент, информационные технологии, методология Agile, философия гибкого управления.

VALUE-BASED MANAGEMENT: PRINCIPLES OF FLEXIBLE APPROACH

Shavrova Olga Gennadievna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The author analyzes the main trends of digital economic evolution as the economic activity based on digital technologies and innovation solutions. The specific of value-based management that supposes the necessity of flexible organization structures of management is highlighted. Philosophy, main values and principles of flexible adaptive approach to the project management are investigated. The author marked that the wide usage of flexible approach is associated with the trend of humanization of the sphere of management, the global orientation to the development and efficient use of human capital for the purpose of innovative growth and sustainable development of society.

Keywords: digitalization, digital economics, innovative progress, value-based management, project management, information technologies, Agile methodology, flexible management philosophy.

Современный этап глобальной цивилизационной динамики отличается стремительным развитием и массовым внедрением цифровых технологий в различные сферы жизни общества. Определяя новые возможности эффективного функционирования ключевых секторов экономики, цифровизация становится приоритетным вектором роста производства и важнейшим фактором устойчивого развития. Формируется цифровая экономика – экономической деятельности, основанная на цифровых технологиях и инновационных решениях.

Трансформационные изменения глобальной мировой системы непосредственно связаны с переходом от экономики индустриального типа к экономике, главным ресурсом которой выступают знания и человеческом капитал, инновационные достижения, наукоемкие и информационные технологии. Цифровую экономику отличает широкое применение информационно-коммуникативных технологий, а также стремительное развитие и продвижение инноваций. Важнейшим показателем успешности и конкурентоспособности в условиях цифровизации и глобализации становится Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index (GII)) – всестороннее многоаспектное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по уровню деятельности в области инноваций [1]. Глобальный инновационный индекс представляет собой один из наиболее эффективных инструментов измерения и оценки состояния национальных систем инновационной деятельности, в том числе цифровых инновационных экосистем, в области устойчивого развития общества и достижения нового качества жизни будущих поколений.

Распространение цифровых технологий и цифровых практик в настоящее время происходит более ускоренными темпами, нежели внедрение любых других инновационных достижений и разработок в истории цивилизации. Подвижность цифровой экономики и темпы цифровизации задают скорость изменений, характеризующих все аспекты человеческой деятельности, начиная с технико-технологической ее составляющей до межличностного общения и коммуникации. Экспоненциальный рост инноваций обуславливает необходимость постоянной адаптации человека и общества к новым цифровым решениям.

Повестку дня в области глобального инновационного развития в значительной степени формирует сфера информационных технологий, темпы инновационного роста которой в значительной степени определяют специфику глобальной цифровой трансформации общества в целом. Перспективные инновационные разработки в данной сфере предполагают

не только создание передовых технологий, но и использование наиболее эффективных методов и инструментов управления, поиск новых стратегий проектного менеджмента, методологические принципы и ценностные установки которых оказываются востребованными в других отраслях инновационной деятельности. Новые методологические подходы к управлению возникают в условиях нарастающих темпов цифровизации, активного поиска новых форм и способов коммуникативных взаимосвязей и взаимодействий, отражающих сложность и динамичность современных цифровых систем и цифровой экономики.

На смену парадигмам управления по инструкциям (Managing by instructions (МБИ)) и управления по целям (Managing by objections (МВО)) приходит актуальная на сегодняшний день парадигма управления на основе ценностей (Management by values (МВВ)). Авторы одной из наиболее авторитетных концепций ценностно-ориентированного управления С. Долан и С. Гарсия подчеркивают, что «управление на основе ценностей становится важнейшим инструментом создания стабильной, конкурентной и более человеческой корпоративной культуры. МВВ можно назвать и философией, и практикой менеджмента, связывающей важнейшие ценности организации с ее стратегическими целями» [2, с. 32]. Парадигма управления на основе ценностей предполагает соблюдение корпоративной культуры и социальной ответственности, сочетание организационной структуры и процессов управления с принципами и ценностями компании, которые при этом должны транслироваться в поведении ее сотрудников и поддерживаться посредством системы внутренних коммуникаций, корпоративных стандартов и регламентов.

Специфику нового адаптивного подхода к управлению отражает гибкая методология разработки программного обеспечения (Agile software development). Методология Agile подразумевает следование четырем главным ценностям и двенадцати принципам организации проектов, которые закреплены «Манифесте гибкой разработки программного обеспечения» (Agile Manifesto). Манифест содержит перечень общих установок и принципов гибкого подхода, предполагающего первостепенное значение: во-первых, людей и их взаимодействия, нежели процессов и инструментов; во-вторых, эффективно работающего продукта, нежели исчерпывающей документации; в-третьих, сотрудничества с заказчиком, нежели согласования условий контракта; в-четвертых, готовности к изменениям, нежели следования первоначальному плану [3].

Гибкая методология представляет собой не столько четкий алгоритм управления, сколько сочетание идей, принципов и ценностей, на основе которых в ходе выполнения проекта решаются конкретные задачи. Эксперты в области разработки программного обеспечения и управления проектами Э. Стеллман и Дж. Грин отмечают: «Agile – это набор методов и методологий, которые помогают вашей команде эффективнее мыслить, работать и принимать решения. Эти методы и методологии охватывают все области традиционного программирования, включая управление проектами, дизайн и архитектуру ПО, а также оптимизацию процессов. Все методы и методологии состоят из процедур, максимально четких и оптимизированных, которые легко применить. Кроме того, Agile – это мировоззрение, поскольку правильное мышление может оказать большое влияние на эффективность овладения процедурами» [4, с. 16]. В этом плане общий философско-мировоззренческий характер установок и принципов гибкой методологии позволяет оптимизировать процесс освоения и применения конкретных практических методов управления.

Гибкий подход, становление которого осуществлялось в ходе обобщения инновационных методов разработки программного обеспечения в сфере информационных технологий, получил широкое распространение за пределами информационно-технологической индустрии, при этом его восприятие в бизнес-сообществе существенно эволюционировало. Философия и система ценностей гибкого подхода используется в различных областях деятельности – от промышленной инженерии и банковского сектора до медицины, образования и искусственного интеллекта. Наибольшую эффективность гибкий подход демонстрирует в сферах разработки программного обеспечения, менеджмента и маркетинга.

Инновации в развитии проектного менеджмента предполагают выход к более широким контекстам, определяющим их философско-методологический статус и социокультурные основания. Данные контексты во многом обусловлены приоритетами социодинамики информационного общества, к важнейшим ценностным императивам которого относится сочетание экономического и технологического роста с идеалами социального и экологического развития [5, с. 265–266]. Расширение сферы применения гибких методологий связано с общей тенденцией гуманизации управления, глобальной ориентацией на развитие и эффективное использование человеческого капитала с целью инновационного роста и устойчивого развития общества. Ценностно-ориентированная парадигма управления приобретает особое значение в условиях цифровой

трансформации общества и динамизма современного мира, актуализирующих необходимость перехода от шаблонных алгоритмических схем управления к нелинейным стратегиям, открытым по отношению к новым методологическим подходам и решениям.

Список литературы

1. Global Innovation Index [Electronic resource] // Cornell University, INSEAD, WIPO. – Mode of access: <http://www.globalinnovationindex.org/>. – Date of access: 20.10.2022.
2. Долан, С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке / С. Долан, С. Гарсия: пер. с англ. М. Чомахидзе. – М.: Претекст, 2008. – 320 с.
3. Manifesto for Agile Software Development [Electronic resource] // Agile Alliance, 2001–2019. – Mode of access: <http://www.agilealliance.org/agile101/the-agile-manifesto/>. – Date of access: 20.10.2022.
4. Стеллман, Э. Постигая Agile. Ценности, принципы, методологии / Э. Стеллман, Дж. Грин: пер. с англ. С. Пасерба. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 650 с.
5. Шаврова, О.Г. Гибкий подход и философские контексты проектного менеджмента / О.Г. Шаврова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол.: В.А. Гайсенко [и др.]. – Минск, 2022. – Ч. 2. – С. 263-270.

ФЕНОМЕН КОВАРИАЦИЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Швайко Евгений Григорьевич

соискатель кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Фролова Юлия Геннадьевна, канд. психологических наук,
доцент кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета

Аннотация. Предпринята попытка феноменологического анализа ковариаций состояний толерантности и неопределенности у белорусов в эпоху глобального вызова, а также рассмотрена семантика синтеза данных понятий. В настоящее время аксиологический догмат толерантности в структуре белорусского этноса подвергается трансформации. Динамика социокультурных изменений и интеграции человечества в информационную эпоху приводит к развитию состояний неопределенности, фрустрации, информационной перегруженности. Данные тенденции не только актуализируют угрозы «ускользающей» идентичности белорусов, но и неизбежно затрагивают проблематику адаптационных возможностей и психологической устойчивости. Феноменологический взгляд на исследуемую проблематику позволяет оценить актуальное психосоциальное состояние белорусского «информационного общества» в аспекте его адаптивности, способности к освоению новых моделей поведения и устойчивости к социальной дестабилизации.

Ключевые слова: феноменологический анализ, толерантность, неопределенность, глобальный вызов, белорусский этнос, белорусская идентичность, белорусское общество, информационная перегрузка.

THE PHENOMENON OF COVARIATIONS OF TOLERANCE AND UNCERTAINTY IN THE STRUCTURE OF BELARUSIAN SOCIETY

Shvaiko Evgeny Rigorovich

Applicant for the department of General and Medical Psychology
Belarusian State University

Scientific supervisor - Yulia Gennadievna Frolova,
PhD in Psychology, Cand. of Sciences, Associate Professor, Department of General and
Medical Psychology
Belarusian State University

Abstract. An attempt is made to phenomenological analysis of the covariances of the states of tolerance and uncertainty among Belarusians in the era of the global challenge, and also the semantics of the synthesis of these concepts is considered. Currently, the axiological dogma of tolerance in the structure of the Belarusian ethnos is undergoing transformation. The dynamics of socio-cultural changes and the integration of humanity in the information age leads to the development of states of uncertainty, frustration, information overload. These tendencies not only actualize the threats to the “elusive” identity of Belarusians, but also inevitably overlook the problem of adaptive capabilities and psychological stability. A phenomenological view of the problem under study allows one to assess the current psychosocial state of the Belarusian “information society” in terms of its adaptability, ability to master new behavioral models and sustainability of social destabilization.

Keywords: phenomenological analysis, tolerance, uncertainty, global challenge, Belarusian ethnos, Belarusian identity, Belarusian society, information overload.

Феномен толерантности связан с вопросами идентичности и восприятия Другого. В широком контексте он представляет научный интерес для специалистов разных сфер: психологов, философов, социологов, политологов и других. Толерантность – сложное плюральное понятие. Этимология слова указывает на заимствование латинского глагола «tolerare», что значит «терпеть», «выдерживать» [1; 2]. Наиболее распространенные значения термина «толерантность»: способность организма справляться с неблагоприятными условиями, терпимость и выдержка. Е. В. Беляева на основе парадигмальных различий выделяет три варианта дефиниции толерантности: конвенция, компромисс, консенсус [3, с. 19–20]. Иногда этот термин также связывают с добровольным принятием чего-либо. Стоит отметить интересный взгляд В. А. Лекторского на толерантность как безразличие, принятие без понимания, снисхождение [4]. Для раскрытия феномена толерантности Е. И. Касьянова предлагает рассматривать его через понятие-антагонист «интолерантность», что означает нетерпимость, неприятие Другого, отторжение.

Психологически феномен интолерантности объясняется чувством превосходства над другими [2, с. 67–68]. Таким образом, на фоне контраста проясняется имплицитная дефиниция толерантности, как равного отношения к Другому, принятия прав и свобод Другого. Аксиологическая значимость феномена толерантности напрямую зависит от того, в какой позиции по отношению к нему находится человек, нация, корпорация и др., какими правами (привилегиями) наделен человек в зависимости от своего социального статуса, и какое место занимает в связке причин и следствий

— выступает активным полноценным субъектом действия или в качестве объекта пропаганды терпит, выдерживает причинение неудобств и лишений на уровне физического и социального организма.

В белорусской культуре толерантность исторически мифологизирована вследствие укоренения христианства на территории Беларуси. Также есть данные о полиэтничном характере формирования толерантности в историческом контексте, поскольку население Беларуси всегда было многонациональным, интегрировавшим различные этносы и диаспоры [5; 6]. Однако религиозная и этническая толерантность белорусов не тождественна терпимости, как это принято считать. Белорусская толерантность характеризуется априорным принятием инаковости Другого, свойственной этнонациональной идентичности белорусского народа. Также О. В. Батраева предлагает разделять понятия толерантности и конформизма, приводя в пример исторический контекст дискурса [6, с. 103]. В силу природной миролюбивости белорусский народ отдает предпочтение аграрному стилю жизни, нежели экспансивному милитаризму. И даже в годы военных действий Беларусь сохраняла больше оборонительную, чем наступательную позицию.

Таким образом, наличие целостной идентичности белорусов проявлялось в некоторой ригидности и сопротивляемости к культурной аннексии. Соответствующие выводы делает и Глава МОО «Гендерные перспективы» И. Альховка, отмечая, что белорусское общество остается очень закрытым, иерархическим, а закрытость предполагает враждебность к чужому или непонятному. «Потому что для нас человек, который не похож на нас, это всегда какая-то угроза, мы пытаемся найти рациональный смысл в его или ее действиях и не находим, поэтому делаем очень скоропалительные заключения, что он – дурак, или она – мазохистка, или они вообще там такие – странные люди... Это влияет на наши действия, что мы не готовы солидаризироваться с такими людьми, мы не готовы помогать, мы считаем, что эти люди несут ответственность за свои действия (за то, что они „неправильные“). И теряется эмпатичность. То есть равнодушие не есть отождествление толерантности, а толерантность – это все-таки про то, чтобы уважать других и понимать их, сосуществовать с ними рядом, даже если ты не разделяешь этого» [9].

Согласимся с позицией В. Можейко «Белорусская толерантность-де-факто часто является синонимом безразличия и фразы «моя хата с краю». Но «моя хата с краю – это не толерантность, это просто попытка атомизироваться и закрыться от общества. Это фейковая толерантность,

потому что люди просто называют толерантностью то, что ею не является. Это в том числе, мне кажется, проблема нехватки глубокого гуманитарного образования, потому что люди не очень-то понимают, что такое на самом деле толерантность. Где непонимание – там страх, где страх – там враждебность». [9].

Неопределенность – то есть отсутствие определенности [7, с. 43]. В гносеологическом плане информационными признаками неопределенности являются противоречивость информации, ее сложность, новизна, дефицит или избыток. На поведенческом уровне неопределенность связана с утратой контроля над ситуацией или ситуациями множественного выбора [7; 8]. В современном социуме неопределенность является побочным продуктом глобализации. Социальное развитие в глобальном масштабе трансформировало общество потребления в «информационное общество». Объемы потребляемой информации превышают способности к ее усвоению, что создает стрессогенный эффект информационного шума, информационную перегруженность. Кроме прочего, современная цивилизационная динамика сопряжена с перманентными социокультурными, политическими и экономическими пертурбациями.

Актуальное психосоциальное состояние белорусского общества характеризуется имманентной неопределенностью. В эпоху культурного вакуума, информационной перегруженности и «фейков» существует потенциальная угроза социальной дестабилизации, фрустрации общества и «ускользания» идентичности вследствие диалектической размытости социокультурных границ и межкультурной разобщенности [1, с. 13]. И в этом контексте неопределенность белорусского этноса работает в обе стороны: ригидность в вопросах самоидентификации мешает осознанному утверждению этнической самости, а с другой стороны тормозит и сдерживает тотальную потерю себя в результате ассимиляции.

Толерантность к неопределенности – фразеологическая единица, означающая устойчивую личностную черту, характеризующую степень восприимчивости индивида к условиям ограниченности доступной для сознания информации, а также способность эффективно функционировать в таких условиях. Этимология словосочетания указывает на семантическую ковариацию дефиниций толерантности и неопределенности. И. Н. Леонов отмечал четыре типа индивидуальной реакции на неопределенность: дискомфорт, подавление, избегание, реконструктивное поведение. В некоторых случаях толерантности можно говорить о положительном восприятии ситуаций неопределенности [7, с. 45]. Соглашаясь с позицией

О. В. Батраевой, стоит отметить, что белорусский вариант толерантности к неопределенности – это терпеливость, как своеобразный адаптационный механизм. Другими словами, происходит «инкапсуляция» идентичности, с целью сохранить ее от агрессивных воздействий, что проявляется в ригидности, молчаливости, замкнутости и, как следствие, долготерпимости белорусского народа [6, с. 104]. Возможно, в силу формирования таких специфических механизмов адаптации белорусская идентичность сохраняет свою целостность.

Как отмечает О. В. Курбачева, толерантность выступает как основание межкультурного диалога, поскольку признает право на инаковость Другого. В современном обществе возможность диалога позволила бы минимизировать негативные эффекты межкультурной разобщенности. Однако, межкультурный диалог предполагает готовность к изменениям, чтобы сделать шаг на встречу [1, с. 15–16]. Поэтому, возможно, в силу своей неопределенности белорусский народ, обладая социально-политически значимой толерантностью, все же не готов в полной мере к межкультурному диалогу и освоению новых моделей поведения. Несмотря на это сильной стороной белорусского этноса остается его толерантность к неопределенности, которая фундирует его психологическую устойчивость, жизнестойкость и адаптивность.

Придерживаясь феноменологической традиции, постараемся избежать каузальности (разъяснения) и герменевтики (интерпретаций), поэтому просто подведем итог вышесказанному:

- аксиологическая структура белорусской идентичности включает религиозный и исторический контекст, антропоприродную связь в аспекте природопользования, коллективизм, толерантность и другие ценности;

- толерантность белорусского народа проявляется в принятии инаковости Другого, мирном сосуществовании и культурном взаимодействии с другими этносами;

- неопределенность как личностная черта связана с проявлением у белорусов в замкнутости, ригидности. В свою очередь, именно неопределенность действует как фактор сохранения идентичности, препятствуя резким трансформациям. Толерантность к неопределенности является, скорее, адаптационным механизмом жизнестойкости и приспособляемости белорусского народа;

- за счет самобытной общности и специфических адаптационных механизмов белорусская идентичность по-прежнему сохраняет свою

целостность в условиях перманентных социальных, культурных, политических и экономических пертурбаций.

—

Список литературы

1. Курбачева, О. В. Концептуально-теоретическое осмысление феномена толерантности: историко-философский экскурс // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. №2. С. 12-17.
2. Касьянова, Е. И. Феноменологический анализ сущностных аспектов категории «Толерантность» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2010. №4. С. 63-71.
3. Беляева, Е. В. Научные детерминанты воспитания толерантности // Гуманизация образования. 2011. №3. С. 17-25.
4. Лекторский, В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. №11. С. 46-54.
5. Батраева, О. В. Социокультурные основания белорусской идентичности // Вестник БГУ. Серия 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2010. №1. С. 47-51.
6. Батраева, О. В. Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства // Беларуская думка. 2010. №2. С. 102-108.
7. Леонов, И. Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. №4. С. 43-52.
8. Белинская, Е. П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. №36 (7). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html>. — Дата доступа: 15.04.2020.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Шершнёва Ольга Александровна,

ст. преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского
государственного университета

Аннотация. В статье автор анализирует ситуацию человека в контексте классической и постнеклассической научной парадигмы, соотнося ситуацию смены парадигмы с основными типами научной рациональности В. С. Стёпина (классический, неклассический и постнеклассический). В центре внимания – онтологические, гносеологические и аксиологические параметры измерения сущности и природы человека. Особое внимание уделяется концепту «граница», которая, с одной стороны, задает масштабы видения человека, а, с другой, очерчивает пределы горизонтально-вертикальной организации его бытия. Несмотря на многомерность человеческой природы, делается вывод, согласно которому человек в ситуации постнеклассической рациональности может мыслиться как человек-перехода или культурное тело.

Ключевые слова: классическая рациональность, постнеклассическая рациональность, антропологический дискурс, граница, центр, периферия, парадигма, человекомерность, культурное тело.

POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL DISCOURSE

Shershnyova Olga Aleksandrovna,

Senior lecturer, Department of philosophy and methodology of science,
Belarusian State University

Abstract. In the article the situation of a man in the context of the classical and post-non-classical scientific paradigm is analyzed and correlate with the main types of scientific rationality by V.S. Stepin: classical, non-classical and post-non-classical rationality. The focus is on ontological, epistemological and axiological parameters for measuring the essence and nature of man. Particular attention is paid to the concept of «border», which, on the one hand, sets the scope of a person's vision, and, on the other hand, outlines the limits of the horizontal-vertical organization of his being. Despite the multidimensional nature of human being, it is concluded that a person in a situation of post-non-classical rationality can be thought of as a person-transition or a cultural body.

Keywords: classical rationality, post-non-classical rationality, anthropological discourse, border, center, periphery, paradigm, human dimension, cultural body.

Тема человека, его смысла жизни, включенности в социокультурное пространство всегда будут привлекать внимание исследователей в виду их принципиальной неразрешимости и открытости. Современный человек оказывается перед лицом серьезных вызовов, носящих не только технологический, но и онтологический характер. С одной стороны, мыслители, характеризуя человека как сущее, говорят о тенденции его исчезновения и связывают это с утратой универсальных оснований бытия человека, разрушением нравственных идеалов, господством принципов релятивизма и плюрализма, которые поставили под сомнение стабильность и прочность человеческого существования. В ситуации непредсказуемости жизни, размытости смысложизненных ориентиров процесс идентификации и конструирования своей самости оказывается весьма затруднительным.

С другой стороны, как отмечает З. Бауман, в современную эпоху «каждая сторона жизни стала задачей, причем такой, которая не оставила человеку иного выбора, как взяться за ее решение, предлагая для этого все свои способности» [1, с.179]. Происходящие социокультурные трансформации, связанные с переходом на новый информационный этап своего развития, делают жизнь человека крайне неустойчивой, но и они же инициируют построение нового антропологического дискурса, поиска адекватного стиля и типа мышления о природе человека как уникальном способе бытования. Поэтому все больше актуализируется вопрос не «что такое человек?», а «как можно мыслить человека в ситуации неопределенности и размытости его бытия?».

Такая постановка вопроса неизбежно отсылает к анализу самой традиции, где происходило становление антропологического дискурса и требует своего переосмысления. Речь идет о классической, неклассической и постнеклассической научной парадигмах, в лоне которых и кристаллизовалась данная проблема. Ситуацию смены парадигм в науке в 1987 году осмыслил В. С. Стёпин на языке философии и методологии науки, выделив три типа рациональности, соответствующих названным парадигмам. Эти типы рациональности понимаются исследователем как типы, становящиеся доминирующими в определенный период развития человека и общества.

Первый тип научной рациональности, известный как классический, охватывает период с XVII до первой половины XIX века. Этот тип научной рациональности центрирует внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании исключить все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Это было необходимым

условием получения объективно-истинного знания о мире. В классической науке субъект познания и его субъективный опыт элимируются. Резко демаркационная линия проводится между субъектом и объектом познания, любые внекогнитивные факторы (социальные, психологически, антропологические) исключались из опыта познания, достаточно вспомнить «идолы» Ф. Бэкона или концепцию «чистого разума» И. Канта. Поиск инвариантных структур научного познания приводил к тому, что сам субъект этого познания оказывался лишним рудиментом. Классический тип рациональности механистическую картину мира признавал как первую научную онтологию, идеалом которой было построение абсолютно истинной реальности. Абсолютизация разума как гаранта целостности и гармоничности механистической картины мира сводила человека к функции, задача которого состояла в соответствии шаблонам рационализма, универсальности и всеобщности.

Неклассическая рациональность (середина XIX века – начало XX века) смещает акценты с простых объектов в сторону сложных саморегулирующихся систем. Как отмечает В. С. Стёпин «категории части и целого обретают новые характеристики, целое уже не исчерпывается свойствами частей, необходимо учитывать системное качество целого» [с.47]. Классический тип детерминизма уже не срабатывает, поскольку нарушается зеркальное отражение между субъектом и объектом познания. Механистическая картина мира сменяется квантово-релятивистской, которая показала возможность и необходимость учета средств познания и степени интеллектуального вооружения самого ученого. Степень объективности знания все больше зависит от процесса и средств научного познания. Несмотря на то, что неклассическая рациональность признает определенную относительность своих знаний о мире и вне данных научного эксперимента научное знание уже не может строиться, человек оказывается активно включенным в процесс познания, однако рассматривается по-прежнему как часть целого.

Переосмысление статуса человека произошло в постнеклассическую рациональность (с конца XX века), когда фокус внимания переместился на сложные саморазвивающиеся системы, которым присуща не только иерархия уровней организации элементов, но и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Освоение этих саморазвивающихся систем изменяет и характер деятельности человека, он уже не является внешним фактором по отношению к системе, но неизбежно включается в нее, «необратимо изменяя каждый раз поле ее возможных

состояний» [8, с. 49]. Неслучайно особое место в системе постнеклассической рациональности занимают «человекоразмерные» объекты, с которыми уже нельзя свободно экспериментировать без катастрофического риска для жизни человека. В этом отношении вполне правомерно включение аксиологических параметров в научное исследование, сам процесс научного познания мыслится как особый компонент культуры и социальной жизни, детерминированный смысложизненными ценностями.

Благодаря тому, что в постнеклассическую науку знания об объектах соотносятся с ценностными и целевыми ориентациями исследователей, с социокультурной ситуацией в мире в целом, субъектное начало не только становится допустимым в человекоразмерных системах, но и необходимой составной частью любой исследовательской программы. Человеку отводится все большее место, он становится главным агентом изменений. Если в классике человек элиминирован, в неклассике включен в исследовательскую программу своими средствами, в постнеклассике этот образ дополняется ценностными установками. Изменения самого субъекта, согласно В. С. Стёпину, не являются чем-то особенно радикальным, главные изменения происходят в отношении этого субъекта к объекту познания, в степени его включенности в процесс познания мира.

Классическая рациональность отталкивалась от идеи того, что мир и человек соразмерны друг другу. Мир представляется в классике рациональной и самоупорядоченной конструкцией, объективной и законосообразной реальностью, которая создается самим человеком. С этой позиции мир мыслится не просто упорядоченным, но абсолютно познаваемым и управляемым. А значит можно говорить о гармонии между объективной организацией бытия и субъективной организацией человека. Конструируя собственную реальность по принципам универсальности, субстанциальности и объективности, мыслитель превращает ее в логический конструкт, схему, искусственный артефакт. Классический схематизм, мыслящий мир с позиции единого рационального взгляда, не допускает наличие слепых иррациональных сил, все, что не поддается объяснению и контролю исключается из онтологии мира. Как отмечает С. А. Смирнов, «воспроизведение реальности в мысли совпадает с ее сущностью» [6, с. 49].

Неклассическая рациональность признает автономность личности, переосмысливает его стандартизированное и регламентированное видение, критикует господство всеобщих рациональных идеальных форм. От

человека уже не требуется быть разумным, воспроизводить естественный порядок вещей, поскольку эту функцию на себя берут иррациональные, сверхиндивидуальные институты, которые нарушают заданные стандарты, регламенты и схемы. Базовые установки классической рациональности, а именно разумность мира и его абсолютная постижимость уже не срабатывают. Мир и человек больше не соразмерны друг другу.

Если в классической рациональности человек оказывался в ситуации заданности, схематизм предполагал готовые правила для руководства ума, которым человеку надо было следовать, образец деятельности сознания уже был задан, то неклассическая рациональность размыкает эту заданность, мир становится открытым, многомерным, сам человек как готовая сущность перестает существовать, ему надо себя еще воссоздать, сотворить. В неклассической рациональности человек реконструирует среду обитания самим собой, своим телом, своим присутствием.

Тем не менее человек как проблема в системе обозначенных типов рациональности не рассматривается, он выступает как неизменный субъект, который оказывается либо исключен из субстанциальных построений классической науки, либо включен в постнеклассический идеал науки, но как еще одна область знания. Необходима выработка неклассичности самого философствования о человеке или новый антропологический дискурс. Неслучайно М. Мамардашвили говорит: «мы понимаем сделанным, а не сделанное, мы видим предметом, а не предмет»; в неклассической модели фиксируется «феномен третьих вещей» [3, с. 83].

Когда речь идет о «третьих вещах», имеется в виду, что деление на классическую и неклассическую (постнеклассическую) рациональность становится условным, косвенным, актуализируется сама грань или граница, где происходит конструирование нового антропологического дискурса. Именно на границе фиксируется феномен превращения или формирования новой реальности, где формы человеческой субъективности начинают жить своей собственной жизнью. Так появляются деньги как символические формы культуры, «гиперреальность» (Ж. Бодрийяр), симулякры.

Смысловое пространство становится перегруженным знаками, человек, попадая в окружение объектов-знаков, сам становится симулякром, знак заменяет собой действительную реальность. Как отмечает П. С. Гуревич, «человек перестал быть творцом истории, он принципиально не участвует в ее битвах, поскольку живет в условном пространстве и безразличен к темпоральным сдвигам; человек утратил протяженность живого тела, поскольку имеет возможность существовать в роли всадника

без головы с множеством голов и даже с неким иным венцом, завершающим его сингулярный облик» [2, с. 238.]. В процессе замещения реальности симулякрами сама реальность как таковая перестает существовать, а человек начинает пребывать в мире превращенных форм.

Наряду с концептами превращенных форм все больше заявляет о себе концепт границы, перехода, предела. Если классическая рациональность мыслит реальность категориями «центр-периферия», то неклассическая делает акцент на границе и пограничности существования человека и его смыслов бытия. В классике то, что ближе к центру, является подлинным, образцовым, положительным, то, что оказывается на периферии – неподлинным, неправильным. С точки зрения В. А. Подороги, «в настоящее время угасает центристский синдром»; философия теряет волю к системе и силу удержания мира в одной единой ценностной модели; власть целостного знания уходит, и на повестку встает концепт ткани, сети, децентрализованной материи; единая ткань европейской мысли начинает распускаться, но по ее краям возникают новые идеи и концепты, возникают как бахрома в виде новых философских и художественных практик» [9, с.13].

Поскольку мир перестает мыслиться в категориях единства, системности и целостности, концепт границы становится реальным отражением того, что происходит уже не в центре, но на пределах, переходах и складках. Возникает и особый тип мышления – краевое мышление или мышление на границах. Причем этот край или граница не географический носит смысл, а культурный (онтологический). Характерная для классической рациональности модель вертикальной структуры сменилась в неклассике горизонтализацией в виду процессов глобализации, а сегодня уже не вертикаль и горизонталь отражают суть бытия человека, но граница.

Граница – это культурный феномен, человек как живое сознание с богатым духовным опытом стремится нарушить все нормы привычного и тем самым вырывается за его пределы. Если мир классический можно мыслить по аналогии с лабиринтом, суть которого – движение к центру, к глубине, то современный мир предполагает существование на границе, поскольку это уже не единый мир, а мир миров, а там не может быть ни центра, ни периферии. Это ситуация неопределенности, случайности, где все может случиться неожиданно, где смыслы порождаются здесь и сейчас. Это и есть со-бытийность, или существование на границе. В этом смысле границ всегда событийна, жизнь человека всегда погранична, она

конституируется не пространством территории как определенного локуса, где происходит становление и развитие человека, но на грани жизненного пространства, которое никогда не имеет четких контуров и очертаний.

Существование на границе предполагает принципиальную открытость в мире миров, где возможна многовариантность. Именно поэтому классическая геометрия с ее вертикально-горизонтальной организацией мира и человека, которая руководствуется критериями «верх-низ», «правое-левое», «вперед-назад» уже не отвечает современным реалиям. От линейной организации пространства и времени мы переходим к диагональной ломанной траектории, от линии – к ризоме или траекториям.

Человек перехода или пограничного существования превращается в культурное тело, реабилитируется его телесность как необходимое условие существования на границе. Мир человек чувствует не разумом, но телом, именно оно позволяет ориентироваться в сложном и многомерном пространстве. Тело становится своеобразным навигатором в мире миров: «на моем культурном теле я делаю зарубки, складки, раны, татуировки; от природы у меня первое натуральное тело, а в пути я строю культурное неорганическое тело, органон личности» [6, с. 79].

Таким образом, антропологический поворот XX века поставил в центр исторических перспектив самого человека, только уже не как абстрактного индивида, а как живую личность с присущими ей экзистенциальными параметрами, такими как страх, тревога, забота, ответственность, свобода, личностный выбор и т.д. Как отмечает Марков Б. В., «это поворот к новому философскому обоснованию гуманитарных и социальных наук, в котором произошла...апелляция к проблематике человека во всей его широте» [4, с. 21].

С другой стороны, выработка новой парадигмы видения человека столкнулась с непреодолимыми трудностями, вызванными прежде всего редукционизмом сути человека или к природному, или к биологическому, или к психологическому, или к метафизическому, или к культурному, или к социальному, или к инструментально-техническому. Построить целостное знание о человеке не увенчалось успехом потому, что многогранную природу человека нельзя свести к некому интеллектуальному конструкту, к заданной и уже готовой идее, «человек оказался безмерным в мире мер» [5, с. 260].

Такая ситуация правомерно ознаменовала собой необходимость поиска новых методологических оснований изучения природы человека. Нынешнюю современность можно квалифицировать как второй

антропологический поворот, цель которого – реанимировать гуманитарные смыслы человеческого существования в мире и выстроить новый вектор целостности личностного бытия человека.

Новый вектор понимания человека требует построения нового антропологического дискурса. Задача заключается не в том, чтобы выработать новые учения о человеке, а найти адекватный дискурс о человеке, выработать такой стиль мышления, позволяющих охарактеризовать существование человека на границе, поскольку пограничность и есть ныне способ бытования человека. На границе нет ничего данного самого по себе, поэтому человек мыслится как культурное тело, которое само себя воспроизводит и реконструирует духовные смыслы из самого себя.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека. / П. С. Гуревич // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Вып. 1, №№ 46-47. – С. 236-250.
3. Мамардашвили М. К. Классические и неклассические идеалы рациональности. – М.: Логос, 2004. – 240 с.
4. Марков Б. В. Антропологический поворот в философии XX в. // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995.
5. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. – СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011. – 335 с.
6. Смирнов С. А. Антропология в человекообразном мире миров / С. А. Смирнов // «Человек.RU». 2015. № 10. - С. 46-82
7. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика / В.С. Стёпин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб., 1992. – С. 20-35. 2. Стёпин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – 1989. – №10. – С 12–18. 3. Стёпин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Стёпин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
8. Стёпин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма/ В.С. Стёпин // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.
9. Философия по краям. Интервью Александра Иванова с Валерием Подорогой и Михаилом Ямпольским // Ad Marginem' 93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 9-20.

ПРИНЦИП «ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИИ: ЗНАКОВО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

Щедрина Ирина Олеговна,

канд. филос. наук, науч. сотр. автономной некоммерческой организации

«Институт логики, когнитологии и развития личности»,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сегодняшняя разрозненность естественнонаучных и социогуманитарных исследований, посвященных экологической проблематике, порождает неопределенность и противоречия в сфере экологического знания и, как следствие, в экологическом сознании общества. Методологические основания исследований такого рода либо нормативны и сводятся к формулированию правил экоповедения, либо дескриптивны, что наглядно демонстрируют современные экоисследования, касающиеся таких острых проблем, как взаимовлияния власти, экономики, урбанистики и окружающей природной среды. Принятые ныне в экологических исследованиях методологические основания эффективны, как правило, при разработке узкоспециальной, прикладной тематики. Однако, для того чтобы в современном обществе складывалось экологически-ответственное отношение к окружающему миру (в том числе, и к миру культуры), необходимо не только формулировать общие правила экологического поведения, не только описывать произошедшие экологические катастрофы, но формировать персонально-личностное, культурно-исторически ориентированное экологическое сознание. Для решения этой проблемы необходимо, чтобы современная наука учитывала фактор «человекоразмерности» – принцип, долгое время разрабатываемый В.С. Степиным; акцент в данном случае ставится на человеке-обитателе окружающего мира, причем этот акцент приобретает знаково-семиотический характер. Окружающая среда современного человека – его «природа» – это сложная конфигурация символических миров, включающих, помимо материальной реальности животных, растений, гор, долин и рек, еще и символическую реальность (нарратив, информацию, знание и т.п.). Это значит, что экология сегодня значительно расширяется: появляются новые области (информационная экология), в которых понятие «окружающая среда» приобретает символическое значение.

Ключевые слова: человекоразмерность, В.С. Степин, экология, природа, знаково-семиотический подход.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-04006 «Философско-методологическое наследие В. С. Стёпина в контексте современных исследований социокультурных рисков техногенной цивилизации».

THE PRINCIPLE OF *HUMAN-SIZEDNESS* IN MODERN ECOLOGY: A SYMBOL-
SEMIOTIC APPROACH*

Shchedrina Irina Olegovna,

PhD in Philosophy, research fellow, Institute of Logic, Cognitive Science and Personality
Development
Moscow, Russian Federation

Today's fragmentation of natural science and socio-humanitarian research devoted to environmental issues gives rise to uncertainty and contradictions in the field of environmental knowledge and, as a result, in the environmental consciousness of society. The methodological foundations of research of this kind are either normative and are reduced to formulating the rules of eco-behavior, or descriptive, which is clearly demonstrated by modern eco-research concerning such acute problems as the mutual influence of power, economics, urbanism and the natural environment. The methodological foundations currently adopted in ecological research are usually effective in the development of highly specialized, applied topics. However, in order for modern society to develop an environmentally responsible attitude towards the surrounding world (including the world of culture), it is necessary not only to formulate general rules of environmental behavior, not only to describe the environmental disasters that have occurred, but to form a personal, cultural-historically oriented ecological consciousness. To solve this problem, it is necessary that modern science take into account the factor of “human-sizedness” – a principle that has been developed for a long time by V.S. Stepin; the emphasis in this case is placed on the human inhabitant of the surrounding world, and this emphasis acquires a symbolic-semiotic character. The environment of modern man – his “nature” – is a complex configuration of symbolic worlds, including, in addition to the material reality of animals, plants, mountains, valleys and rivers, also a symbolic reality (narrative, information, knowledge, etc.). This means that ecology today is expanding significantly: new areas (information ecology) are emerging, in which the concept of “environment” obtains a symbolic meaning.

Keywords: human-sizedness, V.S. Stepin, ecology, nature, semiotic approach.

Осмысливая специфику постнеклассической рациональности как характеристики деятельности человека на основе научных стратегий, Степин предлагает особое понятие «человекоразмерных систем». Автор

* The research was carried out with support from the RFBR, project № 20-511-04006 “Philosophical and methodological heritage of V.S. Stepin in the context of modern studies of sociocultural risks of technogenic civilization”

самого термина «человекоразмерность», М. К. Петров, вкладывал изначально иной смысл и ставил акцент на научном контексте человекоразмерности (См., например: [Петров 2003]). В. С. Степин, однако, переносит человекоразмерность из сугубо научного тематического поля в область научно-природную, и расширяет ее. Он говорит уже о системах – и человекоразмерными их делает изначально включенность в них человека. Природные комплексы особого типа, такого рода объекты обнаруживаются на всех уровнях современных медицинских, биологических, экологических исследований. *«При изучении “человекоразмерных” объектов – пишет Степин – поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности»* [4, с. 87]. Обращаясь к человекоразмерности, вводя понятие «человекоразмерных систем» («человекоразмерных комплексов» или «человекоразмерных объектов»), Степин осуществляет междисциплинарный ход, погружая гуманитарную тематику в естествознание, в экологию. «Человекоразмерные» системы определяются именно гуманитарным измерением, они требуют понимания и интерпретации, что предполагает их целостное представление, последовательно выраженное в слове. И если говорить о последовательности как о секвенции, то слово приобретает временной характер и возможность быть изложенным – нарратив.

Фактически, это означает, что знание о «человекоразмерных» системах мы можем получить не только через теоремы, формулы и доказательства, но и через последовательное повествование об их мировоззренческой, культурной значимости. Нарратив как последовательное повествование может использоваться в качестве эффективного методологического инструментария для осмысления и истолкования таких систем. Разумеется, человек всегда мог рассказывать истории, писать воспоминания и автобиографии, в которых он не только описывал окружающий мир и самого себя, но и последовательно излагал, как он познает нечто, с учетом знаково-семиотического подхода в том числе. Но к науке, в классическом смысле слова, это отношения не имело. Ученые относились к такого рода повествованию как к субъективному источнику (т.н. «источники личного происхождения»). Однако, обращаясь к соотношению мира «внешнего», экологического, самого человека и его включенности в этот мир, необходимо учитывать проблематику взаимопонимания в рамках этого взаимодействия. Идет ли речь о человеке в науке [5] или о человеке в городе [3], в любом случае будет возникать

проблема «экологизации» научного познания. И экология понимается не столько как область знания о внешнем мире, но как особый методологический принцип. Когда П. П. Гайденко рассуждала о природе человеческого разума и человеческого восприятия, она подчеркнула совершенно иное, отличное от повседневного, понимание методологии экологического знания: *«Пока мы не освободимся от мысли, что смысл вносит в мир только человек (человеческое сообщество, человеческая культура), пока не вернем и природе ее онтологическое значение, каким она обладала до того, как технотронная цивилизация превратила ее в «сырье», мы не сможем справиться ни с проблемой рациональности, ни с экологическим и прочими кризисами. Ибо экологический кризис есть не только продукт индустриальной цивилизации в ее предметно-вещной форме — в виде машин, фабрик, заводов, электро- и атомных станций и т. д., — но и продукт особого, характерного для нового времени типа ментального, определяющего наше отношение к природе и понимание ее. Природа, как бы ее ни толковали, выступала в Новое время — и вплоть до наших дней — как объект (система объектов), используемый человечеством в своих целях; не только к неживой, но и к живой природе человек относился и относится не просто как хозяин и даже не просто как господин, но как преобразователь и насильник. Тезис о том, что человек приходит в мир для того, чтобы его изменить (а отнюдь не просто понять, объяснить, наконец, обжить), — выражает то отношение к миру и природе, которое все более становилось господствующим начиная с XVIII века. Сегодня, слава Богу, последствия такого мироотношения становятся очевидными даже для самых непоколебимых защитников идеи “овладения природой”»* [1, с. 17]. И пока мы не научимся понимать природу, слушать ее зов, мы не сможем считать себя разумными существами. То есть экология предстает как метод понимающего – синтетического – мышления. Природа – это особый язык, который мы должны понимать, осваивать и учиться говорить на нем с природой и между собой. Понимающее (экологическое) мышление не исчерпывается выявлением закономерностей, обобщением фактов, не ограничивается описанием отдельных случаев, собирая их в цепочки. Оно нацелено на проникновение в смыслы, позволяющее сквозь одно видеть всё. Понимающее мышление – это фактически человеческое самосознание, только взятое не само по себе, не замкнутое в персональном Я, а в «природе», в общение с которой это Я погружено. «Природа» – это наша История, в которой мы видим себя по-новому. В привычных исторических интерпретациях самосознания мы попытаемся увидеть

именно это сопряжение. И умение их понять, истолковать, интерпретировать становится жизненно-важным для современного человека. Особенно сейчас, в условиях постоянной кризисной ситуации в техногенной современности.

Обращение к нарративам, понимание их как особых символических миров, как природы, т.е. окружающей человека среды позволит персонализировать «общую» проблему экологии в рамках «человекообразных» систем, сделать ее личной для каждого; это особенно важно, поскольку таким образом в новом свете предстанет одна из ключевых задач современности – образование и формирование экологического сознания в обществе.

Список литературы

1. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Петров М.К. Человекообразность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.
3. Смирнов С.А. Человекообразность города // ПРАЕНМА. 2019. № 2(20). С. 13–32.
4. Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.И. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков. М.: Академический проект, 2017.
5. Трофимов В.В. Человекообразность как фактор гуманитаризации научно-технического знания // Научные ведомости. Философия. Социология. Право. 2014. № 22(193). Вып. 30. С. 176–178.

Оглавление

<u>Анохина В. В.</u> РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ СИНТЕЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ	2
<u>Асабина Т.Ю.</u> ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УТОПИЗМА НА СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ.....	19
<u>Атливанчик А.П.</u> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ О ЗАКОНЕ В ФИЛОСОФИИ ЛЕГИЗМА И ТОМАСА ГОББСА	23
<u>Баранкевич Н.М., Мышкевич П.С.</u> ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА В КОНЦЕПЦИИ В.С. СТЕПИНА	28
<u>Барковская А.В.</u> РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ АКАДЕМИКА В.С. СТЕПИНА В ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ.....	33
<u>Барсук И.А.</u> В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЕДИНСТВА.....	40
<u>Беляцкая Е.В.</u> ВЛАСТЬ КАК РЕСУРС ДИСПОЗИЦИИ СУБЪЕКТОВ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	48
<u>Берков В.Ф.</u> ВЯЧЕСЛАВ СТЕПИН И КАРЛ МАРКС	57
<u>Бобр А.М.</u> СТАТУС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.....	61
<u>Бордак С.Н.</u> В. С. СТЕПИН О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СИНТЕЗА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ	65
<u>Булгаков Я.А.</u> ЭКСТЕНСИОНАЛ И ИНТЕНСИОНАЛ: ПРОЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР СМЫСЛА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	71
<u>Булыго Е.К.</u> ГОРОД КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ	77
<u>Ветров В.А.</u> ЭКСПЕРТИЗА В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	83
<u>Волынец Д.М., Старжинский В.П.</u> ВАЖНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	87
<u>Воробьева С.В.</u> СИТУАЦИОННО-СЕТЕВАЯ ЛОГИКА КАК ОСНОВА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	93
<u>Врублевская-Токер Т.И.</u> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ	99
<u>Гнучих В.Б.</u> АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИСТИНЫ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	105

<u>Го Цзимао, Смоляков Д.А.</u> ФОРМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР	110
<u>Голубев В.А.</u> «ЗАСОРЕНИЕ» ЯЗЫКА КАК НЕГАТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	113
<u>Данилов А.Н.</u> ГЛАВНАЯ КНИГА В.С. СТЕПИНА «ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: СТРУКТУРА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ» В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ МИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	117
<u>Деделко Ю.В.</u> ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ	123
<u>Державина Н.Ф.</u> ЭКСПЕРТИЗА В ЭПОХУ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	132
<u>Дисько-Шуман М.Р.</u> КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	136
<u>Дождикова Р.Н.</u> ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	141
<u>Екадумов А.И.</u> КРИТИКА МОДЕРНИЗМА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКРЕТНО-ЛИНЕЙНОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ	147
<u>Зеленков А.И.</u> МИНСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАК ФЕНОМЕН НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ	152
<u>Игнатович Н.С., Сечко И.А.</u> РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ «ТЕКУЧЕЙ» СОВРЕМЕННОСТИ.....	165
<u>Ивлев В. Ю., Иноземцев В. А., Лепская Н. Д.</u> МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ДИАЛОГ ЭТНОКУЛЬТУР В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	170
<u>Каменко Д. А., Климович Т. А., Булыго Е. К.</u> ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ АНОМАЛИИ В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ.....	176
<u>Кисель Н.К.</u> СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ XXI ВЕКА	181
<u>Колядко И.Н.</u> КРИЗИС ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПАТТЕРНОВ.....	186
<u>Комаровская А.С.</u> ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ.....	192

<u>Коршунова Я.А.</u> ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СТЁПИНА	196
<u>Косенков А.Ю.</u> О ПОЗНАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ПОЗНАНИИ ТЕХНИКИ	199
<u>Курачинская Д.С.</u> ГОЛАЯ ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В КОНЦЕПЦИИ ДЖ.АГАМБЕНА	203
<u>Курбачёва О.В.</u> ЗНАЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.....	208
<u>Кучук А. А., Румянцева Т. Г.</u> И. КАНТ И М. ФУКО: ДВА ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ	214
<u>Лаптёнок А.С.</u> МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА	220
<u>Легчилин А.А.</u> СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА В.С.СТЁПИНА	225
<u>Лещинская И.И.</u> ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ В.С. СТЁПИНА	229
<u>Лойко Н.Н.</u> ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОКОЛЕНИЙ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ В.С. СТЁПИНА.....	237
<u>Лукашевич В.К.</u> ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА РЕЗОНАНСА В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ.....	242
<u>Лунская М.О.</u> МЕТАСТАТУС ФИЛОСОФИИ: МЕЖДУ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ И НАУКОЙ	246
<u>Машко М.О., Новикова О.В.</u> ФЕНОМЕН ПОЛА КАК ПРЕДМЕТ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	252
<u>Молчанов П.Ю.</u> АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.....	259
<u>Мушинский Н.Н.</u> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ И КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В.С.СТЁПИНА.....	266
<u>Навицкая П.С., Беляева Е.В.</u> ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА И С. Л. ФРАНКА	271
<u>Наливайко И.М., Жук Е.И.</u> КУЛЬТУРА И «ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ»	276

<u>Никонов А.Н.</u> КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ М.БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ БАХТИНОВЕДИЕНИИ	280
<u>Новикова М.А.</u> СТРАТЕГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ	286
<u>Новикова О.В.</u> ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕТАФОРА ПРИВАТИЗАЦИИ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ	291
<u>Обухов В.С.</u> РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ В СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	296
<u>Половинский А. А., Фрольцов В.В.</u> РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН	300
<u>Радевич Е.В.</u> СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ И ИКТ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОДИНАМИКИ	305
<u>Радченко А.Л.</u> РЕАБИЛИТАЦИЯ МЕТАФИЗИКИ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	309
<u>Рубанов А.В.</u> О ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	315
<u>Румянцева Т.Г.</u> АКАДЕМИК В. С. СТЁПИН КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ.....	319
<u>Сайганова В.С.</u> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И МИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ....	324
<u>Сарна А.Я.</u> «ИНДУСТРИЯ 4.0» КАК МОДЕЛЬ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ	330
<u>Сарычева А.В.</u> СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАГМА-ДИАЛЕКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ	335
<u>Сащико Р.С.</u> МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ.....	340
<u>Сидоренко И.Н.</u> ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ПОЗНАНИЯ.....	346
<u>Сокол М.А.</u> МОДЕЛЬ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА.....	352

<u>Старжинский В. П., Кравченко Д. В.</u> КОНСТРУКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПАРАДИГМА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ	358
<u>Стаськевич С.А.</u> ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ	363
<u>Сташис В.О.</u> ИНДИВИДУАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	368
<u>Ствольгин К.В.</u> СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПАТРИОТИЗМ И ПАЦИФИЗМ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ	372
<u>Степаненко А. И., Старжинский В. П.</u> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СТАРТАПА В ОБЛАСТИ КОСМЕТОЛОГИИ.....	378
<u>Такушевич П.В.</u> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.....	383
<u>Теплов А.С.</u> ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	387
<u>Терёхин Е.Л.</u> РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ.....	392
<u>Тимошко В.Ю.</u> ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ «СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА».....	396
<u>Томильчик Л. М., Кембровская Н. Г.</u> КОНСТРУКТИВНАЯ ПАРАДИГМА В. С. СТЁПИНА КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ ВЕРСИЙ ИСТОРИИ ФИЗИКИ	402
<u>У Цзиаци</u> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ	414
<u>Устинович К. А., Старжинский В. П.</u> СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ФЕНОМЕН ЦИФРОВИЗАЦИИ	418
<u>Филиппов М.Н.</u> МЕСТО И РОЛЬ НАУКИ В КУЛЬТУРЕ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	423
<u>Чжан Кэ</u> ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ СПОРТА.....	428
<u>Шаврова О.Г.</u> УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ЦЕННОСТЕЙ: ПРИНЦИПЫ ГИБКОГО ПОДХОДА.....	432

<u>Швайко Е.Г.</u> ФЕНОМЕН КОВАРИАЦИЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА	437
<u>Шершнёва О.А.</u> ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	443
<u>Щедрина И.О.</u> ПРИНЦИП «ЧЕЛОВЕКРАЗМЕРНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИИ: ЗНАКОВО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД*	451